РУССКІЯ МИССІИ

НА ОКРАИНАХЪ.

W 518
Ч92

1934

историко-этнографическій очеркъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе П. П. Сойкина
12, СТРЕМЯННАЯ, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 апрѣля 1900 года.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

122475-48

2007042133

Типографія П. П. Сойкина, Спб., Стремянная ул., собств. д., № 12.

ВВЕДЕНІЕ.

18 января 1901 года исполнится ровно сто лѣтъ, со дня объявленія въ Петербургѣ манифеста императора Павла I о присоединеніи Грузіи къ Россіи *). Съ этого времени Грузія потеряла свою самостоятельность, какъ отдѣльное государство; за то она пріобрѣла внутренній миръ, безопасность отъ внѣшнихъ враговъ и все необходимое для всесторонняго процвѣтанія страны подъ защитою и въ единеніи съ такою могущественною державою, какъ Россія.

Православная Россія, давно уже заботившаяся о распространеніи и возстановленіи христіанства среди различныхъ народовъ Кавказа, съ этого времени, сравнительно съ прежнимъ, пріобрѣтала болѣе возможности насаждать христіанство среди воинственныхъ сыновъ Кавказа. Къ сожалѣнію, вопросъ о миссіонерской дѣятельности русской церкви на Кавказѣ мало разработанъ въ русской церковно-исторической литературѣ, и свѣдѣнія о русскихъ миссіяхъ на Кавказѣ скудны.

Больше всего русскимъ миссіонерамъ пришлось потрудиться среди осетинъ. Съ 1745 по 1860 г. русская церковь трижды открывала миссію среди осетинъ, пока, наконецъ, осетинская миссія не была замѣнена обще-

*) Матеріалы для новой исторіи Кавказа, съ 1722 г. по 1803 г. П. Г. Буткова, ч. II, стр. 466—467.

ствомъ возстановленія православія на Кавказѣ. Поучительны судьбы распространенія и возстановленія христіанства среди осетинъ. Не мало было и ошибокъ въ этомъ дѣлѣ, особенно въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX в.; вмѣстѣ съ тѣмъ было не мало достойнаго подражанія и прославленія. Во всякомъ случаѣ, русскіе миссіонеры своею просвѣтительною дѣятельностью, казалось бы, заслужили право на прочную память среди осетинъ, но бурная жизнь горцевъ, полная тревогъ, военныхъ опасностей и приключеній, постоянно и постепенно сглаживала въ народной памяти воспоминанія о такихъ скромныхъ труженикахъ, какими были русскіе миссіонеры.

Вспомнимъ же хотя нѣчто изъ ихъ безвѣстной судьбы, что бы къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи: не остались безъ воспоминанія и эти самоотверженные труженики на пользу православія и Россіи среди горъ и ущелій Кавказа!

КАВКАЗСКАЯ МИССІЯ

(Историческій очеркъ распространенія и возстановленія христіанства среди осетинъ).

I.

Распространеніе христіанства въ вѣкъ апостольскій на Кавказѣ.—Сношенія Осетіи съ Грузіей.—Равноапостольная Нина, просвѣтительница Грузіи и Осетіи.—Тринадцать спрійскихъ отцовъ.

Кавказъ!.. Кто не знаетъ, кто не читалъ, кто не слышалъ про этотъ дивный, чудный край? Воспѣтый поэтами, описанный историками—Кавказъ извѣстенъ міру! Могъ-ли этотъ знаменитый, богато одаренный край быть лишеннымъ высшаго благословенія Божія чрезъ просвѣщеніе христіанствомъ? И дѣйствительно, хотя русская церковь учредила на Кавказѣ въ половинѣ XVIII в. миссію для возстановленія и распространенія христіанства среди различныхъ народовъ и племенъ Кавказа, но христіанство было извѣстно здѣсь даже прежде, чѣмъ была насаждена Христова вѣра въ землѣ русской.

Весьма вѣроятно, что интересъ къ ученію христіанства на Кавказѣ былъ возбужденъ еще при жизни Спасителя и тщательно поддерживался здѣсь. Вся масса народонаселенія, конечно, состояла изъ язычниковъ, но вводители и посредники христіанской религіи были евреи, которые, какъ это вполнѣ доказано, жили въ большемъ числѣ въ Арменіи и поддерживали оживленныя сношенія съ своими единовѣрцами въ Палестинѣ. Выдаю-

щійся ученый Усларъ въ своемъ сочиненіи: „Начало христіанства въ Закавказьѣ и на Кавказѣ“ приводитъ много доказательствъ въ пользу этого мнѣнія. Такой взглядъ у него основанъ на насильственныхъ выселеніяхъ израильтянъ на западъ и востокъ, происходившихъ разновременно, какъ о томъ повѣствуетъ Библія. Выселенія эти начались съ 735 г. до Р. Х., и происходили еще при Титѣ (70 г. по Р. Х.), послѣ разрушенія Іерусалима. Затѣмъ, пользуясь методомъ сравнительнаго языкознанія, Усларъ доказываетъ, что у южнаго берега Каспія находились нѣкоторыя мѣстности, о которыхъ говорится въ Библіи, заселенныя евреями, и приходитъ къ заключенію, что въ теченіе столѣтій большая часть плѣненныхъ евреевъ была поселена въ Закавказьѣ, по всей ширинѣ перешейка, начиная отъ юго-западнаго угла Чернаго моря. Весьма вѣроятно, что въ этой странѣ евреи, ожидавшіе Мессію и поддерживавшіе постоянныя сношенія съ родиною, въ которую многіе изъ нихъ и переселились, тайно исповѣдывали вѣру въ Спасителя. Здѣсь, на востокѣ, отверженные израильтяне, присоединившіеся къ новому ученію, безпрепятственно могли совершать богослуженіе по новымъ обрядамъ, въ то время, какъ на западѣ, въ Римѣ, ихъ жестоко преслѣдовали мечемъ и огнемъ. Выяснивъ эти обстоятельства, баронъ Усларъ продолжаетъ далѣе:

„Согласно церковнымъ преданіямъ, ап. Андрей и Симонъ Кананитъ проповѣдывали слово Божіе на Кавказскомъ берегу Чернаго моря, а Варѳоломей и Ѳаддей—въ Арменіи. Отсюда съ несомнѣнностью слѣдуетъ убѣжденіе, что уже въ I вѣкѣ христіанской вѣры много христіанъ находилось въ Грузіи и Арменіи, преимущественно же между тамошними евреями. Въ 100 г. по Р. Х. папа Климентъ сосланъ былъ императоромъ Траяномъ въ Херсонъ, и отсюда распространялъ христіанское ученіе между иберами (грузинами), какъ о томъ повѣствуетъ (почти современный писатель) св. Ири-

ней. Съ тѣхъ поръ въ церковной исторіи упоминается о церкви иберской" *).

Въ то время, когда христіанство распространялось въ Иберіи, еще въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Х., осетины имѣли уже постоянныя столкновенія и сношенія съ Грузіей, то какъ ея враги, то какъ ея союзники. Это давало осетинамъ возможность, хотя косвенно, знакомиться съ христіанствомъ, распространявшемся въ Грузіи. Кромѣ того, постоянныя вторженія въ Осетію римлянъ, готѳовъ, гунновъ и др. съ сѣвера, постепенно оттѣсняя осетинъ въ глубь Кавказскаго хребта, по свидѣтельству нѣкоторыхъ историковъ мѣстныхъ преданій, были причиною переселенія части осетинъ съ сѣвернаго склона горъ на южный, къ предѣламъ Грузіи, приблизительно въ началѣ III в. по Р. Х. Это переселеніе установило впослѣдствіи связь между Грузіей и Осетіей, ослабивъ прежнія враждебныя отношенія единствомъ религіи. Съ этой стороны наиболѣе замѣчательнымъ періодомъ осетинскаго прошлаго было время дѣятельности св. Нины, по распространенію христіанства на Кавказѣ. По нѣкоторымъ указаніямъ, частью историческимъ, частью косвеннымъ, заключающимся въ многочисленности древнихъ христіанскихъ храмовъ въ Осетіи, во время св. Нины христіанство распространилось не только между южными, но и между сѣверными осетинами **).

Кто же была св. Нина, распространительница христіанства и въ Грузіи и въ Осетіи?

Св. Нина родилась отъ брака нѣкоего Завалона съ Сусанною. Когда ей минуло 12 лѣтъ, она вмѣстѣ съ родителями переселилась въ Іерусалимъ. Родители ея были очень благочестивые люди, весьма преданные хри-

---

*) Живописная Россія. Т. IX, стр. 121—122.

**) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ III, стр. 200.

сті́анскому ученію; они вскорѣ разстались съ своимъ единственнымъ дѣтищемъ. Отецъ, послѣ трогательнаго прощанья съ дочерью, оставилъ ее въ Іерусалимѣ и удалился къ язычникамъ, гдѣ онъ пропалъ безъ вѣсти. По приказанію патріарха Ювенала, Сусанна приставлена была на служеніе къ нищимъ сестрамъ, а св. Нину отдали въ услуженіе и обученіе къ старицѣ Ніоѳорѣ, армянкѣ по происхожденію. Эта послѣдняя говорила ей: „Сила твоя равна силѣ львицы, ревъ которой громче рева всѣхъ другихъ четвероногихъ; ты уподобляешься орлицѣ, которая паритъ въ воздухѣ выше самаго орла; охватывая взоромъ весь міръ, она видитъ и познаетъ добычу и схватываетъ ее съ распростертыми крыльями. Вотъ твое будущее назначеніе, и я тебя научу ему. Въ грузинскомъ городѣ Мцхетѣ находится хитонъ Господа нашего Іисуса. Иди туда“. Но прежде путешествія въ Грузію св. Нина прожила нѣсколько времени въ Греціи. Здѣсь она удостоилась особеннаго небеснаго явленія и получила приказаніе „идти въ сѣверную сторону, гдѣ жатвы много, а нѣтъ дѣятелей“. На пути своемъ она пришла къ озеру Топоровань (Фаравна) въ холодную альпійскую страну, гдѣ горы даже лѣтомъ покрыты снѣгомъ. Здѣсь она прожила двое сутокъ у пастуховъ изъ Грузіи, которые сказали ей, что, слѣдуя теченію рѣки, выходящей изъ озера, она прійдетъ въ большой городъ Мцхетъ, гдѣ почитаютъ боговъ и властвуютъ цари. Во время долгого пути она увидѣла слѣдующій сонъ. Къ ней подошелъ мужъ, далъ ей книгу и сказалъ: „отнеси это къ языческому царю въ Мцхетѣ“. Онъ открылъ книгу; въ ней была печать Іисуса Христа и десять римскими буквами обозначенныхъ изреченій, которыя гласили слѣдующее:

I. Гдѣ будетъ проповѣдано евангеліе сіе въ цѣломъ мірѣ, тамъ будетъ сказано о женѣ сей.

II. Нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго, ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ.

III. Идите и научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа.

IV. Свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и слава народа Твоего Израиля.

V. Идите по всему міру и проповѣдуйте евангеліе всей твари.

VI. Принимающій васъ принимаетъ Меня, а принимающій Меня принимаетъ пославшаго Меня.

VII. Марія была возлюблена Господомъ, ибо она внимала истинѣ словъ Его.

VIII. Не бойтесь убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убить.

XI. Іисусъ говоритъ Маріи Магдалинѣ: иди къ братьямъ Моимъ и научи ихъ.

X. Проповѣдуйте всегда во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Слѣдуя по пути къ Мцхету, св. Нина должна была переходить черезъ дикія горы (Боржомское ущелье), прежде чѣмъ достигнуть Грузіи. Она пришла въ еврейскую деревню и вмѣстѣ съ жителями ея отправилась въ Мцхетъ, столицу языческаго царя Міріана и его супруги Наны. Здѣсь происходило большое празднество въ честь главнаго ихъ бога—Армаза. Тамъ стоялъ мѣдный идолъ: вправо отъ Армаза находился золотой Ганизъ, влѣво—серебряная Гаимъ. Преданіе говоритъ далѣе, что сильная буря повалила идоловъ на землю, и они разбились вдребезги; что св. Нина совершила много чудесъ; что она искала хитонъ Господень у евреевъ и нашла между ними много приверженцевъ, и что она обратила въ христіанскую вѣру первосвященника іудейскаго Авіафара, который также распространялъ новое ученіе. Нина три года прожила въ Мцхетѣ. Она исцѣлила царицу Нану отъ тяжкой болѣзни и обратила ее въ христіанскую вѣру. Вскорѣ затѣмъ и самъ царь, слѣдуя примѣру супруги, сдѣлался приверженцемъ новаго ученія.

Впрочемъ, въ Грузіи, еще слишкомъ 200 лѣтъ спу-

стя послѣ обращенія царя Мріана, сохранились идолы и жертвенники въ виду столицы, на горѣ Заденъ. Мѣстныхъ средствъ къ распространенію христіанства было, повидимому, недостаточно, и около 550 г., съ благословенія знаменитаго подвижника Симеона Столпника, въ Грузію прибыла цѣлая миссія святыхъ мужей, извѣстныхъ въ исторіи грузинской церкви подъ именемъ тринадцати сирійскихъ отцовъ. Они почитаются основателями знаменитѣйшихъ монастырей и церквей въ краѣ; они довершили дѣло, начатое мцхетскими христіанами изъ евреевъ и св. Ниною *).

Время апостольской дѣятельности св. Нины и тринадцати сирійскихъ отцовъ имѣло, конечно, благотворное просвѣтительное вліяніе на сопредѣльную съ Грузіею Осетію.

II.

Современное мѣстожительство осетинъ въ центрѣ Кавказскихъ горъ.—Сѣверная и южная Осетія.—Кавказъ—ворота народовъ.—Дарьяльское ущелье и войны за него.—Гибельное вліяніе на существованіе христіанства въ Осетіи со стороны вражескихъ нападеній и разгромовъ отъ разныхъ народовъ.—Греческіе миссіонеры въ Осетіи при Юстиніанѣ I и Юстиніанѣ II и память о нихъ среди осетинъ.

Въ настоящее время осетины живутъ почти въ центрѣ Кавказскихъ горъ. Но было время, когда они, подъ названіемъ осовъ (по грузинскимъ лѣтописямъ), ясовъ (по русской лѣтописи), алановъ (въ трудахъ византійскихъ и классическихъ писателей), занимали с.-западную кавказскую равнину, доходя до Азовскаго моря и нижняго теченія Дона. Подъ вліяніемъ нападеній разныхъ народовъ имъ пришлось потѣсниться къ долинамъ и ущельямъ Кавказскаго хребта, къ бассейну верхней Кубани и Терека. Теперь въ Терской области они занимаютъ скаты и долины Терека и его притоковъ съ лѣвой стороны—Ардона, Фіагъ-дона, Гизель-дона и Уруха,

*) Живописная Россія. Т. IX, стр. 123—4.

на югѣ расположены по рр. Большой и Малой Ліахвѣ, Ксанкѣ и др., въ предѣлахъ Тифлисской (Горійск. и Душед. уѣзд.) и Кутаисской губерніи (Рачин. уѣзд.)въ верховьяхъ Ріона. Кромѣ этого главнаго района осетинскія поселенія распространены въ сторонѣ отъ хребта по среднему теченію Терека, близъ г. Моздока, и представляютъ среди русскаго и чеченскаго населенія колонію около 4,000 душъ *).

Сама природа раздѣлила осетинъ на двѣ части: сѣвѣрныхъ и южныхъ. По рельефу мѣстности Осетія дѣлится на горную и плоскостную. Изъ числа рѣкъ, орошающихъ послѣднюю часть этого пространства, первое мѣсто занимаетъ Терекъ, а потомъ его притоки. Всѣ эти рѣчки, кромѣ Терека, въ обыкновенное время похожи на едва струящіеся ручьи, но во время таянія снѣговъ или дождей въ горахъ, онѣ прибываютъ въ нѣсколько часовъ, и тогда не только невозможна черезъ нихъ переправа, но напоръ воды такъ силенъ, что срываетъ мосты, ворочаетъ каменныя глыбы и вырываетъ съ корнемъ огромныя деревья. Такъ, рѣка Ардонъ или Ара-донъ на осетинскомъ языкѣ значетъ: бѣшеная рѣка.

Озеръ нѣтъ на этой равнинѣ, но вдоль подошвы Черныхъ горъ находится много гнилыхъ болотъ, порождающихъ злокачественныя лихорадки. Къ Осетіи до послѣдняго времени не было никакихъ дорогъ, а тѣмъ болѣе колесныхъ. Каждый самъ прокладываетъ себѣ дорогу и перевозитъ тяжести на вьюкахъ тамъ, гдѣ нельзя ихъ перевезти на арбѣ **).

Несмотря на свою неприступность, Кавказъ издревле былъ воротами народовъ.

Зачавшіяся въ роскошныхъ долинахъ азіятскихъ и африканскихъ рѣкъ, на плодородныхъ берегахъ теплыхъ

*) П. П. Надеждинъ. Кавказскій край. 2 изд. стр. 123.

**) Н. Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Кн. I. Стр. 283.

морей, древнія царства, еще на далекой странѣ исторіи, ведутъ войны съ дикими народами сѣверныхъ равнинъ черезъ тѣснины Кавказа.

По грузинской хроникѣ царя Вахтанга, первые набѣги хозаръ на закавказскія царства наслѣдниковъ баснословнаго Таргамоса начались еще задолго до Р. Х., тогда уже существовли „Морскія ворота“, называвшіяся при Вахтангѣ Даруванди (Дербентъ), чрезъ которыя и прорывались многочисленныя полчища Хозаръ. Хозары, по увѣренію Вахтанга, узнали тогда же и другой путь чрезъ Кавказскій хребетъ — Арагвскія ворота или Даріалы.

Переходъ Моисея съ евреями изъ Египта черезъ Чермное море упоминается грузинскою хроникою какъ событіе гораздо позднѣйшее (160 лѣтъ спустя).

До такой степени древними являются „Кавказскія ворота“ въ воображеніи народовъ, хотя и невозможно довѣрять этимъ баснословнымъ утвержденіямъ грузинской хроники.

Дарьялъ—это знаменитыя въ лѣтописяхъ „Кавказскія ворота“. У римлянъ и въ средніе вѣка они часто назывались „ворота Командовъ“, т. е. половцевъ. Эти кочевники хорошо поняли значеніе Дарьяльскаго ущелья, и, кочуя у сѣвернаго подножія Кавказа, постоянно старались владѣть ущельемъ, запирая по произволу путь черезъ хребетъ своимъ недругамъ, а сами всегда готовые ринуться на азіатскія царства черезъ эти ворота.

Грузинскій царь Мирванъ, жившій во II в. до Р. Х., уже засталъ въ ущельѣ ворота, преграждавшія тѣснину рѣки, и приказалъ заложить ихъ на глухо, чтобы вовсе не пропускать въ Грузію кочевниковъ и горскихъ разбойниковъ, а тутъ же надъ воротами, на одинокомъ обрывистомъ утесѣ построилъ крѣпкій замокъ, развалины котораго видны до сихъ поръ на скалѣ Тамары *).

*) Живоп. Россія. Т. IX; стр. 9—10.

За Дарьялъ велись нескончаемыя войны между народами. Половцы отнимаютъ ихъ у грузинъ, грузины у оссовъ, греки у персовъ, турки у грековъ; арабы въ VIII в. содержали въ Дарьялѣ свой гарнизонъ. Въ XIII в. монголы Чингизъ-хана силою прорываются черезъ Дарьялъ, покоряя всѣ кавказскія царства, наводняя русскую равнину.

Всегда и для всѣхъ народовъ, переходившихъ черезъ Кавказъ, Дарьялъ служилъ или воротами защиты, или воротами нападенія, въ одно и то же время ключемъ отъ Азіи и отъ Европы *).

При такомъ положеніи и значеніи Кавказа, какъ ворота для народовъ Азіи и Европы,—могла ли Осетія и ея жители остаться внѣ воздѣйствія отъ проходившихъ черезъ Кавказъ народовъ? И какому разрушительному дѣйствію должно было подвергнуться христіанство въ Осетіи, еще не окрѣпшее и не утвердившееся послѣ своего насажденія апостолами и св. Ниною, просвѣтительницею Грузіи! Вѣдь центръ Кавказа былъ постоянною ареною вражескихъ разгромовъ, нашествій и вторженій разныхъ народовъ и съ сѣвера и съ юга. Это обстоятельство было особенно неблагопріятно для развитія и даже самаго существованія христіанства въ Осетіи, тѣмъ болѣе, что эти вторженія быстро слѣдуютъ за временемъ апостольской дѣятельности св. Нины.

Такъ, въ 351 г. сѣверные варвары вторгаются въ Арменію, въ 1513 г. гунны-собиры вторгаются чрезъ Дарьяльское ущелье. Въ то же время съ восточнаго Кавказа на Осетію напирали персы, прорвавшіеся въ Дагестанъ и потомъ къ западу отъ Дарьяльскаго ущелья, завладѣвъ такимъ образомъ частью осетинскихъ земель. Кромѣ этихъ и подобныхъ имъ выдающихся фактовъ, имѣвшихъ, вообще, для христіанства Осетіи значеніе разрушительное, ея тогдашнее прошлое было наполнено

*) Ib., стр. 13.

враждою съ другими малоизвѣстными нехристіанскими народами, бродившими на сѣверномъ Кавказѣ, что въ свою очередь не оставалось безъ разрушительнаго вліянія на христіанство въ осетинскихъ ущельяхъ. И это христіанство исчезло бы, вѣроятно, до временъ царицы Тамары, если бы Осетія не подпала въ половинѣ VI в. подъ вліяніе римлянъ при Юстиніанѣ I и Юстиніанѣ II (522—556) *).

Это время не осталось безслѣднымъ для религіозной жизни и духовнаго просвѣщенія Осетіи. Память объ этихъ государяхъ до сихъ поръ жива среди осетинъ. Иначе и не могло быть, ибо дѣятельность ихъ была весьма плодотворною для дѣла христіанства въ Осетіи. Православные греческіе императоры Юстиніанъ I и Юстиніанъ II, движимые благочестивымъ чувствомъ утвердить христіанство въ Осетіи, послали сюда миссіонеровъ, которые неустанною проповѣдью слова Божія, обученіемъ дѣтей осетинъ грамотѣ и правиламъ благочестивой жизни, и также истовымъ совершеніемъ богослуженія по уставу церкви, докончили дѣло св. Нины; осетины стали креститься цѣлыми массами.

Услышавъ о такомъ успѣхѣ миссіонеровъ, греческіе императоры приняли Осетію подъ свое покровительство и не щадили средствъ на утвержденіе здѣсь христіанства; за ихъ счетъ тутъ строились храмы и монастыри, которые снабжались священными предметами, и увеличивалось число миссіонеровъ. Въ одномъ селѣ горной Осетіи (въ Галіатѣ) почти чудеснымъ образомъ сохранилась и до сихъ поръ маленькая каменная церковь съ келіями. У мѣстныхъ жителей объ этой церкви и келіяхъ существуетъ преданіе, по которому церковь эту построилъ греческій императоръ Юстиніанъ во имя семи мучениковъ Маккавеевъ, а келіи были станомъ

---

*) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. В. III. 1883 г., стр. 202—3.

для греческихъ миссіонеровъ Осетины называютъ эту церковь „Юсть-дзуара“, т. е. церковію Юстиніана, и относятся съ благоговѣніемъ какъ къ ней, такъ и къ памяти о своихъ просвѣтителяхъ. На небольшомъ разстояніи отъ Юсть-джуара на сѣверъ, по тому же преданію, похороненъ одинъ изъ греческихъ миссіонеровъ, проповѣдывавшихъ въ Осетіи, почему тамошніе жители и теперь считаютъ смертнымъ грѣхомъ пройти въ обуви между стѣною церкви и могилою миссіонера, а въ извѣстное время года, близкое ко дню празднованія церковью памяти мучениковъ Маккавеевъ, совершаютъ предъ этою церковью жертвоприношенія (рѣжутъ быковъ и овецъ), читаютъ молитвы и такимъ образомъ продолжаютъ хранить къ святынѣ далекой христіанской древности своеобразное уваженіе *).

III.

Вторженіе персовъ, арабовъ, хозаръ въ Осетію и вліяніе этихъ вторженій на христіанство среди осетинъ.—Годъ отпаденія осетинъ отъ христіанства.—Святославъ въ Осетіи.—Осетинскій царь Ордуре.—Родство осетинской царской фамиліи съ царскимъ домомъ Византіи.—Царица Тамара—жена осетинскаго князя Давида Сослана; ея просвѣтительная дѣятельность въ Осетіи и значеніе этой дѣятельности для самостоятельности Осетіи.

Со времени Юстиніановъ и до царствованія царицы Тамары Осетія подвергалась нападенію разныхъ народовъ, и эти нападенія были гибельны для христіанства въ Осетіи. Еще во времена Юстиніановъ грекамъ приходилось вести постоянныя войны съ персами, и тѣ въ своихъ походахъ на Грецію неоднократно подвергали Осетію разрушенію. А при неудачахъ грековъ персы тѣмъ свободнѣе вторгались въ предѣлы сѣвернаго Кавказа и Осетію, что ими былъ покоренъ восточный Кавказъ. Въ VIII в. христіанство Осетіи встрѣчаетъ новаго еще болѣе опаснаго и непримиримаго врага: на Кавказъ вторгаются арабы, изступленные разрушители хри-

*) Владикавказ. Епарх. Вѣд. за 1896 г., стр. 175—176.

стіанства во имя тѣхъ посулъ своей религіи, которыя такъ льстятъ человѣческой природѣ восточнаго темперамента. Шесть лѣтъ спустя, въ 728 г., происходитъ движеніе хазаръ чрезъ Кавказскія горы. Съ постепеннымъ распространеніемъ на Кавказѣ магометанскаго элемента, въ Осетіи постепенно разрушались и труды греческихъ миссіонеровъ по распространенію и поддержанію христіанства. Не встрѣчая въ послѣдующіе годы никакой поддержки къ своему сохраненію, христіанство, наконецъ, въ 931 году совершенно исчезло въ Осетіи, такъ что годъ этотъ считается годомъ отпаденія осетинъ отъ христіанства. Впрочемъ, какъ и всякое религіозное вѣрованіе, не уничтожающееся сразу, христіанство Осетіи, очевидно, исчезло только въ смыслѣ, такъ сказать, наиболѣе замѣтнаго своего проявленія, оставивъ свои слѣды въ разныхъ обрядахъ, повѣрьяхъ народа и т. п. Предположеніе это тѣмъ болѣе не безосновательно, что Осетія еще не была совершенно изолирована въ дальнѣйшей своей судьбѣ отъ вліянія элемента христіанскаго. Такъ, обособившись отъ Грузіи, своей прежней руководительницы въ христіанствѣ и сохранивши, благодаря своей живучести и воинственной энергіи населенія, нѣкоторую самостоятельность даже и въ періоды намѣченныхъ событій, Осетія скоро начала тяготѣть къ Византіи въ роли ея военной наемницы, тѣмъ болѣе, что этой роли предшествовала нѣкоторая политическая зависимость отъ нея во времена Юстиніановъ *).

Во время этого періода враждебныхъ нападеній на Осетію, осетинамъ въ 867 году пришлось выдержать и набѣгъ воинственнаго русскаго князя Святослава съ дружинами. Впрочемъ, память объ этомъ не сохранилась у осетинъ, такъ какъ вражескія нападенія на нихъ были дѣломъ обычнымъ въ ихъ жизни.

---

*) Сборникъ матеріаловъ. Вып. III, стр. 204—5.

Постоянные набѣги сосѣднихъ народовъ на Осетію долгое время не давали осетинамъ возможности сплотиться въ одно цѣлое и образовать государство. Образованію осетинскаго государства не мало препятствовало дробленіе осетинскаго племени на разнообразныя группы, отличавшіяся нерѣдко и обычаями и языкомъ. Эти различныя племенныя группы осетинъ отчасти образовались подъ вліяніемъ набѣговъ враждебныхъ народовъ, такъ какъ послѣ каждаго набѣга въ Осетіи осѣдало не мало чуждыхъ осетинскому населенію элементовъ.

Только въ XI и XII вв. Осетія мало-по-малу сплотилась въ одно цѣлое и, подъ управленіемъ царя Ордуре (1019 г.), образовала феодальное государство. Это былъ періодъ ея высшаго могущества и политическаго процвѣтанія, когда она имѣла всѣ обычныя функціи правильной государственной жизни: столицу, администрацію, судъ и т. п., „Осетинская царская фамилія“,— говоритъ д-ръ Пфафъ, изслѣдователь древней исторіи осетинъ:—„возвысилась уже настолько, что царь Карталіиіи и Абхазіи женился на дочери осетинскаго царя. Сношенія съ Византіею, укрѣплявшіяся 2—3 случаями выхода замужъ осетинокъ за членовъ царскаго дома Византіи, познакомили осетинъ съ византійскою роскошью и цивилизаціей тогдашней эпохи“. Вообще же XI вѣкъ былъ вѣкомъ наибольшаго экономическаго и политическаго процвѣтанія и благоустройства края. По словамъ Пфафа, въ Осетіи даже „тамъ и сямъ распространялась грамотность, о чемъ свидѣтельствуютъ надписи, найденныя въ развалинахъ осетинскихъ церквей“. Впрочемъ, въ виду того, что надписи эти дѣлались почти исключительно на грузинскомъ языкѣ, источникомъ такого письменнаго образованія надо признавать Грузію *).

*) Сборникъ матеріаловъ. В. III., стр. 206—207.

Но особенно памятны для Осетіи конецъ XII и начало XIII в. Въ это время знаменитая Грузинская царица Тамара вышла замужъ за осетинскаго князя Давида Сослана. Породнившись съ осетинами, Тамара во всѣхъ селеніяхъ Осетіи стала строить новыя и возобновлять старыя церкви, снабжать ихъ утварью, посылать для проповѣди духовенство въ такія мѣста (горныя высоты, недоступныя ущелья) Осетіи, куда еще мало проникло христіанство и, наконецъ, принесла въ даръ Осетіи чудотворную икону Иверской Божіей Матери, нынѣ драгоцѣннѣйшую святыню Моздокскаго Успенскаго собора. Отъ брака Давида Сослана и царицы Тамары въ 1181 году родился сынъ Георгій, восшедшій потомъ на грузинскій престолъ и продолжавшій по отношенію къ Осетіи дѣло своей матери *).

Въ этотъ періодъ Грузія снова, какъ въ дни св. Нины, является христіанской просвѣтительницею Осетіи.

Въ это время уже не было тѣхъ разрушительныхъ вторженій, которыя прежде разстраивали политическій порядокъ Осетіи; оттого въ ней могло удобно привиться новое высшее насажденіе нравственной жизни. Сношенія съ Византіею, о которыхъ было выше упомянуто не могли не отразиться на нравственномъ строѣ осетинъ и, хотя слабо, сохраняли и поддерживали въ нихъ сѣмена христіанства. Христіанскія вѣрованія осетинъ, хотя и искаженныя магометанствомъ и остатками языческихъ вѣрованій, все-же давали готовую почву для просвѣтительной дѣятельности царицы Тамары. Этимъ отчасти можно объяснить тотъ быстрый успѣхъ, который дѣлала въ то время христіанская проповѣдь и на южныхъ и на сѣверныхъ склонахъ Кавказско-осетинскаго хребта, возстановляя здѣсь въ цѣлыхъ десяткахъ церквей полузабытое служеніе Богу Живому. Этого мало христіанство могло быть введено только по формѣ, на

*) Еп. Вѣд. Владик. за 1896 г., стр. 176.

родъ могъ оставаться съ прежними вѣрованіями, но въ Осетіи возстановленіе христіанства было дѣйствительно глубоко нравственнымъ религіознымъ событіемъ, и первый весьма существенный признакъ такого значенія этого событія указывается тѣмъ блестящимъ ореоломъ популярности, искренняго, глубокаго благоговѣнія и почитанія, какимъ окружено въ памяти народа, безъ различія вѣроисповѣданія, имя царицы Тамары („Тамаръ-дэдонали“).

Въ настоящее время какъ народныя преданія, такъ и болѣе или менѣе достовѣрныя историческія данныя относятъ ко временамъ царицы Тамары не менѣе 27 храмовъ, частью сохранившихся, частью находящихся въ состояніи развалинъ, глубоко почитаемыхъ окрестнымъ населеніемъ.

Время царицы Тамары глубоко запечатлѣлось въ народной памяти, между прочимъ и потому, что Осетія стала тогда въ зависимыя отношенія къ Грузіи не только въ религіозномъ, но и въ политическомъ отношеніи, такъ какъ съ этого времени судьба южныхъ осетинъ безраздѣльно слилась въ своемъ существованіи съ судьбою Грузіи. *)

IV.

Борьба Осетіи за независимость съ Грузіею и съ татарами.—Южная Осетія подпадаетъ подъ власть Грузіи.—Оси-Багатаръ.—Его братья миссіонеры и ихъ дѣятельность по возстановленію храмовъ и построенію монастырей въ Осетіи.—Значеніе Оси-Багатара для Осетіи.—Нузальская надпись.—Св. отецъ всея Осетіи.—Смерть Оси-Багатара.

Въ то время, какъ южная Осетія подчинилась Грузіи, сѣверная Осетія, вмѣстѣ съ другими народами сѣвернаго Кавказа, была покорена татарами. Это данничество татарамъ было бѣдствіемъ для христіанства, такъ какъ съ этого времени христіанство опять стало постепенно вытѣсняться магомстанствомъ. Для осетинскихъ-

*) Сборникъ матеріаловъ. Вып. III, стр. 207—208.

же владѣльцевъ эта зависимость не была особенно тягостною, такъ какъ дала имъ возможность освободиться отъ подчиненія Грузіи.

Впрочемъ, сѣверная Осетія была не долго подъ властью татаръ. У осетинъ вспыхиваетъ борьба за независимость и съ Грузіей и съ татарами. Въ этой борьбѣ судьба южной и сѣверной Осетіи была не одинакова. Для южной Осетіи борьба закончилась полнымъ подчиненіемъ ея власти грузинскихъ феодаловъ—князей Эристовыхъ и Мачабеловыхъ, проявлявшихъ страшную жестокость къ своимъ крѣпостнымъ осетинамъ. „Богатые грузины“,—говоритъ Потто:—„стали строить въ тѣсныхъ ущельяхъ укрѣпленные замки, мимо которыхъ никто не могъ пройти безъ опасенія лишиться жизни или свободы. И эти страшные замки памятны народу доселѣ. Въ сырыхъ и мрачныхъ подземельяхъ ихъ нерѣдко длинные годы томились несчастные жертвы помѣщичьяго произвола и въ оковахъ оканчивали свое мучительное существованіе. Одинъ путешественникъ, посѣтившій такую темницу въ Ксанскомъ ущельи, видѣлъ въ ней заржавленные цѣпи, разбросанные кости и пожелтѣвшіе черепа... Это былъ ветхій остатокъ страшной, но вѣрной картины Эристовскаго управленія“. *) Порабощенная и угнетенная южная Осетія во многихъ отношеніяхъ утратила свою самобытность. Съ этого времени историческій интересъ сосредоточивается по преимуществу на сѣверной Осетіи. Здѣсь борьба съ феодалами имѣла лучшій исходъ для народа. Громадное большинство пришлыхъ изъ Грузіи феодаловъ должны были покинуть свои насиженные разбойничьи гнѣзда и удалиться изъ Осетіи; осталось только нѣсколько осетинскихъ фамилій, но и ихъ власть значительно пошатнулась. Успѣшности народной борьбѣ отчасти помогли татарскія полчища ве-

*) Терскій сборникъ. Вып. 2, кн. 2-я. Владикавказъ. 1892 г., стр. 9.

ликой орды Чингисъ-Хана, ослабившія силу Грузіи и нашедшія сообщникомъ въ лицѣ осетинъ, добровольно подчинившихся имъ, вѣроятно, изъ ненависти къ грузинскому владычеству. *)

За освобожденіемъ сѣверной Осетіи отъ зависимости по отношенію къ Грузіи и ея феодаламъ пришла пора освобожденія ея и отъ татарскаго ига. Осетія становится независимой и приходитъ въ цвѣтущее состояніе, благодаря возстановленному въ ней христіанству и подвигамъ народнаго осетинскаго героя Оси-Багатара. XIII вѣкъ навсегда останется памятнымъ для Осетіи, такъ какъ онъ былъ временемъ освобожденія, независимости и религіознаго возрожденія Осетіи. Героемъ этого періода былъ Оси-Багатаръ, которому посвящены народныя осетинскія сказанія.

Въ началѣ XIII в. въ Алагирскомъ ущельѣ родился Оси-Багатаръ, въ родѣ Гаредхановыхъ или Сахиловыхъ. Какъ самъ Оси-Багатаръ, такъ и всѣ братья его получили воспитаніе въ духѣ христіанскомъ въ Грузіи. Видя своихъ соотечественниковъ въ сильномъ угнетеніи,—южныхъ отъ грузинскихъ князей, а сѣверныхъ отъ татарской орды,—Оси-Багатаръ задумалъ освободить родину отъ тяжкаго иноплеменнаго ига; но для этого нужно было соединить сѣверныхъ и южныхъ осетинъ въ одно. Что-бы успѣть въ достиженіи намѣченной цѣли, онъ убѣдилъ своихъ братьевъ (Исаака, Романа и Василія) принять монашество и посвятить себя чисто миссіонерскому дѣлу, зная, что только христіанство свяжетъ осетинъ братскою любовію, внесетъ въ жизнь ихъ благоустройство и порядокъ, заставитъ ихъ дружно и вмѣстѣ стать подъ знаменемъ свободы, поднятомъ имъ для освобожденія отечества. Братья, вполнѣ сочувствуя планамъ Оси-Багатара, сдѣлались монахами-миссіонерами и, проповѣдуя усердно Евангеліе между сѣверными осетинами, скоро

*) Терскій Сборникъ. Вып. 2, кн. 2, стр. 9.

успѣли соединить сѣверныхъ и южныхъ осетинъ въ одно государство, возстановивъ въ сѣверной Осетіи христіанство, ослабленное давленіемъ татарской орды и сосѣдей кабардинцевъ.

Первымъ дѣломъ названныхъ миссіонеровъ-подвижниковъ было построеніе монастырей въ ущельи Цей во имя Живоначальной Троицы, развалины котораго сохранились и до сихъ поръ; другой монастырь былъ построенъ ими-же во имя архангеловъ Михаила и Гавріила въ Касарскомъ ущельи, близъ стараго замка. Вездѣ по Осетіи были возобновлены церкви, сооруженныя царицею Тамарою; духовенство, руководимое первымъ изъ указанныхъ монастырей, своимъ благотворнымъ вліяніемъ скоро залѣчило нравственныя раны Осетіи.

Возстановленію христіанства въ Осетіи съ другой стороны содѣйствовалъ и Оси-Багатаръ съ остальными своими братьями, которые, ведя частыя войны на югѣ съ грузинами, а на сѣверѣ съ татарскими ханами, совершенно очистили родину отъ враговъ, а главное—свергнули татарское иго. Оси-Багатаръ сталъ во главѣ своего народа, поддерживая господство православной религіи. Такимъ образомъ, Осетія снова сдѣлалась счастливою христіанскою страною, начала жить собственною жизнью и достигла опять значительнаго политическаго могущества. *)

Среди осетинъ сохранилось не мало сказаній объ Оси-Багатарѣ, въ которыхъ сообщаются различныя свѣдѣнія о мѣстахъ его жизни и дѣятельности. Какъ бы ни были разнообразны эти сказанія, все же нельзя оспаривать великаго значенія этого народнаго осетинскаго героя въ дѣлѣ политическаго освобожденія и религіозно-нравственнаго возрожденія Осетіи въ XIII вѣкѣ. Уже по тому одному Оси-Багатаръ имѣетъ важное зна-

---

*) Владик. Еп. Вѣд. за 1896 г., стр. 176—7.

ченіе для Осетіи, что осетинскій народъ самое наименованіе свое производитъ отъ имени этого героя.

Историческое значеніе Оси-Багатара въ прошломъ осетинскаго племени состоитъ въ томъ, что онъ былъ объединителемъ феодальныхъ группъ, которыя, враждуя до того времени между собою, тѣмъ самымъ дали возможность овладѣть Осетіею феодаламъ Грузіи. Впрочемъ, объединеніе это распространялось не на все осетинское племя, а только на центральную часть его, населявшую среднее ущелье р. Ардона съ его притоками. Здѣсь была и главная резиденція Оси-Багатара, послѣ изгнанія изъ Осетіи грузинскихъ феодаловъ-завоевателей. Многія изъ древнихъ сооруженій Ардонскаго ущелья исключительно приписываются народными преданіями Оси-Багатару. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ древней церкви одного изъ древнихъ-же поселеній Ардонскаго ущелья—Нузала существовала даже и надпись, сообщавшая нѣкоторыя свѣдѣнія объ Оси-Багатарѣ и его подвигахъ; но частью отъ времени, частью, какъ говорятъ, по умыслу, надпись эта въ настоящее время почти уничтожена. Она была снята, какъ говоритъ д-ръ Пфафъ, еще въ 20-хъ годахъ и переведенная на многіе иностранные языки, будто-бы сдѣлалось даже извѣстною въ Европѣ. *)

Вотъ содержаніе нузальской надписи Оси-Багатара:

„Мы, девять братьевъ Гареджановы и Сахиловы, Оси-Багатаръ и Давидъ Сосланъ съ четырьмя царствами боровшіеся, Фидаросъ, Джадаросъ, Сокоръ и Георгій, страшные для враговъ. Наши братья Исаакъ, Романъ, Василій сдѣлались вѣрными рабами Христа. Мы имѣемъ съ 4-хъ сторонъ пути охранные; въ Кагарскомъ ущельи замокъ, гдѣ брали плату съ путниковъ, мостовыя, ворота. Я, въ ожиданіи будущаго вѣка, жилъ здѣсь. Золотой и серебряной руды имѣемъ столько же довольно,

*) Сборникъ матеріаловъ. В. III, стр. 210.

какъ воды. Кавказъ покорилъ, съ 4-мя царствами равнялся, у грузинскаго царя сестру отнялъ, не теряя своего достоинства и обычаевъ, но онъ настигъ, нарушилъ клятву и взялъ на себя мой грѣхъ. Багатара утопили и истребилось войско Оси. Кто эти стихи будетъ читать, пусть помянетъ меня" *).

Въ блестящій періодъ дѣятельности Оси-Багатара церковными дѣлами всей Осетіи управляло одно саановное духовное лицо, которое называлось „св. отцемъ всея Осетіи". Въ 1350 году царь грузинскій Георгій Багратіонъ прислалъ Осетіи въ даръ колоколъ; на немъ существуетъ слѣдующая надпись на грузинскомъ языкѣ: „Отъ Рождества Христова 1350 года, я, сынъ великаго царя Багратіона, Георгій, дарю колоколъ сей св. отцу Осетіи, Дигоріи и Туалетіи во спасеніе моего престола и царства".

Но христіанство и теперь не долго господствовало въ Осетіи. Оси-Багатаръ, завоевавши богатыя земли въ Карталиніи, перешелъ въ Грузію и расположился въ ущельи Джерети, на берегу рѣки Куры, гдѣ онъ потомъ выстроилъ крѣпость. Умирая здѣсь, онъ оставилъ возстановленную имъ Осетію на произволъ судьбы, такъ какъ не имѣлъ по себѣ достойныхъ преемниковъ, которые бы поддержали православіе въ царствѣ **).

V.

Враги осетинъ.—Ущелья Кавказскаго хребта—мѣстожительство осетинъ.—Племенныя группы сѣверныхъ и южныхъ осетинъ.—Войны кабардинцевъ съ осетинами и причины этихъ войнъ.—Кабардинское воспитаніе осетинскихъ дѣтей.—Распространеніе русскаго вліянія и власти на Кавказѣ.

Умеръ Оси-Багатаръ, и со смертію его прекратила свое существованіе объединенная могущественная и православно-христіанская Осетія. Со всѣхъ сторонъ окру-

---

*) Сборникъ матеріаловъ. В. III, стр. 211.
**) Владик. Еп. Вѣд. 1896 г., стр. 178.

жили Осетію враги, и отовсюду съ угрозами, разрушеніями и насиліемъ несли магометанство. Татары съ сѣвера, чеченцы съ востока, кабардинцы и балкарцы съ запада снова заключили Осетію въ самыхъ тѣсныхъ границахъ и держали ее въ этомъ положеніи около четырехъ вѣковъ. Только съ юга угрожала свободѣ Осетіи христіанская Грузія. Враги выгнали осетинъ изъ предгорій и равнинъ, и тѣ поселились въ горахъ и ущельяхъ главнаго Кавказскаго хребта. Отъ ущелій, которыя занимали и занимаютъ осетины, различныя племенныя группы ихъ носятъ различныя наименованія.

Ущелья р. Уруха и его многочисленныхъ притоковъ населены Дигорскимъ обществомъ, которое раздѣляется на собственно Дигоръ и на Устъ-Дигоръ (или дальнюю Дигорію). Дигорія составляетъ первое ущелье въ Владикавказскомъ округѣ и, прилегая къ Кабардѣ, служитъ границею Осетіи съ Балкарскою областью, или южною частью Кабардинской земли, простирающейся до самаго хребта Кавказскихъ горъ. Горы, образующія это ущелье, идутъ на югъ въ извилистомъ направленіи и чрезвычайно разнообразны по виду и растительности. Потоки на каждомъ шагу бороздятъ скаты и катятся съ нихъ водопадомъ; каменные и снѣговые завалы тутъ не рѣдкость и бываютъ одинаково и лѣтомъ и зимою. Глухой шумъ въ горахъ — обыкновенный предвѣстникъ ихъ паденія.

На югъ, вверхъ по теченію Терека, по ущельямъ Ардона и его притоковъ, обитаетъ Алагирское или Валадjирское общество. Оно ограничено съ юга снѣговымъ хребтомъ, заключеннымъ между горами Стыръ и Сонгути-хогъ; съ запада прямою чертою, проходящею между горами Сонгути и Хуруха-хогъ на хребетъ Черныхъ горъ, черезъ р.р. Курушшу и Урустану, а съ востока оно прилегаетъ къ Куртатинскому обществу. Послѣднее находится въ горахъ по ущельямъ рѣкъ Суадона и Фіагъ-дона съ его притоками. Куртатинское об-

щество ограничено: съ юга — снѣговымъ хребтомъ, съ запада прямою чертою, проходящею между горами Стырьхогъ и Устюгъ и р. Ардономъ, съ сѣвера—р. Терекомъ, а съ востока Тагаурскимъ обществомъ, получившимъ свое названіе отъ Тагаурскаго ущелья, образуемаго сліяніемъ рѣкъ Пога и Кизила. Тагаурцы поселились по лѣвому берегу р. Терека, въ параллельныхъ ущельяхъ рѣкъ Саниба и Гизель-дона и ихъ притоковъ. Общество это граничитъ съ юга—снѣговымъ хребтомъ, начиная отъ р. Терека до горы Резъ (Хилякъ); съ запада прямою чертою, проходящею между горами Резъ и Табау и рѣкою Майрама-Адеге (Майремадагомъ) и Гизель-дономъ; съ сѣвера Кабардинскимъ хребтомъ, съ востока старою военною грузинскою дорогою, до Елизаветинскаго укрѣпленія, рѣкою Камбилеевкою до Владикавказа и р. Терекомъ *).

Южные осетины дѣлятся также на многія мелкія общества, носящія названіе по именамъ ущелій ими обитаемыхъ. Такъ, они дѣлятся на Ксанскихъ, Кударскихъ, Ліяхвскихъ, Гудошаурскихъ, Магладолетскихъ, Джамурскихъ и другихъ. Много осетинъ поселилось въ Мтіулетіи и Хевскомъ ущельи **).

Для Осетіи наступило тогда тяжелое и безславное время. Въ борьбѣ съ нападавшими на нее врагами и въ междоусобныхъ кровавыхъ распряхъ феодаловъ Осетія истощила свои народныя и политическія силы и подчинилась чуждому вліянію. Будучи не въ силахъ защитить свою политическую самостоятельность, Осетія не смогла отстоять и свою православную христіанскую вѣру. Подъ гнетомъ побѣдителей враговъ-магометанъ Осетія склонилась подъ иго мусульманства. Много нужды, много бѣдствій пришлось испытать осетинамъ за это время, и эти бѣдствія, слѣды которыхъ еще и

*) Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Т. I, стр. 283—4.

**) Тамъ же, стр. 287.

теперь видны въ жизни осетинъ, способны были привести Осетію къ вырожденію...

Какую печальную память за этотъ періодъ оставили по себѣ въ исторіи Осетіи кабардинцы! Много у нихъ было причинъ къ ожесточенной борьбѣ съ осетинами. Вытѣснить изъ Осетіи христіанство и насадить мусульманство, удалить осетинъ изъ равнинъ и предгорій кавказскихъ, чтобы самимъ завладѣть ихъ землею, наконецъ, по возможности подчинить Осетію своей власти и даже поглотить ее—вотъ тѣ задачи, которыя ставили себѣ кабардинцы по отношенію къ Осетіи.

Въ исходѣ XIV вѣка, въ сосѣдствѣ съ сѣверною Осетіею, появляются кабардинцы. Первое время отношенія новыхъ сосѣдей были сносны и довольно мирны. Но впослѣдствіи они испортились. Причиной распри считаютъ обыкновенно вмѣшательство осетинъ во внутреннія усобицы и неурядицы кабардинцевъ и ихъ князей. Но болѣе дѣйствительнымъ поводомъ была, вѣроятно, предгорная плоскостная земля, въ которой нуждались обѣ народности. Предгорныя пастбища навѣрно привлекали кабардинцевъ, а осетины, въ свою очередь, нуждались въ плоскости, куда бы могли перегонять свои стада на зиму. Между обоими народами вспыхнула кровавая борьба, затянувшаяся почти безъ перерыва на цѣлыя столѣтія *).

Была и другая причина вражды кабардинцевъ къ осетинамъ—чисто религіозная. Еще со времени подчиненія татарамъ Осетія подверглась вліянію магометанства. Распространяясь огнемъ и мечемъ среди народовъ Кавказа, магометанство достигло Осетіи въ ея ближайшихъ сосѣдяхъ кабардинцахъ, которые приняли его отъ своихъ политическихъ союзниковъ-покорителей, крымскихъ татаръ. Настроенные предыдущими столкновеніями съ кабардинцами къ враждебнымъ съ ними отно-

*) Терскій Сборникъ. Вып. 2, кн. 2, стр. 10.

шеніямъ, осетины встрѣтили это магометанство ожесточенѣымъ отпоромъ. Какъ племя болѣе сильное и многочисленное, кабардинцы постепенно поражали осетинъ и обращали ихъ въ магометанство. Не имѣя достаточно силъ для покоренія всего осетинскаго племени, кабардинцы тѣмъ не менѣе завладѣли почти половиною осетинской земли, распространивъ свое магометанство въ покоренномъ районѣ, и мало-по-малу начали проникать уже вглубь осетинскихъ ущелій *).

Осетія распалась на мельчайшія группы, которыя начали жить каждая своею жизнью, обычаями и вѣрованіями. Такъ напр. Дигорія, оставленная духовенствомъ подъ гнетомъ кабардинцевъ и ихъ покровителей—татарскихъ хановъ, прежде другихъ совратилась въ магометанство. Тагаурія и Куртатія отъ набѣговъ татарской орды совратилась также въ магометанство; осетины же Алагирскаго ущелья и Туалетіи, хотя по имени и остались христіанами, но, лишившись духовенства и церквей, потеряли духъ христіанской религіи. Въ это же несчастное для Осетіи время церковные документы были уничтожены; христіанскіе храмы до основанія разрушены, даже надписи съ церковныхъ стѣнъ и надгробныхъ плитъ были стерты. Только на стѣнахъ Нузальской церкви—дома Горожанова и Сахилова остались и до сихъ поръ замѣтны изображенія: на восточной сторонѣ Господа Вседержителя, на сѣверной сторонѣ—св. Дѣвы Маріи, Архангела Михаила, Сослана и Соломона и на южной—Іоанна Крестителя, Георгія Побѣдоносца и Романоза; существовавшія же надписи касательно рода Оси-Багатара сбиты молотомъ **).

Печально было и въ матеріальномъ отношеніи положеніе осетинъ, загнанныхъ кабардинцами въ горы. Осетины владѣли только ущельями горъ; вся же долина

---

*) Сборникъ матеріаловъ. 1893 г., стр. 219.
**) Влад. Епарх. Вѣд., стр. 178—9.

р. Терека находилась во владѣніи кабардинцевъ, которые спускали осетинъ съ горъ только за плату. Заключенные въ своихъ ущельяхъ, выходы изъ которыхъ были заперты, осетины были отрѣзаны отъ всего міра и одичали. Въ народной памяти еще живы воспоминанія, когда осетины не смѣли показываться на равнинѣ, страшась кабардинцевъ, не только не пускавшихъ ихъ на плоскость, но врывавшихся даже и въ ихъ горныя владѣнія. Въ обезпеченіе отъ такихъ вторженій, осетины строили башни въ устьяхъ своихъ ущелій и, въ свою очередь, не пропускали безъ платы кабардинцевъ въ горы. Отступленіе отъ этихъ условій вело къ кровавой рѣзнѣ *).

Живя въ горахъ, осетины терпѣли и терпятъ много невзгодъ и лишеній. Особенно чувствителенъ для нихъ недостатокъ въ землѣ для посѣвовъ. Вся Осетія состоитъ изъ ущелій, образуемыхъ высокими отрогами главнаго Кавказскаго хребта. Небольшія горныя равнины или, лучше сказать, плоскія возвышенности встрѣчаются въ горной Осетіи только изрѣдка и самая большая изъ нихъ не превышаетъ 50 десятинъ. Почва земли повсюду глинистая, на возвышеніяхъ желтаго, а при подошвахъ горъ коричневаго цвѣта; пахатное мѣсто, нѣсколько разъ унавоженное, принимаетъ черный цвѣтъ. Слой земли, прикрывающій каменистые кряжи горъ, не превышаетъ шести вершковъ. На передовыхъ хребтахъ Кавказа наносный грунтъ земли часто усѣянъ булыжникомъ. Въ мѣстахъ безлѣсныхъ, ближе къ главному хребту, и преимущественно по сѣверную его сторону, по ручьямъ, образующимъ р. Ардонъ, земли тверже и плодороднѣе. На югѣ же, напр. въ мѣстахъ пограничныхъ съ Карталиніею и покрытыхъ лѣсомъ, земли мягче, но менѣе плодородны. Холодный климатъ у главнаго хребта

---

*) Дубровинъ. Исторія войны и владыч. русск. на Кавказѣ, книга 1-я, стр. 284.

и значительная возвышенность земель этой части Осетіи не дозволяютъ дѣлать никакихъ посѣвовъ: тамъ трава растетъ только съ мая по сентябрь.

Съ пониженіемъ мѣстности и съ удаленіемъ ущелій отъ снѣговыхъ вершинъ, суровость климата постепенно смягчается. Кромѣ того, климатическія условія въ такихъ мѣстахъ зависятъ отъ направленія ущелій, и оттого, до какой степени онѣ закрыты отъ сѣверныхъ и доступны для южныхъ вѣтровъ *).

Лѣто, продолжающееся не болѣе трехъ мѣсяцевъ, такъ коротко, что хлѣбъ не зрѣетъ. Едва только взойдетъ солнце, какъ погружается въ багровый туманъ — предвѣстникъ сильной стужи. Мятели и непогоды свирѣпствуютъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ. Осень ужасна, и самая весна принимаетъ видъ мрачной осени; потому-то, куда ни обратишь взоры, вездѣ встрѣчаешь однѣ льдины, покрывающія вершины черныхъ скалистыхъ горъ и всю окрестность, занесенную сугробами глубокаго снѣга **).

Малая производительность почвы большей части горной Осетіи довела населеніе до крайней бѣдности. Осетины всегда терпѣли недостатокъ не только въ предметахъ, которыхъ не было въ собственной странѣ, напримѣръ соли, но даже въ насущномъ хлѣбѣ. Земля, удобная для хлѣбопашества и до сихъ поръ имѣетъ неслыханную цѣну: стоитъ того животнаго, которое можетъ на ней помѣститься. Кусокъ земли, который займетъ лежащая корова, цѣнится въ корову; другой въ овцу и проч. ***).

Тѣснясь въ горахъ, осетины стали терпѣть страшныя бѣдствія. Періодъ осетинской исторіи послѣ XIV столѣтія въ общемъ представляетъ собою картину медленнаго вырожденія племени отъ скудной бѣдственной жизни.

*) Дубровинъ, кн. 1-я, стр. 284—5.
**) Іb., стр. 285—6.
***) Дубровинъ, кн. 1-я. стр. 287.

Нужда привела къ обычаю вытравливанія матерями плода, истребленію дѣтей, продажѣ ихъ въ рабство и т. п.

Находясь въ такомъ положеніи, осетины не могли остаться христіанами; тѣмъ болѣе, что кабардинцы брали на воспитаніе осетинскихъ дѣтей. Кабардинское же воспитаніе заключалось въ сообщеніи осетину понятій о кабардинскомъ этикетѣ, въ знаніи правилъ верховой ѣзды, въ наученіи смѣло совершать похищенія, участвовать въ набѣгахъ на христіанъ и т. д. Все молодое поколѣніе осетинъ стремилось тогда въ Кабарду для изученія языка и кабардинскаго этикета, и, такимъ образомъ, кабардинцы почти окончательно уничтожили авторитетъ христіанской религіи въ Осетіи. Принявъ отъ кабардинцевъ ихъ нравы и обычаи, осетины скоро забыли христіанство настолько, что дѣтей стали называть кабардинскими или татарскими именами, вродѣ Татаркана, Магомета, Ельмурзы, Джены, Хаджимуссы, Керимъ-хана, Насынъ-хана и т. п. *).

Окончательному покоренію Осетіи кабардинцами, вмѣстѣ съ тѣмъ полному уничтоженію въ ней христіанства помѣшали событія въ тылу кабардинцевъ, отвлекшія ихъ вниманіе и силы къ сѣверу, гдѣ, въ холодной туманной дали, для Кавказа уже началъ вырисовываться неясный силуэтъ русскаго могущества.

Въ половинѣ XVI в. соплеменники кабардинцевъ, побѣдителей осетинъ,—жители окрестности горы Бештау признали подъ собою владычество Іоанна Грознаго. Этотъ шагъ русской власти къ Кавказу, устранивъ вліяніе крымцевъ на равнинахъ сѣвернаго Кавказа и нарушивъ систему распространенія кабардинскаго элемента, бывшаго въ союзничествѣ съ крымскимъ, собственно для осетинъ послужилъ какъ бы началомъ спасенія ихъ отъ полнаго подчиненія кабардинцамъ. Война осетинъ съ

*) Владик. Еп. Вѣд. за 1896 г., стр. 180.

кабардинцами продолжалась, но кабардинцы, потерявъ прочную точку опоры въ поддержкѣ крымцевъ, съ вмѣшательствомъ въ дѣла Кавказа русскихъ, и отчасти ослабѣвъ отъ другихъ обстоятельствъ въ политической жизни своего племени, въ своихъ завоевательныхъ посягательствахъ на Осетію уже не шли дальше безпрерывной блокады ея горныхъ ущелій. Такимъ образомъ, на равнинахъ и предгорьяхъ Осетіи въ XVI и XVII вв. жители ея сдѣлались магометанами и данниками Кабарды; населеніе же горныхъ ущелій, запертое, какъ въ осажденной крѣпости, кабардинскими наѣздниками, влачило хотя и самостоятельное, но бѣдственное существованіе съ матеріальной нуждой и военными опасностями. Это населеніе, хотя смутно, но еще помнило христіанскаго Бога, почитало древніе христіанскіе храмы, сохраняя ихъ отъ разрушенія и совершая вблизи нихъ во имя христіанскихъ святыхъ, отъ которыхъ остались въ памяти народа одни только имена, языческія жертвы и языческіе обряды. Оно помнило, какъ помнитъ даже и теперь, имя своей ближайшей по времени христіанской просвѣтительницы Тамаръ-дэдопали, можетъ быть, даже и имя своего временнаго христіанскаго покровителя Юстиніана, если только названіе одного древняго храма въ Осетіи — Юсъ-дзуаръ оправдываетъ такое предположеніе. Можетъ быть, это горное населеніе съ этими именами соединяло и ожиданіе какой-нибудь помощи или изъ страны Тамаръ-дэдопали (Грузія), или изъ страны Юса; но помощи не было. Страна Тамаръ-дэдопали, отдѣльная отъ нихъ хоть и высокими, но не недоступными въ своихъ вершинахъ горами для крѣпконогаго горца, сама въ это время была на краю гибели, въ положеніи мало отличавшемся отъ положенія Осетіи. Изъ страны Юса, куда ходили ихъ дѣды и отцы, какъ наемная военная сила, помощи ждать было также нельзя: ее еще болѣе, чѣмъ кабардинцы Осетію, разгорили до-тла свирѣпые турки.

Страна Тамаръ-дэдопали въ это время, какъ сказано, сама была на краю гибели, сама искала помощи: въ 1586 г. кахетинскій царь Александръ II искалъ покровительства у царя Ѳеодора Іоанновича. И эта русская помощь, если не для личныхъ интересовъ враждовавшихъ между собою владѣтелей Грузіи, то вообще для спасенія христіанскаго нравственно-человѣческаго элемента на историческомъ Кавказѣ, эта русская помощь уже приближалась. Въ 1587 г. она уже прочищаетъ себѣ дорогу и къ Кавказскимъ горамъ-твердынямъ, къ Грузіи и Осетіи сначала построеніемъ Терскаго города, при устьѣ Терека, затѣмъ экспедиціей кн. Хворостина, для разоренія Шамхальской столицы Тарковъ и постройки Кожанскаго острога, который потомъ въ 1604 г. замѣненъ крѣпостью Тарками. Съ XVII столѣтія начинается рядъ фактовъ поступательнаго движенія на Кавказъ русской силы, вызывавшійся также цѣлымъ рядомъ просьбъ о помощи и покровительствѣ со стороны грузинскихъ царей: въ 1618 г. царя Теймураза I, въ 1621 г. Георгія III, царя Имеретіи, и Мамія II, владѣтеля Гуріи, въ 1636 г.—мингрельскаго Дадіана Левана II. Въ 1639 г. царь Теймуразъ I призналъ надъ собою власть царя Михаила Ѳеодоровича, а въ 1650 г. царь Имеретіи Александръ присягнулъ на подданство Россіи. Съ поселеніемъ на р. Терекѣ стрѣльцовъ и казаковъ съ Дона въ 1658 г., съ покореніемъ Дербента въ 1722 году, и, наконецъ, съ принятіемъ въ подданство Россіи кабардинскихъ князей въ 1732 г. начинается уже періодъ положительнаго властнаго вліянія Россіи на дѣла Кавказа *).

---

*) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 3-й, стр. 219—222.

VI.

Распространеніе русскаго вліянія на Сѣверномъ Кавказѣ и значеніе этого событія для кабардинцевъ, осетинъ и Грузіи.—Религіозная связь Осетіи съ Грузіей.—Архіепископъ грузинскій Іосифъ и его ходатайство предъ Сунодомъ.—Осетинское подворье.—Прибытіе русскихъ миссіонеровъ въ 1745 г.—Переименованіе „Осетинскаго подворья“ въ „Осетинскую духовную коммиссію“.—Русскія поселенія по Тереку.—Форпостъ въ Моздокѣ.—Протестъ Порты противъ осетинскаго подворья.—Католическіе миссіонеры въ Осетіи.—Первые начальники „Осетинской коммисіи“.—Штатъ коммисіи.—Разореніе Осетинскаго подворья.

Приближеніе русскихъ къ предѣламъ Осетіи было весьма важнымъ событіемъ для всего Кавказа, не только въ политическомъ, но и въ религіозномъ отношеніяхъ. Кабардинцы, вѣковые враги осетинъ, должны были озаботиться вопросомъ о собственной безопасности и прекратить свои завоевательныя притязанія на Осетію. Что касается Грузіи, то связь и дружественныя сношенія, установившіяся между Россіей и Грузіей, прежде всего отразились на оживленіи въ Грузіи христіанскаго элемента. Христіанство, придавленное и угнетенное до этого персидскимъ и татарскимъ магометанствомъ, по мѣрѣ приближенія русской власти къ Кавказу, мало-по-малу начало освобождаться отъ гнета враговъ и пріобрѣтать условія свободнаго распространенія и обновленія среди обывателей Закавказья и народовъ, жившихъ съ осетинами въ большей или меньшей политической и религіозной солидарности *).

Съ этого времени для христіанства въ Осетіи наступаетъ заря новой жизни. Русское правительство, при ближайшемъ знакомствѣ съ осетинами, съ ихъ религіозно-общественнымъ строемъ жизни, не могло не обратить вниманія на полнѣйшій упадокъ христіанства въ Осетіи. Хотя нѣкоторые изъ нихъ еще продолжали называть себя христіанами, но едва-ли можно было признать ихъ за христіанъ: такъ много было у нихъ суевѣ-

*) Сборникъ матеріаловъ. Вып. 3, стр. 224.

рій, языческихъ обрядовъ и обычаевъ. Суевѣрія и языческіе обычаи тѣмъ легче могли распространяться среди нихъ, что уже не было священниковъ, которые бы своею жизнью и словомъ проповѣди могли содѣйствовать поддержанію среди нихъ христіанства. Правда, временами еще приходили къ нимъ изъ Грузіи священники; но дѣятельность ихъ была направлена не столько къ распространенію и утвержденію христіанства среди осетинъ, сколько къ собиранію съ нихъ доброхотныхъ пожертвованій.

Все же это говорило за то, что между Грузіею, древнею просвѣтительницею осетинъ, и Осетіею, сильно омусульманившеюся, еще не совсѣмъ порвалась религіозная связь. Вѣроятно, посѣщавшіе Осетію грузинскіе священники довели до свѣдѣнія высшаго грузинскаго духовенства о крайнемъ упадкѣ христіанства въ Осетіи. Слѣдствіемъ этого было то, что грузинскій архіепископъ Іосифъ въ концѣ первой половины XVIII в. вошелъ съ ходатайствомъ въ Св. Правительствующій Сунодъ, въ которомъ указывалъ на необходимость озаботиться возстановленіемъ православной вѣры среди осетинъ. Къ сожалѣнію, у грузинскаго духовенства не было средствъ на учрежденіе и содержаніе миссіи среди осетинъ, а у русскаго духовнаго правительства не было лицъ, подготовленныхъ къ этому трудному, важному и отвѣтственному дѣлу. Нѣкоторые изъ грузинскихъ духовныхъ лицъ изъявили согласіе принять на себя дѣло миссіонерства среди осетинъ. Русское правительство предложило имъ охрану и нѣкоторое опредѣленное содержаніе. Такъ, благодаря совмѣстнымъ заботамъ грузинскаго духовенства и содѣйствію высшаго свѣтскаго и духовнаго русскаго правительства, на Сѣверномъ Кавказѣ учреждено было особое миссіонерское общество подъ именемъ „Осетинскаго Подворья“, которое имѣло своею цѣлью возстановленіе и распространеніе христіанства среди осетинъ и ингушей.

1774 годъ, къ которому обыкновенно относятъ учрежденіе „Осетинскаго Подворья“ *), долженъ навсегда остаться достопамятнымъ годомъ въ исторіи христіанской Осетіи. Съ этого времени и до настоящихъ дней со стороны русскаго правительства и духовной власти проявлялись и проявляются постоянныя и неусыпныя заботы въ дѣлѣ утвержденія христіанства въ Осетіи.

„Осетинское Подворье“ первоначально было основано въ Кизлярѣ и состояло изъ грузинскихъ духовныхъ лицъ. Вскорѣ на помощь грузинамъ-миссіонерамъ и для приготовленія подъ ихъ руководствомъ способныхъ миссіонеровъ изъ русскихъ присланы были на Кавказъ русскіе миссіонеры. Впервые русскіе миссіонеры прибыли на Кавказъ въ 1745 году. Такъ какъ въ Кизлярѣ былъ комендантъ и тамъ-же сосредоточены были русскія войска, поэтому вполнѣ естественно, что миссіонерское общество на первыхъ порахъ постояннымъ своимъ мѣстопребываніемъ имѣло г. Кизляръ. Впрочемъ, въ виду своихъ миссіонерскихъ цѣлей и дѣятельности, оно, вѣроятно, имѣло не одно мѣстожительство, а нѣсколько; изъ этихъ мѣстопребываній „Осетинскаго Подворья“ впослѣдствіи особенно выдѣлился г. Моздокъ, хотя уже и на первыхъ порахъ онъ былъ своего рода центромъ миссіонерства „Осетинскаго Подворья“.

Осетины и, вообще, туземцы, принявшіе христіанство, переселяясь въ Моздокъ, кромѣ пріюта и защиты отъ враговъ, получали по 20 рублей на первоначальное обзаведеніе. Еще большее значеніе имѣлъ Моздокъ для туземцевъ-холоповъ: стоило только такому холопу, тя-

---

*) Учрежденіе «Осетинскаго Подворья» относятъ къ 1744 г. П. Г. Бутковъ (въ «Матеріалахъ для новой исторіи Кавказа»), Д. Лавровъ (въ «Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа»), свящ. А. Гатцевъ (въ «Владик. Еп. Вѣд.» за 1896 г.); къ 1745 г.—П. П. Надеждинъ (въ «Кавказскомъ Краѣ»); прот. П. Смирновъ (въ «Исторіи хр. церкви»); къ 1746 г.—П. Знаменскій въ «Руководствѣ къ Русской Церковной Исторіи).

готявшемуся своею неволей, явиться въ Моздокъ, принять христіанство,—и онъ дѣлался свободнымъ. Подобные случаи были особенно благодѣтельны для осетинъ, такъ какъ ихъ было не мало въ неволѣ у кабардинскихъ владѣтелей. Эти холопы-осетины въ большинствѣ представляли добычу кабардинскихъ наѣздниковъ, захваченную во время ихъ вторженій въ осетинскія поселенія. Впрочемъ, возбудивъ со стороны кабардинскихъ холопо-владѣльцевъ жалобы и неудовольствія, означенные случаи спасенія холоповъ отъ рабства стали впослѣдствіи обставляться все большими и большими затрудненіями. И все-же, благодаря означеннымъ условіямъ, въ Моздокѣ почти въ одинъ годъ существованія миссіонерской дѣятельности было болѣе 200 новокрещенныхъ поселенцевъ *).

Не малое значеніе имѣлъ для миссіонеровъ и Кизляръ. „Въ 1747 г. предписано пріѣзжающимъ въ Кизляръ изъ осетинскаго народа, которые, принявъ крещеніе, пожелаютъ возвратиться въ свои жилища, давать въ награжденіе знатнымъ по 20 рублей, а прочимъ—кормовыя деньги; принимать ихъ въ россійское подданство, и обрѣтающимся въ Осетіи духовнымъ персонамъ производить жалованье и на покупку для раздачи въ Осетіи холста и прочаго 500 рублей“ **).

Для огражденія Осетіи отъ пропаганды въ ней католицизма въ томъ-же 1747 году „дано повелѣніе въ Кизляръ, чтобы скитающихся въ Персіи римскихъ поповъ и капуциновъ въ россійскія границы не пропускать“ ***).

„Въ томъ-же 1747 году пріѣзжалъ въ Кизляръ изъ Осетіи архимандритъ грузинскій Пахомій, и въ 1751 г. былъ онъ съ осетинскими старшинами въ С.-Петербургѣ, и тамъ 1752 года дано ему на раздачу убогимъ

*) Сборникъ матеріаловъ. Вып. 3, стр. 226.

**) Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа. Ч. 1, стр. 266—7.

***) Тамъ-же, стр. 270.

осетинцамъ крестящимся холста на рубашки 500 рублей, самому ему опредѣлено окладное жалованье. Онъ учиненъ начальникомъ такъ названной Осетинской коммисіи, и въ томъ-же 1752 году отпущенъ онъ въ Осетію съ причетниками и старшинами, отъ двора одаренными. Сверхъ того позволено имъ купить въ Россіи серебряной посуды, ружей и прочаго на нѣкоторую сумму и вывезти изъ Россіи“ *).

Такимъ образомъ, въ началѣ второй половины XVIII столѣтія, около 1752 г., миссіонерское общество „Осетинское Подворье“ было переименовано въ „Осетинскую Духовную Коммисію“.

„Въ 1756 году, въ показаніи къ новокрещеннымъ осетинцамъ Высочайшей милости повелѣно, присылаемымъ отъ нихъ въ Кизляръ и Астрахань для дѣлъ ихъ давать изъ казны кормовыя деньги: старшинамъ по 10, а рядовымъ каждому по 3 копѣйки на день; а которые будутъ пріѣзжать для продажи своего скота и прочаго купечества, и тѣхъ отъ обыкновенныхъ пошлинъ увольнять, а вмѣсто ихъ брать пошлины съ россійскихъ купцовъ, купившихъ у нихъ товары; отъ нихъ же въ замѣну того требовать возвращать россійскихъ плѣнныхъ, когда они къ нимъ попадутся. Пошлинъ съ вещей для употребленія къ церковному строенію и для расхода при церквахъ съѣстныхъ и прочихъ припасовъ, по указу 1758 года, брать не велѣно, но во взиманіи-же пошлинъ съ холста, соли и прочаго потребнаго на собственныя нужды, или товаровъ, указами 1756, 1558 и 1760 годовъ, повелѣно поступать съ осетинцами, какъ предписано о прочихъ горцахъ“.

Въ 1761 году предписано: на дорожный проѣздъ изъ Кизляра Осетинской коммисіи архимандрита Пахомія и прочихъ духовныхъ лицъ давать въ конвой казаковъ,

---

*) Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа. Ч. 1, стр. 267.

и для сохраненія въ самой Осетіи духовныхъ, церквей съ ихъ утварью и прочаго къ коммисіи принадлежащаго содержать въ Осетіи караулъ *).

Но что могъ значить этотъ караулъ, когда осетины со всѣхъ сторонъ были окружены врагами, а члены миссіи нерѣдко одновременно предпринимали свои миссіонерскія путешествія?

Въ томъ-же 1761 году кабардинскіе владѣльцы нанесли обиды, разореніе и въ крещеніи помѣшательство духовнымъ персонамъ и осетинскому и киштинскому народу **).

Въ заботахъ о возобновленіи христіанства въ кавказскихъ горахъ, было обращено вниманіе и на аманатовъ (=заложниковъ) кумыкскихъ и кабардинскихъ, содержащихся въ Кизлярѣ. „Въ 1763 году предпринято во время содержанія ихъ въ Кизлярѣ, стараться искуснымъ образомъ отводить ихъ отъ варварскихъ нравовъ, вселять въ нихъ людскость и лучшее обхожденіе, доводя ихъ до того, чтобы они часто обращались съ россіянами, и дабы они россійскаго языка и грамотѣ обучались, и призывать ихъ въ торжественные дни къ столу. Подлинно изъ аманатовъ владѣлецъ Девлетъ-Мурза-Хасхевъ и уздень Шибезъ-Гирей Куденетовъ въ кизлярскихъ школахъ обучались и знали россійской грамотѣ читать и писать“ ***).

Стремясь распространить свое вліяніе на Кавказѣ, русскіе стали заботиться о заселеніи береговъ Терека. Въ этомъ естественно видѣли надежную опору для упроченія русскаго владычества на Кавказѣ, а равно желательную помощь со стороны возможнаго русскаго населенія дѣлу миссіонерства среди кавказскихъ племенъ и

---

*) Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа. Ч. 1. стр. 267 — 8.

**) Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа. Ч. 1, стр. 268.

***) Тамъ-же.

народовъ. По видамъ и предположеніямъ правительства этому дѣлу значительное содѣйствіе должны были оказать принимавшіе христіанство туземцы, что отчасти и, осуществилось на дѣлѣ.

Въ 1762 году „при императорѣ Петрѣ III послѣдовало распространеніе селеній россійскихъ у Кавказа вверхъ по Тереку. Помышляемо было даже о возобновленіи крѣпости на Сулакѣ. Оныя селенія предположено населить изъ осетинцевъ, кистовъ, кабардинцевъ (ибо Малой Кабарды владѣльцы были уже давно утѣсняемы отъ Большой Кабарды) и другихъ народовъ тамошнихъ, обращающихся въ христіанство, также армянъ и грузинъ. Виды были кромѣ пользы края воспользоваться примѣченнымъ въ горахъ тамошнихъ изобиліемъ дорогихъ металловъ, о чемъ еще князь Александръ Бековичъ Черкасскій Петру I доносилъ. О семъ данъ указъ Сенату 20 генваря.

„Къ заведенію селеній опредѣленъ подполковникъ Гакъ.

„Владѣлецъ Малой Кабарды Кургока Канчокинъ, принявъ въ С.-Петербургѣ святое крещеніе съ женою и дѣтьми и будучи нареченъ Андреемъ Ивановымъ и получивъ чинъ подполковника, съ жалованьемъ и позволеніемъ именоваться княземъ Черкесскимъ-Канчокинымъ, вызвался съ частью своихъ подвластныхъ (до 40 дворовъ) сдѣлать начало поселенію, и онъ избралъ оное въ урочищѣ Моздокѣ. Посему, въ 1763 г. устроенъ здѣсь Форпостъ, построены изъ казны одинъ домъ для князя Канчокина, другой для Гака; сооружена изъ казны деревянная церковь съ утварью, съ опредѣленіемъ священника и діакона“ *).

Со дня учрежденія „Осетинскаго Подворья“ и до времени устройства русскихъ поселеній по Тереку и Форпоста въ Моздокѣ прошло 18 лѣтъ. Можно уже

*) Бутковъ. Матеріалы. Ч. I, стр. 516.

было подвести нѣкоторые итоги этой дѣятельности, указать ея недостатки, изыскать средства для улучшенія дѣла миссіонерства среди осетинъ.

„Устройство Осетинской коммисіи, по обращенію осетинцевъ и ингушевцевъ въ христіанство, бывъ въ рукахъ грузинскихъ духовныхъ, мало приносило пользы. Хотя съ немалаго времени подъ распоряженіемъ Св. Сѵнода происходитъ проповѣдь христіанскаго закона въ осетинскомъ и ингушевскомъ народахъ, но сіе худой успѣхъ имѣло отъ грузинскихъ духовныхъ. Почти всѣ бывшіе въ кизлярской сторонѣ начальники единогласно предъявляли, что не предполагаютъ въ томъ ни малѣйшей пользы и прочности, по причинѣ грубаго и дикаго сихъ людей состоянія, и неспособности ихъ понимать христіанскія истины и приступать къ онымъ со внутреннимъ удостовѣреніемъ. Они крестились, по большей части, изъ корыстолюбія, для опредѣленнаго на такой случай снабдѣнія, и оставались потомъ въ прежнемъ своемъ нечестіи и своевольствѣ, какъ неподручные къ здѣшнему за ними всегда смотрѣнію Временные-же къ нимъ здѣшнихъ священниковъ пріѣзды, иногда съ опасностію соединенные, не могутъ къ тому достаточны быть, чтобы утвердить ихъ въ общемъ благоустройствѣ; а всѣ другія мѣры означали бы уже ихъ къ нашей сторонѣ непосредственное присвоеніе; но тѣмъ кабардинскіе владѣльцы, кои ихъ своими подчиненными называютъ, были-бы напрасно огорчены и, можетъ быть еще и больше, и наконецъ, изобрѣли-бы затрудниельствъ въ теченіи проповѣди, и произвели-бы нужду совсѣмъ отъ оныхъ людей отступиться; не стоятъ они въ настоящемъ своемъ состояніи употребленія великихъ усилій.

„Такимъ образомъ видимъ изъ сего, что нѣтъ лучшаго способа по обстоятельствамъ осетинцевъ и ингушевцевъ и прочихъ горцевъ учинить ихъ прямыми христіанами и къ здѣшней сторонѣ приверженными, какъ просвѣщеніемъ изъ нихъ молодыхъ людей.

„Въ семъ разсужденіи Высочайше конфискованъ 27 сентябрѣ 1764 г. докладъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и потому заведена въ Моздокѣ особливая школа для преподаванія обученія новокрещеннымъ осетинскимъ дѣтямъ закона христіанскаго и россійской грамотѣ, съ опредѣленіемъ на каждаго ученика на пищу и платье и учителю по 2 рубля на мѣсяцъ. Учрежденіе и управленіе оной школы поручено астраханскому губернатору и кизлярскому коменданту.

„Находящійся въ Моздокѣ подполковникъ Гакъ получилъ въ 1765 г. предписаніе о скорѣйшемъ заведеніи оной школы; о поспѣшномъ построеніи для оной въ Моздокѣ деревяннаго дома, гдѣ бы могли жить учители и ученики, и о пріисканіи въ учителя искусныхъ людей, особливо знающихъ горскіе языки. Все то исполнено и въ учители опредѣленъ къ осетинскій школѣ дьячекъ Романовъ, и всегда потомъ находились въ учителяхъ дьяконы и дьячки.

„Въ 1767 году постановлено, чтобъ школьниковъ на нѣкоторое время отпущать въ домы родительскіе и дѣтей старшинскихъ учащихся въ школѣ содержать противъ прочихъ съ нѣкоторою отмѣною, употребляя на содержаніе ихъ до 4 рублей въ мѣсяцъ.

„Скоро, однако, примѣчено, что корыстолюбивые отцы сихъ дѣтей и родственники, пріѣзжая въ Моздокъ, отбирали даемое имъ жалованье и оставляли ихъ въ крайней бѣдности, безъ рубахъ, безъ обуви“ *).

Какъ ни малы были успѣхи дѣятельности „Осетинскаго Подворья“ и „Осетинской Духовной Коммиссіи“, все же эта дѣятельность обратила на себя вниманіе турецкаго правительства и католическихъ миссіонеровъ.

„Порта, по домогательству Большой Кабарды владѣльцевъ, протестовала формально 1764 г. по причинѣ

*) Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа. Ч. I, стр. 268—70.

того подворья“ *). А въ 1765 году „явилось на Осетинское Подворье“ къ игумену Григорью съ кистинскимъ старшиною два католицкихъ патера и одинъ переводчикъ, что они имѣютъ отъ папы позволеніе проповѣдывать слово Божіе. Полковникъ Гакъ, начальникъ въ Моздокѣ, приказалъ не допускать ихъ къ проповѣди и водворенію въ Осетіи; а между тѣмъ, донесъ о семъ обстоятельствѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Указомъ ея отъ 29 августа того года кизлярскому коменданту генералъ-маіору Потапову поступокъ Гака аппробованъ; предписано и впредь иновѣрныхъ проповѣдниковъ стараться удалять, и развѣдать, откуда пріѣхали, и не тѣ ли они, которые въ 1756 г. были въ Астрахани два капуцина Францискъ-Маріа и Сотеръ, на коихъ были отъ армянскаго архіерея многія жалобы въ томъ, что обращаютъ армянъ въ католицкій законъ. Оба тогда же высланы изъ Россіи; но капуцинъ Сотеръ въ 1758 г. чрезъ Гданскъ моремъ опять сюда прокрался и вторично выслань. Точно ли были тѣ самые патеры, не получено извѣстія. Развѣдано только, что они пріѣзжали изъ Ахалциха, подъ видомъ купцовъ, для обозрѣнія кистинскаго народа и православной церкви у нихъ, построенной при рѣкѣ Балсу, и когда увидѣли въ предпріятіи своемъ препятствіе, то уѣхали обратно **).

Въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ существованія „Осетинской Духовной Комиссіи“ во главѣ ея стояли архимандриты изъ грузинъ, на жалованьѣ отъ Св. Сунода. Первымъ начальникомъ „Осетинской Духовной Коммиссіи“ былъ архимандритъ Пахомій до 1865 года; преемникомъ его былъ игуменъ Григорій, произведен-

---

*) Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа. Ч. I, стр. 437—8.

**) Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа. Ч. I, стр. 437—8.

ный въ 1767 г. въ архимандриты. Послѣ Григорія, съ 1770 г. начальникомъ „Осетинской Коммиссіи“ былъ грузинскій архимандритъ Порфирій.

„При архимандритѣ Пахоміи содержаніе „Осетинской Коммиссіи“ составляло ежегодно 1,300 руб. Въ 1765 г., по смерти его, положено отъ Сунода посылать туда архимандрита изъ россійскихъ духовныхъ и опредѣлить ему жалованья 500 р., да 30 четвертей хлѣба; двумъ іеромонахамъ каждому по 200 руб., бѣлымъ священникамъ по 150 р., діакону 120 р. и пономарямъ по 75 р. Числу ихъ быть тому же, какое было прежде, но чтобъ половина была изъ русскихъ, а другая изъ грузинскихъ духовныхъ, знающихъ осетинскій языкъ. Всѣмъ таковымъ состоять въ полномъ вѣдомствѣ астраханскаго преосвященнаго, и безъ дозволенія тамошняго военнаго командира для проповѣди въ Осетію не ѣздить, а довольствоваться обращеніемъ въ христіанство тѣхъ только горцевъ, которые въ Моздокѣ селиться будутъ. Съ 1646 по 1764 г. изъ „Осетинской Коммиссіи“ показывали 2,085 душъ обоего пола, обращенныхъ въ христіанство. Но астраханскій преосвященный тогда же доносилъ, что за нерачeніемъ тѣхъ духовныхъ лицъ и за неисправленіемъ службъ, едва ли сей новопросвѣщенный народъ имѣетъ какое понятіе о христіанскомъ законѣ“ *).

Въ 1769 году надъ „Осетинскимъ Подворьемъ“ стряслось большое несчастье: архимандритъ, начальникъ подворья, въ бытность его въ Грузіи, убитъ, а подворье, наущеніемъ кабардинцевъ, разорено въ конецъ **).

Огородъ, рыбныя ловли, сѣнокосныя луга, принадлежавшія „Осетинскому Подворью“, въ 1773 г. были „обращены въ казенное вѣдомство“ ***).

---

*) Бутковъ. Матеріалы. Ч. I, стр. 438.
**) Тамъ же, стр. 437.
***) Тамъ же, стр. 267.

Такова вкратцѣ исторія „Осетинской Духовной Коммиссіи“ въ первый періодъ ея существованія, отъ 1744 г., когда учреждено было „Осетинское Подворье“, до 1769 года, когда оно разворено было въ конецъ.

VII.

Отношеніе кабардинцевъ къ учрежденію „Осетинскаго Подворья“.— Ихъ религіозная и политическая непріязнь къ миссіонерамъ.—Нападенія на „Осетинское Подворье“ и его миссіонеровъ. — Тревожный образъ жизни казаковъ, какъ обстоятельство, неблагопріятствовавшее дѣятельности миссіонеровъ.

Отъ краткаго описанія судебъ „Осетинской Духовной Коммиссіи“ въ первый періодъ ея существованія перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ обстоятельствъ, которыя служили препятствіемъ миссіонерамъ въ ихъ святой дѣятельности или оказали имъ нѣкоторое содѣйствіе.

Учрежденіе миссіи „Осетинскаго Подворья“ на землѣ Малой Кабарды возвало противъ нея сильное неудовольствіе, даже непріязнь и ненависть въ кабардинцахъ. Кабардинцы — магометане, и они давно уже трудились надъ искорененіемъ христіанства среди осетинъ. Легко себѣ представить ту религіозную ненависть, которою воспылали сердца магометанъ-кабардинцевъ, при одной вѣсти объ учрежденіи христіанской миссіи для осетинъ: вѣдь это грозило уничтожить плоды всѣхъ трудовъ по истребленію христіанства въ Осетіи. Къ религіозному неудовольствію примѣшивалась непріязнь, происходившая изъ политическихъ и національныхъ стремленій кабардинцевъ. Постепенное распространеніе русскаго владычества на Сѣверномъ Кавказѣ предвѣщало кабардинцамъ въ близкомъ или далекомъ будущемъ полную зависимость отъ русскихъ. Между тѣмъ, по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, кабардинцы тяготѣли скорѣе къ Крыму или туркамъ, чѣмъ къ русскимъ. Вдвойнѣ было ненавистно кабардинцамъ „Осетинское Подворье“: и потому, что оно имѣло своею цѣлью распространеніе и возстановленіе христіанства среди осетинъ, омусуль-

маненныхъ кабардинцами; и потому, что оно являлось средствомъ упроченія русской вѣры и, слѣдовательно, русскаго вліянія въ Кабардѣ и въ Осетіи.

Отъ ненависти—шагъ до вооруженнаго нападенія, и миссіонеры должны были всегда ожидать смерти отъ кинжаловъ и ножей кабардинцевъ-магометанъ. Для прикрытія миссіонеровъ отъ нападенія на нихъ со стороны кабардинцевъ, миссіонерамъ предоставляется конвой изъ казаковъ, а мѣстожительство ихъ охранялось постояннымъ карауломъ. Такой образъ жизни миссіонеровъ, среди постоянныхъ опасностей и страховъ, не могъ, конечно, содѣйствовать миссіонерской дѣятельности „Осетинскаго Подворья". Самые разъѣзды миссіонеровъ, подъ прикрытіемъ конвоя, не вполнѣ отвѣчали проповѣди христіанства, съ которою выступали миссіонеры.

Вражда кабардинцевъ къ миссіонерамъ побудила владѣтелей Кабарды обратиться съ просьбой къ турецкому султану, чтобы онъ ходатайствовалъ предъ русскимъ правительствомъ о закрытіи „Подворья". И, дѣйствительно, въ 1764 г. Порта вступала въ дипломатическую переписку съ русскимъ правительствомъ и настаивала на прекращеніи дѣятельности „Осетинскаго Подворья", но всѣ эти домогательства были отклонены. Недовольные такимъ исходомъ дѣла, кабардинцы выместили на миссіонерахъ неудачу ходатайства Порты въ 1769 г. „Осетинское Подворье" было въ конецъ разорено кабардинцами.

Такъ, миссіонерское общество „Осетинское Подворье" въ лицѣ кабардинцевъ нашло себѣ ожесточенныхъ враговъ, которые своими нападеніями на миссіонеровъ и угрозами этихъ нападеній сильно затрудняли дѣло миссіонерства „Осетинскаго Подворья", которое даже временно прекратило свое существованіе, вслѣдствіе разгрома отъ кабардинцевъ въ 1769 г.

Много нужно было самоотверженія, отваги и энергіи со стороны миссіонеровъ, чтобы посвятить себя пропо-

вѣди христіанства въ этой странѣ и среди тѣхъ племенъ, гдѣ убійство, нападенія, воровство и т. п. подвиги считались доблестью; гдѣ, ложась ночью въ безопасности, на утро можно оказаться или убитымъ, или израненнымъ, или въ плѣну у дикихъ горцевъ.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ картинъ жизни русскихъ въ то давнее время, когда приходилось казакамъ шагъ за шагомъ подвигатьтя по Сѣверному Кавказу по направленію къ хребту Кавказскихъ горъ.

„Среди травяныхъ степей Сѣвернаго Кавказа, по берегамъ мутной Кубани, по высокому гребню желтобураго Терека, по сочнымъ долинамъ Урупа, Лабы, Бѣлой или Сунжи, стоятъ станицы кубанскихъ и терскихъ казаковъ, стоятъ громадныя слободы русскихъ поселенцевъ

Въ этой странѣ безлюдья и безпомощности еще невозможны одинокіе хутора и мелкія деревушки. Люди, какъ звѣри, какъ птицы, должны здѣсь сбиваться въ многочисленныя станицы, чтобы отбиваться и отъ разбоя людей, и отъ стихій природы, чтобы найти въ самихъ себѣ, не рискуя дальнимъ переѣздомъ, все необходимое для скудной и суровой жизни своей въ пустой степи.

Станица—это далеко не наше простое русское селеніе. Кубанская или терская станица—это отрадный оазисъ среди пустыни, такой же необходимый, такой же страстно желанный.

Въ станицѣ вы уже чувствуете присутствіе силы и безопасности. Тутъ не только ночлегъ путнику, кусокъ хлѣба голодному, но и военная стоянка, всегда готовая къ отпору, къ защитѣ, къ возмездію.

Еще такъ недавно, станицы обносились валами и частоколами; въ сторожевой пушкѣ у бревенчатаго собора чугунный арбузъ постоянно дожидался своей очереди, а съ вышекъ не сходили часовые, озиравшіе окрестность. До сихъ поръ вездѣ за Кубанью, за Терекомъ, вы встрѣчаете эти своеобразныя казацкія вышки на

трехъ громадныхъ дубахъ, на крытой площадкѣ которыхъ торчитъ всѣмъ знакомая фигура въ папахѣ и буркѣ, съ ружьемъ за плечомъ. По большимъ дорогамъ они чередуются, какъ почтовыя станціи; возлѣ нихъ всегда пасутся нѣсколько осѣдланныхъ лошадокъ и валяются по травѣ запасные казаки.

Да и какъ было возможно не сторожить днемъ и ночью горныхъ хищниковъ, носъ къ носу съ которыми онъ жилъ такъ долго? Чуть только ночь падетъ на землю, изъ-за рѣки, прячась въ береговыхъ мыскахъ, въ плавняхъ рѣки, черезъ мели и острова, гдѣ можно въ бродъ, гдѣ нужно вплавь, шайка удальцовъ уже отправляется попытать счастья на русскую сторону.

Отогнать у казаковъ стадо воловъ, отару овецъ, табунокъ лошадей—вотъ единственно знакомый бжедуху или чеченцу промыселъ, единственная хозяйственная забота его о себѣ и о семьѣ своей.

И вотъ, на берегу порубежныхъ рѣкъ, горецъ Кавказа поминутно схватывался со степнякомъ русской равнины, черкесъ и чеченецъ — съ кубанскимъ и терскимъ казакомъ.

Живетъ, шумитъ, работаетъ многолюдная станица. Покошено сѣно, подоены сытыя коровы и буйволицы; съ довольнымъ видомъ важно потягиваютъ горилку на вечерней зарѣ старые, усатые казаки, громко поютъ пѣсню и водятъ хороводы разодѣтыя казачки и удалые, молодые паробки въ цвѣтныхъ бешметахъ, въ яркихъ рубахахъ... Караульные на своихъ вышкахъ, запальщикъ у пушки, кованныя желѣзомъ ворота въ высокомъ плетнѣ или частоколѣ на высокомъ валу давно на замкѣ... Спокойно и беззаботно можетъ веселиться казацкая станица...

Наступаетъ ночь. Позавалились на сѣновалы молодые и старые казаки, и... вдругъ вздрагиваетъ слѣпая тишь ночи, вздрагиваетъ вся онѣмѣвшая станица—отъ роковаго удара пушки... Зловѣщій, торопливый благовѣстъ раздается съ колокольни стараго собора, прерывасмый

трескотнею ружейныхъ выстрѣловъ, и вскакиваютъ въ испугѣ, и бросаются, какъ угорѣлые, къ своимъ винтовкамъ, къ своимъ разсѣдланнымъ конямъ, полусонные казаки...

Вой и плачъ поднимается въ опустѣлыхъ домахъ, на темныхъ улицахъ, гдѣ безпомощно столпились дѣти и женщины. Вотъ мрачное красное зарево сначала боязливо лизнуло, потомъ разомъ разодрало черную темноту; и пошли гулять въ разныхъ концахъ подожженной станицы высокіе и острые языки огня, шатаясь и взвиваясь, будто охмѣлѣвшіе отъ своей воровской побѣды.

Отчаянные крики и топотъ коней, стукъ оружія, выстрѣлы ружей, несутся со стороны рѣчки. На другой день отъ огромной станицы, тянувшейся на нѣсколько верстъ вдоль берега, только курятся черныя длинныя кучи; оборванныя обожженныя дѣтишки съ плачемъ роются въ пожарищѣ, отыскивая кусокъ хлѣба...

Побиты и разогнаны казаки; угнаны въ горы молодыя женщины и дѣвки, годныя къ работѣ; перерѣзаны старики и старухи...

Таковъ былъ ежедневный бытъ этихъ русскихъ порубежниковъ, которымъ ежеминутно приходилось смѣнить косу на саблю и грабли на пику...

Сегодня выжжена какая-нибудь Елизаветинская станица; черезъ недѣлю пылаютъ аулы Бжедуховъ или Кистинцевъ.

Казаки не оставятъ безъ жестокой отместки воровского истребленія своего гнѣзда. Это хорошо знаютъ и свои, и чужіе.

Принесетъ нынче пластунъ давно поджидаемую старшинами вѣсть, что сосѣдніе аулы отправились на карачаевцевъ — отбивать захваченные покосы, — и въ ночь казаки станицы уже на конѣ, и опытные пластуны ведутъ ихъ потайными тропками къ знакомымъ ауламъ... Тотъ же ночной пожаръ, тотъ же ужасъ, тѣ же вопли, и стукъ оружія, — и къ утру вмѣсто аула одна груда

камней и казацкіе кони еле двигаются, нагруженные цвѣтнымъ платьемъ, одѣялами, поясами, мѣшками ячменя и кукурузы,—гоня передъ собою цѣлыя стада мелкихъ горскихъ коровъ и желтыхъ шелковистыхъ овецъ"... *).

При такомъ тревожномъ образѣ жизни, который вели русскіе казаки, и грузины-миссіонеры, находившіеся подъ охраною казаковъ, должны были сообразовать свою миссіонерскую дѣятельность съ обстоятельствами своей жизни, и это, безъ сомнѣнія, было не малымъ препятствіемъ для ихъ проповѣднической дѣятельности.

VIII.

Препятствія для миссіонерской дѣятельности „Осетинской Коммиссіи". — Мѣстонахожденіе осетинскихъ ауловъ и ихъ недоступность зимою. — Лѣнь осетинъ въ ихъ домашней жизни. — Воинственный нравъ горцевъ.—Легкость убійства среди горцевъ. — Уроки жестокости среди дикой жизни кавказскихъ горъ.

И природа, гдѣ жили осетины, и характеръ ихъ натуры также препятствовали миссіонерамъ успѣшно насаждать христіанство среди осетинъ. Гдѣ живутъ осетины? Гдѣ гнѣздятся ихъ аулы, куда по дѣлу своего служенія должны были проникать миссіонеры?

На крутизнахъ высокихъ скалъ, въ суровыхъ оврагахъ, ущельяхъ и по лощинамъ лѣпятся осетинскіе аулы, по преимуществу обширные и многолюдные. Живописны жилища, разбросанныя безъ всякаго порядка между рощами и деревьями, подъ тѣнью которыхъ прохлаждаютъ себя обитатели въ жаркое время. Впрочемъ, такимъ временемъ осетины пользуются, вообще, очень немного.

Съ наступленіемъ сентября, въ большей части Осетіи настаетъ уже зима; еще недѣля, — зашумѣли вьюги и все кругомъ занесено снѣжными сугробами. Дикая, мрачная природа, и тутъ являются для глаза новыя и величественныя картины. Утреннее солнце зажигаетъ без-

*) Живописная Россія. Т. IX, стр. XXVI – XXVIII.

численными огнями ледяныя вершины горъ; синій туманъ, волнующійся по ущельямъ, похожъ на океанъ по которому плаваютъ ледяныя горы, драпированныя въ фантастическія тѣни. Глазу кажется, что всѣ эти исполинскія вершины движутся, колеблются, тонутъ и снова возникаютъ. Но туманъ рѣдѣетъ и остроконечные верхи осетинскихъ горъ рѣзко обозначаются. Они поднимаются въ высоту одинъ надъ другимъ, въ безконечныхъ ярусахъ, окрашенные разнообразными цвѣтами, которые мѣняются по мѣрѣ отдаленія: сначала зеленые, потомъ темные, голубые, фіолетовые... Но всѣхъ цвѣтовъ не перечесть, такъ они различны, да и нѣтъ имъ названій. Вправо и влѣво, словно рамы для этой картины, стоятъ огромныя, неизмѣримыя скалы, черныя, блестящія, какъ броня вороненая. Вотъ на одной изъ этихъ скалъ, въ высотѣ, упершись ногою объ остроконечную вершину, стоитъ какой-нибудь пастухъ, какъ пограничный стражъ; онъ рѣзко рисуется на яркой лазури неба, но, равнодушный къ красотѣ окружающей его природы, грубый и дикій, онъ не сочувствуетъ природѣ, онъ занятъ, онъ стережетъ стадо козъ, которыя, прыгая съ камня на камень, щиплютъ тощую зелень, засыпанную снѣгомъ... Въ такое время осетинскіе аулы дѣлаются островами, отдѣленными отъ всего міра, и населеніе скучивается въ своихъ жилищахъ *).

Зимою трудно доступъ въ осетинскіе аулы, лѣтомъ жители заняты полевыми работами. Все же миссіонеры преодолѣвали трудности путей сообщенія и совершали свои проповѣдническія путешествія.

Перемѣнить вѣру—дѣло не малаго нравственнаго и умственнаго труда; оно требуетъ энергіи, духовнаго подъема, обновленія и возрожденія. А это не соотвѣтствовало привычкамъ, обычнымъ порядкамъ и строю жизни осетинъ.

*) Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Ч. I, стр. 288—289.

Если осетинъ въ саклѣ *), то навѣрное подлѣ очага, у котораго онъ проводитъ день и ночь. Раздѣвшись до-нага, онъ ложится на соломѣ, постланной на полу, подкладывая подъ себя бурку или грубый войлокъ. Зимою спитъ подлѣ очага, а лѣтомъ подъ открытымъ небомъ **).

Осетинъ у себя дома ничего не дѣлаетъ. Онъ потѣшаетъ себя верховою ѣздою, джигитовкою, или, куря трубку, строгаетъ палочку. Мужчина любитъ проводить время среди разсказовъ, поучать дѣтей своихъ и переливать въ ихъ юныя сердца одни только пороки, которыми нерѣдко переполнена его жизнь. Онъ разсказываетъ сыну о своихъ подвигахъ и воровствѣ въ молодые годы; хвалится добычею, пріобрѣтенною хищничествомъ, и числомъ плѣнныхъ, проданныхъ имъ въ неволю, и, наконецъ, внушаетъ сыну преслѣдовать убійственною местью родъ, изревле ему враждебный. О трудѣ и хозяйствѣ онъ не думаетъ самъ, и не учитъ своихъ дѣтей. Все хозяйство лежитъ на обязанности женщины ***).

При такомъ образѣ жизни осетинъ, миссіонерамъ въ дѣлѣ ихъ проповѣди приходилось бороться съ природною лѣнью осетинъ, чтобы убѣдить ихъ возвратиться къ вѣрѣ своихъ предковъ—христіанъ.

Кромѣ того, христіанство проповѣдуетъ любовь къ

---

*) Большая часть деревянныхъ домовъ осетинъ или саклей строится въ видѣ сараевъ и часто состоитъ изъ плетня, смазаннаго съ обѣихъ сторонъ глиною, съ досчатою крышею, опирающеюся на двухъ столбахъ и замѣняющею потолокъ, поверхъ котораго настилается очень рѣдко дрань, а больше солома, поддерживаемая жердями. Внутренность такого жилища состоитъ изъ двухъ комнатъ съ земляннымъ поломъ. У богатаго владѣльца къ внѣшней стѣнѣ сакли прислонена полукруглая печь, сдѣланная также изъ плетня, обмазаннаго глиною, а у бѣднаго очагъ, раскладываемый посрединѣ сакли между двумя большими камнями. Тамъ же, стр. 290.

**) Тамъ же, стр. 290.

***) Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Ч. I, стр. 338.

врагамъ, всепрощеніе, миръ, а среди осетинъ вѣками и поколѣніями выработался воинственный, страстный, необузданный нравъ.

Каждое общество осетинскаго племени имѣло свой судъ и расправу; оно не подчинялось и не связывалось ничѣмъ съ другими сосѣдними обществами, а напротивъ того, хищническая жизнь привела къ тому, что небольшія общества осетинскаго народа находились въ постоянной враждѣ между собою.

Дѣла осетинъ рѣшались на общественныхъ сходкахъ, гдѣ право сильнаго имѣло значительное вліяніе и широкое примѣненіе. Это право сильнаго производило постоянную междоусобную войну, не рѣдко кончавшуюся истребленіемъ цѣлыхъ фамилій. Осетины не знали, какъ обрабатывать поля безъ оружія, не могли безъ него выдти на улицу и, кромѣ того, должны были часто искать защиты въ прочной постройкѣ своего дома. Постоянное тревожное состояніе выразилось даже и въ народной пословицѣ: „когда осетинъ разбогатѣетъ, онъ построитъ башню и убьетъ человѣка“. Отсюда появились высокія каменныя башни, лѣпившіяся на едва доступныхъ высотахъ, которыхъ и до сихъ поръ весьма много въ горной Осетіи *).

Да и какъ было осетинамъ не строить крѣпкихъ, высокихъ башенъ, если каждую минуту можно было рисковать жизнью, или пасть замертво отъ удара кинжаломъ, подъ выстрѣломъ врага?

Убить человѣка въ этой странѣ вѣчной войны, вѣчнаго разбоя—было такъ же просто, какъ сказать грубое слово. Кинжалъ виситъ на поясѣ каждаго, даже подъ крышею роднаго дома, среди мирныхъ заботъ хозяйства. А вышелъ на улицу, переступилъ околицу своего селенія, — долженъ быть вооруженъ до зубовъ. На груди патроны, за спиной ружье, пистолеты за поясомъ, кин-

*) Дубровинъ. Ч. I, стр. 354.

жалъ спереди, шашка сбоку. Перекинулся двумя-тремя словами съ сосѣдомъ, не понравилось слово или дѣло сосѣда, и глаза сейчасъ же вспыхиваютъ, какъ у разъяренной пантеры, и рука судорожно хватается за кинжалъ или пистолетъ. Всякое сильное движеніе духа ищетъ себѣ одного выхода — ударовъ оружія, пролитой крови. На свадебномъ пиршествѣ, на похоронахъ, на народныхъ праздникахъ,—вездѣ, гдѣ надо сходиться и говорить другъ съ другомъ,—то и дѣло слышатся угрожающіе возгласы, звонъ клинка о клинокъ, неожиданный короткій выстрѣлъ. Какъ стая волковъ не можетъ собраться въ своемъ лѣсномъ ущельи надъ костями павшей скотины, не рыча и не оскаливая враждебно другъ на друга своихъ злыхъ зубовъ, такъ и горцы не могутъ обойтись безъ ударовъ и выстрѣловъ *).

Получая. отъ ближнихъ кровавые уроки убійства, кровомщенія и жестокостей и отплачивая имъ тѣмъ же, осетины и въ окружающей ихъ природѣ, въ картинахъ изъ жизни хищныхъ птицъ и звѣрей видѣли продолженіе той же школы.

Бурые орлы, что одиноко плаваютъ въ поднебесьѣ, съ враждебнымъ и подозрительнымъ клектомъ косясь другъ на друга, что дерутъ жаднымъ когтемъ и жаднымъ клювомъ своимъ, заостреннымъ, какъ кривой тавлинскій кинжалъ, молодыхъ косуль и сернъ на голыхъ макушкахъ утесовъ,—вотъ единственные учители, единственные образцы для человѣка въ этой школѣ горной пустыни...

Съ дѣтства привыкаетъ раскрывать на нихъ съ изумленіемъ и сочувственнымъ вниманіемъ свои глубокіе черные глаза, на которыхъ надвинута лохматая папаха, молодой дикарь, торчащій на сосѣднемъ утесѣ, такомъ-же голомъ, также высоко поднятомъ въ облака...

Ловкій налетъ удалаго хищника, могучій, ошеломляющій ударъ... и затѣмъ одушевленная работа желѣза-

---

*) Живописная Россія. Т. IX, стр. XXXIX—XL стр.

нымъ клювомъ своимъ, желѣзными когтями, среди брызгъ яркой крови, среди безплодныхъ стоновъ разрываемой въ куски жертвы...

А не то, вонъ пушистый дикій котъ, съ неподвижно сверкающими зеленымъ огнемъ безпощадными стеклянистыми глазами, повисъ на ближней чинарѣ, поджидая добычу... Съ замирающимъ, радостнымъ любопытствомъ слѣдятъ за этими фосфорическими глазами лѣсного хищника черные глаза другаго подрастающаго хищника, полнаго тѣми-же инстинктами звѣря... Распластался, пристылъ, будто не живой, къ своей качающейся вѣткѣ, матерой, усатый котъ, и вдругъ шмякается, какъ подстрѣленный, внизъ, растопыривъ и лапы и когти, вгрызается сразу и когтями и зубами въ неосторожнаго козленка, пробиравшагося сквозь чащу...

Радостной волной всколыхнется дѣтское сердце горца, и живая картина этой терпѣливой безмолвной досады, этого смѣлаго скачка, раздавившаго пополамъ глупое, довѣрчивое животное, — останется на вѣкъ врѣзанной въ его страстную душу, какъ идеалъ отваги и мудраго разсчета...

Такова дикая школа этой дикой жизни*)...

Какъ далеки эти уроки природы и людей отъ уроковъ христіанства, проповѣдуемаго миссіонерами, и какъ труденъ былъ подвигъ проповѣдничества среди дикихъ сыновъ дикой природы!

IX.

Препятствія для миссіонерской дѣятельности „Осетинской духовной коммиссіи“.—Смѣна религіозныхъ вліяній въ Осетіи.—Религіозныя вѣрованія осетинъ.—Языческіе боги и христіанскіе святые.—Жрецы-деканозы.—Дзуаръ-лагъ.—Знахари, талисманы, колдуны.

Ущелья Кавказскаго хребта, гдѣ издавна поселились осетины, были воротами для народовъ въ ихъ движеніи изъ Азіи въ Европу. Естественно, что при этомъ движеніи народовъ и племенъ черезъ Кавказъ въ до-

*) Живописная Россія. Т. IX, стр. 40.

линахъ и ущельяхъ горъ осѣдали нѣкоторые изъ кочевниковъ или завоевателей, смѣшивались съ осетинами, привнося въ нравы, обычаи и вѣрованія осетинъ свои религіозныя, національныя и бытовыя особенности. Ко времени учрежденія „Осетинскаго Подворья“ Осетія подвергалась многочисленнымъ религіознымъ вліяніямъ. Первоначально, въ первые вѣка христіанской эры, осетины были язычниками, съ IV по VI в. включительно—среди нихъ распространялось христіанство изъ Грузіи и Византіи; съ VIII в. осетины подпадаютъ вліянію магометанства и 931 годъ обыкновенно считается годомъ отпаденія ихъ отъ христіанства и принятія магометанства; конецъ XII в., XIII в. и начало XIV в. являются періодомъ возстановленія христіанства въ Осетіи; а съ XIV в. опять среди осетинъ утверждается магометанство.

Что должно было остаться въ сознаніи народа, при такой смѣнѣ религій и вѣрованій, какъ не смутныя представленія о всѣхъ возможныхъ религіозныхъ вопросахъ, какъ не смѣсь различныхъ вѣрованій языческихъ, христіанскихъ и магометанскихъ? Представленія о Дѣвѣ Маріи, Іисусѣ Христѣ, ангелахъ и христіанскихъ святыхъ у нихъ смѣшиваются съ языческими богами и молитвы къ Спасителю сопровождаются языческими жертвоприношеніями. Да и могло-ли быть иначе у народа, среди котораго не было школъ и своей письменности, который для записи о судьбахъ Осетіи довольствовался грузинскимъ языкомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ грузинскія надписи, найденныя въ развалинахъ осетинскихъ церквей?

„Войдите въ старинную божницу какихъ-нибудь дигорцевъ или алагирцевъ, напримѣръ, въ Рекомъ, у аула Цей: пустынный низенькій домикъ изъ громадныхъ бревенъ, весь кругомъ обвѣшанный рогатыми головами туровъ, обваленный костями и рогами; жители не только приближаются къ нему со страхомъ, но даже произно-

сятъ имя Рекомъ съ благоговѣйнымъ ужасомъ и лишь въ крайней необходимости. Тяжелая дверь обита заржавленнымъ желѣзомъ; за дверью, въ притворѣ, огромная куча стрѣлъ, копій, сломанныхъ луковъ и колчановъ.

Обветшавшія, почти провалившіяся стѣны храма увѣшаны тлѣющими лохмотьями платьевъ и платковъ; полъ и скамьи засыпаны амулетами и жертвами, тутъ груды стеклянныхъ бусъ, глиняныя фигуры оленей, коровъ, овецъ, гусей и утокъ, бронзовые колокольчики, орѣхи, нанизанные на нитку, битыя кружки, тарелки, горшки, серебряныя и мѣдныя монеты. Съ наивною вѣрою ребенка несетъ осетинъ въ свое древнее капище, страшному богу своего племени, все то, чему онъ проситъ защиты и помощи.

А между тѣмъ это — христіанскій храмъ; вы различите въ немъ и старую икону св. Уастырджи, т. е. св. Георгія, патрона храма, и полуразрушенный иконостасъ, раздѣлявшій, по убѣжденію осетинъ, храмъ ихъ на двѣ части, на адъ и рай (дзенетъ). Св. Георгій превратился незамѣтно въ языческаго „дзуара“, духа-покровителя племени, которому приносятъ въ жертву туровъ, оленей, барановъ, среди попоекъ и олимпійскихъ игръ своего рода.

„Уастырджи“ (св. Георгій) — это воинъ, наѣздникъ, стало быть — богъ мужчинъ, у женщинъ есть другой богъ; у пастуховъ свой богъ; у охотниковъ—тоже свой. Всякій аулъ, всякая сакля имѣютъ особаго бога—„дзуара“; богу аула строится особая башня — надъ ауломъ, гдѣ онъ живетъ, откуда онъ охраняетъ аулъ, гдѣ ему молятся и приносятъ жертвы; никто, кромѣ жреца, начальника рода, не имѣетъ права войти въ низенькую дверь капища, уставленнаго стаканчиками съ принесеннымъ богу пивомъ, заваленнаго и обвѣшаннаго амулетами. Каждый звѣрь имѣетъ также своего бога: „Тутыръ“—это богъ волковъ; „Фанвара“—богъ овецъ; „Овсати“—богъ туровъ и оленей; „Уацилла“—богъ хлѣбовъ

и травъ и т. п. Даже болѣзни имѣютъ своихъ покровителей. Рынъ — это богъ заразы; Аларды — богъ оспы; имъ также воздвигаются капища, воспѣваются молитвы, приносятся жертвы. Вообще, каждая вещь, каждое событіе жизни, каждое явленіе природы вмѣщаютъ въ себѣ свое особое божество и повинуются ему. Мудрые старые люди, умѣющіе умилостивить этихъ боговъ или; святыхъ, знающіе молитвы и обряды про всякій житейскій случай, пользуются высокимъ почетомъ за свое знахарство, и къ нимъ постоянно прибѣгаютъ за помощью. Безъ нихъ не обходится ни свадьба, ни похороны, ни рожденіе ребенка; они заклинаютъ и „святаго паутины“, и „святаго волосъ и ногтей“, и „святаго травъ и вѣтровъ“, и „святаго червяковъ, жуковъ и змѣй“, и „бога болѣзней“, и „бога ума и любви“, и „святаго спины“, и „святаго живота“, и „святаго, охраняющаго отъ паденія арбу“, и „ангела головы“, и „священную цѣпь“, и „священный столбъ сакли“. Это, однако, религія горскихъ „христіанъ“ Кавказа, а не язычниковъ. Дѣйствительно, они знаютъ и св. Николая (Микалъ-Габырта), и св. Илію, или „Елю“ (Уацилла), и Мады-Майранъ, т. е., Мать Марію, Богородицу. Даже Чириети (Христосъ) настолько небезъизвѣстенъ осетинамъ, что въ Пасху они рѣжутъ ягненка и пекутъ чуреки. „О, Чириети! всѣ люди надѣются на тебя, что ты въ дзенетѣ дашь душамъ ихъ мѣсто“,—поютъ при этомъ они, чистосердечно выдавая всѣ свои матеріальные разсчеты и наивно смѣшивая Чириети съ русалками и духами своихъ языческихъ вѣрованій. „О, водяные святые, чистыя водяныя дѣвы и святая Пасха, наполните домъ этотъ всѣми благами міра“! „О, святая Пасха, чуреки да будутъ сладки и пріятны тебѣ“!

Съ такимъ-же дѣтскимъ простодушіемъ и такимъ-же грубо матеріальнымъ разсчетомъ молится осетинъ и всѣмъ другимъ богамъ своимъ. Онъ никогда, напримѣръ, не дозволитъ себѣ убить ни одного дикаго жи-

вотнаго, не испросивъ предварительно позволенія у бога туровъ и оленей. Положивъ на священный камень какого-нибудь утеса три жертвенные сырника, охотникъ прежде всего возноситъ такую мольбу:

„О, Овсати! я, бѣдное созданіе Божіе, пришелъ къ подножію твоему, въ надеждѣ, что ты, услышавъ мою молитву, выдѣлишь мнѣ изъ твоего стада одного бѣднаго оленя или козла. Молю тебя, призри на меня съ высоты своей и выпусти на долю моей винтовки, хотя старую козу, негодную для тебя".

„Звѣрь Овсати" раздается бѣднымъ аула и всякому путнику, котораго повстрѣчаетъ охотникъ. Иначе Овсати уже никогда не дастъ ему счастья. Уациллѣ, „хлѣбному богу", или Едѣ, приносится въ жертву баранъ или козелъ, котораго голову и шкуру вѣшаютъ на длинномъ шестѣ, чтобы поближе были къ небу, гдѣ живетъ Еля, на томъ самомъ мѣстѣ, куда ударилъ громъ...

„Уацилла! сегодня твой день, и мы усердно молимъ тебя, помоги намъ,—сдѣлай такъ, чтобъ житницы наши были набиты пшеницею, просомъ и овсомъ до верха... съ остатками"! восклицаетъ старикъ, отправляющій роль жреца.

Въ такомъ-же родѣ были вѣрованія разныхъ тушинъ, пшавовъ, хевсуровъ, сванетовъ и другихъ „одичавшихъ христіанъ" Кавказа*).

Миссіонерамъ предстояло, такимъ образомъ, очистить вѣрованія осетинъ отъ языческихъ и магометанскихъ наслоеній, возстановить христіанство, освободивъ его отъ языческихъ обрядовъ и церемоній. Въ такой дѣятельности миссіонеры встрѣчали себѣ противодѣйствіе со стороны деканозовъ-жрецовъ, знахарей, колдуновъ и другихъ лицъ, какъ либо заинтересованныхъ въ томъ, чтобы въ Осетіи не было возстановляемо христіанство, свободное отъ языческихъ наслоеній.

---

*) Живописная Россія. Т. IX, стр. 14—16.

Деканозы были своего рода священными лицами среди осетинъ. Къ нимъ обращались осетины во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни, а особенно, когда подымался вопросъ объ умилостивленіи боговъ, о совершеніи въ честь ихъ празднествъ и торжествъ.

Всѣ праздники осетинъ совершаются обыкновенно на одной изъ горъ, окружающихъ аулъ, которая часто получаетъ названіе отъ имени того святаго, въ честь котораго на ней приносятся жертвы. Выбирая гору для молитвы и совершенія праздника, осетины вѣрятъ, что чѣмъ выше подымется молящійся, тѣмъ скорѣе дойдетъ, до кого слѣдуетъ, его молитва.

На однажды избранной горѣ устраиваютъ жертвенникъ или капище, къ которому и собираются въ день праздника всѣ жители аула. Каждый подобный жертвенникъ имѣлъ въ прежнее время своего деканоза представлявшаго собою образъ древняго жреца. Въ день праздника, только его рука, вооруженная священнымъ ножемъ, могла коснуться животныхъ, приводимыхъ народомъ на закланіе. Онъ окроплялъ кровью жертвъ стѣны и преддверія храмовъ. Деканозъ принималъ скудныя приношенія народа, обязанъ былъ хранить ихъ, и, наконецъ, онъ одинъ громогласно испрашивалъ жертвующимъ небесное благословеніе *).

Среди деканозовъ самое почетное мѣсто по своему значенію и вліянію въ народѣ занимаетъ дзуаръ-лагъ, главный жрецъ Вацилы или Уациллы.

Подъ именемъ Уациллы осетины разумѣютъ пророка Илію, котораго считаютъ управляющимъ громомъ и молніею и представляютъ себѣ сидящимъ въ огненной колесницѣ, везомой огненными крылатыми конями. Во время засухи или продолжительной непогоды осетины обращаются съ молитвою къ этому святому, прося его

---

*) Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Ч. I, стр. 300.

пощадить ихъ нивы, полевыя и огородныя растенія. Жертвоприношеніе, въ такомъ случаѣ, совершается подъ дубомъ, который выбирается, по преимуществу, старый и солидныхъ размѣровъ въ поперечникѣ *).

Главное-же мѣсто празднованія въ аулѣ Какадурѣ, въ Тагаурскихъ горахъ, гдѣ существуетъ одна изъ горъ, посвященныхъ пророку Иліи, и тамъ живетъ главный жрецъ дзуаръ-лагъ (образъ-человѣкъ, святой человѣкъ) — распорядитель св. Иліи.

Дзуаръ-лагъ одинъ посвященъ въ таинство приношенія жертвъ и выбирается изъ числа самыхъ почтенныхъ стариковъ, преимущественно одной и той-же фамиліи. Онъ одинъ только можетъ всходить на священную гору, получать подарки въ день праздника, ходить въ бѣлой одеждѣ, гадать и приносить жертвы.

Въ пещерѣ горы устроенъ жертвенникъ, въ которомъ хранятся всѣ приношенія и церковная чаша. За три дня до наступленія праздника дзуаръ-лагъ долженъ приготовиться къ совершенію таинствъ. Приготовленіе это заключается въ омовеніи въ теченіе трехъ послѣднихъ дней молокомъ, чтобы чище явиться передъ святымъ, въ надѣваніи бѣлаго платья и приготовленіи нарочно для праздника пива. Вечеромъ, наканунѣ праздника, дзуаръ-лагъ, взявъ съ собою пиво, отправляется на гору. Подойдя къ жертвеннику, онъ наливаетъ пиво въ чашу и, поставивъ ее на самомъ высокомъ и видномъ мѣстѣ горы, ложится подлѣ нея спать на всю ночь.

По вѣрованію народа, въ эту ночь Вацила, спустившись съ неба, опрокидываетъ чашу. Дзуаръ-лагъ, проснувшись поутру въ день праздника, смотритъ, въ которую сторону пролито пиво, и, сообразно съ этимъ, дѣлаетъ свои предсказанія о благополучіи текущаго года, объ урожаѣ и проч. Пиво, пролитое къ сторонѣ

*) Дубровинъ. Исторія войны и владыч. рус. на Кавказѣ. Ч. I, стр. 312.

горъ, предвѣщаетъ урожай Осетіи; а къ Кабардѣ и Чечнѣ—урожай тѣмъ народамъ. Затѣмъ гадатель спускается съ горы и за хорошее предвѣщаніе получаетъ подарки съѣстнымъ или вещами.

Дзуаръ-лагъ занимается гаданьемъ и въ прочіе дни года. Больной часто приглашаетъ его открыть истинную причину болѣзни. Дзуаръ-лагъ беретъ четыре палочки, длиною въ полъ-аршина каждая, сращиваетъ ихъ попарно и дѣлаетъ на обоихъ концахъ разсчепы. Положивъ ихъ на столъ такъ, чтобы пара отъ пары отстояла на полъ-аршина, покрываетъ ихъ овчиною или кожею. Послѣ того приступаетъ къ чтенію заклинаній и молитвъ, прося, чтобы тайна открылась.

— Не сердится ли Тбавъ-Вацила (св. пророкъ Илія) за что-нибудь на больного?—спрашиваетъ жрецъ, окончивъ молитву и обращаясь къ таинственному покрывалу; если сердится, то пусть лѣвая пара приподнимется.

Тбавъ-Вацила, конечно, прогнѣвался на больного; иначе не могло бы быть гаданья: и вотъ лѣвая пара начинаетъ приподниматься и становится въ видѣ стропилъ.

— Чѣмъ ты провинился противъ святого?—спрашиваетъ гадающій больного.

— Въ праздникъ св. Иліи не принесъ я въ жертву лучшаго, не исполнилъ обѣщанія и не варилъ пива.

— Не угодны ли будутъ новыя жертвы больного?—спрашиваетъ гадающій, обращаясь къ пророку Иліи.

Согласіе слѣдуетъ всегда за такимъ вопросомъ и, въ знакъ его, правая пара палочекъ также начинаетъ подниматься, и, достигнувъ до одной высоты съ лѣвою, обѣ пары соединяются.

Дзуаръ-лагъ получаетъ подарки, Вацила — новыя; жертвы, а больной долженъ выздоровѣть непремѣнно если же умретъ, самъ виноватъ, потому-что, вѣроятно, снова прогнѣвалъ святого *).

*) Религіозныя обряды осетинъ. Шегрена Кавк. 1846 г. № 28. Дубровинъ. Ч. I, стр. 312—14.

Кромѣ деканозовъ противниками миссіонеровъ и защитниками языческихъ обычаевъ и извращенныхъ христіанскихъ воззрѣній были дасныте, знахари и знахарки.

Первые служатъ посредниками между людьми и святыми, а главное—между нечистыми силами; а вторыя—между Богомъ, святыми и людьми. Тѣ и другія пользуются громаднымъ значеніемъ. Предсказанія ихъ считаются пророчествомъ, ихъ нашептываніе цѣлительнымъ лѣкарствомъ, ихъ хожденіе вокругъ дома—сохраненіемъ отъ всякаго несчастья и изгнаніемъ изъ сакли шайтана *).

До тѣхъ поръ, пока среди осетинъ пользовались огромнымъ религіознымъ и общественнымъ вліяніемъ деканозы, дзуаръ-лагъ, дасныте — миссіонеры должны были на каждомъ шагу встрѣчать себѣ въ нихъ противодѣйствіе.

X.

Обстоятельства, благопріятствовавшія миссіонерской дѣятельности „Осетинской Коммиссіи“.—Іисусъ Христосъ, Дѣва Марія, христіанскіе святые въ ряду осетинскихъ божествъ.—Память о христіанскихъ праздникахъ и постахъ среди осетинъ.—Развалины древнихъ христіанскихъ храмовъ въ Осетіи.

Среди многочисленныхъ препятствій, которыя встрѣчали миссіонеры въ своей дѣятельности, приходилось находить имъ и поддержку въ тѣхъ обстоятельствахъ.

Къ такимъ благопріятствующимъ обстоятельствамъ для миссіонеровъ „Осетинской Коммиссіи“ нужно отнести многоразличныя остатки христіанства въ Осетіи.

Несмотря на всѣ вѣковыя политическія и національныя невзгоды, среди осетинъ жили преданія о славномъ прошломъ, о временахъ ихъ просвѣтителей — Нины, Юстиніановъ, царицы Тамары и Оси-Багатара. Они знали или, по крайней мѣрѣ, слышали отъ своихъ стариковъ, а потомъ и отъ миссіонеровъ, что въ давно минувшія времена предки ихъ были христіанами. По

*) Дубровинъ. Часть I, стр. 314.

ущельямъ горъ они видѣли развалины храмовъ. Среди своихъ „дзуаровъ“, достопоклоняемыхъ существъ, которыхъ осетины причисляютъ къ божествамъ, они наравнѣ съ языческими божествами (Овсати, Аларды, Саурегъ—богъ разбоевъ, Махаматъ—сынъ солнца) почитаютъ золотого Чиристи (Іисуса Христа) и Маріамъ (Богородицу), св. Георгія (Уастырджи) и св. Илію (Уациллу). Принявши магометанство и смѣшавши свои новыя религіозныя вѣрованія съ прежними, они на развалинахъ своихъ древнихъ христіанскихъ храмовъ приносятъ почти языческія жертвы и устраиваютъ такія же празднества.

Осетины всѣхъ исповѣданій признаютъ многіе христіанскіе праздники. Они почитаютъ и отправляютъ Донъ-скафанъ (Богоявленіе)—взятіе воды; Кардагъ-хасанъ (Сошествіе Св. Духа) — сборъ травъ. У нихъ есть деревья, отмѣченныя крестомъ передъ которыми они благоговѣютъ, и которыхъ топоръ не смѣетъ коснуться *). Осетины соблюдаютъ посты: великій (мархо), успенскій (майрамъ-мархо) и двѣ недѣли предъ Р. Х. (шапурсъ-мархо). Въ день заговѣнья, передъ великимъ постомъ, они собираютъ золу съ очаговъ, просѣваютъ ее, чтобы не оставалось въ ней костей отъ мяса, и всю посуду перемываютъ и перетираютъ. Первые три дня великаго поста днемъ ничего не ѣдятъ, а ночью пируютъ; въ остальное же время питаются хлѣбомъ, рыбою, жидкимъ киселемъ, бобами и другими растительными веществами.

Въ понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли великаго поста многіе осетины посвящаютъ исполненію обряда кеенобы, при чемъ названіе праздника, обычаи, соблюдаемые при этомъ и самая церемонія въ отправленіи его заимствованы ими отъ грузинъ **).

Въ субботу на третьей или четвертой недѣлѣ вели-

---

*) Дубровинъ. Ч. 1, стр. 294.
**) Дубровинъ. Часть I, стр. 300.

каго поста осетины справляютъ самый важный праздникъ—Лаусъ-ганантъ—общія поминки. Наканунѣ варятъ говядину, пиво, брáгу, фасоль, пекутъ пироги и чуреки. Набивъ всѣмъ этимъ мѣшокъ, вѣшаютъ его передъ дверью сакли. Туземцы полагаютъ, что загробные ихъ родственники, истративъ свое продовольствіе, нуждаются въ пропитаніи и придутъ за нимъ въ эту ночь, а потому и вѣшаютъ мѣшокъ на видномъ мѣстѣ. На утро мѣшокъ остается цѣлъ и полонъ; хозяева, заключая изъ этого, что умершіе не нуждаются ни въ чемъ, вынимаютъ изъ мѣшковъ все съѣстное и употребляютъ его сами въ пищу. Затѣмъ въ субботу собираются на кладбище, оплакиваютъ всѣхъ умершихъ, производятъ судъ и расправу по запутаннымъ дѣламъ общества и предаются утоленію голода и попойкѣ.

Съ вечера страстной субботы, наканунѣ Свѣтлаго Христова воскресенья, каждый осетинъ старается провести предстоящую ночь одинъ, потому-что, по сказанію народа, Іисусъ Христосъ ежегодно въ эту ночь сходитъ съ неба на пѣгой лошади и показывается только одному достойному осетину, который будетъ послѣ того счастливѣйшимъ изъ смертныхъ *).

Сохраняя христіанскіе праздники, осетины естественно и къ уцѣлѣвшимъ христіанскимъ храмамъ и ихъ развалинамъ относились съ должнымъ благоговѣніемъ и уваженіемъ.

Народныя осетинскія преданія и достовѣрныя историческія данныя относятъ ко временамъ Тамары не менѣе 27 храмовъ, частію сохранившихся, частію лежащихъ въ развалинахъ **).

Церкви, построенныя Тамарою для осетинъ, видѣлъ и описывалъ въ концѣ XVIII столѣтія русскій проповѣдникъ Евангелія въ Осетіи, протоіерей Іоаннъ Бол-

*) Дубровинъ, Ч. 1, стр. 304—5.
**) Надеждинъ, Кавказскій Край, стр. 130—131.

гарскій. Нѣкоторыя изъ церквей въ его время были еще цѣлы, другія находились въ развалинахъ. Донося астраханскому архіепископу Антонію о религіозномъ состояніи осетинъ, въ 1780 году онъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Осетіи) имѣются и церкви каменныя только весьма древнія, а именно: въ Куртатинскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Джахвасѣ, церковь во имя Великомученика Георгія съ алтаремъ, въ которомъ едва только помѣститься одному престолу, и насчитывалъ такихъ до пятнадцати. Въ деревнѣ Нухалъ цѣлая, въ которой видно отчасти и стѣнное изображеніе св. Великомученика Георгія, Ѳеодора, Тифона и Архистратига Михаила; въ деревнѣ Чей церковь во имя св. Троицы деревянная, состроена изъ краснаго дерева, называемаго „негніющее“. Въ сей церкви есть и стѣнные писаніе и нѣсколько образовъ, у которыхъ видны надписи грузинскими литерами. Осетины увѣряютъ, присовокупляетъ къ этому протоіерей Болгарскій, будто всѣ сіи церкви построены бывшею въ свое время грузинскою царицею Динарою (такъ русскія называли тогда Тамару) и отъ нея приставлены были къ народамъ симъ священники, которые поучали ихъ всему касающемуся до вѣры и закона; когда-же Грузія, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, стала приходить въ разстройство, то и священниковъ у нихъ не стало, и затѣмъ впали они въ разныя заблужденія“ *).

Такъ, къ числу обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ миссіонерской дѣятельности „Осетинской коммисіи“ нужно отнести: сохранившіяся среди осетинъ преданія о принадлежности ихъ прежде къ христіанству, почитаніе осетинами Іисуса Христа, Божіей Матери, святыхъ ангеловъ и св. угодниковъ Божіихъ, полуязыческія празднованія христіанскихъ постовъ и праздни-

*) Сказаніе о мѣстно-чтимой Иверской иконѣ Божіей Матери. Изд. 2, 1895 г., стр. 5.

ковъ, развалины и уцѣлѣвшія древнія христіанскія церкви, которыя краснорѣчиво проповѣдывали омагометавшимся осетинамъ о древнихъ и славныхъ временахъ христіанской Осетіи.

Все-же магометанство въ первый періодъ существованія „Осетинской коммисіи“ было такъ сильно среди осетинъ, что члены коммисіи, просвѣщая осетинъ св. крещеніемъ, убѣждали ихъ переселиться изъ горъ на русскую линію, чтобы вліяніе сосѣдей и мусульманскихъ муллъ въ Осетіи не обратило ихъ къ прежнимъ вѣрованіямъ и обычаямъ. Нѣкоторые изъ новопросвѣщенныхъ, слѣдуя этому внушенію, оставляли свои аулы и селились въ сосѣдствѣ съ русскими. Такъ, около Моздока изъ горскихъ выходцевъ, принявшихъ христіанство, образовалось цѣлое поселеніе *).

1769 годъ былъ, какъ выше сказано, роковымъ годомъ для „Осетинской коммисіи“: въ этомъ году было разрушено кабардинцами осетинское подворье. Впрочемъ, осетинская коммисія въ 70 годахъ XVIII столѣтія была возстановлена, и съ этого времени начинается новый періодъ существованія кавказской русской миссіи.

XI.

Второй періодъ въ исторіи Осетинской коммисіи.—Начальникъ коммисіи протопопъ Аѳанасій Лебедевъ.—Инструкція отъ Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода находящимся въ Осетіи протопопу съ прочими священнослужителями, какимъ образомъ имъ въ обращеніи тамошняго народа въ православную, греко-россійскую вѣру поступать должно.

Въ первый періодъ своего существованія, съ 1745 г. по 1769 г., Осетинская духовная коммисія обратила къ христіанству немного болѣе 2000 человѣкъ кавказскихъ горцевъ, преимущественно изъ осетинъ. Такое малое количество присоединенныхъ къ христіанству въ соединеніи съ постоянными жалобами на миссіонеровъ и

*) Сказаніе, стр. 7.

съ плохими отзывами объ ихъ миссіонерской дѣятельности со стороны кизлярскихъ комендантовъ побудило русское правительство обратить вниманіе на кавказскую миссію и озаботиться ея улучшеніемъ. Съ начала 70 годовъ XVIII столѣтія открывается 2-й періодъ существованія Осетинской коммисіи. Въ 1771 г. начальникомъ Осетинской коммисіи былъ назначенъ изъ русскихъ протопоповъ Аѳанасій Лебедевъ. Штатъ содержанія миссіонеровъ повидимому остался тотъ-же. Постояннымъ мѣстопребываніемъ миссіи опредѣленъ городъ Моздокъ. Новому начальнику миссіи дана была Св. Синодомъ инструкція относительно миссіонерства въ Осетіи. Въ этой инструкціи даются подробныя указанія относительно того, какъ поступать миссіонерамъ во время проповѣднической дѣятельности среди осетинъ. Имѣя въ виду, что постановленія инструкціи по своему содержанію и въ настоящее время пригодны не только для миссіонеровъ Кавказа, но и другихъ русскихъ окраинъ, а съ другой стороны принимая во вниманіе, что инструкція эта мало извѣстна въ печати, считаемъ полезнымъ привести этотъ интересный историческій документъ въ исторіи русскаго миссіонерства.

Секретно.

Инструкція

отъ святѣйшаго, правительствующаго, всероссійскаго Синода находящимся въ Осетіи протопопу съ прочими священнослужителями, какимъ образомъ имъ въ обращеніи тамошняго народа въ православную, грекороссійскую вѣру поступать должны.

Во-первыхъ, изъясняется вамъ, что по дѣламъ въ Святѣйшемъ Синодѣ оказалось, сколь въ худомъ поведеніи до нынѣ находилось обращеніе иновѣрцевъ въ христіанскую вѣру въ осетинскомъ народѣ; а сіе самое произошло не отъ чего иного, какъ отъ худого самихъ проповѣдниковъ поведенія, а именно: проповѣдники

оные, оставляя близкія къ городамъ здѣшней имперіи мѣста безъ проповѣди, отъѣзжаютъ въ отдаленныя и дикія, проповѣдуютъ на русскомъ или грузинскомъ языкѣ тѣмъ, которые ихъ не знаютъ, крещеныхъ оставляютъ безъ всякаго наставленія; возвращаясь же потомъ къ нимъ, дѣлаютъ подъ разными видами привязки и чрезъ то сыскиваютъ случай себя обогащать насильственно, дѣлаютъ всякія притѣсненія, не стараясь притомъ нимало ихъ привести въ познаніе вѣры и закона, а слѣдовательно, тѣ иновѣрные вмѣсто чаемаго вѣры и закона понятія единственно только изнуряются, а отъ проповѣдниковъ происходятъ соблазны.

И для того вы должны навсегда въ свѣжей памяти содержать то, что поручается вамъ дѣло святое и великое, дѣло званія апостольскаго, чтобы людей пребывающихъ во тьмѣ заблужденія просвѣтить познаніемъ спасительныя истины, открыть имъ пути небеснаго царствія, т. е. утвердить въ совершенствѣ вѣру и истинныхъ добродѣтелей, и чрезъ то привести къ единомыслію и расположить къ единому общей государственной пользы наклоненію. Но дабы сіе наложенное на васъ дѣло исправили вы съ тою пользою, которая ожидаетъ отъ васъ церковь Божія и любезное отечество, должно вамъ сохранить слѣдующее: 1-ое, чтобъ ученіе, преподаваемое вами, было такое, которое бы могло быть и невѣрному вмѣстительно. 2-ое, должно вамъ и въ самомъ томъ преподаваніи ученія имѣть особливыя нѣкоторыя предосторожности, чтобъ оно получить могло желаемый свой конецъ. 3-ье, должно и то знать, какимъ порядкомъ поступать вамъ въ положенномъ на васъ дѣлѣ семъ. Все сіе съ довольнымъ изъясненіемъ предписывается въ нижеслѣдующемъ:

ПЕРВОЕ.

Какое ученіе преподавать при обращеніи иновѣрныхъ въ вѣру христіанскую.

1-ое. Ученіе иновѣрнымъ преподавать вы должны изъ единаго Евангелія, Дѣяній и Посланій апостольскихъ, не отягощая обращаемыхъ разума, яко во младенчествѣ вѣры еще сущаго, преданіями, кромѣ самыхъ нужнѣйшихъ и къ основанію вѣры служащихъ догматовъ.

2-ое. Въ преподаваніи сего ученія наблюдать вамъ слѣдующій порядокъ: а) должны вы изъяснить, что есть Богъ; б) что Онъ далъ человѣку законъ; тутъ объяснить хотя кратко, но ясно о тѣхъ дѣлахъ добрыхъ, которыя Богъ предписалъ человѣку въ законъ.

3-ье. Сіи добрыя дѣла суть слѣдующія: а) Бога любить и почитать всѣмъ сердцемъ; б) идоловъ своихъ отвращаться и вовсе забыть; в) имя Божіе воспоминать съ почтеніемъ и ни въ какой ложной клятвѣ не призывать; г) родителей своихъ любить и почитать, а во первыхъ установленной отъ Бога власти повиноваться; д) въ церковь въ воскресные и праздничные дни ходить молиться съ благоговѣніемъ и слово Божіе слушать со вниманіемъ; ежели-жъ что не дозволитъ быть въ церкви, въ то время молиться въ домахъ своихъ; е) любить ближняго, т. е. не обидѣть его ни чѣмъ, не оскорбить печалію, и никакой козни ему не приключить, а толь наипаче не убить его на смерть; напротивъ, дѣлать ему добро; также и своего живота беречь, разумѣя, что не имѣетъ человѣкъ власти по слову Божію самъ себя убить; при томъ научать, чтобъ не пьянствовали и были бы трудолюбивы; ж) сохранять вѣрность и чистоту какъ въ супружествѣ, такъ и кромѣ супружества; з) ни у кого и ничего не отнимать, а тѣмъ паче ни у кого и ничего не красть, а все желаемое стараться пріобрѣсть своими трудами; і) ни на кого ни въ чемъ не клеветать, не лгать и не обманывать; и) ни чьему имѣнію не завидовать и ничего чужого себѣ не желать.

4-е. Потомъ приступить къ догматамъ, которые заключаются въ Символѣ вѣры; оному во первыхъ обучать

вамъ съ краткимъ, но яснымъ толкованіемъ, которымъ объяснить: а) повторить, что есть Богъ; б) что Онъ человѣка и весь свѣтъ создалъ и его хранитъ; в) что отъ сего Бога человѣку данъ законъ; г) что Богъ какъ милосердъ, видя, что люди часто преступаютъ Его законъ и отдаются въ непорядочную жизнь, послалъ имъ Спасителя Іисуса Христа, Который какъ примѣромъ своей жизни научилъ людей добродѣтели, такъ и далъ законъ Евангелія, въ которомъ показано весьма ясно, какъ добра держаться, а худа убѣгать, и чрезъ то сыскивать не токмо временное, но и вѣчное благополучіе, и для того во Христа вѣровать, на него надѣяться неотмѣнно надлежитъ; д) что есть крещеніе, исповѣдь и причастіе, научить кратко и о томъ, что Богъ за беззаконіе будетъ осуждать, а за добродѣтели награждать.

5-е По изъясненіи догматовъ вѣры каждаго научить что вся сія вѣра сама собою спасти человѣка отнюдь не можетъ, ежели обратившійся не будетъ имѣть попеченія о добрыхъ дѣлахъ во весь свой вѣкъ.

6-е. Но какъ вѣры сохранить, такъ и добрыхъ дѣлъ исполнить не можетъ человѣкъ безъ божественныя свыше помощи; а оная дается наипаче тѣмъ, кто проситъ того у Бога прилежною молитвою; чего ради, хотя кратко показать обращающимся и о томъ, что молитва есть призываніе Бога въ помощь во всѣхъ нашихъ дѣлахъ и за основаніе оной объяснить молитву Господню: Отче нашъ, и прочая.

7-е. О святыхъ иконахъ поучать, чтобъ они ихъ не боготворили, а почитали только изображеніемъ, чрезъ которое на память приводится имя того, кто на нихъ написанъ; и для того, поклоняясь предъ ними, помнили бы, что поклоняются не образамъ, но тѣмъ, кто на нихъ написанъ.

8-е. Сего на первый случай обращающемуся вѣдать довольно; все же сіе предлагать на разсужденіе добровольное, отнюдь не угрожая ничѣмъ, ниже приводя къ

тому насиліемъ каковымъ либо. Чтожъ касается до преданій, яко то: чтенія по вся дни многихъ молитвъ, соблюденія во всякой недѣлѣ постныхъ дней, и во всякой части года постовъ многонедѣльныхъ, о томъ за первый случай напоминать, а отнюдь ихъ не принуждать къ той строгости, которую въ христіанствѣ рожденные хранятъ. Разумнѣйшимъ объяснить наипаче сіе, что вѣра въ Бога и въ Спасителя есть первѣйшее христіанства основаніе, что церковныя учрежденія и сохраненіе постовъ спомоществуютъ вѣрѣ истинной, и что впрочемъ, храненіе десяти заповѣдей есть самая главная добродѣтель, сопутствующая христіанству и ни какъ и никогда не отдѣлимая отъ вѣры, безъ которой и вѣра сама мертва. Въ заключеніе слова твердить иновѣрцамъ любовь къ Богу и любовь къ ближнему; къ соблюденію же поста въ страстную недѣлю сколько возможно поученіемъ и увѣщаніемъ приводить, ибо святый апостолъ Павелъ дѣлалъ въ семъ случаѣ снисхожденіе: „Да никто же“,—пишетъ къ Колосс., въ гл. 2, ст. 16, — „васъ осуждаетъ о яденіи и питіи, или о части праздника“ и къ Римл., въ гл. 14, ст. 20: „Чистымъ вся чиста“, а пресѣкаетъ только въ семъ случаѣ для ихъ соблазнъ: „но зло человѣку претыканіемъ ядущему“. А какъ между таковыми, каковымъ проповѣдывать вы должны, сіе снисхожденіе безъ соблазну ихъ быть можетъ: то при обращеніи ихъ принужденія къ постамъ не дѣлать, а достигать сего терпѣливымъ увѣщаніемъ и ожиданіемъ. Здѣсь разумѣть надобно, что когда въ первыя основанія вѣры Христовой изъ ихъ иновѣрныхъ кто духомъ и истинною войдетъ, тотъ и самъ преклонится къ соблюденію всѣхъ преданій и церковныхъ обрядовъ; ежели же по принужденію только будутъ сіе исполнять, то строгое тутъ взысканіе паче ихъ устрашитъ, яко не пріобыкшихъ къ разбору пищи, тѣмъ меньше къ наблюденію, чтобъ не оскоромиться блюдомъ въ маслѣ замаранномъ, и тому подобное. Словомъ, въ семъ поведе-

ніи послѣдовать должно по тому жъ святому апостолу Павлу, который новообратившихся, яко еще слабодушныхъ, отнюдь отъ ихъ прежнихъ обрядовъ не противныхъ христіанству вдругъ не отводилъ, но только толковалъ имъ, чтобъ они ихъ за правила вѣры не почитали.

9-е. Сверхъ сего ученія никакихъ суевѣрій, пустыхъ разсказовъ, ложныхъ чудесъ и откровеній не прибавлять, пачежъ басенъ нигдѣ и никакими правилами церковными, тѣмъ меньше Священнымъ писаніемъ, не утвержденныхъ не проповѣдывать, толь наипаче своихъ не вымышлять, подъ опасеніемъ наистрожайшаго истязанія.

ВТОРОЕ.

Что наблюдать въ преподаваніи ученія обращаемымъ?

1-е. По прибытіи въ назначенное мѣсто отнюдь не должны вы говорить, что присланы по указу, но пришли учить о добродѣтельномъ житіи и показать истинный путь спасенія, по долгу наложеннаго на васъ званія, и сіе должны вы предложить имъ съ усердіемъ и любовію.

2-е. Здѣсь напоминается вамъ, что въ семъ посланничествѣ должность ваша состоитъ наипаче въ томъ: а) учить, б) увѣщевать, в) напоминать, г) представлять себя примѣрами добродѣтели; сверхъ всего всѣ способы, употребляемые къ тому, яко то повелѣніе, угрожаніе и строгое съ утѣсненіемъ взысканіе, есть насильство совѣсти, оное язычника или магометанца не только къ Богу или христіанству не приведетъ, но паче ожесточитъ, и то есть самое противу слова Божія злочестіе.

3-е. Итакъ, не употребляя никакого отнюдь насильства, должны вы благоразуміемъ своимъ во первыхъ учить, потомъ, во ученіи своемъ увѣщевать и удостовѣрять въ началѣ доказательствами естественными о пребываніи власти и силѣ Бога всемогущаго; а удостовѣривши, такъ поступать далѣе по христіанскому ученію; утвердить прежде, что есть слово Божіе, и тѣмъ доказывать вѣру въ Спасителя и прочее, какъ выше пред-

писано; все-же сіе внушать съ кротостію, любовію и снисходительно. Таковые наипаче поступки согласны духу евангельскому, и они истинно утвердить могутъ въ иновѣрныхъ спасительную проповѣдь.

4-е. Въ проповѣдываніи ученія вамъ наблюдать, чтобъ начинать наставленіе дѣлать въ каждомъ дому разумнѣйшимъ, а не малолѣтнимъ и престарѣлымъ, въ безпамятствѣ уже сущимъ, съ тѣмъ, чтобъ они сами поучившися, прочимъ толковали.

5-е. По довольномъ наученіи и утвержденіи въ вѣрѣ предложить крещеніе желающимъ, истолковавъ прежде силу онаго; на сіе соизволившихъ въ тое время и крестить. Тутъ за необходимое почитается наставить новокрещеннаго, дабы разумѣлъ, что онъ крещенъ водою и духомъ, и вѣровалъ бы, что вода есть знакъ омовенія духовнаго, которое совершается силою вѣры во Христа, Духомъ Божіимъ очищается отъ грѣха и чрезъ то обязывается все то усердно исполнить, что церковь христіанская повелѣваетъ.

6-ое. Здѣсь напоминается и о томъ, что какъ предъ крещеніемъ обращающемуся надо имѣть покаяніе въ грѣхахъ своихъ, такъ и по крещеніи, для укрѣпленія духовнаго, нужно паки причащеніе, съ объясненіемъ таковымъ, что онъ подъ видомъ хлѣба и вина, отъ священника благословенныхъ, причащается самому Христу; а о покаяніи изъяснить, что онъ долженъ какъ наичаще священнику исповѣдывать свои грѣхи, съ тѣмъ, чтобъ сколько можно отъ тѣхъ грѣховъ отставалъ и исправлялся въ жизни; чего ради, какъ при крещеніи неотмѣнно сіе исполнять, такъ и потомъ препоручать ихъ священникамъ тѣхъ церквей, которыя отъ ихъ мѣстъ недалече отстоять; а ежели оныя отстоять отъ ихъ жилищъ въ отдаленности, то о томъ должны вы представлять на разсмотрѣніе архіерею, дабы они безъ того паки не обращались на прежнее.

7-ое. По окончаніи въ назначенной вамъ дистаніи,

обратно тѣмъ же путемъ возвратиться, и обратившимся то же ученіе для большаго ихъ утвержденія, хотя кратко напоминать; а ежели кто ослабѣлъ, то, повторяя оное ученіе, поступать съ таковымъ кротко и снисходительно, взыскивая, яко бы погибшую овцу, которыя пріобрѣтеніе пастырю паче цѣлаго стада пріятно быть должно.

ТРЕТЬЕ.

Какой порядокъ наблюдать при обращеніи иновѣрныхъ въ самомъ пути.

1-ое. Вамъ, протопопу, имѣть свое пребываніе въ Моздокѣ, въ поселеніи для новокрещенныхъ горскихъ жителей заведенномъ, и осетинскихъ людей наставлять въ законѣ и имѣть за ними присмотръ; а прочимъ священникамъ, дьконамъ и дьячкамъ, кромѣ одного дьякона и дьячка при протопопѣ оставленныхъ, всегда въ Осетіи, куда временно и самому протопопу для очевиднаго свидѣтельства и наставленія ѣздить. Порядокъ же въ пути и самое продолженіе времени въ положенномъ на васъ дѣлѣ зависить не отъ вашего выбора и произволенія, но единственно отъ распоряженія и наставленія кизлярскаго коменданта, которому всѣ обстоятельства тамошнихъ народовъ извѣстны быть могутъ, и безъ вѣдома его ничего собою не предпринимать; а въ случаѣ нужды, о чемъ необходимо потребно будетъ, представлять заблаговременно святѣйшему Синоду и архіерею.

2-ое. Смотрѣть вамъ, чтобы проповѣдь слова Божія распространялась порядкомъ и начинать оную отъ ближайшихъ по пути мѣстъ, назначенныхъ вамъ имянно; дабы проповѣдуемая вами вѣра мало-по-малу расширялась, а обращенные вспомоществовали бы вамъ, увѣряя другихъ о просвѣщеніи своемъ.

3-ье. По долгой бесѣдѣ и дружескомъ обхожденіи должны вы, наблюдая вышепредписанный вамъ порядокъ ученія, распрашивать хозяина и хозяйку о ихъ

законѣ и о богослуженіи съ любопытствомъ; узнавъ сіе, начинать доказывать неправость ихъ мнѣнія, наипаче порядокъ разговора, естественными доводами, то есть, показывая отъ видимыхъ тварей прямого создателя, и такъ далѣе. Сіе слушать терпѣливо и снисходительно и самимъ разсказывать такожде не съ грубостію и досадительными словами, но ласково и дружелюбно.

4-ое. Ежели гдѣ ученіе ваше не будетъ принято, или какая-либо оказана будетъ вамъ тамъ суровость, тогда оставить вы должны домъ тотъ съ миромъ, а ежелибъ при всемъ вашемъ мирномъ и евангельскому проповѣднику пристойномъ поведеніи случилась каковая отъ иновѣрныхъ по ихъ къ суевѣріямъ своимъ пристрастію жизни вашей опасность, тогда требовать вамъ отъ находящихся въ Кизлярѣ или въ Моздокѣ свѣтскихъ командъ, или откуда надлежитъ, вспоможенія и защищенія.

5-ое. Знать при томъ вы должны, что и сами находиться будете подъ нѣкоторымъ у тѣхъ командъ надсмотрѣніемъ, которыя принимать будутъ всякія паче чаянія приносимыя на васъ жалобы, для сообщенія о томъ къ архіерею и святѣйшему Синоду.

6-ое. Во время вашего путешествія, по назначеннымъ временамъ и способности, репортовать вамъ святѣйшему Синоду и епархіальному архіерею о успѣхахъ положеннаго на васъ дѣла; а въ случаяхъ каковыхъ-либо сумнительствъ, требовать наставленія.

7-ое. Здѣсь паки напоминается о тѣхъ качествахъ, каковыя вамъ избраннымъ на сіе евангельское служеніе неотмѣнно имѣть слѣдуетъ. Должны быть вы завсегда трезвенны, цѣломудры, благоговѣйны, чинны, кротки, любовны, снисходительны, учительны, оказывать себя предъ всѣми не ханжами или лицемѣрами, но искренними и чистосердечными, не склоняться ни подъ какимъ видомъ къ какому-либо насилію и лихоимству, ничего не вымогать и отнюдь не брать; ибо должны вы имѣть всегда въ памяти сіе: отправляется на сіе святое

дѣло не для насыщенія алчбы въ корыстолюбіи, но для пріобрѣтенія славы Божія, пользы государства и для спасенія душъ человѣческихъ; почему и исполняя съ радостію возложенное сіе служеніе всегда помышлять должны, что тѣмъ приносите жертву Богу, и что готовится вамъ за сіе награда небесная, но и временнаго не будете лишены награжденія, ежели только окажете себя достойными сему святому служенію, и будутъ видимые успѣхи въ вашихъ трудахъ.

8-ое. Должны вы завсегда помнить и важность учиненной вами при отправленіи на дѣло сіе присяги, которая за опущеніе чего-либо въ должности вашей подвергаетъ васъ страшному и неизбѣжному Божію суду.

9-ое. Служба церковная всегда можетъ на россійскомъ языкѣ отправляема быть, однако (что за довольное почесть можно новообращеннымъ), символъ вѣры, десятословіе и молитву Господню, съ краткимъ объясненіемъ предать иновѣрнымъ вразумительнымъ всѣмъ имъ языкомъ.

10-ое. Самое трудное дѣло есть при проповѣди иноязычнымъ неразумѣніе взаимное языка, для чего надобно, во-первыхъ, сколько возможно стараться, чтобы изъ обращенныхъ принимать въ учрежденную въ Моздокѣ школу учениковъ, съ тѣмъ, дабы они никогда своего не забывали, и чтобъ такихъ, со временемъ, по обученіи россійской грамотѣ, и по способности мѣстъ, можно было посвящать къ церквамъ обращенныхъ во священники и посылать для проповѣди.

ЧЕТВЕРТОЕ.

Что наблюдать о бракахъ приходящихъ ко крещенію и крестившихся.

Въ супружествахъ новокрещенныхъ наблюдать: 1-ое, чтобъ оставался мужъ съ одною женою; если прежде многихъ имѣлъ, съ какою онъ пожелаетъ; тоже разу-

мѣется и о женахъ. 2-ое, есть-ли супружество до крещенія по-прежнему ихъ обыкновенію было бы и въ возбраненныхъ степеняхъ, то таковыхъ, въ разсужденіи томъ, что въ оные они еще до крещенія вступили, не расторгать; 3-ье, по крестному-жъ родству, тѣмъ, которые впредь вступать будутъ въ браки, запрещается воспріемнику дочери своей крестной мать понимать въ супружество, а притомъ, какъ воспріемнику, такъ и сыну его, понимать дѣвицу, которую принялъ отъ святого крещенія, ни мать оной дѣвицы; далѣе же духовное сродство не распростирать.

ПЯТОЕ.

Въ прочемъ-же предписывается вамъ слѣдующее:

1-ое. Есть ли сверхъ изображеннаго въ сей инструкціи къ произведенію того богоугоднаго дѣла впредь къ дополненію еще будетъ что потребно, о всемъ томъ вамъ, протопопу, описывая подробно и съ приложеніемъ своего мнѣнія, представлять святѣйшему Синоду и требовать на то указа.

2-ое. Сію инструкцію содержать вамъ собственно для вашего свѣдѣнія и исполненія при себѣ, секретно, а постороннимъ, кому о томъ вѣдать не надлежитъ, отнюдь не объявлять, и изъ нее ничего не разглашать, ибо въ оной нѣкоторыя снисхожденіи учинены единственно въ разсужденіи только вновь приходящихъ отъ языкъ въ христіанскую вѣру, и дабы чрезъ разглашеніе не могло кому послѣдовать изъ того какого соблазна.

3-ье. Во время исправленія возложенной на васъ сей должности никакихъ непристойныхъ и до званія вашего не касающихся разглашеній не чинить, подъ опасеніемъ неопустительнаго по указамъ штрафа; ежели же что въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности, онаго отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ

не писать, а поступать въ томъ, какъ состоявшійся въ 1724 году генваря 13 дня, государя императора Петра Великаго указъ повелѣваетъ.

Апрѣля 9 дня, 1771 года *).

XII.

Взглядъ правительства на состояніе миссіонерской дѣятельности „Осетинской Коммиссіи".—Заботы объ улучшеніи дѣлъ миссіонерства въ Осетіи.—Моздокская школа для осетинъ.—Донесеніе въ Синодъ начальника миссіи прот. А. Лебедева о положеніи Моздокской школы; мѣры къ улучшенію этого положенія.—Осетины-воспитанники Астраханской семинаріи.—Крещеніе осетинскихъ старшинъ.

Болѣе, чѣмъ двадцатилѣтній опытъ миссіонерской дѣятельности Осетинской Духовной Коммиссіи убѣдилъ правительство въ недостаточности тѣхъ мѣръ и средствъ, которыми располагали миссіонеры для своей важной и полезной дѣятельности.

Императрица Екатерина II, въ одномъ изъ своихъ рескриптовъ на имя астраханскаго губернатора Якобія, отзывалась неблагопріятно о миссіонерской дѣятельности Осетинской Коммиссіи подъ начальствомъ грузинъ-архимандритовъ. „Хотя съ немалаго уже времени по распоряженіямъ нашего Синода и происходитъ проповѣдь христіанскаго закона въ осетинскомъ и ингушевскомъ народахъ, живущихъ въ горахъ, за Малою Кабардою, по дорогѣ къ Грузіи, по воспріятой надеждѣ къ ихъ обращенію, въ разсужденіи всегда оказываннойихъ къ тому склонности, и въ разсужденіи еще и того, что по оставшимся въ ихъ жилищахъ слѣдамъ старыхъ церковныхъ строеній, предки ихъ были христіане, почему подлинно многіе изъ нихъ и крестятся съ великою охотою и желаніемъ; но почти всѣхъ бывшихъ по нынѣ въ кизлярской сторонѣ начальниковъ единогласное напротивъ того, просилъ ченіе не предполагаетъ, одно онъ по

*) П. Г. Буткова. Марый сверхъ вой исторіи Кавказа. Ч. I. Петербургъ, 1869 г. Ст ебленнымъ въ у

нако-же, въ томъ ни малѣйшей пользы и прочности по причинѣ грубаго и дикаго сихъ людей состоянія и неспособности ихъ понимать христіанскія истины и приступать къ онымъ со внутреннимъ удостовѣреніемъ, крестясь они по большей части изъ корыстолюбія, для опредѣленнаго на такой случай снабдѣнія и оставаясь потомъ въ прежнемъ своемъ нечестіи и своевольствѣ, какъ неподручные къ здѣшнему за ними всегдашнему смотрѣнію; временныхъ къ нимъ здѣшнихъ священниковъ пріѣзды, иногда и съ опасностію соединенные, не могутъ къ тому достаточны быть, чтобъ утвердить ихъ въ общемъ благостройствѣ, а всѣ другія мѣры означивали бы уже ихъ къ нашей сторонѣ и непосредственное присвоеніе; но тѣмъ кабардинскіе владѣльцы, кои ихъ своими подчиненными называютъ, были бы напрасно огорченными, и можетъ быть еще и больше наконецъ, изобрѣли бы затруднительность въ теченіе проповѣди и произвели бы здѣсь нужду совсѣмъ отъ оныхъ людей отступиться, не стоя они въ настоящемъ своемъ состояніи употребленія великихъ усилій“ *).

Тогда рѣшено было устроить въ Моздокѣ школу для осетинъ, обращающихся въ христіанство. На эту школу возлагались большія надежды. Предполагалось, что школа послужитъ разсадникомъ просвѣщенія среди осетинъ, дастъ имъ возможность духовно объединиться съ православіемъ и Россіею. Дѣятелями объединенія могли оказаться тѣ молодые люди, которые получали воспитаніе въ этой школѣ. Въ этихъ видахъ съ 1764 г. учреждена была въ Моздокѣ особая школа для осетинъ. На содержаніе каждаго учителя и ученика этой школы отпускалось по два рубля въ мѣсяцъ изъ кизлярскихъ и астраханскихъ доходовъ. Астраханскій губернаторъ и кизлярскій комендантъ долженствовали завѣдывать управленіемъ этой школы. [illegible]наго по у[illegible]

*) П. Г. Бутковъ. Мат[illegible]ныхъ дѣлах[illegible]ой исторіи Кавказа. Ч. I, стр. 440—441. [illegible]ъ въ партик[illegible]

Когда начальникомъ Осетинской Комиссіи былъ назначенъ протоіерей А. Лебедевъ, осетинская моздокская школа была въ полнѣйшемъ упадкѣ. Объ этомъ было донесено въ Св. Синодъ, а изъ Синода въ Коллегію инстранныхъ дѣлъ.

Въ томъ же рескриптѣ астраханскому губернатору Якобію, отъ имени императрицы Екатерины II, сообщается слѣдующее о состояніи моздокской школы. „Въ нашу Коллегію инстранныхъ дѣлъ сообщено отъ нашего Синода, по доношенію въ оной находящагося въ Моздокѣ при Осетинской Комиссіи протопопа Аѳанасья Лебедева, о встрѣтившихся препятствіяхъ и неудобствахъ въ продолженіи преподаваемаго обученія въ Моздокѣ новокрещенныхъ осетинцовъ дѣтямъ, какъ въ законѣ христіанскомъ, такъ и россійской грамотѣ, потому, что они напредъ сего содержаны были и жили въ особливыхъ пристойныхъ покояхъ, за присмотромъ учителя, и имѣли отъ своего жалованья пищу и платье; напротивъ того, нынѣ при обветшаніи и разрушеніи оныхъ покоевъ, оставшись ученики безъ пристанища, и скитаются по разнымъ домамъ у поселившихся осетинцовъ и претерпѣваютъ крайнюю бѣдность и недостатокъ, не имѣя ни обуви, ни рубахъ, по причинѣ отбираемаго у нихъ жалованья отцами ихъ и родственниками во время ихъ въ Моздокѣ пріѣздовъ, для чего, не только по городу, но и въ школу ходить не могутъ; къ чему и отведена деревянная изба, въ которой лѣтомъ отъ течи, а зимою отъ угаровъ великое безпокойство и ученикамъ, и учителямъ причиняется; о построеніи-жъ для школы новаго дома и особливыхъ покоевъ и о поправленіи отведеннаго протопопу весьма тѣснаго и никакихъ домовыхъ потребностей не имѣющаго дома, хотя онъ протопопъ, неоднократно и просилъ моздокскаго коменданта полковника Иванова; но онъ по тому никакого исполненія не дѣлалъ, который сверхъ того по своему недоборхотству и употребленнымъ въ учительство Осетин-

ской комиссіи діаконамъ съ самаго ихъ вступленія въ сію должность принадлежащаго за то жалованья не выдаетъ, хотя бывшіе при томъ до нихъ грузинцы оные всегда исправно получали" *). Вслѣдствіе этого, предписано было губернатору Якобію озаботиться возможнымъ благоустройствомъ моздокской школы.

„Вы, какъ настоящій губернаторъ астраханскій, получа теперь, по смѣнѣ генералъ-порутчика де-Медема, и всѣ дѣла до кизлярскаго пограничнаго края касающіяся въ наше же вѣдомство, имѣете для того, по сему сугубому вашему долгу, обратить всевозможное попеченіе на возстановленіе заведенной въ Моздокѣ толь нужной для осетинскихъ молодыхъ людей школы; вслѣдствіе чего и прикажите какъ пристойные для оной, такъ и для жительства учениковъ покои немедленно вновь построить, когда старые въ починку уже не годятся, употребляя на то деньги изъ назначенныхъ выше сего суммъ, изъ коихъ снабдѣніе такихъ учениковъ и ихъ учителей не назначено; а сверхъ того воспріимите вы наилучшія мѣры и къ тому, чтобъ и число учениковъ всегда было нарочито и чтобъ совокупное ихъ содержаніе и наставленіе происходило всегда съ порядкомъ и со всѣмъ пособіемъ отъ моздокскаго начальства, будучи напротивъ того здѣсь неоднократно жалобы принесены на настоящаго моздокскаго коменданта, полковника Иванова, какъ отъ протопопа Осетинской коммиссіи въ помѣшательствѣ ему, протопопу, въ порученныхъ дѣлахъ, разными затрудниительствами и суровыми поступками въ разсужденіи пріѣзжающихъ въ Моздокъ новокрещенныхъ осетинцевъ, такъ и отъ самого генералъ-порутчика де-Медема, въ явныхъ ему ослушаніяхъ, почему и общее такихъ на границѣ соблазновъ пресѣченіе равнымъ образомъ теперь отъ вашего-жъ подвига зависѣть имѣетъ; а между тѣмъ, относительно къ заведенной въ Моздокѣ

*) Бутковъ. Матеріалы, ч. I, стр. 439—440.

школѣ и происходящей въ тамошнихъ горскихъ народахъ проповѣди еще вамъ здѣсь сказать остается, что будучи въ оной школѣ употреблены учителями, какъ доноситъ нашему Синоду протопопъ осетинскій, дьяконы той же коммиссіи, они за сію свою должность, возложенную на нихъ сверхъ проповѣди и дьяконскаго служенія, по справедливости заслуживаютъ и жалованье на учителей опредѣленное, которое вы имъ въ надлежащія времена и дѣйствительно производить прикажите, а при первомъ случаѣ изъ самаго ихъ употребленія въ учительство оное имъ выдано быть имѣетъ, и что непристойно бы было равнымъ образомъ и протопопа осетинскаго, жалующагося на худое свое жилище, оставлять всегда безъ удовольствія, когда онъ въ толь нужномъ званіи и дѣлѣ употребляется, и по докладу нашего Сената всемилостивѣйше отъ насъ конфирмованному 17 февраля 1771 года, съ котораго въ астраханскую губернскую канцелярію при указѣ нашемъ отъ 7 марта того-жъ года сообщена копія, имянно предписано построить въ Моздокѣ для него, протопопа, удобный домъ, что нынѣ, когда по сіе время не учинено было, немедленно исполнить надлежитъ“ *).

Послѣ этого моздокская школа находилась въ значительно лучшемъ состояніи, чѣмъ прежде. Вѣроятно, нѣкоторыхъ воспитанниковъ изъ нея посвящали въ священниковъ. По крайней мѣрѣ, достовѣрно извѣстно, что въ астраханской семинаріи, основанной въ 1777 г., въ 1784 г. было уже девять воспитанниковъ изъ осетинъ, вѣроятно, питомцевъ моздокской школы.

Въ то же время, русское правительство обнаружило не мало заботъ въ дѣлѣ крещенія знатныхъ осетинскихъ старшинъ въ надеждѣ, что примѣръ ихъ вызоветъ подражаніе со стороны народныхъ массъ. Болѣе вліятельные изъ осетинъ обыкновенно вызывались въ Россію,

*) Бутковъ. Матеріалы. Ч. 1, стр. 442—3.

гдѣ, по надлежащемъ подготовленіи, и были крещаемы. Такъ, въ 1787 г. былъ крещенъ въ Херсонѣ Курманъ Кубатіевъ, съ наименованіемъ его Александромъ, при чемъ императрица Екатерина II была воспріемницею. Тогда же князь Потемкинъ былъ воспріемникомъ при крещеніи старшинъ алагирскихъ, закскихъ и нарскихъ селеній, а именно: крещены въ Моздокѣ тагаурскіе старшины—Максимъ и Петръ Дударовы, изъ фамиліи нынѣшнихъ Дударовыхъ; изъ старшинъ алагирскаго рода—Соломонъ Гурѣевъ; изъ старшинъ закскихъ—Григорій Аришхановъ и изъ нарскихъ—Петръ Шаликовъ *).

XIII.

Результатъ дѣятельности миссіи съ 1771 года по 1790 г.—Открытіе епископской каѳедры въ Моздокѣ.—Епископъ Гаій.—Монастыри въ новооткрытой епископіи.—Дѣятельность еп. Гаія на пользу осетинской письменности и его литературные труды.—Значеніе ихъ.—Закрытіе Моздокской епархіи.

Миссіонерская дѣятельность осетинской духовной коммиссіи, во главѣ которой съ 1771 года былъ поставленъ русскій, продолжала развиваться и, должно отмѣтить, дѣятельность эта была значительно плодотворнѣе, чѣмъ прежде. Русская миссія въ Осетіи съ 1771 г. и по 1790 г. успѣла просвѣтить до 6,000 осетинъ. Въ этотъ промежутокъ времени смѣнилось нѣсколько начальниковъ миссіи. Довольно видное мѣсто среди нихъ занимаетъ протоіерей Іоаннъ Болгарскій, по всей вѣроятности, преемникъ прот. А. Лебедева.

Все же правительство не было еще довольно положеніемъ миссіонерства въ Осетіи. Чтобы обезпечить еще большій успѣхъ при обращеніи осетинъ въ христіанство, рѣшено было образовать въ Осетіи самостоятельную епархію. 19 апрѣля 1893 г. была открыта самостоятельная епископская каѳедра въ Моздокѣ, съ наименова-

*) Влад. Еп. Вѣд. за 1896 г., стр. 186.

ніемъ епископа Моздокскимъ и Маджарскимъ. Самостоятельная каѳедра учреждена была для удобнѣйшаго радѣнія о народахъ осетинскихъ, вѣру христіанскую пріемлющихъ и, на сей конецъ, велѣно архіерею сему исправлять и тѣ дѣла, кои принадлежатъ къ осетинской коммисіи и оставить на прежнемъ положеніи учрежденную въ Моздокѣ школу для ученія дѣтей горскихъ жителей *).

Первымъ епископомъ моздокскимъ былъ назначенъ грузинъ Гаій. Знакомый съ нравами и обычаями горцевъ и съ ихъ языкомъ, Гаій, какъ весьма полезный дѣятель для осатинской коммисіи, былъ принятъ въ коммисію еще въ 1784 г. и вскорѣ сдѣлался главнымъ членомъ коммисіи. Когда возникъ вопросъ о назначеніи епископа для новооткрываемой епархіи, то избранъ былъ архимандритъ Гаій.

Въ именномъ указѣ, данномъ Святѣйшему Синоду объ открытіи моздокской епархіи, императрица Екатерина II повелѣвала учредить около Моздока два монастыря: мужской и женскій—оба втораго класса. Въ послѣднемъ, по предначертанію мудрой государыни, должны были „учиться дѣти женскаго пола закону и мастерствамъ, въ общежитіи потребнымъ, и находить прибѣжище вдовы безпомощныя, которыя бы надзирали за таковымъ воспитаніемъ“. Святѣйшій Синодъ, вслѣдствіе высочайшаго указа, сдѣлалъ съ своей стороны распоряженія и подробныя наставленія новопоставленному епископу Гаію касательно управленія епархіею и евангельской проповѣди горскимъ народамъ, касательно помѣщенія епископа, штата консисторіи и устройства мужскаго монастыря; но объ основаніи женской обители въ этой инструкціи Св. Синода Гаію не сказано было ни слова. Вѣроятно основаніе ея и изысканіе средствъ къ

---

*) Бутковъ, Матеріалы, ч. I, стр. 273.

ея содержанію предоставлялось послѣдующему времени и благопріятнымъ обстоятельствамъ *).

Епископъ Гаій, какъ и его предшественники—начальники осетинской комиссіи, много потрудился въ дѣлѣ просвѣщенія Осетіи. Онъ обратилъ вниманіе на отсутствіе азбуки у осетинъ, а вслѣдствіе этого и письменности, и позаботился объ изобрѣтеніи азбуки. Такъ, въ маѣ 1798 года преосвященный Гаій издалъ и напечаталъ въ Московской синодальной типографіи осетинскую азбуку и сокращенный катихизисъ на русскомъ и осетинскомъ языкахъ **).

Этотъ катихизисъ носилъ наименованіе „Начальное ученіе человѣкамъ, хотящимъ учиться книгъ Божественнаго писанія“ ***).

Для выраженія и начертанія звуковъ и буквъ осетинскаго языка епископомъ Гаіемъ были употреблены славянскія буквы.

Незабвенною заслугою еп. Гаія для осетинской письменности, безъ сомнѣнія, нужно признать изобрѣтеніе имъ азбуки. Зная хорошо осетинскій языкъ, епископъ Гаій сдѣлалъ первую попытку къ основанію осетинской письменности, составилъ осетинскую азбуку изъ русскаго алфавита. При всѣхъ своихъ пробѣлахъ въ передачѣ звуковъ осетинскаго языка, попытка эта, во всякомъ случаѣ, есть начало того, что послѣ сдѣлано въ этомъ же направленіи позднѣйшими учеными лингвистами Шегреномъ, Шифнеромъ, барономъ Усларомъ и проф. В. Ѳ. Миллеромъ. Весьма вѣроятно по своему практическому значенію она была скорѣе кабинетной работой для книгохранилищъ, чѣмъ удовлетвореніемъ запроса, исходившаго изъ существовавшихъ условій ****).

---

*) Сказаніе о мѣстно чтимой Иверской иконѣ Божіей Матери, стр. 10—11.

**) Бутковъ. Матеріалы. Ч. I, стр. 273.

***) Владик. Епарх. Вѣд. за 1896 г., стр. 186.

****) Сборникъ матеріаловъ, стр. 234—5.

Видимо, дѣло миссіонерства въ Осетіи становилось на прочную почву, хотя по прежнему требовало много заботъ и не мало издержекъ со стороны правительства. Тѣмъ болѣе необходимо было позаботиться о поддержаніи Моздокской епископіи, что въ то время, какъ православная миссія успѣшно дѣйствовала между осетинами, другія горскія племена, уступленныя по Кайнарджійскому миру Турціи, подверглись вліянію ислама, проповѣдники котораго стали распространять между ними самую фанатическую ненависть къ христіанству и Россіи *).

Къ сожалѣнію, допущена была трудно поправимая историческая ошибка въ дѣлѣ распространенія православія и русскаго вліянія на Кавказѣ: въ 1799 г. была упразднена Моздокская епархія и ея монастыри.

XIV.

Иверская икона Божіей Матери—даръ царицы Тамары въ осетинскій аулъ.—Переселеніе осетинъ на русскую пограничную линію и пребываніе ихъ возлѣ Моздока.—Знаменіе отъ иконы, и оставленіе иконы осетинами въ Моздокѣ.—Попытки перенести икону въ Моздокъ.—Случаи благодатной помощи отъ Моздокско-Иверской иконы Божіей Матери обращающимся къ ней съ вѣрою. — Значеніе этой святыни для дѣла распространенія христіанства на Кавказѣ.

Говоря о времени еп. Гаія и его дѣятельности для распространенія христіанства въ Осетіи, нельзя пройти молчаніемъ явленіе мѣстно чтимой Моздокско-Иверской чудотворной иконы Божіей Матери, совершившееся въ дни епископства Гаія въ Осетіи.

Вотъ что повѣствуется въ „Сказаніи о мѣстно чтимой Иверской иконѣ Божіей Матери“ о происхожденіи иконы и о прибытіи ея въ Моздокъ.

По свидѣтельству преданія, въ одинъ изъ храмовъ, построенныхъ около осетинскаго аула Марьямсау въ Куртатинскомъ округѣ, Тамара прислала отъ себя икону

*) П. Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи, стр. 375.

Божіей Матери, писанную находившимся при дворѣ ея иконописцемъ и, по преданію, приготовлявшимся къ своему труду шестинедѣльнымъ постомъ. Икона эта впослѣдствіи прославилась чудесными знаменіями. Церковь, въ которой она стояла, три раза подвергалась огню, и св. икону каждый разъ во время пожара находили цѣлою на горѣ, неподалеку отъ церкви. Это чудесное спасеніе иконы Божіей Матери отъ огня послужило первою причиною чествованія, какое осетины стали воздавать ей, какъ чудотворной иконѣ *).

Въ первые годы епископства Гаія прибыла къ Моздоку партія осетинъ, намѣревавшихся поселиться на Терской линіи (около гор. Кизляра).

Переселенцы были изъ Куртатинскаго округа. Они везли съ собою на новое мѣсто жительства икону Божіей Матери, присланную имъ царицею Тамарою и прославившуюся чудотвореніями: оставляя родной аулъ, они не хотѣли разстаться съ своею древнею святынею. Прибывъ къ Моздоку, переселенцы остановились на ночлегъ въ его предмѣстьи, въ которомъ жили ихъ единоплеменники. Во время ужина, въ сумерки они увидѣли, что отъ той арбы, въ которой находилась икона Богоматери, исходитъ какой-то чудный свѣтъ, освѣщающій всю окрестность; свѣтъ этотъ не переставалъ сіять цѣлую ночь. По утру осетины запрягли своихъ воловъ, и хотѣли отправиться далѣе, но волы, запряженные въ ту арбу, въ которой находилась икона Божіей Матери, несмотря на всѣ понужденія и побои хозяевъ, не двигались съ мѣста. Долго осетины не знали, что въ такóмъ случаѣ дѣлать, пока одинъ изъ нихъ не разсказалъ, что онъ слышалъ ночью голосъ, приказывавшій оставить св. икону на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла арба. Какъ ни тяжело было имъ разстаться съ дорогою святынею, однако они вынули св. икону изъ арбы, поставили на указанномъ мѣстѣ и от-

*) Сказаніе, стр. 5—6.

правились въ путь (по направленію къ Кизляру). Такъ какъ это событіе случилось близъ станицы, населенной осетинами, черкесами и казаками, не далеко отъ города, то слухъ о чудотворной иконѣ распространился сначала между ея жителями, а потомъ и въ городѣ. Народъ началъ стекаться къ иконѣ Божіей Матери толпами, и многіе изъ осетинъ узнали въ ней ту икону, которая славилась чудотвореніями въ Осетіи. Скоро узналъ о прибытіи къ Моздоку чудотворной иконы и о всѣхъ обстоятельствахъ этого прибытія преосвященный Гаій. Онъ вышелъ къ ней изъ города съ крестнымъ ходомъ, отслужилъ предъ нею молебенъ и поставилъ было ее въ каѳедральномъ Моздокскомъ соборѣ, полагая представить ей здѣсь почетное мѣсто, для постояннаго пребыванія. Но Богоматерь чудеснымъ образомъ извѣстила епископа, что она желаетъ пребывать своею иконою на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ икона остановилась и провела ночь въ осетинской арбѣ. Преосвященный поспѣшилъ построить здѣсь часовню и велѣлъ поставить въ ней св. икону. Въ 1797 г. на мѣстѣ часовни уже построенъ былъ и освященъ храмъ во имя Успенія Божіей Матери. Лѣсъ для постройки его доставили жители Луковской станицы, а самая постройка и внутренняя отдѣлка произведена на сумму, собранную отъ доброхотныхъ жертвователей. Сооруженная усердіемъ бѣдныхъ жителей Луковской станицы при пособіи пожертвованія, Успенская церковь не отличалась ни обширностью размѣровъ, ни богатствомъ утвари и украшеній. Деревянныя стѣны ея забраны были въ столбы, на тесовой кровлѣ, безъ купола, стоялъ желѣзный крестъ. Внутри церкви на потолкѣ изображенъ былъ Господь Савaоѳъ; на стѣнахъ было двѣ иконы: храмовая—Успенія Божіей Матери и другая небольшая икона Божіей Матери—обѣ въ серебряныхъ ризахъ. Иконостасъ состоялъ изъ двухъ мѣстныхъ иконъ, писанныхъ на полотнѣ, и деревяннаго креста надъ царскими вратами съ иконами св. апосто-

ловъ. Священные сосуды: потиръ, дискосъ, звѣздица два блюдца были оловянные. Зато Успенская церковь заключала въ себѣ самую драгоцѣнную святыню въ чудотворной иконѣ Божіей Матери. Она положила основаніе самой церкви, подвигла усердіе вѣрующихъ къ созиданію ея, она же служила залогомъ будущаго украшенія ея *).

Съ этого времени Моздокско-Иверская икона Божіей Матери основалась въ Успенской церкви до построенія новаго собора въ Моздокѣ, который и освященъ былъ нынѣшнимъ Владикавказскимъ архипастыремъ, преосвященнымъ Владиміромъ. Впрочемъ, была попытка перенести икону изъ Успенской церкви, вскорѣ по закрытіи Моздокской епархіи.

По указу Святѣйшаго Синода 1799 г. Моздокская епархія была упразднена, а съ нею вмѣстѣ закрытъ и Успенскій монастырь. Въ слѣдующемъ году настоятельница монастыря Евфимія и три послушницы, оставшіяся еще въ закрытомъ монастырѣ, переведены въ Астраханскій Благовѣщенскій монастырь. Преосвященный Астраханскій Платонъ, въ непосредственное вѣдѣніе котораго поступила Кавказская паства, распорядился было, по закрытіи монастыря, вслѣдствіе просьбы моздокскихъ грузинъ, продать имъ Успенскую церковь, а св. иконы и церковную утварь изъ нея передать въ моздокскій соборъ; но казаки Луковской станицы, осетины и черкесы просили преосвященнаго оставить имъ Успенскую церковь на томъ же мѣстѣ, потому что она построена ихъ усердіемъ и для нихъ. Въ другомъ прошеніи они присовокупили къ этому, что если нельзя измѣнить рѣшеніе о продажѣ церкви, то они готовы внести за нее куда слѣдуетъ предлагаемые грузинами 360 руб. Видя ревность новопросвѣщенныхъ христіанъ о сохраненіи дорогой для нихъ святыни, преосвященный Платонъ отъ

*) Сказаніе, стр. 8—9.

продажи Успенской церкви велѣлъ удержаться и потомъ обратилъ ее въ приходскую для жителей Луковской станицы, а также для осетинъ и черкесъ. Такимъ образомъ, Иверская икона Божіей Матери послѣ второй попытки перенести ее въ соборъ осталась опять на прежнемъ мѣстѣ.

Епископской каѳедры въ Моздокѣ не стало, а потому онъ долженъ былъ уступить свое значеніе другимъ кавказскимъ городамъ, въ которыхъ сосредоточилось мѣстное гражданское управленіе. Монастырь Успенскій опустѣлъ, зданія его постепенно разрушились. Не смотря на это, въ Моздокъ, въ бѣдную Успенскую церковь, стоявшую въ его предмѣстьи, продолжали стекаться каждый годъ богомольцы. Ихъ влекла сюда слава чудесъ отъ Пресвятой Богородицы, чрезъ Ея св. икону, надежда на полученіе благодатной помощи въ тѣлесныхъ и душевныхъ недугахъ, благочестивое усердіе исполнить данный обѣтъ молитвы, поста и покаянія предъ чудотворнымъ образомъ Приснодѣвы*). И должно не обинуясь сказать, что случаи благодатной помощи, проистекавшіе отъ Моздокско-Иверской иконы Божіей Матери, распространили славу объ этой кавказской святынѣ и на Кавказѣ и далеко за Кавказомъ. Эта кавказская святыня была великимъ благодатнымъ подспорьемъ для православныхъ русскихъ миссіонеровъ, для дѣла распространенія православія на Кавказѣ.

Не умолчимъ хотя о нѣкоторыхъ знаменіяхъ, явленныхъ во славу Божію отъ Моздокско-Иверской иконы Божіей Матери.

Письменныхъ сказаній о чудесахъ Божіей Матери, чрезъ Ея Иверскую икону, отъ конца XVIII и начала XIX столѣтія не дошло до насъ, но сохранилась опись имущества Успенской церкви, составленная въ 1800 г. Изъ этой описи видно, что въ Успенскую церковь до

---

*) Сказаніе, стр. 11—12.

1800 года поступили, между прочимъ, слѣдующіе вклады и приношенія богомольцевъ: хрустальный, въ серебряно-позлащенной оправѣ крестъ, 5 серебряныхъ крестовъ (18 зол. вѣсу), крестикъ золотой, 18 золотниковъ разныхъ серебряныхъ монетъ, перстень золотой, червонецъ голландскій, 2 фунта серебрянаго лому и нѣсколько кусковъ матеріи изъ канавата, перуаня, гарнипира, тафты и мови.

Эти разнообразные приношенія и вклады свидѣтельствуютъ о томъ, что къ Иверской иконѣ Богоматери съ самаго начала пребыванія ея въ Моздокѣ стекались различные богомольцы, которые свое усердіе и благодарность Божіей Матери выражали по мѣрѣ силъ своихъ различными пожертвованіями. Съ теченіемъ времени благодатныя знаменія, совершаемыя Божіей Матерію, посредствомъ Иверской моздокской иконы, дѣлались болѣе извѣстными. Нѣкоторыя изъ этихъ благодатныхъ знаменій записаны со словъ получившихъ благодатную помощь; переданы на память благочестивымъ христіанамъ. Вотъ нѣкоторыя сказанія о благодатныхъ явленіяхъ милости Царицы Небесной.

1) Жившая въ гор. Моздокѣ грузинка, вдова поручика, Елизавета Павловна Медвѣдева, дочь умершаго священника Моздокской Успенской церкви Павла Накашидзева, 47 лѣтъ, разсказала, что 1824 г., послѣ обѣдни въ первый день Пасхи, ей такъ свело челюсти, что она не могла раскрыть рта, несмотря на всѣ свои усилія. Домашніе, видя это, старались всѣми средствами разнять ей ротъ, но не могли ничего сдѣлать и только сломали одинъ зубъ. Въ такомъ состояніи она была три дня; на четвертый день, когда она уже лежала въ постели, все тѣло ея вдругъ онѣмѣло, такъ что она не могла двинуть ни однимъ членомъ, сохранивъ между тѣмъ полное сознаніе. Родные ея, видя, что болѣзнь ея усиливается, рѣшились пригласить одного армянскаго священника, который отчитывалъ больныхъ. Но чтеніе

евангелія не облегчило больную: ей дѣлалось хуже и хуже. По уходѣ священника, больная заснула и во снѣ слышала голосъ, укорявшій ее за недовѣріе къ иконѣ Богоматери и обѣщавшей сначала исцѣленіе правой ея ноги, а потомъ и всего тѣла. Проснувшись, больная почувствовала, что правая нога ея совершенно здорова. Она тотчасъ же возблагодарила Матерь Божію и, пользуясь одною только молитвою предъ Ея святою иконою, вскорѣ совершенно выздоровѣла.

2) Моздокскаго армянина Ивана Баендурова дочь, дѣвица Шогокана Иванова, въ 1838 году, чувствовала сильную боль въ глазахъ, на которыхъ образовались бѣльма, лишившія ее зрѣнія. Цѣлый годъ она лѣчилась различными средствами, прибѣгала къ лѣкарямъ, но все было безуспѣшно. Наконецъ, по совѣту одной своей родственницы, она обратилась съ молитвою къ Богоматери и просила отвести ее въ церковь Успенія. Когда она пришла туда и приложилась къ иконѣ Богоматери, сторожъ церковный посовѣтовалъ ей помазать глаза, хотя бы прахомъ съ иконы и отереть ихъ потомъ пеленою, бывшею на иконѣ. Шогокана исполнила это и тотчасъ начала видѣть сперва не ясно, а потомъ яснѣе и яснѣе. Въ короткое время бѣльма на ея глазахъ совершенно уничтожились.

3) Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, 1-го Хоперскаго полка, казакъ Сергѣй Онисимовичъ Михневъ на 17-мъ году своей жизни почувствовалъ въ правой ногѣ сильную ломоту, не позволявшую ему свободно ходить. Къ этой ломотѣ въ 1839 г. присоединилась еще опухоль въ колѣнѣ, такъ что Михневъ едва могъ ходить съ помощью костылей. По распоряженію начальства онъ былъ отправленъ въ ст. Баталпашинскую въ лазаретъ, гдѣ, несмотря на медицинскія пособія, не получилъ никакого облегченія. Нога его выше колѣна начала сохнуть и высохла до того, что ее въ этомъ мѣстѣ можно было обхватить одною рукою. Медикъ,

пользовавшій его, предложилъ ему отнять больную ногу, но Михневъ не согласился на операцію. Послѣ этого его выпустили изъ лазарета, и какъ навсегда неспособнаго къ службѣ, уволили въ отставку. Михневъ продолжалъ ходить на костыляхъ и то съ большимъ трудомъ. Однажды, въ 1840 г. слушая разсказы о милостяхъ Божіей Матери, проистекающихъ чрезъ находящуюся въ Моздокской Успенской церкви икону Богоматери, онъ прибѣгнулъ съ молитвою къ Царицѣ Небесной, далъ обѣтъ—по выздоровленіи сходить въ Моздокъ для поклоненія Ея святой иконѣ. Богоматерь не отринула молитвы страждущаго: болѣзнь, не уступавшая силѣ науки, уступила силѣ молитвы. Нога Михнева начала улучшаться, и въ скоромъ времени онъ могъ отправиться на поклоненіе св. иконѣ, не нуждаясь въ пособіи костылей.

4) Воронежской губерніи, Нижнедѣвицкаго уѣзда, государственнаго крестьянина Ананія Петрова Бахметьева — жена Александра Иванова, проживавшая на постояломъ дворѣ въ Базовой балкѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ, 1849 года, почувствовала такую слабость въ ногахъ, что принуждена была ходить на костыляхъ. Медицинскія пособія, оказанныя ей, нисколько не помогали и она съ ужасомъ замѣтила, что правая нога ея начала сохнуть. Въ этомъ безнадежномъ положеніи она обратилась съ молитвою о помощи къ Матери Божіей и дала обѣтъ, по исцѣленіи отправиться въ Моздокъ и тамъ принести свою благодарность Пресвятой Дѣвѣ предъ Ея св. иконою. Молитва ея была услышана безъ всякаго лѣченія, въ теченіе одной недѣли здоровье ея такъ поправилось, что она ходила уже безъ помощи костылей и въ скоромъ времени была въ состояніи исполнить свой обѣтъ.

5) Кавказскаго линейнаго казачьяго войска 4-й бригады 1-го Ставропольскаго полка, Бешпагирской станицы, не служащаго казака Андрея Сергіева Мищенкова—жена Домна Аѳанасьевна, въ 1830 г., въ великій

постъ, была жестоко больна лихорадкою, противъ которой оказались недѣйствительными всѣ употребленныя ею средства. Но лишь только она дала обѣтъ отправиться въ Моздокъ, для поклоненія чудотворной иконѣ Божіей Матери, какъ болѣзнь совершенно оставила ее. На дорогѣ въ Моздокъ она опять почувствовала приступъ лихорадки, но усердная молитва къ Богоматери оставила развитіе болѣзни, и лихорадка болѣе не возвращалась къ ней*).

Число благодатныхъ исцѣленій, совершенныхъ Матеріею Божіею посредствомъ Ея св. Иверской иконы, не ограничивается разсказанными. Скромность религіознаго чувства иногда не позволяетъ поклонникамъ, удостоившимся благодатной помощи Богоматери, дѣлать гласными проявленія надъ ними силы Божіей: глубокое чувство благодарности за милость Божію они часто скрываютъ въ глубинѣ души изъ опасенія, чтобы глумленіе невѣрія какъ-нибудь не оскорбило дорогой святыни сердца вѣрующаго; христіанское смиреніе также любитъ скрывать явленныя ему дѣла Божіи молчаніемъ и слагать ихъ только въ сердцѣ своемъ. Притомъ грузины, осетины, черкесы и армяне намѣренно умалчиваютъ о чудотвореніяхъ въ томъ убѣжденіи, что Богоматерь жестоко накажетъ разсказавшаго о своемъ чудесномъ исцѣленіи.

Безмолвнымъ, но тѣмъ не менѣе яснымъ доказательствомъ благодатныхъ исцѣленій, полученныхъ отъ Царицы Небесной, служитъ множество подвѣсокъ, пожертвованныхъ въ Успенскую церковь, тѣми лицами, которыя, не желая объявлять своего имени., выражаютъ, по древнему христіанскому обычаю, свою благодарность Матери Божіей приношеніемъ изображеній исцѣленныхъ Ею членовъ тѣла. Эти подвѣски сдѣланы изъ серебра, а нѣкоторыя изъ олова, смотря по состоянію жертвователя, и представляютъ собою въ маломъ видѣ глаза, руки,

*) Сказаніе, стр 12—17.

ноги, голову и проч. Жители Моздока, въ числѣ которыхъ есть грузины, осетины, армяне, черкесы всѣ съ особеннымъ благоговѣніемъ принимаютъ св. икону въ свои дома и служатъ предъ нею молебны. Присутствію Ея въ Моздокѣ народное преданіе приписываетъ сохраненіе города отъ горскихъ хищниковъ.

Въ храмѣ Успенія среди православныхъ поклонниковъ всегда можно видѣть и армяно-григоріанъ и армяно-католиковъ, которые съ такою же вѣрою, какъ и православные, прибѣгаютъ къ св. иконѣ съ молитвами, ставятъ свѣчи, служатъ молебны. Вникая благоговѣйною вѣрою въ знаменія благодати Божіей, изливающейся чрезъ посредство св. иконы Царицы Небесной, находящейся въ Моздокскомъ Успенскомъ соборѣ, невольно въ духовномъ восторгѣ воспѣваемъ съ церковію: „Кто притекаяй въ храмъ Твой, Богородице, не пріемлетъ скоро исцѣленія душевнаго вкупѣ и тѣлеснаго, Пречистая!“

Въ настоящее время на поклоненіе Моздокской иконѣ Богоматери богомольцы собираются по преимуществу ко дню Преполовенія и къ празднику Успенія Божіей Матери. Многіе изъ нихъ приходятъ пѣшкомъ по обѣтамъ, даннымъ въ различныхъ случаяхъ. Въ числѣ богомольцевъ бываютъ и лица высшихъ сословій. Въ саломъ большомъ количествѣ народъ стекается въ Моздокъ къ празднику Успенія. Усердные богомольцы приходятъ и пріѣзжаютъ въ Моздокъ еще въ началѣ Успенскаго поста, собственно за тѣмъ, чтобы говѣть въ этотъ постъ и пріобщиться св. Таинъ до праздника или въ самый праздникъ. Въ Успенскій постъ многіе изъ моздокскихъ жителей, говѣвшіе въ великій постъ, считаютъ долгомъ говѣть въ другой разъ и непремѣнно въ Успенской церкви. Съ самаго начала Успенскаго поста, церковь Успенская наполнена народомъ. Къ концу поста, съ приближеніемъ праздника, площади около Успенской церкви и между фортштатомъ и городомъ совершенно занимаются пріѣзжими.

У осетинъ, грузинъ, черкесовъ и армянъ есть обычай приходить наканунѣ праздника къ церкви и проводить въ молитвѣ всю ночь; многіе изъ нихъ, особенно женщины, приходятъ по обѣту босыми ногами и ночью по нѣсколько разъ обходятъ церковь на колѣняхъ. Другой обычай, существующій у осетинъ, черкесъ, грузинъ и армянъ состоитъ въ томъ, что они приводятъ къ церкви наканунѣ праздника и въ самый праздникъ до обѣдни, а иногда и въ слѣдующіе дни, скотъ и рѣжутъ его гдѣ-нибудь недалеко отъ церкви. Мясо тутъ-же раздаютъ бѣднымъ жителямъ г. Моздока и недостаточнымъ богомольцамъ.

Этотъ обычай благодѣтеленъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность бѣднымъ жителямъ Моздока и недостаточнымъ богомольцамъ даромъ имѣть во время праздника здоровую пищу.

Въ самый день праздника, съ ранней зари, толпы богомольцевъ и жителей Моздока спѣшатъ въ Успенскую церковь для служенія молебновъ. Во время литургіи въ Моздокѣ совершенно почти не остается жителей, всѣ на форштадтѣ, въ Успенской церкви или около нея.

Довольно обширная церковная ограда дѣлается въ это время чрезвычайно тѣсною. Народъ стоитъ кругомъ церкви и многіе, не вмѣстившіеся въ оградѣ, стоятъ и молятся за оградою. Это зрѣлище особенно пріятно тѣмъ, что въ толпѣ народа, собравшагося для молитвы, находятся лица всѣхъ націй и даже исповѣданій, населяющихъ Моздокъ. Икона Богоматери соединяетъ всѣхъ Русскій, грузинъ, осетинъ, черкесъ, армянинъ сошлись сюда по одному побужденію и у всѣхъ одна цѣль — молитвы къ Богоматери. На всѣхъ лицахъ видна теплая вѣра въ силу и покровительство Матери Божіей и каждый по своему испрашиваетъ Ея заступленія. Моздокская чудотворная икона Божіей Матери имѣетъ 1 аршинъ и $^3/_4$ въ длину и 1 аршинъ 7 верш. въ ширину. Она написана на деревянной доскѣ по золотому фон..

Надъ ликомъ Богоматери находится грузинская подпись подъ титломъ „Пресвятая“, а надъ Предвѣчнымъ Младенцемъ „Іисусъ Христосъ“ тоже грузинскими литерами. Икона покрыта сребро-позлощенною ризою чеканной работы, корона Божіей Матери украшена дорогимъ алмазомъ. Въ Успенской церкви св. икона помѣщается въ кіотѣ за правымъ клиросомъ *).

Эта великая христіанская святыня, источающая знаменія и чудеса всѣмъ, съ вѣрою притекающимъ, и была и навсегда останется дивною благодатною помощію въ дѣлѣ утвержденія и распространенія православія на Кавказѣ!

XV.

Значеніе закрытія Моздокской епархіи для Осетіи.—Разореніе кабардинцами аула Караджаева и церкви въ немъ.—Первоначальныя отношенія южныхъ осетинъ къ русскимъ; измѣненіе этихъ отношеній.—Осетины центральныхъ ущелій Кавказа, ихъ отношеніе къ христіанству и русскимъ.

Закрытіе Моздокской епархіи было печальнымъ событіемъ для Осетіи, крупнымъ шагомъ назадъ въ исторіи возстановленія и утвержденія православія на Кавказѣ.

Оставшись безъ бдительнаго духовнаго руководства, осетины, недавно обращенные въ христіанство, опять стали тяготѣть къ исламу, переходить въ магометанство или-же возвращаться къ своимъ прежнимъ языческимъ суевѣріямъ.

Въ то-же время и кабардинцы стали считать возможнымъ дѣлать нападенія на христіанскіе аулы.

Въ 1800 г., напр. партія изъ 300 кабардинцевъ, „руководствуемая нѣкоторыми молодыми людьми и непостоянными ихъ владѣльцами, изъ зависти, родившейся давно въ нихъ отъ распространенія въ Осетіи греческаго исповѣданія“, сдѣлала нашѣздъ на осетинскій Караджаевъ аулъ, въ которомъ незадолго предъ этимъ была построена церковь. Аулъ этотъ былъ временною рези-

*) Сказаніе, стр. 33—37.

денціею пристава, заправлявшаго покореннымъ райономъ ближайшихъ горскихъ поселеній, съ небольшою командою казаковъ въ 20 челов., былъ тамъ и постоянный священникъ. Ворвавшись въ аулъ, кабардинцы выгнали пристава, команду, всѣхъ жителей, разграбили церковь, имущество обывателей и воротились съ награбленною добычею назадъ *).

Этимъ насиліемъ кабардинцы думали поддержать вліяніе магометанства въ Осетіи, но за свой поступокъ они, по волѣ Императора Павла I, были строго наказаны. Генералъ Кноррингъ двинулся съ отрядомъ въ Кабарду и занялъ аулы. Это первое дѣйствіе русскихъ войскъ въ защиту православной церкви въ Осетіи привело кабардинцевъ въ страшное смятеніе и заставило ихъ дѣйствовать болѣе осмотрительно въ проведеніи своихъ замысловъ ослабить христіанство и русское вліяніе въ сѣверной Осетіи **).

Хотя дѣятельность Моздокскаго миссіонерства кажется далеко несовершенною, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать, что Моздокскій районъ былъ для осетинъ, искавшихъ христіанства и защиты отъ кабардинскихъ нападеній, довольно привѣтливымъ и не тѣснымъ убѣжищемъ. Каждый обыватель сѣверной Осетіи, оставаясь равнодушнымъ къ подстрекательствамъ магометанскаго фанатизма на грабительство, джигитство и безусловное противодѣйствіе „гяурамъ“ и тяготясь жизнью на своемъ насиженномъ пепелищѣ, постоянно обагрявшемся кровью родныхъ жертвъ, подъ всегдашнимъ гнетомъ то открытыхъ, то тайныхъ вражескихъ нападеній, могъ смѣло искать спасенія отъ этой тяжкой жизни подъ сѣнію русскихъ штыковъ на равнинѣ и степяхъ Моздока. Но не таково было положеніе южныхъ осетинъ, особенно тѣхъ, которые жили въ ниж-

---

*) Сборникъ матеріаловъ, стр. 239—40.
**) «Владик. Еп. Вѣд.» 1896 г., стр. 187.

нихъ ущельяхъ горнаго склона и мало-по-малу распространялись дальше на югъ. Въ то время, какъ угнетенные и подавленные осетины сѣвернаго склона находили въ русскомъ владычествѣ условія для улучшенія своего быта, жизнь южныхъ осетинъ было тою-же перспективой разныхъ невзгодъ, которыя тяготѣли надъ ними до распространенія русскаго могущества за кавказскимъ хребтомъ. Ставши еще со временъ распаденія осетинскаго царства на отдѣльныя группы въ зависимость отъ Грузіи, прерывавшуюся лишь на короткіе сроки при Оси—богатырѣ, южные осетины, естественно, жили въ одинаковыхъ политическихъ условіяхъ съ населеніемъ Грузіи: благопріятны они были при внутреннемъ благоустройствѣ этой страны, но тягостны съ развитіемъ въ ней междоусобной вражды между ея владѣтелями и феодалами. Считая осетинъ какъ-бы покореннымъ стороннимъ населеніемъ, грузинскіе феодалы — владѣльцы тѣхъ районовъ, гдѣ жили осетины, не встрѣчая ограниченія личнымъ притязаніямъ, сдѣлали осетинъ своими крѣпостными, подчинивъ ихъ своей власти какъ въ общественномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Въ такомъ положеніи находились южные осетины почти на всемъ районѣ средняго теченія притоковъ р. Куры: Мяхвы, Ксанки и частію Арагвы. Исключеніе составляли только осетины самыхъ верхнихъ южныхъ ущелій, огражденные отъ всякихъ сторонихъ посягательствъ на свою свободу горными стремнинами и высями своего уголка. Они жили тамъ, не имѣя „ни малѣйшаго понятія о гражданскомъ бытѣ“, небольшими семейными группами, вполнѣ свободные и независимые отъ всякихъ общественныхъ отношеній дальше своего семейнаго района; каждый способный носить оружіе считалъ себя единственнымъ распорядителемъ своей судьбы, основывая всю свою самостоятельность лишь на искусствѣ владѣть оружіемъ и личной храбрости. Эти осетины почти не выходили изъ своего уединен-

наго района, и по словамъ одного изъ современниковъ, едва-ли знали „и по наслышкѣ“ о грузинскихъ феодалахъ—помѣщикахъ. Таково было общее положеніе осетинъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст., когда русскіе распространили свое вліяніе и владычество на Кавказѣ до среднихъ предгорій хребта и чрезъ ущелья рр. Терека и Арагвы до средняго теченія р. Куры. По словамъ графа Паскевича, бывшаго впослѣдствіи, въ 30-хъ годахъ, главноуправляющимъ Грузіею и Кавказскимъ краемъ, осетины, „при первомъ появленіи въ странѣ россійскихъ войскъ подъ командою ген. Тотлебена, встрѣтили ихъ какъ своихъ избавителей, къ нимъ влекла ихъ христіанская вѣра... Но какъ не было взято надлежащихъ мѣръ къ гражданскому образованію осетинъ, и сверхъ того, когда осетины увидѣли, что русскіе начали отдавать ихъ на произволъ помѣщиковъ... то, по примѣру прочихъ живущихъ по сосѣдству полудикихъ племенъ, терпя разнаго рода недостатки къ улучшенію своей жазни, они равномѣрно предались грабежамъ“. Это мнѣніе лица, вполнѣ компетентнаго для оцѣнки факта уже по своему общественному положенію, освѣщаетъ общій характеръ исторіи осетинъ въ первые періоды владычества русскихъ на Кавказѣ съ полною обстоятельностію.

Со вступленіемъ русскихъ въ Грузію, второстепенные владѣтели-феодалы, ограниченные въ своей власти надъ населеніемъ своихъ районовъ, старались возбуждать противъ русскихъ туземное населеніе, распространяя вѣсти и слухи, настолько возмущавшіе его національныя чувства и привычки, напр., о солдатчинѣ, что оно предпочитало отстаивать прежнія условія своего быта и не поддаваться русскому вліянію. При такомъ постоянномъ возбужденіи умовъ въ населеніи мало-по-малу уничтожилось первоначальное расположеніе осетинъ къ русскимъ, и бывшіе притѣснители-феодалы стали являться въ ихъ смутныхъ представленіяхъ о совершавшихся

событіяхъ, какъ руководители къ добру. Особенно воспріимчивы къ воззваніямъ и подстрекательствамъ противъ русскихъ были осетины верхнихъ горныхъ ущелій, жившіе до прибытія русскихъ, какъ мы сказали, безъ всякихъ понятій „о гражданскомъ бытѣ“, т. е. въ примитивной личной свободѣ и независимости. Забираясь въ ихъ глухіе, недоступные районы отъ преслѣдованія русскихъ, бунтари-царевичи формировали изъ верхнегорныхъ осетинъ отряды и шайки и высылали ихъ и противъ русскихъ войскъ, и противъ туземнаго населенія, заявлявшаго преданность русской власти. Подобное возбужденіе тѣмъ легче распространялось между населеніемъ, что подстрекатели, понявъ больное мѣсто первоначальной и послѣдующей системы русскихъ дѣйствій, обѣщали населенію полную свободу отъ всякихъ крѣпостныхъ обязательствъ. Но и помимо опредѣленныхъ причинъ къ возмущеніямъ и недовольству русскими, помимо подстрекательства, недовольство это являлось неизбѣжно, какъ результатъ общаго разстройства въ краѣ, общей неопредѣленности его политическаго существованія *).

Въ то время, какъ южные осетины, озлобленные гнетомъ грузинскихъ помѣщиковъ, переносили отчасти свои чувства и на русскую власть, оставившую ихъ, по словамъ графа Паскевича, „на произволъ помѣщиковъ“, и представляли, такимъ образомъ, безпокойный элементъ, осетины центральныхъ ущелій составляли почти единственную твердую почву расположенія къ русскимъ въ хаосѣ волненій въ покоренномъ краѣ. Но особенно благодарную почву представляла эта группа населенія для возобновленія въ краѣ христіанства. „Мы всегда держали христіанство“, говорятъ теперь жители этихъ ущелій, „и у насъ никто изъ стариковъ не скажетъ, чтобы мы были когда-нибудь магометанами или другой вѣры“.

*) Сборникъ матеріаловъ, стр. 235—8.

Какъ, повидимому, ни малоосновательно или бездоказательно это замѣчаніе, но оно вполнѣ, такъ сказать, исторически вѣрно прежде всего потому, что населеніе центральныхъ ущелій, какъ района трудно доступнаго даже въ періодъ иноземныхъ вторженій, бывало подъ меньшимъ вліяніемъ нехристіанскихъ завоевателей Кавказа, чѣмъ населеніе другихъ мѣстъ, и поэтому сохранило въ сравнительной чистотѣ древнее насажденіе христіанства, по крайней мѣрѣ, христіанства временъ царицы Тамары *).

Такимъ образомъ, среди осетинъ и сѣверныхъ, и южныхъ легко можно было находить почву, способную принять благотворное вліяніе Россіи и православія. Къ сожалѣнію, встрѣтилось не мало неблагопріятныхъ условій для распространенія православія, и къ удивленію нужно сознаться, что основы этихъ неблагопріятныхъ условій отчасти коренились въ той политикѣ, которую проводила администрація и чрезъ которую она надѣялась привлечь къ Россіи расположеніе магометанскаго населенія Кавказа.

XVI.

Условія, неблагопріятствовавшія распространенію православія среди осетинъ и содѣйствовавшія развитію среди нихъ магометанства.—Закрѣпощеніе осетинъ, самоуправство нѣкоторыхъ административныхъ лицъ.—Обычаи кровомщенія и набѣги.—Награда за преданность.—Подстрекательство персидскихъ шпіоновъ.—Волненія, возбуждаемыя недовольными грузинскими царевичами.—Покровительство русскаго правительства магометанамъ съ цѣлью привлеченія ихъ симпатій и печальные результаты такой дѣятельности.

Со времени распространенія русскаго вліянія въ Осетіи, можно было ожидать, что среди осетинъ будутъ все болѣе и болѣе развиваться симпатіи къ Россіи и православію; между тѣмъ, дальнѣйшія событія показали всю непрочность такихъ надеждъ.

Прежде всего, среди осетинъ не могло не возникнуть неудовольствія на русскихъ за то, что русскіе отдали

*) Сборникъ матеріаловъ, стр. 251.

ихъ братьевъ, южныхъ осетинъ, въ крѣпостную зависимость грузинъ-помѣщиковъ, и кромѣ того иногда назначали надъ ними такихъ начальниковъ, которые позволяли себѣ злоупотребленія своимъ положеніемъ.

Съ утвержденіемъ южныхъ осетинъ въ крѣпостномъ состояніи, административное управленіе ими было поручено самимъ же помѣщикамъ. Въ то время, какъ первые ближайшіе администраторы сѣверныхъ осетинъ— приставъ и его помощникъ — получали содержаніе казенное, относительно приставовъ-моуравовъ южныхъ осетинъ было сдѣлано распоряженіе, что они могутъ остаться безъ содержанія и пользоваться имъ отъ своихъ моуравствъ „съ крайнею умѣренностію“. Въ 1802 г. на мѣсто генералъ-лейтенанта Кнорринга, смѣненнаго за „слабость“ по управленію Грузіею, главноуправляющимъ ея былъ назначенъ князь Циціановъ.

Вступивъ въ управленіе краемъ, новый главноуправляющій, по его словамъ, нашелъ въ немъ весьма много какъ административныхъ безпорядковъ, такъ и самоуправство лицъ, злоупоутреблявшихъ своимъ служебнымъ положеніемъ (какъ, напр., увозъ маіоромъ Вершининымъ дочери вдовы царевича Вахтанга *).

Самоуправство и злоупотребленія лицъ съ извѣстнымъ административнымъ положеніемъ не могли, конечно, содѣйствовать уничтоженію кровавыхъ и дикихъ обычаевъ горцевъ, и среди осетинъ и ихъ сосѣдей по прежнему процвѣтали жестокости и кровавые набѣги.

Вотъ, напр., нѣсколько случаевъ, составлявшихъ тогда, такъ сказать, постоянную окраску бытовой жизни населенія. Осетинъ Т—въ во время ссоры съ своимъ племянникомъ выкололъ ему „по злобѣ“ глазъ и, опасаясь мщенія родственниковъ потерпѣвшаго, убѣжалъ въ другія мѣста. По обычаямъ того времени, отвѣтчиками за выколотый глазъ являлся не только преступникъ, но и

*) Сборникъ матеріаловъ, стр. 256.

ближайшіе его родственники. Эти обычаи требовали, чтобы потерпѣвшій, а въ случаѣ его смерти, ближайшіе его родственники вознаграждали себя за причиненный вредъ или матеріально—платою, или, такъ сказать, нравственно — равною, а буде возможно, и большею обидою преступнику или его ближайшимъ родственникамъ. Вслѣдствіе этого ближайшіе родственники Т—ва, вѣроятно, чувствуя себя безсильными предъ опасностями мщенія за сдѣланную имъ обиду, бросили свои насиженныя пепелища и выселились вслѣдъ за преступникомъ въ чужія мѣста. Такимъ образомъ, единичный случай простой, хотя и варварской драки повелъ къ разстройству весьма существенныхъ интересовъ десятковъ людей. По выселеніи всѣхъ лицъ, которыя подвергались опасностямъ мщенія, потерпѣвшій и его родственники завладѣли жилищами опальныхъ, какъ бы вознаградивъ себя такимъ образомъ за причиненный „по злобѣ“ вредъ. Завладѣніе это было фактомъ, настолько соотвѣтствовавшимъ тогдашнимъ понятіямъ населенія о правахъ мести и вознагражденія за обиды „по злобѣ“, что русская власть, болѣе или менѣе водворявшаяся въ районѣ описываемаго случая въ лицѣ временно наѣзжавшихъ туда начальниковъ съ военными командами, должна была отнестись къ занятію потерпѣвшимъ и его родственниками жилищъ выселившихся съ снисходительнымъ согласіемъ.

Еще большими тревогами и безпорядками въ окружающей средѣ сопровождались такія, напр., преступленія, какъ умышленное убійство. Если лишеніе глаза, по разсказанному случаю, повело къ выселенію цѣлаго семейства, то убійства вызывали по обычаямъ мести убійства преступниковъ или ихъ ближайшихъ родственниковъ; при чемъ послѣднія убійства изъ мести въ свою очередь требовали такихъ же жертвъ съ враждебной стороны,—все это въ самое короткое время весьма часто приводило къ ожесточенной кровавой враждѣ не только

отдѣльныя семейства, но и цѣлыя родовыя или территоріальныя группы. Преступленія же противъ правъ имущественныхъ составляли случаи, тѣмъ болѣе распространенные, тѣмъ болѣе повседневные, что для нихъ существовали тогда и вполнѣ подходящія наталкивающія условія: съ одной стороны, скудная на прокормленіе природа края, а съ другой, — историческая отвычка населенія отъ мирнаго сельско-хозяйственнаго труда. Кромѣ случаевъ обоюдной вражды, безпорядки и неустройство бытовой жизни осетинъ увеличивались еще случаями вражды съ сосѣдними народами, при чемъ осетины, какъ болѣе разрозненное населеніе, чаще бывали жертвами, чѣмъ побѣдителями. Хотя съ распространеніемъ и укрѣпленіемъ русскаго господства вражда эта болѣе или менѣе находила въ послѣднемъ сдерживающую силу, но нерѣдко, при отдаленности, напр., русскихъ войскъ, она успѣвала разражаться кровавыми стычками, хищническими нападеніями и т. п. Такія „безпокойства“ осетинамъ особенно часто производили на сѣверѣ Осетіи, какъ мы прежде сказали, кабардинцы, на востокѣ—тушины, пшавы и хевсуры. Послѣдніе, напр., иногда дѣлали нападенія на осетинъ и безъ всякихъ наличныхъ поводовъ, или „вымысливъ, что имъ слѣдуетъ за кровь дѣдовъ ихъ“ съ осетинъ плата, или же просто изъ голоднаго молодечества, которое между прочимъ заявляло себя въ похвальбѣ предъ осетинами, что „оные хевсуры подкрасятъ довольно Арагву“ не только кровью осетинъ, но и кровью тѣхъ, „у которыхъ у одѣянія обрѣзаны полы и назади разрѣзано“, т. е. кровью русскихъ *).

Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ русскимъ трудно было разсчитывать на полную преданность со стороны осетинъ. Не удивительно поэтому, что со стороны администраціи прибѣгали къ подаркамъ, чтобы хотя этимъ путемъ обезпечить себѣ преданность въ средѣ

*) Сборникъ матеріаловъ, стр. 268—270.

осетинъ. И, дѣйствительно, многіе изъ осетинъ поступали съ большою охотою въ русскую службу, привлекаемые наградами и поощреніями; послѣднія были тогда въ большомъ ходу относительно туземцевъ и составляли особую спеціальную статью расхода казенныхъ денежныхъ суммъ. Многіе осетины еще и теперь весьма подробно разсказываютъ, какъ ихъ дѣды и отцы ходили на службу къ русскому царю въ Моздокъ и Тифлисъ, и какъ щедрые русскіе генералы награждали волонтеровъ деньгами и подарками. Въ одномъ изъ центральныхъ ущелій Осетіи (Заккскомъ) два такихъ разсказчика показывали намъ даже вещественныя доказательства этого „добраго стараго времени“,—времени подарковъ и быстраго обогащенія отъ одной только преданности русскимъ: сундукъ средней величины, въ которомъ, по словамъ разсказчика, дѣдъ его привезъ русскія деньги, и объемистый мѣдный котелъ-конусъ въ $2^1/_4$ арш. выс., $1^3/_4$—шир., вмѣщающій въ себѣ 72 ведра пива; котелъ этотъ, сбитый гвоздями изъ мѣдныхъ продолговатыхъ трапецій и проданный позднѣйшимъ его наслѣдникомъ за 100 руб. сер., былъ въ свое время сдѣланъ изъ мѣдныхъ денегъ—тоже награды за преданность *).

Преданность, пріобрѣтенная за деньги, могла свободно перейти въ измѣну, при условіи, если давали большую сумму за новую преданность, или если туманили голову какими-нибудь особенно заманчивыми обѣщаніями.

Не малое вліяніе на возбужденіе враждебнаго настроенія въ обитателяхъ Кавказа оказывало подстрекательство со стороны персидскихъ шпіоновъ и недовольныхъ царевичей. Тѣ и другіе дѣйствовали какъ въ Осетіи, такъ и вообще на Кавказѣ. Подобно шпіонамъ турецкимъ, персидскіе шпіоны дѣйствовали на легковѣрное населеніе разными лживыми слухами, обѣщаніями

*) Сборникъ матеріаловъ, стр. 240—241.

щедрыхъ наградъ и т. п. Нѣкоторые изъ шпіоновъ развозили и распространяли между населеніемъ фирманы персидскаго шаха ко всѣмъ старшинамъ обществъ осетинъ, черкесовъ и другихъ кавказскихъ народовъ. Одинъ изъ такихъ фирмановъ былъ предназначенъ для тагаурцевъ. Наполненный въ началѣ похвалами народамъ, живущимъ по Военно-грузинской дорогѣ за то, что они, „сражаясь съ русскими гяурами, разорвали имъ пути прохода“, фирманъ возвѣщалъ далѣе, что „высочайшій лагерь“ шаха „снимается изъ столицы съ стотысячною арміею, 200 пушекъ, мортиръ, фальконетовъ и снарядовъ и двинется въ Грузію и Кизляръ“, что „гяурамъ русскимъ суждено испытать истребленіе“, и что близъ Эривани 1,000 русскихъ гяуровъ уже отправлено „въ глубочайшее отдѣленіе ада“.

Но прежде чѣмъ „высочайшій лагерь“ персидскаго шаха сдѣлалъ что-либо въ пользу бунтовщиковъ, они были усмирены русскими войсками *).

Недовольные грузинскіе царевичи также нерѣдко сѣяли смуту среди горцевъ. Для примѣра остановимся на волненіяхъ, произведенныхъ царевичами въ концѣ 1809 года.

Руководителями его на этотъ разъ были царевичи Леванъ и Александръ. Первый дѣйствовалъ среди населенія непосредственнымъ личнымъ участіемъ въ организаціи возстанія, а второй письменными воззваніями—„возжечь свѣчу угасшаго дома“. Наполнивъ ихъ „общимъ мѣстомъ“ подобныхъ документовъ тогдашняго времени — обѣщаніями щедрыхъ наградъ, помощи въ сотни тысячъ войска и т. п., царевичъ Александръ, обращаясь къ крѣпостному населенію южной Осетіи, заканчивалъ свое воззваніе: „и когда все это (награды, помощь и т. п.) сбудется, тогда думайте, что мы—ваши великіе благодѣтели, и вы — наши любезные братья, а

*) Сборникъ матеріаловъ, стр. 280—81.

не подданные". Возбудивъ волненіе, выразившееся, впрочемъ, не только въ противодѣйствіи осетинъ русскимъ, но и во взаимныхъ грабежахъ и раздорахъ, „потухшая свѣча угасшаго дома" своимъ фальшивымъ мерцаніемъ лжи и подстрекательствъ привела только къ безплодной гибели бунтовщиковъ *).

Мы видѣли, какія причины обусловливали недовольство русскими со стороны осетинъ.

Все же въ христіанскомъ населеніи это настроеніе въ своей враждебности не переходило дальше простаго „политическаго недовольства". Судя по позднѣйшимъ примѣрамъ, оно состояло въ недовольствѣ, напр., привилегированнаго населенія—лишеніемъ правъ на жизнь и смерть своихъ подвластныхъ, всякаго сильнаго — лишеніемъ прежней свободы безконтрольныхъ поступковъ надъ всякимъ слабымъ и т. п.; въ населеніи зависимомъ южнаго склона недовольство это, какъ мы выше сказали, состояло въ разочарованіи русскимъ господствомъ, прикрѣпившимъ его къ власти помѣщиковъ. Въ населеніи магометанскомъ враждебное настроеніе къ русскимъ, получивъ свое начало въ политическомъ недовольствѣ, значительно усложнялось религіозною рознью. Поэтому въ то время, какъ въ населеніи христіанскомъ политическое недовольство переходило въ рѣзкія формы враждебности только по временамъ, при стороннемъ подстрекательствѣ, въ населеніи магометанскомъ оно было всегда напряженнымъ и рѣзкимъ уже по одному тому, что составляло, такъ сказать, практическую бытовую подкладку религіознаго отчужденія магометанства отъ христіанства,—основное начало, съ которымъ соединялись магомстанскія вѣрованія, преисполненныя фанатизма и нетерпимости. Вообще, здѣсь магометанскія идеи вражды и ненависти къ христіанству находили для себя въ политическомъ недовольствѣ готовую воспріимчивую

*) Сборникъ матеріаловъ, стр. 284.

почву постояннаго скрытаго раздраженія и, провозглашаемыя какимъ-нибудь турецкимъ шпіономъ—муллою, быстро воспламеняли магометанское населеніе огнемъ открытыхъ возмущеній. Въ общемъ своемъ характерѣ возмущенія эти, при всемъ томъ, что за ними не было такихъ данныхъ для недовольства русскою властію, какія были, какъ мы выше сказали, въ быту южныхъ осетинъ, возмущенія осетинъ-магометанъ всегда или, по малой мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ отличались большею враждебностью, большею энергіей и притязательностью, чѣмъ возмущенія осетинъ-христіанъ *).

Это обстоятельство при наблюденіи различныхъ историческихъ явленій кажется тѣмъ болѣе удивительнымъ, что однимъ изъ руководящихъ административныхъ началъ было стремленіе русской власти расположить къ русскимъ порядкамъ населеніе, наиболѣе нерасположенное, наиболѣе недовольное водвореніемъ въ краѣ русскихъ. Такимъ же было по преимуществу населеніе магометанское. Это руководящее административное начало проявлялось, напр., въ томъ, что притязанія магометанъ на принадлежность къ привилегированному сословію въ большинствѣ случаевъ утверждались безъ особыхъ разслѣдованій и вообще затрудненій. Еще болѣе часто практиковалось, такъ сказать, задабриваніе магометанскаго населенія щедрымъ награжденіемъ чинами, орденами и т. п. Съ теченіемъ времени такая система дѣйствій, при неумѣлости и безтактности ближайшихъ къ населенію администраторовъ, весьма нерѣдко переходила даже въ крайнее заискиванье расположенія магометанъ.

Но на ряду съ этимъ христіанское населеніе края пользовалось весьма слабымъ административнымъ вниманіемъ; поставленное съ этой стороны въ параллель съ населеніемъ магометанскимъ, оно казалось даже какъ бы забытымъ и заброшеннымъ. Обстоятельство это

---

*) Сборникъ матеріаловъ, стр. 264—65.

прежде всего отражалось, напр., въ томъ, что въ персоналѣ осетинъ, награждавшихся сословными привилегіями при общемъ гражданскомъ устроеніи края, или чинами, орденами, денежными субсидіями и т. п. во время пребыванія на русской службѣ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ осетины-христіане попадались, какъ рѣдкое единичное исключеніе; продолжаясь цѣлые десятки лѣтъ, такое положеніе дѣлъ, выражавшее собою какъ-бы пренебреженіе къ христіанскому населенію, послужило причиною довольно распространившагося между осетинами мнѣнія, что христіанство—религія „простыхъ“ людей, а магометанство—религія „благородныхъ“, что никакія заслуги осетина-христіанина не дадутъ ему правъ на награды, отличія и вообще, милости русскаго правительства. Развиваемое и поддерживаемое лицами, заинтересованными въ подавленіи христіанства, мнѣніе это иногда приводило къ тому, что осетины-христіане, ради успѣховъ въ службѣ, въ просьбахъ и домогательствахъ у начальства и т. п., нерѣдко измѣняли своей вѣрѣ и переходили въ магометанство. По разсказамъ вполнѣ компетентныхъ очевидцевъ этого дѣла, въ магометанство совращались тогда не только отдѣльныя лица, осетины-христіане, но и цѣлыя группы осетинскаго христіанскаго населенія *).

Отъ прискорбнаго перечисленія обстоятельствъ, не благопріятно отразившихся на развитіи Русскаго вліянія и православія на Кавказѣ, перейдемъ къ краткому обзору дѣятельности Грузинской церкви въ дѣлѣ возстановленія православія на Кавказѣ и къ изложенію судебъ Осетинской Духовной комиссіи въ послѣдній періодъ ея существованія.

---

*) Сборникъ матеріаловъ, стр. 301—302.

XVII.

Бѣдствія Грузинской церкви, улучшеніе ея положенія со времени подчиненія ея Св. Синоду.—Католикосъ Антоній.—Первый экзархъ Грузіи Варлаамъ Эристовъ.—Дикастерія и преобразованіе ея въ грузино-имеретинскую контору Св. Синода.—Успѣхи магометанства среди племенъ Кавказа.—Предложеніе генерала Тормасова.—Возстановленіе Осетинской комиссіи въ 1814 г., ея составъ и содержаніе.—Дѣятельность Грузинскаго архіепископа Іоанна и Телавскаго Досиѳея для возстановленія православія среди осетинъ.—Дѣятельность Осетинской Комиссіи при экзархѣ Ѳеофилактѣ и его преемникахъ.—Заботы комиссіи о школахъ для осетинъ.

При учрежденіи Осетинскаго Подворья первыми дѣятелями и начальниками Осетинской Миссіи были архимандриты изъ грузинъ. Грузинская церковь, издавна заботившаяся о распространеніи христіанства среди осетинъ, и во второй половинѣ XVIII в. продолжала свои заботы, хотя политическія невзгоды, которыя претерпѣвала Грузія, не могли не отражаться на самомъ благосостояніи Грузинской церкви. Вторженія въ Грузію персовъ, турокъ, нападенія разныхъ воинственныхъ племенъ Кавказа—все это подрывало благосостояніе Грузіи, и многіе изъ ея храмовъ или были разрушены или оставались въ запустѣніи, покинутые сосѣдними жителями изъ боязни вторженій. Положеніе Грузинской Церкви стало замѣтно улучшаться только со времени распространенія Русскаго вліянія на Кавказѣ, когда Грузинская Церковь, съ возведеніемъ ея католикоса Антонія въ званіе синодальнаго члена, въ 1783 г. поступила подъ управленіе Св. Синода.

Въ 1800 г. присоединилась къ Россіи и сама Грузія, послѣ чего уже навсегда освободилась отъ мухаммеданскихъ насилій *).

Въ 1809 г. грузинская церковь оставалась въ управленіи католикоса Антонія, сына предпослѣдняго царя Карталиніи и Кахетіи Ираклія. Въ 1809 г. онъ былъ уволенъ на покой и послѣ него для управленія его цер-

*) П. Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи. Стр. 374—5.

ковной областью, вмѣсто должности католикоса, учреждена была должность экзарха, каковою въ 1811 г. и облеченъ былъ засѣдавшій доселѣ въ Синодѣ грузинскій архіерей Варлаамъ Эристовъ изъ рода князей Эристовыхъ. Для епархіальнаго управленія при немъ учреждена была дикастерія, преобразованная въ 1814 г. въ грузино-имеретинскую контору Св. Синода, съ правами московской конторы *).

Къ этому времени успѣхи магометанства среди Осетинъ и Грузинъ горскихъ племенъ стали уже довольно внушительными. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ православная миссія, до своего закрытія, успѣшно дѣйствовала между осетинами, другія горскія племена, уступленныя по Кайнарджійскому миру Турціи, подверглись вліянію ислама, проповѣдники котораго стали распространять между ними самую фанатическую ненависть къ христіанству и Россіи **).

Успѣхи магометанства обратили на себя вниманіе мѣстныхъ кавказскихъ военныхъ властей.

Въ 1811 г. генералъ Тормасовъ для обращенія горскихъ племенъ предлагалъ даже іезуитскую пропаганду, но государь выразилъ желаніе, чтобы для этой цѣли найдены были способные православные миссіонеры ***).

Во исполненіе желанія Государя Императора Александра I, Осетинская Духовная Комиссія, два раза уже закрывавшаяся, была открыта въ третій разъ въ 1814 г. Мѣстопребываніемъ ея былъ назначенъ Тифлисъ, столица Грузіи, такъ какъ, съ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи, естественно предстояло расширить сферу дѣятельности комиссіи, предоставивъ ей заниматься распространеніемъ и возстановленіемъ христіанства не только среди Осетинъ, но и другихъ горскихъ племенъ. А это

*) Тамъ-же, стр. 447.

**) П. Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи. Стр. 375.

***) Тамъ-же, стр. 463.

легче было дѣлать изъ сердца Грузіи—Тифлиса, чѣмъ изъ какого-нибудь другаго города.

Учрежденная въ Тифлисѣ осетинская комиссія состояла: изъ управителя-епископа, архимандрита, семи священниковъ, пяти діаконовъ, пяти церковнослужителей и пяти свѣтскихъ лицъ.

На содержаніе миссіи ежегодно отпускалось 28 тысячъ рублей. Изъ этой же суммы было назначено: „на подарки осетинскимъ старшинамъ, приласканіе оныхъ—1,500 руб., на кресты, шнурки, иконы и холстъ на рубахи—3,000 руб. *) Весьма вѣроятно, что на эти-же деньги содержался и казацкій конвой, въ количествѣ тысячи человѣкъ, назначенный для охраны миссіонеровъ **).

Съ этого времени начинается энергичная дѣятельность архіепископа Телавскаго Досиѳея, направленная на возстановленіе и распространеніе христіанства, преимущественно среди южныхъ Осетинъ. Возстановленная осетинская комиссія тѣмъ больше могла надѣяться на успѣхъ своего дѣла, что еще раньше въ горахъ южной Осетіи трудился въ качествѣ миссіонера грузинскій архіепископъ Іоаннъ.

Въ округъ дѣятельности архіепископа Іоанна входило населеніе верховьевъ Арагвы, Ксанки, Терека и другихъ мѣстъ къ востоку отъ Осетіи. „Прибывъ въ Гудамакарское ущелье, — доносилъ архіепископъ объ одной изъ своихъ поѣздокъ по округу: — и побесѣдовавъ съ почетными обывателями, я не нашелъ ничего противнаго моему ученію. Потомъ появился человѣкъ, котораго назвали: „это нашъ священникъ". Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ священниковъ, которые безъ книги заучили наизусть нѣсколько стиховъ изъ псалтири и учатъ. Произнесши ихъ, онъ ставитъ вино минуты 2—3, и это называется обѣдней, мажетъ углемъ съ произне-

*) Сборникъ матеріаловъ, стр. 286.

**) П. Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи, стр. 463.

сеніемъ тѣхъ же стиховъ, и это называется крещеніемъ". Изъ дальнѣйшаго сообщенія архіепископа видно было, что въ разныхъ мѣстахъ Осетіи въ то время были храмы, въ которыхъ хранилось не мало золотой и серебряной утвари; такими, напр., были два древнихъ храма: на одномъ изъ восточныхъ отроговъ горы Казбека и на горѣ Ломиси, составляющей водораздѣлъ между верховьями Арагвы и Ксанки и тянущейся къ юго-западу отъ Гудаурскаго перевала длиннымъ однообразнымъ валомъ. Оба эти храма сохранились до настоящаго времени, и проѣзжающіе по Военно-грузинской дорогѣ могутъ видѣть въ хорошую погоду на высокихъ пустынныхъ гребняхъ горъ ихъ одинокіе силуэты, какъ скромные, но свѣтлые, родные сердцу знаки на дикомъ фонѣ чуждой природы, чуждой жизни *).

Но возвратимся къ возстановленію Осетинской Комиссіи.

Въ первой же годъ своей дѣятельности Комиссія, по отчету архіепископа Досиѳея, окрестила 14,218 душъ обоего пола и вообще повліяла на нравственное настроеніе осетинъ настолько благодѣтельно, что они „стали жить смирнѣе". Но вмѣстѣ съ этимъ, энергическая заботливость архіепископа Досиѳея объ интересахъ крестьянства, сопровождавшая его миссіонерскую дѣятельность и находившая къ себѣ предрасположеніе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, возбудило большое неудовольствіе въ средѣ помѣщиковъ. Послѣдствіемъ этого были жалобы и обвиненія, будто архіепископъ Досиѳей стремился изъ личныхъ выгодъ „исторгнуть крестьянъ отъ ихъ законныхъ владѣльцевъ", а проповѣдники Осетинской Комиссіи возбуждали въ крестьянахъ неповиновеніе къ помѣщикамъ и внушали имъ, что всѣ крестившіеся перейдутъ въ собственность казны и что даже „покраденное (ими) у карталинскихъ жителей оста-

*) Сборникъ матеріаловъ, стр. 265—6.

нется безъ взысканія въ пользу самихъ осетинъ“ и т. п. По отзыву архіепископа Досиѳея, неудовольствіе помѣщиковъ распространялось не только на его эмансипаторскую дѣятельность въ пользу крестьянъ, но и вообще на все миссіонерство, такъ какъ помѣщики будто бы вовсе „не желали обращенія ихъ (крестьянъ) въ христіанство, чтобы пользоваться ихъ невѣжествомъ“ *).

При архіепископѣ-же Досиѳеѣ, для устроенія церквей, въ которыхъ новообращенные крайне нуждались, изъ государственнаго казначейства съ 1816 г. отпущено было 24,000 руб. **).

Дѣятельность Осетинской миссіи была еще успѣшнѣе при экзархѣ Грузіи Ѳеофилактѣ. Предметомъ его особенныхъ заботъ было: переводъ богослужебныхъ книгъ на осетинскій языкъ, упорядоченіе богослуженія горцевъ, построеніе и возобновленіе церквей, вообще, всевозможныя попеченія о томъ, чтобы только путемъ убѣжденія приводить осетинъ къ принятію христіанства.

Св. Синодъ, по предложенію экзарха Грузіи Ѳеофилакта, составилъ для Осетинской Комиссіи новую инструкцію, по которой дѣло обращенія осетинцевъ предписывалось вести только духовными средствами, не ослабляя ничьей власти и какъ можно рѣже употребляя мірскія средства, крещеніе преподавать, удостовѣрившись напередъ въ искренности обращенія крещаемыхъ, на проповѣдь являться безъ всякой огласки и конвоя, не какъ посланнымъ отъ правительства, а какъ простымъ странникамъ, желающимъ спасенія людямъ, и считать дѣло проповѣди конченнымъ не прежде, какъ обращенные пожелаютъ имѣть церкви и священниковъ.

Много содѣйствовали ея успѣхамъ и свѣтскія лица,— грузинскіе князья, Осетинскіе дворяне и старшины. Въ теченіе всего времени управленія Ѳеофилакта (1817—

*) Сборникъ матеріаловъ, стр. 286—7.

**) П. Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи, стр. 464.

1821 гг.) число новообращенныхъ простиралось до 47,100 человѣкъ осетинъ и др. горцевъ и еще 130 дымовъ Удскаго племени. Церквей для однихъ осетинъ выстроено и возобновлено изъ развалинъ 29. Ѳеофилактъ обратилъ вниманіе на самое богослуженіе горцевъ, совершавшееся въ иныхъ мѣстахъ на грузинскомъ или на армянскомъ языкахъ, а въ иныхъ даже на греческомъ, и позаботился о переводѣ на осетинскій языкъ богослужебныхъ книгъ. Одинъ дворянинъ Иванъ Ялгузидзе, по его внушенію, перевелъ на этотъ языкъ утреннія и вечернія молитвы, катихизисъ, литургію, послѣдованія крещенія, погребенія и брака, а по смерти Ѳеофилакта еще Евангеліе, которое и было напечатано при московскомъ комитетѣ Библейскаго общества.

Повидимому, дѣло обращенія осетинъ въ христіанство было поставлено на прочную почву, и блестящіе успѣхи проповѣди среди осетинъ, казалось, подтверждали такой взглядъ на положеніе миссіонерства среди нихъ. Къ сожалѣнію, блестящіе отчеты рѣдко соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Это же можно сказать и отсительно миссіонерства грузинскаго духовенства среди осетинъ во время экзарха Грузіи Ѳеофилакта. Вотъ отзывъ одного изъ осетинскихъ священниковъ о дѣятельности грузинскихъ миссіонеровъ среди осетинъ, въ томъ числѣ и о прославляемомъ миссіонерѣ Самаргановѣ.

Къ несчастью для осетинъ, грузинскіе архипастыри не имѣли подъ рукой людей опытныхъ, знающихъ осетинскій языкъ и обычаи; почему эти миссіонеры побуждали осетинъ принимать крещеніе только путемъ раздачи денегъ и подарковъ безъ всякаго ученія догматамъ вѣры. Правда, на бумагѣ получались блестящіе результаты. Число обращенныхъ осетинъ по спискамъ увеличилось очень значительно. Такъ, напр., миссіонеръ

---

*) П. Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи, стр. 464.

священникъ Николай Самаргановъ (грузинъ) крестилъ всѣхъ почти осетинъ и представилъ духовной комиссіи обширный списокъ крещеннымъ осетинамъ въ Дигоріи, Куртатіи, Алагиріи и въ другихъ мѣстахъ; въ одинъ 1822 годъ, какъ видно изъ уцѣлѣвшихъ въ махческой церкви списковъ, Самаргановъ крестилъ 5,000 душъ. Но что то были за христіане, понять не трудно-Новокрещенные изъ-за подарковъ крестились по нѣсколько разъ или же въ случаѣ отказа въ деньгахъ и подаркахъ легко переходили опять въ магометанство, такъ какъ христіанство было для нихъ въ полномъ смыслѣ не вѣдомо. Если вѣрить разсказамъ стариковъ-осетинъ, а имъ нельзя не вѣрить, священникъ Самаргановъ записывалъ въ метрическія книги имена осетинъ, въ дѣйствительности даже не совершая крещенія; оттого и періодъ съ 1820 года по 1859 годъ прошелъ въ быстрыхъ и частыхъ совращеніяхъ осетинъ въ магометанство.

Преемники Ѳеофилакта продолжали труды его относительно просвѣщенія осетинъ свѣтомъ вѣры Христовой. Они обратили особенное вниманіе на школьное дѣло, справедливо полагая, что только при развитіи просвѣщенія можно надѣяться на успѣхъ христіанства въ Осетіи. Съ самаго начала первосвятели грузинской церкви настоятельно требовали отъ священниковъ вѣдомства Осетинской Духовной Комиссіи учить осетинскихъ мальчиковъ грамотѣ. Такъ, митрополитъ Іона, препровождая 5 экз. букварей на осетинскомъ языкѣ, предлагаетъ протоіерею Самарганову обучать по нимъ осетинскихъ мальчиковъ. Но не нашедши исполнителей столь важной для успѣха въ святомъ дѣлѣ мѣры, митрополитъ Іона въ предписаніи своемъ, данномъ благочиннымъ Осетинской духовной коммиссіи, болѣзнуетъ и говоритъ: „священники не обучаютъ грамотѣ осетин-

*) Владик. Епарх. Вѣд. за 1896 г., стр. 187—188.

скихъ дѣтей въ противность распоряженіямъ и попеченіямъ его". Тотъ же митрополитъ 3 августа 1825 г., за № 1118, спрашиваетъ благочиннаго Кагерова: „въ какихъ именно мѣстахъ и въ какомъ разстояніи отъ Владикавказской крѣпости при осетинскихъ церквахъ удобнѣе и безопаснѣе открыть школы для ученія грамотѣ горскихъ мальчиковъ?" Но священники, не желая нести трудный подвигъ дѣйствительнаго обращенія осетинъ въ христіанство, отказывались подъ разными предлогами отъ исполненія долга учить дѣтей грамотѣ: такъ, напр., несмотря на то, что въ осетинскомъ букварѣ было 30 буквъ грузинскихъ и мало латинскихъ и, слѣдовательно, священникамъ-грузинамъ сравнительно легко было изучить осетинскій языкъ, однако, они въ отвѣтъ на архипастырскія распоряженія донесли митрополиту, что въ обученіи осетинскихъ мальчиковъ грамотѣ, они встрѣчаютъ затрудненія, такъ какъ не разумѣютъ изобрѣтенныхъ переводчикомъ буквъ. Мало этого; дѣло въ небреженіи своими обязанностями доходило до того, что священники, считавшіеся на службѣ въ Осетіи и получавшіе за это жалованье, жили большею частью въ Грузіи, приходы-же свои — Осетію бросали на произволъ судьбы *).

Не удивительно поэтому, что успѣхи проповѣдническої дѣятельности Осетинскої коммисіи не могли быть очень надежными. Сами проповѣдники-миссіонеры постоянно нуждались въ руководствѣ и указаніяхъ.

Припомнимъ кстати здѣсь знаменательное наставленіе, данное 13 марта 1828 г. за № 383 митрополитомъ грузинскимъ Іоною проповѣднику Евангелія, тогда уже протоіерею, Николаю Самарганову. Въ этомъ наставленіи, между прочимъ, митрополитъ поучаетъ: „предлагать крещеніе горцамъ по довольномъ ученіи въ вѣрѣ и отнюдь не считать исполненнымъ званіе и долгъ свой

*) Владик. Еп. Вѣд. 1896 г., стр. 188—9.

въ торопливомъ и скоромъ сподобленіи крещенія; стараться внушать первѣе силу христіанскаго ученія и руководствовать ко всякому благонравію, безъ чего крещеніе, дикимъ людямъ преподаваемое, будетъ величайшимъ злоупотребленіемъ таинства вѣры христіанской" *).

Всѣ эти факты убѣдили Осетинскую духовную коммисію, что дѣйствительное обращеніе осетинъ въ христіанство можетъ быть достигнуто лишь приготовленіемъ изъ дѣтей осетинъ священниковъ, а равно и причетниковъ. Для достиженія этой цѣли, столь важной и необходимой въ миссіонерскомъ дѣлѣ, эта коммисія рѣшила открыть въ г. Владикавказѣ, въ 1830 г., спеціальное для осетинъ владикавказское 4-хъ классное духовное училище, а въ селѣ Алагирѣ—двухклассный пансіонъ. Въ дѣлахъ благочинія есть также документъ о содержаніи въ сел. Цми, Зарамагскаго прихода, школы для мѣстныхъ жителей на пожертвованія отъ барона Вревскаго 500 р. отъ экзарха Грузіи Исидора 120 р., отъ него-же 100 р., и еще 495 руб. Потомъ въ 1857 г. за 25 мальчиковъ прислано изъ экзаршеской канцеляріи 807 р.; на каждаго мальчика приблизительно отпускалось 31 руб. 50 коп., въ то-же время коммисія содержала въ тифлисскомъ духовномъ училищѣ нѣсколько мальчиковъ изъ осетинъ для опредѣленія ихъ въ семинарію.

Благодаря такой заботливости объ Осетіи правительства и духовной коммисіи, дѣти осетинъ, оказывавшія успѣхи въ наукахъ, начали поступать въ тифлисскую духовную семинарію. Тамъ были введены и уроки осетинскаго языка, на которыхъ осетины изучали родной языкъ по составленной епископомъ Гаіемъ и исправленной академикомъ Шегреномъ осетинской азбукѣ **).

---

*) Влад. Ен. Вѣд. 1896 г. стр. 188.
**) Влад. Ен. Вѣд., стр. 188—190.

XVIII.

Языческій характеръ въ христіанской религіи Осетинъ. — Отзывъ имеретинскаго князя Давида о религіи Осетинъ.—Почитаніе осетинами св. Георгія.—Секта георгіанцевъ, Марине и Кадаги.

Мы видѣли, что и грузинское и русское духовенство проявили въ послѣдніе два вѣка не мало усилій въ дѣлѣ возстановленія и насажденія христіанства среди Осетинъ. Что-же, каковы плоды этихъ трудовъ? Какова религія Осетинъ?

Историческія судьбы Осетіи естественно должны были отразиться, и дѣйствительно отразились на религіи Осетинъ. Среди нихъ были и есть христіане, магометане, язычники. Причиною такого смѣшенія религіозныхъ понятій было то, что осетины подвергались попеременно ученію разныхъ вѣрованій, смотря по тому, подъ чьею властью находились. Грузины съ юга вносили къ нимъ христіанское ученіе, а съ запада и сѣвера кабардинцы научали магометанству. Впрочемъ, ни христіане, ни магометане, ни, наконецъ, язычники не слѣдуютъ въ точности обрядамъ и установленіямъ своей религіи. Всѣ правила и церковные уставы перемѣшаны и перепутаны, христіане исполняютъ многіе языческіе обряды при свадьбахъ и похоронахъ, брѣютъ голову и совершаютъ омовеніе; магометане, принадлежа къ суннитской сектѣ, не слѣдуютъ законамъ пророка, ѣдятъ свинину, пьютъ вино и смѣются надъ своими обрядами, а язычники чествуютъ многіе праздники вмѣстѣ съ христіанами. Считаясь христіаниномъ, почитая святыхъ, осетинъ не ходитъ въ церковь, приноситъ жертву кумиру и допускаетъ многоженство. Сколько правительство ни старалось внушить осетинамъ, что они, какъ христіане, должны покинуть многоженство, какъ обычай, противный уставамъ православной церкви, но туземцы оставались непреклонными и не покидали многоженства*).

*) Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, ч. I, стр. 292.

Такъ, въ христіанствѣ Осетинъ проходитъ яркою чертой языческій характеръ ихъ христіанской религіи.

Въ вопросѣ о религіи Осетинъ весьма поучительнымъ можетъ быть отзывъ имеретинскаго князя Давида относительно религіи Осетинъ въ концѣ XVIII вѣка. По свидѣтельству имеретинскаго князя Давида, въ 1786 г. все населеніе Осетіи было языческое. Кн. Давидъ, начальникъ города Рачи, былъ посланъ въ этомъ году, имеретинскимъ царемъ Давидомъ, къ грузинскому царю Ираклію, для заключенія мирныхъ условій и для приглашенія сына царевича Арчила ѣхать въ Имеретію. Возвращаясь изъ Тифлиса, князь Давидъ, въ деревнѣ Авнисахъ, былъ схваченъ осетинами и отведенъ въ горы. Переходя изъ рукъ въ руки, изъ одной деревни въ другую, онъ прошелъ всю Осетію, и наконецъ, былъ проданъ въ Моздокѣ, гдѣ выкупленъ и, по распоряженію гр. Гудовича, отправленъ чрезъ Астрахань въ Петербургъ.

Проведя въ плѣну четыре года, присмотрѣвшись къ быту осетинъ, князь писалъ, что осетины исполняютъ великій постъ, „но поповъ не имѣютъ; они не крестятся и крещенія не пріемлютъ, равно и дѣтей своихъ къ тому не приводятъ, а поклоняются они козловой кожѣ, которую почитаютъ на мѣсто Ильи пророка и ей молятся“.

Прошло съ тѣхъ поръ почти цѣлое столѣтіе, и осетины весьма мало подвинулись въ религіозномъ отношеніи. Правда, число лицъ, называющихъ себя христіанами значительно увеличилось, но смѣшанность вѣрованія осталась все таже *).

Можно ли удивляться поэтому, что среди Осетинъ на христіанской почвѣ встрѣчались различныя суевѣрія и даже своего рода языческіе обычаи? Для примѣра

---

*) Дубровинъ, ч. I, стр. 292—3.

остановимся на томъ, въ какихъ иногда формахъ обнаруживалось среди осетинъ почитаніе св. Георгія.

Къ св. Георгію простой народъ питаетъ не только уваженіе, но и благоговѣйное обожаніе.

По вѣрованію туземца, если человѣкъ забываетъ Бога и впадаетъ въ грѣхи, то великомученикъ принимаетъ строгія мѣры къ его исправленію, избирая орудіемъ для того кадачи (вѣщуна). Св. Георгій не обращаетъ тогда вниманія на то, къ числу порочныхъ или праведныхъ лицъ принадлежитъ кадачи, лишь-бы только чрезъ него достигнуть цѣли. Кадачи, по преимуществу больной, получившій невидимымъ путемъ призваніе свыше, начинаетъ свое пророчество, или, по увѣренію народа, „всегда вѣрное“ предсказаніе. Въ судорожныхъ движеніяхъ, кривляніяхъ и т. п., подъ страхомъ наказанія отъ св. Георгія, онъ громко проповѣдуетъ всеобщее покаяніе, а страждущимъ пилигримство и кровавыя жертвы.

Слова кадачи скоро разносятся по всѣмъ селеніямъ и распространяютъ страхъ между жителями. Толпа валитъ къ нему со всѣхъ сторонъ и смиренно преклоняетъ колѣна. Громовыя рѣчи его слушаютъ „какъ предсказанія ангела и исполняютъ ихъ безпрекословно, съ особеннымъ тщаніемъ. Тѣ, кого онъ обязалъ сдѣлать путешествіе или покаяться передъ какимъ-либо образомъ, надѣваютъ бѣлую одежду и отправляются босикомъ къ мѣсту назначенія; на шею надѣваютъ мѣдныя проволоки, унизанныя просверленными монетами и прилѣпленными къ нимъ кусками воску. Достигнувъ мѣста покаянія, закалываютъ жертвы, а священники, пользуясь этимъ суевѣріемъ народа, читаютъ надъ пришедшемъ очистительныя молитвы, стригутъ крестообразно волоса на головѣ и снимаютъ съ молящагося знаки обѣта, какъ доказательство, что онъ выполненъ.

Въ 1840 году въ Карталинской Осетіи образовалась цѣлая секта георгіянцевъ, представителями которой

были по преимуществу женщины. Они расхаживали по деревнямъ и проповѣдовали устами св. Георгія разныя нелѣпости. Увѣряя народъ, что святой приказалъ христіанамъ работать только три дня въ недѣлю, сектанты составили въ честь его особую молитву и установили новые обряды.

Поводомъ къ этому волненію была молодая женщина, лѣтъ двадцати, жена одного зажиточнаго осетина. Марине—такъ звали эту женщину—была бездѣтна и, видя въ этомъ наказаніе или испытаніе ниспосланное Богомъ, она, сдѣлавшись до чрезвычайности религіозна, стала прилежно посѣщать церковь. Каждый разъ, стоя предъ образомъ на колѣняхъ, Марине била себя въ грудь и просила матерь Божію оплодотворить ее. Молитва ея не была услышана и она оставалась по прежнему бездѣтна. Занятая постоянно одною и тою-же мыслію, бѣдная женщина стала выказывать странности въ характерѣ. Ей пришло на мысль, и она скоро увѣрила себя, что такое наказаніе ей ниспослано Господомъ за грѣхи людей, и что до тѣхъ поръ она останется безплодною, пока не наведетъ людей на путь истины.

Я просила Бога, разсказывала она, какъ достигнуть этой спасительной цѣли и не разъ получала утѣшеніе въ видѣніяхъ.

Распаленное воображеніе рисовало ей Бога, окруженнаго на облакахъ сонмомъ ангеловъ, или Матерь Божію съ ея святымъ Младенцемъ.

Марине! слышался ей каждый разъ невѣдомый голосъ: потерпи еще, и будетъ по желанію твоему.

Въ этихъ словахъ бѣдная женщина видѣла одобреніе свыше.

Она надѣла бѣлое платье, опоясала себя веревкой и предалась еще большимъ молитвамъ. Постоянное напряженіе душевныхъ силъ помрачило ея разсудокъ и разстроило здоровье. Лицо ея сдѣлалось болѣзненно, глаза блуждали; она прервала всякую связь съ міромъ,

сообщеніе съ мужемъ и, переселившись въ миръ фантазіи, жила воображеніемъ. Чувствуя съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе потребность къ уединенію, Марине жила днемъ въ пещерѣ, а ночью бродила по лѣсамъ и горамъ. Бѣлая одежда, распущенные волоса дѣлали ее похожею на привидѣніе; прохожіе, встрѣчавшіе ее въ такомъ видѣ, видѣли, какъ она постоянно что-то бормотала про себя...

Таково было состояніе бѣдной Марине, лишившейся разсудка.

Наступилъ день 23 апрѣля, когда осетины празднуютъ память св. Георгія. Толпы народа съ ранняго утра собирались около древняго храма, въ честь Великомученика, находящагося неподалеку отъ селенія Дзагинъ. Изъ дальнихъ странъ шли богомольцы къ храму, чтобы принести жертву святому, особенно уважаемому осетинами. На праздникъ пришла и Марине. Она смиренно стояла во храмѣ впереди всѣхъ и молилась. Обѣдня подходила къ концу, какъ вдругъ она пронзительно вскрикнула и упала въ корчахъ.

— Грѣхи ваши, грѣхи, кричала она, обращаясь къ присутствующимъ, оскорбляютъ Бога! Вы человѣкоубійцы и воры, вы забыли Господа и св. Георгія и уже не приносите имъ тучныхъ воловъ и овецъ. Покаянія, покаянія требуетъ отъ васъ небо. Иначе, если не послушаетесь, вы погибните: мечъ Божій уже изощренъ! Скоро голодъ и всякія язвы распространятся между людьми; земля съ ревомъ раскроетъ свою пасть и извергнетъ огненные потоки, горные ручьи образуютъ потопъ. Кто избѣгнетъ всего этого, того поразитъ свой-же ближній. Вай, страшный вай ждетъ весь свѣтъ!

Суевѣрный народъ былъ пораженъ до крайности подобными словами. Глухой шумъ отъ ударовъ въ грудь и рыданія многихъ, въ особенности женщинъ, огласили церковь. Пораженные осетины, не зная что дѣлать, обратились къ тому-же Георгію съ просьбою о прощеніи.

— Сдѣлаемъ все, все что отъ насъ потребуешь, св. Георгій, говорилъ народъ.

— Нѣтъ, вы обманщики, слышался голосъ неумолимой Марине. Вамъ не вѣритъ св. Георгій, вы должны дать ему письменное обязательство.

— Согласны, всѣ согласны, кричалъ народъ.

Д. Бокрадзе приводитъ переводъ письменнаго обязательства, подписаннаго осетинами на храненіе священнику. Всѣ осетины, большіе и малые, мужчины, женщины и дѣти обѣщались св. Георгію, если онъ проститъ ихъ грѣхи, воздержаться отъ пороковъ. Они клялись не заниматься убійствомъ, разбоемъ, воровствомъ, не дѣлать набѣговъ, не портить чужихъ сѣнокосовъ, не воровать скота, хлѣба и овощей. Обѣщались отказаться отъ грѣховныхъ связей съ мачихами, сестрами родными и двоюродными, невѣстками и кумами. Въ посты не ѣсть ничего мяснаго, а въ великій постъ говѣть и пріобщаться святыхъ таинъ; праздновать не только праздники, но не работать по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; не ѣсть падали; любить ближняго и не жаловаться ни на кого. Кто измѣнитъ клятвѣ, на того народъ призывалъ строжайшее наказаніе св. Георгія.

Достигнувъ своей цѣли, Марине торжествовала и въ глазахъ народа сдѣлалась общею проповѣдницею. Съ крестомъ въ рукѣ, она переходила изъ деревни въ деревню, проповѣдуя повсюду покаяніе. Распаленное воображеніе ея, раздраженное состояніе проходило, а въ замѣнъ того, лицо ея и глаза блестѣли внутреннимъ торжествомъ. Недугъ, отъ котораго она исцѣлилась, заразилъ другихъ; въ народѣ появилось множество ея послѣдователей, старавшихся перещеголять другъ друга своимъ призваніемъ свыше. Въ обыкновенные и праздничные дни, въ деревнѣ и въ церкви, гдѣ только собирался народъ, появлялись кадачи и преслѣдовали его своими проповѣдями.

Кадачи распространялись повсюду. Одна изъ нихъ

видитъ св. Георгія на бѣломъ конѣ, съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ и держащаго живого дракона, связаннаго веревкой; другой—мерещутся черти съ страшными рогами, длинными зубами и когтями на ножныхъ пальцахъ. Тотъ проповѣдуетъ истинное покаяніе и отрѣщеніе отъ плоти, а этотъ, напротивъ—удовольствіе и любовь. Одни вскакиваютъ на деревья; другіе взбираются на кровлю церкви и, падая оттуда, съ довольно большой высоты, не разбиваются. Предвѣщаніямъ и требованіямъ ихъ не было конца. Отъ безчисленныхъ и противорѣчивыхъ требованій, у народа становились дыбомъ волосы, онъ не зналъ что дѣлать. Считая необходимымъ исполнять требованія предсказателей, народъ то ходилъ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, босикомъ, то привязывалъ къ рукѣ шану *) и носилъ ее до извѣстнаго срока.

Въ такомъ печальномъ, неспокойномъ настроеніи, ожидая ежеминутно небесной кары, собирались осетины на праздникъ въ мѣстечко Корниси. Мѣсто сбора образуетъ довольно обширную луговину, вокругъ поросшую дремучимъ лѣсомъ. Стоящее посреди церковное зданіе имѣетъ крестообразный видъ и прикрыто различными кустами и вьющимся растеніемъ. Глухой говоръ оглашалъ окрестности. Въ разныхъ мѣстахъ горѣло нѣсколько костровъ, надъ которыми въ большихъ котлахъ кипятили воду; подлѣ костровъ лежали огромныя деревянныя вертела, для шашлыковъ. Приведенный на жертву скотъ, стоялъ привязаннымъ къ деревьямъ; часть его была уже зарѣзана и выпотрашивалась. По всему пространству, тамъ и сямъ, сновалъ босой народъ, едва прикрытый лохмотьями. Между нимъ вертѣлись кадачи, требующія покаянія и жертвы. Толпа переходила отъ одной кадачи къ другой, съ потупленными взорами и

---

*) Шанъ—мелкая просверленная монета, которую надѣваютъ стальную проволоку и привязываютъ къ оконечности руки.

съ лицами, выражающими страхъ, просила прощенія св. Георгія.

Заколотыя и сваренныя въ честь святаго жертвы призывали къ трапезѣ. Обѣдъ успокоилъ на нѣкоторое время ошеломленныхъ. Всѣ принялись за ѣду, дернъ служилъ для нихъ супрою (скатертью); небольшія плетенки—подносами, на которыхъ подавались черствые чуреки, сыръ и большіе куски недоваренной говядины. По близости стояли бочки араки (водки) и луды (пива изъ ячменя съ хмѣлемъ).

По старшинству лѣтъ и въ нѣсколько рядовъ расположились присутствующіе, кто въ полусидячемъ положеніи, кто на маленькихъ скамеечкахъ. Женщины перемѣшались съ мужчинами,—ошѣ не дичатся ихъ. Кадачи успокоились, и только окровавленныя лица и блуждающіе глаза свидѣтельствовали о недавнемъ ихъ недугѣ.

Передъ началомъ обѣда старшина поднялся на ноги и за нимъ поднялись и всѣ. Онъ взялъ кубокъ или ковшъ съ аракою и обратился къ присутствующимъ съ такою рѣчью:

— Слушайте, почтенные старцы, и умолкните, неразумные щенки, сказалъ онъ имъ. Я буду говорить вамъ дѣло. Пейте и ѣшьте во славу св. Георгія. Великій мужъ! помирись съ нами и будемъ по прежнему друзьями. Мы, право, будемъ выполнять все, что приказываешъ черезъ кадачъ; соблюдать посты, праздновать всегда три дня въ недѣлю; не станемъ уже заниматься ни воровствомъ, ни убійствомъ.

Послѣ такой рѣчи началась попойка, продолжавшаяся долго. Предсказаніе и требованіе кадачъ долго дурно вліяло на осетинъ. По одному ихъ приказанію, они приносили въ жертву послѣднихъ быковъ и барановъ; попойки, часто повторяемыя, раззорили поселянъ, постановившихъ къ тому же не работать по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ. Все это не могло не

обратить вниманія правительства, стараніями котораго осетины были успокоены. Секты георгіанцевъ „не существуетъ, но Марине, говоритъ Д. Б—дзе, доселѣ жива: она совершенно здорова умственно и физически и имѣетъ дѣтей“ *).

XIX.

Семейный бытъ осетинъ. — Отношенія осетинъ къ женщинамъ.— Рожденіе дѣвочки и мальчика у осетинъ. — Свадебные обычаи и обряды у осетинъ.—Похороны.

Чтобы яснѣе представлять тѣ условія, при которыхъ дѣйствовала Кавказская Русская миссія въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ среди осетинъ, слѣдуетъ нѣсколько подробнѣе ознакомиться съ нравами и обычаями осетинъ. Въ нихъ свято хранятся преданія старины; по нимъ-же можно судить о степени вліянія христіанства и магометанства на бытъ и повседневный строй жизни осетинъ.

При первомъ-же взглядѣ на семейную жизнь осетина, приходится знакомиться съ крайне деспотическимъ и презрительнымъ отношеніемъ мужчины къ женщинѣ. — Женщина, говоритъ осетинъ, проклята Богомъ и на этомъ свѣтѣ никакой пользы не приноситъ, какъ ни къ чему не годная. Мужчина, напротивъ, есть краса природы: онъ сильное и свободное вещество, все можетъ произвесть, все пріобрѣсть, все сдѣлать.

Тамъ, гдѣ сила и ловкость, удальство и хищничество, съ орудіемъ въ рукахъ, составляетъ основу жизни, тамъ женщина, конечно, должна терять въ глазахъ мужчины, и быть въ рабскихъ къ нему отношеніяхъ. Осетинъ покупаетъ себѣ жену какъ товаръ, можетъ купить себѣ двѣ или три жены, если имѣетъ къ тому средства, и потому онъ обращается съ ними сурово, стараясь на каждомъ шагу показать свое превосходство и презрѣніе

*) Дубровинъ, ч. I, стр. 307—311.

къ женщинѣ. Мужчину можно обругать какъ угодно, сравнить съ какимъ-бы то ни было животнымъ—онъ не обидится; но назовите его усъ—женщиною, онъ приметъ это за тяжкую обиду. Чтобы предохранить себя отъ этого ужаснаго прозвища, онъ не носитъ краснаго цвѣта—принадлежности женскаго пола. Изъ этого составляютъ исключеніе только старики, къ которымъ народъ питаетъ глубокое уваженіе, только они одни и могутъ носить платье какихъ угодно цвѣтовъ.

Жена не называетъ по имени не только мужа, но даже братьевъ и другихъ родственниковъ. Называя мужа, она говоритъ обыкновенно на лаг—что означаетъ нашъ господинъ, нашъ мужъ. Но если-бы случилось, что женщина, въ присутствіи другихъ женщинъ, по ошибкѣ, назвала по имени мужа или одного изъ родственниковъ его, то подвергается большому осмѣянію *).

Осетинская женщина не пользуется не только уваженіемъ, но и благодарностью за трудъ. А труды ея въ семействѣ часто изнурительны и чрезмѣрны. Все хозяйство лежитъ на обязанности женщины. Послѣдняя, въ семейномъ быту, работая какъ волъ, замѣняя рабочую скотину, находится, въ добавокъ, въ большомъ презрѣніи и участь ея достойна полнаго сожалѣнія. Женщина съ утра и до вечера занимается приготовленіемъ предметовъ, наиболѣе необходимыхъ въ хозяйствѣ: ткетъ сукно на чуху мужу, шьетъ башмаки, дѣлаетъ бурки, чахлы на ружья, ножны для шашекъ и т. п. Она же исполняетъ всѣ полевыя работы, которыя всецѣло лежатъ на ней**).

Такія условія существованія гибельно отражаются на здоровьи женщинъ. Не удивительно поэтому, что осетинская женщина старѣется весьма скоро: въ двадцать, а много въ двадцать пять лѣтъ, она уже совсѣмъ

---

*) Дубровинъ, ч. I, стр. 338—9.
**) Дубровинъ, ч. I, стр. 338.

старуха. Лицо ее обрюзгло и покрыто морщинами груди отвисаютъ до пояса и животъ опущенъ; впрочемъ эта послѣдняя статья считается красотою. Осетинская женщина любитъ посплетничать, въ особенности во время полевыхъ работъ, на которыя сходятся сосѣдки безъ мужчинъ. При встрѣчахъ и разговорахъ, онѣ очень часто называютъ другъ друга не собственными, а нарицательными именами: савъ-гизъ (черная дѣвка, одно изъ почетныхъ именъ), бабизъ (утка) и проч. Осетинки не прячутся отъ глазъ мужчины ни своего, ни посторонняго, и, при всей дикости ихъ мужей, пользуются нѣкоторою свободою въ своихъ дѣйствіяхъ,—а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ излишествомъ, не возбуждая тѣмъ ревности своихъ мужей. Послѣдній, будучи полновластнымъ господиномъ своей жены, можетъ прогнать ее отъ себя, когда вздумаетъ.

За невѣрность жены, въ прежнее время, мужъ имѣлъ право убить ее, но долженъ былъ ясно доказать, что она виновата въ прелюбодѣяніи, потому что, въ противномъ случаѣ, подвергался кровомщенію ея родственниковъ.—Соблазнитель чужой жены рѣдко испытывалъ на себѣ мщеніе ея мужа, потому что если онъ называлъ себя сыномъ этой женщины и клялся, что болѣе не будетъ имѣть къ ней порочныхъ чувствъ, то всякое мщеніе прекращалось. Соблазнившій дѣвушку долженъ былъ на ней жениться или заплатить родителямъ столько, сколько назначатъ судьи.

Разводъ допускается между супругами и причинъ для него весьма много. Бездѣтность женщины или жена, просто надоѣвшая мужу, можетъ быть отослана послѣднимъ къ ея родителямъ, не спрашивая о томъ ни у кого согласія или позволенія. Если осетинъ, прогоняя жену, дастъ ей что-либо на пропитаніе, то это доказываетъ его прекрасныя качества. Чаще же всего женщина выходитъ изъ дому нагая, оборванная и безъ всякихъ

средствъ къ существованію. Если у выгоняемой женщины есть дѣти, то отецъ обязанъ назначить на ихъ пропитаніе опредѣленныя средства деньгами или скотомъ.

Разведясь со своею законною женою, осетинъ береть себѣ другую женщину, и даже вдову родного брата, и живетъ съ нею безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ.

Плата за убійство женщины составляетъ половину платы за мужчину.—Дочери осетина наслѣдства не получаютъ: онѣ сами составляютъ вещь, или товаръ, которымъ торгуетъ отецъ *).

При такомъ взглядѣ на женщинъ, осетины всегда не довольны, когда у нихъ рождаются дѣвочки.

Съ приближеніемъ родовъ, прежде разрѣшенія больной отъ бремени, въ домъ къ ней собираются всѣ родные и знакомые обоихъ супруговъ, при чемъ мужчины, преимущественно молодые парни и мальчики, помѣщаются въ одной половинѣ сакли, а замужнія женщины и старухи въ другомъ отдѣленіи; дѣвушки въ это время не допускаются. Каждая женщина несетъ по три масляныхъ пирога, по обычаю вырываемыхъ изъ рукъ мальчиками. Когда больная почувствуетъ приближеніе родовъ, то самыя близкія родственницы уводятъ ее изъ дамскаго общества въ особую комнату, и ни мужъ, ни другіе родственники при родахъ не присутствуютъ, по малому развитію родительскихъ и родственныхъ чувствъ. Больная оставляется только съ одною бабкою, и всѣ безъ исключенія присутствующіе удаляются. Отъ молодой жены требуется такой стоицизмъ, что, какъ бы ни были мучительны роды, родильница должна быть совершенно спокойною и не произносить ни одного слова, ни одного стона, до разрѣшенія отъ бремени. Гости остаются чуждыми этой высокой разыгрывающейся драмѣ въ судьбѣ двухъ существъ: матери и будущаго новорожденнаго, и хлопочатъ только о томъ, какъ бы приступить скорѣе

*) Дуровинъ, ч. 1, стр. 339—40.

къ угощенію, но увы! и эта надежда изчезла—хозяйка подарила отцу не сына, а дочь.

Рожденіе дочери хуже, чѣмъ наказаніе для отца; дочь у осетина не ставится ни во что, не смотря на то, что отецъ получаетъ за нее ирадъ (плата, калымъ), и что она до замужества и послѣ него будетъ работать въ семействѣ, какъ волъ. Осетины не цѣнятъ этихъ заслугъ женщины, и рожденіе дочери принимаютъ за несчастіе. Отецъ, повѣся голову, посматриваетъ на приготовленныя угощенія, груститъ, не хочетъ праздновать рожденія дочери, и часто гости оставляютъ домъ хозяина, только раздраженные аппетитомъ.

Но если родится сынъ, то угощеніямъ нѣтъ конца. Съ первымъ крикомъ ребенка всѣ бросаются поздравлять отца и всѣхъ родственниковъ, не только присутствующихъ, но и отсутствующихъ. Кто первый поздравитъ, тому отецъ дѣлаетъ подарокъ, состоящій изъ кинжала, ножа и даже шашки, смотря по состоянію, и даритъ еще что-нибудь, кому вздумается *).

Тщательно исполняя стародавніе обычаи при рожденіи дѣтей, осетины почти не обращаютъ вниманія на требованія христіанской религіи относительно новорожденныхъ.

Младенцу даютъ имя свое собственное, языческое, независимо отъ имени христіанскаго или магометанскаго. Это имя считается главнымъ и болѣе важнымъ, и христіанскія имена назначаются для проформы. Кто первый подойдетъ къ люлькѣ младенца, тотъ долженъ дать ему имя и можетъ сочинять какое угодно прозваніе новорожденному. Имена эти принадлежатъ разнымъ звѣрямъ, животнымъ и т. п. Осетины всегда зовутъ другъ друга по имени, но никогда не произносятъ имени христіанскаго, а всегда свое языческое.

Крещеніе совершаютъ только тогда, когда самъ свя-

---

*) Дубровинъ. ч. I, стр. 340—341.

ценникъ узнаетъ, что въ такомъ-то домѣ есть новорожденный, но и то часто родители увѣряютъ своего духовнаго пастыря, что ребенокъ ихъ давно уже крещенъ. Во всякомъ же случаѣ крещеніе бываетъ не ранѣе трехъ дней послѣ рожденія.

Въ этомъ случаѣ, муллы поступали для себя болѣе практично, чѣмъ наши священники и миссіонеры. Они распустили слухъ, что каждый необрѣзанный и семейство его будутъ ходить на томъ свѣтѣ безъ головы, а потому у осетинъ-мусульманъ обрядъ обрѣзанія исполняется гораздо строже.

На третій день послѣ рожденія, снова собираются родственники и знакомые и у нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, у дигорцевъ, приносятъ пули, которыя кладутъ въ люльку младенца, какъ талисманъ и благословеніе на будущіе его подвиги *).

Гораздо многочисленнѣе обряды при сватовствѣ и бракѣ.

Желающихъ ознакомиться съ ними отсылаемъ къ книгѣ г. Дубровина **); здѣсь-же упомянемъ только о томъ, какъ трудно было духовенству бороться съ ранними браками и съ обычаемъ, „секретнаго ложа“.

Въ прежнее время осетины женились очень рано. Мальчикъ, достигшій восьми-лѣтняго возраста, вступалъ въ бракъ, если только былъ въ состояніи заплатить выкупъ; но теперь наше правительство воспрещаетъ столь ранніе браки и женятся только такіе молодые люди, которые достигли четырнадцати-лѣтняго возраста. Ограниченіе возраста часто и до сихъ поръ сопряжено съ большими затрудненіями.

Такъ, въ 1862 г. восьми-лѣтняя дочь жителя селенія Четорси, Дзигви Цалогови, была засватана за десяти-лѣтняго мальчика, жителя того же селенія, Михаила

---

*) Дубровинъ, 7.1, стр. 341.
**) Ч. 1, стр. 321—336.

Хубелгова. Родители дѣвушки, не смотря на неоднократное запрещеніе священника, приготовились къ свадьбѣ, и три брата Цалогови явились къ священнику и принуждали его обвѣнчать сговоренныхъ. Священникъ просилъ ихъ обождать до совершеннолѣтія, и видя, что увѣщанія его тщетны, объявилъ, что передастъ это дѣло на разсмотрѣніе благочиннаго. Но въ то время, когда священникъ писалъ донесеніе благочинному, одинъ изъ братьевъ ворвался въ его домъ и кинжаломъ убилъ священника. Въ то-же время злодѣй поразилъ и церковнаго старосту, дряхлаго старика, который былъ только простымъ свидѣтелемъ переговоровъ со священникомъ *).

Что-же касается обычая „секретнаго ложа“, что онъ заключался въ женитьбѣ на женахъ умершихъ братьевъ, на женахъ даже умершихъ сыновей. Обычай этотъ, отчасти обусловливавшійся причинами экономическими, представлявшій, въ виду, напр., обычая покупать женъ, какъ бы предупрежденіе тѣхъ убытковъ, которые, по понятіямъ проктикующихъ этотъ обычай, несетъ семья, лишаясь своего члена, пріобрѣтеннаго покупкою,—въ періодъ описываемаго времени представлялъ одно изъ сильныхъ препятствій къ успѣшному введенію христіанства въ главныя бытовыя условія тогдашней жизни осетинскаго населенія. Первые миссіонеры энергично проповѣдывали противъ безнравственности этого обычая и частью силою своихъ убѣжденій, частью „при помощи начальства“ мало-по-малу начали искоренять его среди населенія, которое такъ или иначе причислялось съ христіанскому. „Помощь начальства“ въ данномъ случаѣ практиковалась, напр., тамъ, гдѣ христіане, охотно слѣдовавшіе ученію миссіонеровъ въ усвоеніи собственно обрядовыхъ вѣрованій, оказывались неподатливыми на

*) Дубровинъ. Ч. 1, стр. 334.

убѣжденія—оставить привычки „секретнаго ложа“ въ смыслѣ вышеозначеннаго обычая *).

Существуютъ особые обычаи и обряды и при погребеніи осетинъ.

Осетины считаютъ безчестіемъ для дома, если покойникъ хотя одну ночь останется не похороненнымъ. По этому похороны совершаются или въ самый день смерти, или на другой день утромъ, но никакъ не позже; христіане, живущіе по плоскости, хоронятъ по церковному уставу св. примѣсью своихъ обычаевъ, а тѣ, которые живутъ въ горахъ, хоронятъ умершихъ чисто по язычески. Народъ вѣритъ, что слезы облегчаютъ за гробомъ участь умершаго, и чѣмъ больше слезъ, тѣмъ легче будетъ покойнику. Поэтому на оплакиваніе стараются собрать какъ можно больше народа, который часто пріѣзжаетъ изъ весьма отдаленныхъ селеній.

Передъ покойникомъ теплится свѣча, а у порога сакли, у самой двери, стоятъ по одну сторону мужчины, по другую сторону женщины. Начинается обрядъ оплакиванія. Гости, приближаясь къ дому умершаго, сжимаютъ обѣ руки въ кулаки, и, ставъ рядомъ, по нѣскольку человѣкъ, бьютъ себя въ лобъ поперемѣнно обѣими руками, испуская печальные гортанные звуки ia-a-a; дойдя до порога дверей, они возвращаются обратно и присоединяются къ другимъ. За тѣмъ на порогѣ сакли становится въ рядъ по два или по четыре человѣка, которые берутъ въ правыя руки плети, а лѣвыми закрываютъ глаза и, затянувъ печальную пѣсню ададай, тихо приближаются къ покойнику, Нѣкоторые натираютъ конецъ плети воскомъ, чтобы показать свое состраданіе къ покойнику и свое сердечное сожалѣніе его семейству. Плетями этими они бьютъ себя по открытой бритой головѣ „такъ сильно, что она, огибая лобъ, темя

*) Сборникъ матеріаловъ, стр. 267.

и шею, вырываетъ тѣло кусками и кровь льется изъ задней части головы".

Дойдя до покойника, они прекращаютъ удары, дотрогиваются до него обѣими руками и отходятъ прочь, передавая плети другимъ охотникамъ истязать себя въ этой печальной церемоніи.

За мужчинами идутъ точно также прощаться женщины, съ тою только разницею, что вмѣсто плети бьютъ себя обѣими руками. „Женщины царапаютъ себѣ лицо ногтями, бьютъ обѣими руками по щекамъ или крестообразно по предплечіямъ, такъ что правая рука приходится на лѣвое предплечіе, а лѣвая на правое. Отъ безпрестанныхъ ударовъ этихъ, лицо ихъ раздувается, глаза наливаются кровью. Дойдя, такимъ образомъ, до покойника, каждая кланяется и дотронувшись до ногъ его, отходитъ въ сторону".

По совершеніи всѣми обряда прощанія, покойника, одѣтаго въ новое платье и завернутаго въ кусокъ холста или сукна, кладутъ на носилки или на арбу и отвозятъ на семейное, а не на общее кладбище. Осетины, какого бы вѣроисповѣданія ни были, не хоронятъ своихъ покойниковъ въ гробахъ, а вырываютъ яму, укладываютъ ее досками или камнемъ и обжигаютъ порохомъ, для того, чтобы звѣри не разрывали могилъ.

Жители горной Осетіи, какъ-то: алагирцы, куртатинцы, чемитинцы и дигорцы, одѣваютъ покойника въ новое платье, шапку, полное вооруженіе и, покрывъ буркою, кладутъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу три чурека и штофъ араки, съ тою цѣлью, чтобы покойникъ, во время пути на небо, ни въ чемъ не нуждался и могъ одарить, кого слѣдуетъ. Если умершій магометанинъ, то изъ среды толпы выходитъ мулла и, съ важностію требуетъ коня покойнаго, для совершенія обряда бахифалдистъ—жертвованія лошади въ честь покойника *).

*) Дубровинъ, Ч. 1, стр. 342, 5.

— Эта лошадь, говоритъ онъ съ разстановкой, взявши коня подъ уздцы, да будетъ жертвою этого покойника.

Послѣ такого вступленія, выражающаго собою содержаніе послѣдующей рѣчи, мулла обращается къ присутствующимъ.

— Нынѣ потеряли мы, говоритъ онъ, одного изъ знаменитыхъ людей, украшавшихъ наше общество; сами знаете,—онъ былъ для насъ тоже, что глазъ, нога, рука, языкъ, кинжалъ; значитъ: мы теперь онѣмѣли, ослѣпли, оробѣли, лишились силы, обезоружены, что-же будемъ дѣлать? ничего! ибо таковъ законъ Аллаха, такова воля великаго Пахумпара: нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ посланный отъ Бога.

— Но съ тобою, продолжаетъ мулла, обращаясь къ умершему, виновникомъ теперешней бѣды, я долженъ поговорить поподробнѣе. Ты нынѣ отходишь въ такую невѣдомую сторону, гдѣ нѣтъ для тебя ни родныхъ, ни кунаковъ; и такъ слушай меня со вниманіемъ! Вотъ твой любимый, ретивый конь, вотъ оружіе: шашка, кинжалъ, ружье и пистолетъ—они заряжены двумя пулями. Сядь на коня, надѣнь на себя оружіе и отправляйся; на пути встрѣтятся тебѣ три различныя дороги, не слѣдуй ни по правой, ни по лѣвой: по нимъ проходятъ только одни гяуры и шайтаны; держись средней дороги, она одна достойна правовѣрныхъ: ею ты достигнешь джанната (рая).

Еще надо предварить тебя, что путь, которымъ пойдешь, слишкомъ продолжителенъ; если захочется тебѣ ѣсть или пить, то вотъ мы кладемъ вмѣстѣ съ тобою мѣшочекъ, въ которомъ ты найдешь все необходимое: хлѣбъ, сыръ, трубку, табакъ и кувшинъ съ брагою. Пользуйся своимъ, ни у кого ничего не требуй въ дорогѣ, очень опасной и трудной; если устанетъ твой конь, поймай кобылицу Магомета, которая будетъ прогуливаться по прекрасному лугу: она прямо привезетъ тебя къ дверямъ рая; тамъ на встрѣчу тебѣ выйдутъ

прекрасныя, черноглазыя гуріи, обѣщанныя Магометомъ, примутъ въ свои объятія, введутъ въ неизреченный джаннатъ (рай), и будетъ тебѣ хорошо!...

— Аминь Боже! да будешь ты свѣтелъ!—заключаютъ всѣ присутствующіе *).

Народъ вѣритъ, что, послѣ смерти, человѣку приходится много странствовать, прежде чѣмъ онъ достигнетъ до того мѣста, гдѣ находятся отошедшіе въ вѣчность люди. Понятія осетинъ относительно загробнаго странствованія, чрезвычайно оригинальныя, указываютъ на узкія познанія ихъ о религіи и заключаются въ рѣчи, произносимой надъ умершимъ.

Рѣчь эту произноситъ одинъ изъ стариковъ, по преимуществу человѣкъ бѣдный, который получаетъ потомъ отъ родственниковъ умершаго подарки **).

Нельзя не привести этой рѣчи, записанной Шегреномъ со словъ одного изъ лучшихъ ораторовъ.

„Господь Богъ! восклицаетъ ораторъ; сегодня померъ хорошій человѣкъ, онъ былъ очень хорошій человѣкъ, такой, какому подобный есть только одинъ на-небесахъ; теперь всѣ присутствующіе по немъ плачутъ; онъ былъ очень хорошій человѣкъ, хлѣбосолъ, его всѣ любили и онъ всѣхъ примирялъ; съ нимъ св. Георгій сдѣлалъ присягу на братскую дружбу. Теперь св. Георгій на небесахъ, кто же ему дастъ знать о томъ, что пріятель его померъ! никто такъ скоро не поспѣетъ на небо извѣстить св. Георгія, какъ нартъ аксартаковой фамиліи Зерватекъ (ласточка ***), и онъ, только что ему объ этомъ сказали, тотчасъ поскакалъ и извѣстилъ св. Георгія. Въ

---

*) Н. Берзеновъ. Очерки Осетіи. Кавказъ 1850 г. № 15. Дубровинъ, Ч. 1, стр. 345.

**) Дубровинъ. Ч. 1, стр. 345.

***) Между осетинами ходитъ много легендъ о подвигахъ жившихъ въ древности партовъ, которыхъ они почитаютъ за святыхъ. Нартами осетины считаютъ израильтянъ, о мѣстомъ ихъ жительства нынѣшнюю Имеретію

это время всѣ святые и ангелы были на угощеньи у одного святаго Кудралъ-Агона (мѣдника), который, сваривъ большой котелъ пива, пригласилъ ихъ къ себѣ и имъ прислуживалъ, а подавалъ пиво св. Георгій; вдругъ прилетаетъ Зерватекъ и, сѣвъ на правое плечо Георгія, сказалъ ему: твой другъ померъ! и ему надо теперь лошадь, ружье, шашку и пистолетъ. Св. Георгій задумался и говоритъ святымъ: у меня на землѣ померъ одинъ пріятель, мнѣ надо достать ему лошадь, ружье, шашку и пистолетъ, и потому я ухожу отъ васъ; и святые не пустили Георгія и обѣщали ему все найти для его пріятеля. Св. Илія далъ тотчасъ ружье, которое никогда не даетъ промаха; Кудралъ-Агонъ подарилъ такую шашку, что ее можно согнуть какъ обручъ; сынъ солнца Магометъ подарилъ сѣдло со всѣмъ приборомъ; сынъ луны Хамашканъ подарилъ потники, серебряную уздечку. Св. Георгій собралъ всѣ вещи и послалъ Зерватека въ Турцію выбрать лучшаго, какой только есть тамъ, коня. Зерватекъ полетѣлъ туда, но для того знаменитаго покойника не могъ сыскать лошади. Тогда онъ полетѣлъ въ Нартъ, гдѣ жилъ одинъ человѣкъ Чесана и далъ для св. Георгія свою лошадь Авсурхъ—главу лошадей. Зерватекъ привелъ эту лошадь, и какъ святые не пустили св. Георгія, то онъ и послалъ всѣ подарки покойнику черезъ Зерватека. А когда тотъ прилетѣлъ на землю и привезъ подарки, то всѣ кругомъ стоящіе благословили покойнаго и пожелали ему счастливаго пути въ землю Нартъ—святое мѣсто, куда пошли всѣ предки всѣхъ народовъ.

„Покойникъ простился со всѣми, взялъ свою лошадь и поскакалъ въ Нартъ; не доѣзжая рѣки, его встрѣтили караульные, которые не пускали его далѣе, но онъ подарилъ имъ чурекъ, и тогда они его пустили. И потомъ пріѣхалъ онъ къ рѣкѣ, черезъ которую было положено одно бревно, вмѣсто моста, а впереди моста стоялъ Аминонъ (указатель), который не пускалъ его

черезъ мостъ и сталъ распрашивать покойнаго. Аминонъ зналъ его хорошо, только хотѣлъ узнать: правду ли будетъ ему говорить покойный или солжетъ; если скажетъ правду, то отрекомендуетъ его въ Нартъ и пустить туда; если солжетъ, то будетъ бить его по губамъ вѣникомъ, намазаннымъ кровью.

„Вотъ и спросилъ его Аминонъ: что онъ видѣлъ и дѣлалъ хорошаго на свѣтѣ? и покойникъ все разсказалъ, ничего не увеличивая; и какъ Аминонъ видѣлъ, что онъ говоритъ правду, то и позволилъ ему переѣхать черезъ мостъ, и далъ ему записку и провожатаго, чтобы отвели его въ землю Нартъ, а другихъ, кто солжетъ, онъ отсылаетъ въ адъ. Покойникъ, только что получилъ позволеніе, тотчасъ поѣхалъ прямо на мостъ, который такъ и шатался подъ нимъ и, кажется, такъ и проваливался; но какъ покойникъ хорошій былъ человѣкъ и ѣхалъ смѣло, то мостъ дѣлался все шире и крѣпче и вышелъ большой хорошій мостъ.

„Только что переѣхалъ онъ на другой берегъ и видитъ: стоятъ нѣсколько женщинъ, всѣ въ траурѣ, спереди ихъ собаки, сзади эшаки, и звѣри эти терзали женщинъ. И спрашиваетъ онъ у проводника, что это значитъ? А проводникъ отвѣчалъ: эти женщины наказаны за прелюбодѣяніе на томъ свѣтѣ; когда мужья ихъ умерли, онѣ надѣли трауръ, а сами изъ-подтишка принимали любовниковъ; теперь онѣ наказаны тѣмъ, что имѣютъ вѣчно любовниками собакъ и эшаковъ и поставлены на дорогѣ, чтобы ихъ всѣ видѣли. Покойникъ проклялъ женщинъ и поѣхалъ дальше, и видитъ онъ, дальше лежатъ на бычачьей кожѣ мужъ и жена, покрыты они тоже бычачьею кожею, и ссорятся другъ съ другомъ, и тянутъ одинъ у другого кожу, говоря, что имъ нечѣмъ покрыться. Спрашиваетъ онъ у проводника: что это значитъ, что они дерутся? И проводникъ отвѣчалъ ему: они не любили другъ друга на томъ свѣтѣ, и здѣсь тоже ссорятся и имъ всего мало. Потомъ видитъ онъ: лежитъ

человѣкъ съ женою на заячьей кожѣ, покрываются заячьею кожею и не только довольно имъ этихъ кожъ, но еще они укутываютъ другъ друга; спрашиваетъ онъ у проводника: что это значитъ, что они помѣщаются на заячьей кожѣ? А проводникъ ему отвѣчалъ: они любили другъ друга на томъ свѣтѣ и здѣсь тоже любятся, и оттого имъ всего довольно. Потомъ, отъѣхавъ дальше, видитъ онъ: человѣкъ сидитъ за столомъ изъ льда, на стулѣ изъ льда и ѣстъ ледъ. И спрашиваетъ онъ у проводника: что это значитъ? И провожатый отвѣчаетъ: онъ былъ судьею на томъ свѣтѣ и не держался правды въ судѣ, а, напротивъ, помогалъ богатымъ и сильнымъ, и притѣснялъ бѣдныхъ и беззащитныхъ, и за то наказанъ ѣсть вѣчно одинъ только ледъ. Отъѣхавъ-же дальше, видитъ онъ: сидитъ человѣкъ на серебряномъ стулѣ, за серебрянымъ столомъ, сакля у него вся изъ солнца, потолокъ весь изъ звѣздъ, и въ саклѣ у него курится ѳиміамъ и всего вдоволь у этого человѣка. Спрашиваетъ онъ у провожатаго, за что этотъ человѣкъ проводитъ въ такомъ удовольствіи время? А провожатый ему отвѣчаетъ: онъ оттого теперь такъ счастливъ, что на томъ свѣтѣ былъ хорошій судья, поступалъ всегда справедливо и помогалъ бѣднымъ, и оттого награжденъ въ землѣ Нартовъ.

„Наконецъ, видитъ покойникъ стоитъ человѣкъ, у котораго быкъ гложетъ усы; спрашиваетъ онъ у провожатаго: что это значитъ? И провожатый ему отвѣчаетъ: оттого у него быкъ теперь гложетъ усы, что на томъ свѣтѣ онъ кормилъ только своего быка, а чужому ничего не давалъ, за то чужой быкъ и ѣстъ у него усы *). Проѣхавъ этого человѣка, они остановились у того мѣста, гдѣ расходятся три дороги: одна наверхъ къ святымъ на

---

*) У осетинъ есть обычай при пахани впрягать въ плугъ нѣсколько воловъ, принадлежащихъ разнымъ хозяевамъ. Случается при этомъ, что своихъ воловъ кормятъ, а чужихъ нѣтъ или плохо.

небо, другая въ преисподнюю — къ злымъ духамъ, и третья, средняя прямо къ нартамъ. Аминонъ приказалъ отвезти покойника прямо къ нартамъ, туда они и поѣхали по средней дорогѣ, подъѣзжаютъ и видятъ, что нарты всѣ сидятъ въ кружкѣ и, только что завидѣли покойника, встали передъ нимъ, а Барастверъ (хозяинъ рая) вышелъ впередъ и пригласилъ его занять въ кружкѣ первое мѣсто, говоря: ты былъ умный и хорошій человѣкъ, мы тебя знали и почитали, садись на первое мѣсто и распоряжайся у насъ всѣмъ; однако покойникъ отказался отъ перваго мѣста; тогда Барастверъ сказалъ: если ты не хочешь занять первое мѣсто и распоряжаться всѣмъ, то садись на послѣднее и прислуживай намъ; но покойникъ и отъ этого отказался, сказавъ нартамъ: я и на томъ свѣтѣ долго прислуживалъ всѣмъ и занималъ послѣднее мѣсто; тогда посадили его въ средину кружка и онъ остался такъ посрединѣ рая“ *).

Такъ, съ строгимъ соблюденіемъ давно установившихся обычаевъ осетины и хоронятъ умершихъ и совершаютъ церемонію брака и встрѣчаютъ новорожденныхъ младенцевъ.

XX.

Легенда осетинъ.—Бродяжный осетинъ.—Горный духъ Гудъ.—Пастухъ Бессо и Осетинскій Прометей.

Суровая величественная природа, многовѣковая исторія Осетіи, стародавнія преданія о различныхъ выдающихся случаяхъ въ жизни осетинъ—все это налагаетъ своеобразную печать и живописный колоритъ на вѣрованія и легенды осетинъ, на ихъ фантастическіе разсказы, которыми они любятъ дѣлиться съ интересующимся ихъ легендами.

Интересна, напр., легенда, которую разсказываютъ осе-

---

*) Религіозные обряды Осетинъ и пр. Шегрена. Кавказъ, 1846 № 29. Дубровинъ, Ч. I, стр. 346—8.

тины, когда заходитъ рѣчь о гостепріимствѣ. Чтобы имѣть болѣе ясное представленіе о смыслѣ этой легенды, нужно помнить о томъ значеніи, которое имѣетъ гостепріимство въ жизни осетинъ.

Гостепріимство у осетинъ развито до высокой степени. Фисимъ (хозяинъ) защищаетъ своего вазага (гостя) съ опасностію собственной жизни. Каждый успѣвшій сказать хозяину дома: „азъ-да вазагъ (я твой гость) принимается по-братски, хотя-бы онъ былъ врагомъ семейства.

Гостя встрѣчаютъ передъ саклею, принимаютъ его коня, вводятъ въ жилище и сажаютъ впереди. Разспросивъ о благополучіи скота, что слышно новаго, откуда и куда ѣдетъ, всѣ садятся за угощеніе. Хозяинъ считаетъ большимъ невѣжествомъ ѣсть при гостѣ. Онъ сажаетъ его на почетное мѣсто, убранное подушками, и самъ прислуживаетъ ему.

Уѣзжающаго гостя хозяинъ провожаетъ часто самъ на весьма значительное разстояніе отъ своего аула, смотря по его званію.

Если самому хозяину почему либо нельзя проводить гостя, то онъ отпускаетъ его не иначе, какъ съ карауломъ или передаетъ на руки своимъ знакомымъ и друзьямъ. Обида, нанесенная гостю, или убійство его, вызываетъ со стороны хозяина, кровомщеніе, какъ за убійство ближайшаго родственника.

Нарушеніе обычаевъ гостепріимства навлекаетъ на хозяина общее нерасположеніе всѣхъ жителей. Среди народа существуетъ даже легенда о „Бродяжномъ осетинѣ“, наказанномъ за несоблюденіе обычаевъ гостепріимства *).

На правомъ берегу р. Уруха, нѣсколько верстъ выше селенія Аксаргинъ, есть страшный для осетинъ колодезь Байдачъ, прозванный ими пропастью трехъ грѣ-

*) Дубровинъ, Ч. I, стр. 362.

ховъ. На мѣстѣ этого колодца, когда-то, по преданію, стояла сакля осетина Бурхана. Несмотря на уединенное жилище Бурхана, на его бѣдность и нищету, сакля его была всегда полна молодыми гостями, спѣшившими туда взглянуть на очаровательную сестру его Доссану. Бурханъ продалъ Доссану одному турку, но его обманули: Доссану увезли, а денегъ не отдали.

Съ этого дня всѣ человѣческія чувства замерли въ Бурханѣ; сердце запросило крови и мести.

Прошелъ мѣсяцъ. Народное преданіе говоритъ, что Доссана успѣла уйти изъ рукъ турка, и въ одну темную ночь пробиралась верхомъ и въ мужскомъ костюмѣ по берегу р. Уруха. Подлѣ нея ѣхалъ другой наѣздникъ, повстрѣчавшійся на дорогѣ.

— Скажи, кунакъ,—обратилась она къ спутнику,—не Бурхану-ли принадлежитъ та сакля, которая прилѣплена къ скалѣ надъ самою рѣкою.

— Нѣтъ, это сакля не Бурхана, мой черноокій кунакъ,— отвѣчалъ спутникъ, узнавшій по голосу, что ѣхавшій съ нимъ всадникъ была женщина.

— Но я думаю,—перебила наѣздница,—что кто-бы ни жилъ въ этой саклѣ, навѣрное не откажетъ въ ночлегѣ путнику.

Спутникъ отвѣчалъ утвердительно, попрощался и, стегнувъ плетью своего коня, скрылся изъ виду хорошенькаго наѣздника.

Остановясь у сакли Бурхана, горецъ сбатовалъ коня и прикладомъ отперъ двери шалаша.

— Кто пришелъ,—спросилъ Бурханъ.

— Это я, твой вѣчный товарищъ Гули.

Гули разсказалъ Бурхану о своей встрѣчѣ съ наѣздницею на лихомъ конѣ и въ богатомъ вооруженіи.

— А хорошій конь?—спросилъ Бурханъ.

— У!.. конь—сокровище...

— Ну, а вооруженіе?

— Все залито серебромъ и золотомъ...

— Золотомъ! — вскричалъ Бурханъ, и глаза его заблистали.

Онъ упрекалъ своего товарища въ томъ, что тотъ пожалѣлъ пули на дѣвченку, и напрасно Гули старался представить всю низость поступка убить женщину и нарушить обычай гостепріимства. Бурханъ ощупалъ свою винтовку и дрожащею рукою перемѣнилъ кремень! Въ это время подъ окномъ сакли раздался конскій топотъ и затѣмъ три легкихъ удара въ дверь.

— Кого надо?—спросилъ Бурханъ.

— Добрый человѣкъ, не откажи страннику въ ночлегѣ..

— Сакля моя тѣсна, — отвѣчалъ Бурханъ, и въ ней нѣтъ мѣста для всякаго бродяги...

— Но ради праха твоихъ отцевъ!..

— Нѣтъ!..

Путникъ повернулъ своего коня отъ негостепріимной сакли.

Бурханъ вышелъ изъ сакли, вспрыгнулъ на коня, заскакалъ впередъ и сталъ на тропинкѣ. Скоро мѣрный топотъ коня далъ знать Бурхану о приближающейся жертвѣ, и двѣ-три искры, сверкнувшія изъ-подъ копытъ, указали хищнику мѣсто странника. Привставъ на стременахъ, выправивъ винтовку, Бурханъ съ дикимъ гикомъ бросился на жертву, уставилъ дуло винтовки въ упоръ груди и выстрѣлилъ. Свѣтъ молніи освѣтилъ ужасную картину,—и оба всадника узнали другъ друга.

— Бурханъ!.. братъ! — вскричала пораженная дѣвушка.

— Доссана!—простоналъ въ ужасѣ убійца.

— Что ты сдѣлалъ?—шептала Доссана.—Три тяжкихъ и страшныхъ грѣха совершилъ ты, злодѣй. Ты продалъ меня, сестру, оттолкнулъ меня отъ своего порога и, посягнувъ на жизнь женщины, убилъ сестру! Пусть земля не приметъ праха твоего, какъ ты не далъ страннику пріюта; пусть имя твое заклеймится позоромъ, какъ

убійцы женщины! Я умираю, и послѣднее мое слово— проклятіе тебѣ, преступный братъ!..

На утро Гули нашелъ трупъ Доссаны, прострѣленный пулею на вылетъ, а на третій день трупъ Бурхана, всплывшій на верхъ колодца, образовавшагося въ ужасную ночь на мѣстѣ его сакли...

Съ тѣхъ поръ, говорятъ горцы, тѣнь преступнаго осетина бродитъ въ скалахъ Кавказа и съ дикимъ хохотомъ встрѣчаетъ караваны съ несчастными горянками... Многіе горцы разсказываютъ, что имъ не разъ случалось проводить ненастныя ночи съ бродяжнымъ осетиномъ, который часто встрѣчаетъ на дорогахъ запоздавшихъ путниковъ и, предлагая имъ ночлегъ, приводитъ къ своему колодцу... *).

Величественная, но суровая природа, богатая различными физическими явленіями, недоступными понятію осетина, сдѣлала его склоннымъ къ олицетворенію различнаго рода духовъ, властвующихъ надъ одною или нѣсколькими горами. Такъ, воображеніе народа создало древняго Гуда, горнаго духа, обитающаго на Гудъ-горѣ и повелѣвающаго окрестными горами. Духъ этотъ, по понятію осетинъ, имѣетъ свои наклонности и страсти, можетъ любить, ревновать и, въ случаѣ неудачи, сердиться не на шутку. Одна изъ такихъ его продѣлокъ выразилась въ народной легендѣ, имѣющей свои характеристическія особенности, какъ характеристична и грандіозна природа, окружающая Гудъ-гору, которая составляетъ высшую точку перевала пролегающей черезъ нее новой военно-грузинской дороги.

При спускѣ съ Гудъ-горы въ Чортову долину, или небольшую поляну, находящуюся между горами Гудъ и Крестовой, на днѣ ущелья, изъ глубины разсѣлины, вы-

---

*) Бродяжный Осетинъ, В. Савинова. Пантеонъ, 1850 г., т. III. Дубр. ч. I, стр. 363—6.

текаетъ рѣчка Арагва, на берегу которой расположенъ осетинскій аулъ.

По преданію, давно и очень давно, въ этомъ аулѣ жила бѣдная семья, имѣвшая едва дневное пропитаніе. Но Богъ, милосердый къ бѣднякамъ, благословилъ ихъ рожденіемъ дочери Нины, красивѣе которой не было ребенка во всей Осетіи. Глаза ея, волосы и станъ были полны такой неизъяснимой красоты, что все населеніе аула любовалось Ниною: далекій путникъ, горцы и курьеры, видя малютку, взбирающуюся на гору, и ослѣпленные ея красотою, останавливались, любовались ею и забывали о своей обязанности, проѣзжіе съ караванами купцы дарили ее блестящими бездѣлушками и кусками яркой ткани.

Послѣ всего этого могъ ли не восхищаться ею старый Гудъ, во все время продолжительной своей жизни не видавшій подобной красавицы? Онъ прельстился Ниною; сталъ постояннымъ ея обожателемъ, слѣдившимъ за нею со дня ея рожденія и полюбившимъ ее со всею пылкостію юноши. День и ночь онъ ухаживалъ за нею: хотѣла ли Нина подняться на гору, тропинка, ведущая туда, выравнивалась подъ ея ножкою, а „на отвѣсныхъ бокахъ скалъ камни покорно складывались для нея въ удобную и пологую лѣстницу. Искала ли Нина съ подругами своими цвѣтовъ и травъ, — Гудъ собиралъ и пряталъ лучшіе цвѣты и травы подъ сводомъ камней, разсыпавшихся при приближеніи красавицы. Никогда ни одинъ изъ пяти барановъ, принадлежавшихъ отцу Нины, не падалъ въ кручу и не дѣлался добычею злыхъ волковъ. Однимъ словомъ, Нина была царицею всего пространства, гдѣ царствовалъ древній Гудъ“—такъ любилъ ее этотъ могучій старецъ.

Прошло пятнадцать лѣтъ. Изъ хорошенькаго ребенка Нина сдѣлалась красавицею, какой не было ни при одномъ дворѣ царскомъ, гдѣ сіяютъ красотою стройныя

женскія фигуры. Любовь стараго духа, при такихъ условіяхъ, разгоралась все сильнѣе и сильнѣе.

Для Гуда не было жизни безъ Нины: онъ сталъ тяготиться своимъ могуществомъ и помышлять теперь какъ бы сдѣлаться смертнымъ человѣкомъ, хотя бы бѣднымъ осетиномъ, чтобы только обратить на себя вниманіе красавицы.

Молодая дѣвушка не замѣчала заботливости Гуда, не видала его ухаживаній; она засматривалась на Сасико, сына стараго Дохтуро, котораго сакля была рядомъ съ саклею отца ея. Сасико былъ молодъ, статенъ, славился во всемъ аулѣ своею силою и ловкостію, отлично стрѣлялъ изъ винтовки и умѣлъ танцовать, не только свой природный осетинскій танецъ, но и лезгинку, что знали немногіе. Старый Гудъ сталъ ревновать Нину къ Сасико, тѣмъ болѣе, что замѣтилъ въ молодомъ человѣкѣ взаимную склонность къ Нинѣ. Боясь, чтобы Сасико не женился на Нинѣ, Гудъ началъ преслѣдовать его. Заводилъ Сасико въ трущобы, когда тотъ гонялся съ винтовкою за газелью; застилалъ пропасти туманомъ или осыпалъ его неожиданно мятелью. Всѣ замыслы Гуда оставались однако же тщетными. Скоро наступила зима, Гудъ лишился возможности видѣть часто свою любимицу, но за то Нина и Сасико видались чаще и свиданія ихъ были продолжительнѣе.

Гудъ все это видѣлъ, ревновалъ и бѣсился. Наконецъ ярость его достигла крайнихъ предѣловъ. Однажды, когда Нина и Сасико, оставшись одни въ саклѣ, не могли наговориться, Гудъ сбросилъ на нихъ огромную лаву снѣга. Обвалъ этотъ скорѣе обрадовалъ, чѣмъ испугалъ ихъ: влюбленные были рады, что на нѣкоторое время могутъ остаться одни безъ постороннихъ зрителей. Они развели огонь, усѣлись подлѣ него и безпечно предались мечтамъ и разговорамъ. Такъ прошло нѣсколько часовъ; сердца влюбленныхъ были полны любовью, а желудки просили пищи; отысканныя двѣ ле-

пешки и небольшой кусокъ сыра утолили, но не надолго, голодъ заключенныхъ.

Прошелъ еще день и вмѣсто веселаго говора, въ саклѣ послышались вопли отчаянія; узники не думали больше о любви—думали о хлѣбѣ. Прошелъ и третій день—голодъ еще болѣе усилился, а надежды на освобожденіе не было. На четвертый день заключенія голодная смерть для обоихъ казалась неминуемою. Сасико кидался изъ угла въ уголъ, но вдругъ остановился, впалые глаза его устремились на Нину, онъ бросился къ ней, крѣпко охватилъ ее руками и впился въ ея плечо зубами... Дѣвушка вскрикнула, упала на полъ, но въ это время послышался говоръ, и дверь, очищенная отъ завала, открылась для несчастныхъ узниковъ. Нина и Сасико бросились къ своимъ избавителямъ, но уже съ чувствами отвращенія и ненависти другъ къ другу.

Обрадовался старый Гудъ, узнавши, что любовь двухъ существъ замѣнилась чувствами противоположными, не утерпѣлъ старикъ и разразился такимъ смѣхомъ, что цѣлая груда камней посыпалась съ горы въ Чортову долину. Большое пространство долины и до сихъ поръ густо усѣяно осколками.

Вотъ какъ смѣется нашъ могучій Гудъ, прибавляетъ осетинъ, разсказывая эту легенду.

Другая легенда о Прометеѣ не менѣе того любопытна. По тропинкѣ дикаго ущелья, начинающагося на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ, постепенно расширяющагося и выходящаго широкимъ своимъ устьемъ на Кабардинскую равнину, шло небольшое стадо. Пастухъ Бессо Симоно-Швили гналъ передъ собою нѣсколько козъ, нераздѣльно принадлежавшихъ семьѣ, вручившей ему, какъ младшему члену, уходъ и надзоръ за этимъ стадомъ. Бессо легко шагалъ по горной тропѣ, онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, не потому, что запасся большими кусками свѣжаго хлѣба и сыра, но главное потому, что былъ обутъ въ новые, крѣпкіе и искусно

выкроенные калабаны— обувь, похожая на малороссійскія постолы и выкроенная изъ одного куска сыромятной кожи. Онъ поминутно смотрѣлъ на свои ноги, любовался калабанами и не обращалъ вниманія на живописную окрестность, которую зналъ какъ свои пять пальцевъ. Онъ шелъ цѣлый день, солнце давно уже спряталось за горы и наступили сумерки. Тропинка, извиваясь по скаламъ, повернула въ боковое ущелье, спустилась къ ручью, заставила Бессо перейти черезъ него по крутымъ камнямъ и вывела въ совершенно незнакомую мѣстность, между голыми и дикими горами, увѣнчанными зубчатыми вершинами. Эти трущобы не безпокоили пастуха. Собравъ свое маленькое стадо, онъ спокойно сѣлъ у перваго попавшагося ему камня, обросшаго мхомъ, и сталъ утолять свой голодъ, проявившійся во всей силѣ отъ далекаго перехода. Послѣ ужина преспокойно легъ спать „и черезъ нѣсколько минутъ захрапѣлъ, на удивленіе и зависть всѣмъ горнымъ духамъ“. Первый солнечный лучъ разбудилъ пастуха; онъ всталъ, оглядѣлся на всѣ стороны и, увидѣвъ свое стадо, давно ушедшее впередъ, пошелъ за нимъ по извилистой тропѣ, и остановился только тогда, когда было далеко уже за полдень.

Бессо внимательно осматривалъ окружающую его мѣстность. Она была скалистѣе и глуше тѣхъ ущелій, въ которыхъ онъ когда-нибудь бывалъ; снѣжная вершина Эльбруса, позолоченая лучами солнца, казалось, была такъ близко отъ него, что стоило только подобрать по рукѣ камень, посильнѣе бросить его, и онъ, навѣрное, врѣзался бы въ толщину снѣга облегающаго гору. Кругомъ его столпились утесы и, странное дѣло, они какъ будто перешептывались другъ съ другомъ; Бессо услыхалъ крикъ и какой-то грустный голосъ, выходившій изъ средины скалы. Не пугаясь слышаннаго, Бессо, огибая утесъ, сталъ приближаться къ нему. Какая-то невѣдомая сила тянула его къ глубокой разсѣлинѣ, въ

которую онъ вошелъ, не смотря на то, что она была мрачна, какъ жилище демона.

Едва онъ вошелъ въ пещеру, какъ крикъ невольнаго изумленія вырвался изъ груди его. Прямо противъ свѣта, къ громадному камню былъ прикованъ, толстыми цѣпями, красивый полунагой юноша. Прекрасные голубые глаза его выражали отчаяніе, а отъ стоновъ и рыданій дрожалъ воздухъ темной пещеры; шелковистыя золотыя кудри въ безпорядкѣ лежали тучей на широкихъ плечахъ, съ которыхъ висѣли обрывки пурпурной мантіи, испещренной золотыми узорами; напряженныя мускулы лица, рукъ и груди доказывали сверхъестественныя усилія вырваться изъ цѣпей, а глаза, горящіе отчаяніемъ и злобою, выражали муки, которыя терпѣлъ этотъ странный узникъ. Прійдя въ себя отъ испуга, оправившись отъ удивленія, Бессо увидалъ, что весь полъ пещеры былъ усыпанъ монетами, золотыми и серебряными слитками, оружіемъ и драгоцѣнными вещами, а въ стѣнѣ, противъ той скалы, къ которой былъ прикованъ несчастный, былъ ввинченъ обрывокъ толстой желѣзной цѣпи, схватить конецъ которой напрасно старался бѣдный узникъ. Страдалецъ обрадовался пришельцу: лучъ счастія и надежды блеснулъ въ прекрасныхъ глазахъ его; онъ прервалъ свой стонъ, голосъ его затихъ...

— Боги да благословятъ тебя, добрый юноша!—проговорилъ онъ, обращаясь къ Бессо. Приходъ твой, можетъ быть, избавитъ меня отъ страданій и мукъ; а тебѣ дастъ богатство и счастіе.

— Приказывай, батоно (господинъ), отвѣчалъ пастухъ, почувствовавшій къ узнику неизъяснимое чувство симпатіи. Все, что можетъ сдѣлать для тебя бѣдный Бессо—онъ все сдѣлаетъ. Ежели тебѣ даже угодно надѣть мои новые калабаны, я и ихъ отдамъ тебѣ.

Въ другое время пастуху трудно было-бы разстаться съ своею новою обувью, да онъ никогда и никому не

отдалъ-бы ихъ, но теперь чувство жалости преодолѣло всѣ другія побужденія.

— Нѣтъ, мой милый,— отвѣчалъ узникъ,—услуга, которую я отъ тебя требую, займетъ менѣе времени, нежели снять съ ногъ обувь: подай мнѣ конецъ цѣпи, которая виситъ передо мною.

Бессо бросился къ цѣпи, съ усиліемъ поднялъ ее и хотѣлъ передать узнику, но увы! она оказалась короткою.

— Духи злобы!—съ бѣшенствомъ закричалъ заключенный; неужели вѣка адскихъ мученій не достаточны для искупленія моего проступка! Слушай, Бессо, и затверди хорошенько слова мои: я могу избавиться отъ оковъ моихъ, схватясь за конецъ этой цѣпи, тогда я легко разорву узы свои и буду свободенъ; да свободенъ! и уничтожу злого коршуна, грызущаго мои внутренности; но цѣпь должна быть, какъ и этотъ обрывокъ, изъ стараго желѣза; не жалѣй трудовъ и усилій, собери столько металла, сколько нужно для полуаршина цѣпи, скуй ее и принеси сюда; тогда я спасенъ, и всѣ богатства, которыя ты здѣсь видишь,—твои; я самъ помогу тебѣ перенести ихъ въ домъ твой. Но до освобожденія моего никакой посторонній глазъ не долженъ видѣть не только меня, но даже и утеса, въ которомъ я погребенъ уже нѣсколько вѣковъ.

Выслушавъ все со вниманіемъ и поклонившись узнику, Бессо оставилъ пещеру. Заботливый и задумчивый, онъ собралъ свое стадо и погналъ обратно. На третій день онъ возвратился въ свой аулъ и, не говоря никому видѣннаго и слышаннаго, принялся за порученное ему дѣло.

Не корысть руководила трудами небогатаго пастуха, но сожалѣніе о бѣдномъ красавцѣ-юношѣ, томящемся въ оковахъ. По кусочкамъ сталъ собирать онъ желѣзо: старые рѣдко попадающіеся гвозди, обломки подковъ собиралъ онъ тщательно. Прошло много мѣсяцевъ въ такой работѣ, но могли-бы пройти и годы, если-бы

Бессо случайно не наткнулся на кусокъ сломившагося плуга, торчавшаго въ землѣ. Онъ сковалъ цѣпь и рѣшилъ на слѣдующее утро отправиться въ горы, чтобы освободить узника; но судьбѣ не угодно было исполнить желаній бѣднаго труженика. Односельцы давно замѣтили странную возню пастуха съ желѣзомъ и набрели на мысль, что Бессо, вѣроятно, открылъ въ горахъ серебро и, желая сохранить открытіе свое въ тайнѣ, будетъ понемногу доставать дорогой металлъ. Пять человѣкъ, самыхъ корыстныхъ односельцевъ, стали слѣдить за пастухомъ. „А бѣдный Бессо, ничего не подозрѣвая и изгибаясь подъ тяжелой ношей, побрелъ, на другой день, по знакомой тропинкѣ. Не успѣлъ онъ пройти нѣсколько верстъ, какъ его окружили охотники до чужого богатства, съ крикомъ и толчками требовавшіе доли въ находкѣ. Бессо умолялъ ихъ оставить его въ покоѣ, обѣщалъ имъ золотыя горы, но все было напрасно: жадные люди не повѣрили словамъ и заставили его идти къ пещерѣ, не отставая отъ него ни на шагъ. Какъ приговоренный къ смерти, шелъ бѣднякъ къ мѣсту, о которомъ мечталъ столько времени; вотъ уже показался Эльбрусъ, такой-же величавый и сверкающій, какъ въ день свиданія его съ узникомъ; вотъ виднѣются дикія скалы, которыя какъ-будто столпились и шепчутъ о скрытой въ нѣдрѣ ихъ тайнѣ; вотъ и гротъ. Бессо вздрогнулъ и протянулъ къ нему руку... Вдругъ раздался страшный трескъ и цѣлая громадная скала съ отверстіемъ грота пошатнулась и повалилась въ бездну. Бессо вскрикнулъ и безъ чувствъ упалъ на землю“.

„Прошли годы; по горнымъ тропинкамъ, блѣдный, худой, съ всклокоченными волосами, въ изорванной чухѣ, бродилъ съумасшедшій Бе́ссо, съ хохотомъ и безумной радостью поглядывая на свои исцарапанныя ноги; все думалъ, что на нихъ надѣты новые и хорошіе калабаны“ *).

*) Дубровинъ. Ч. I, стр. 324—329.

XXI.

Распространеніе ислама на Кавказѣ.—Мюридизмъ и его вліяніе на національное сознаніе племенъ Кавказа.—Мулла-Магометъ.—Имамы Дагестана, Кази-Мулла, Шамиль. Его вліяніе и значеніе въ жизни Кавказа.—Совращеніе осетинъ въ магометанство.—Облагодѣтельствованный измѣнникъ Кундуховъ.

Въ то время, какъ христіанская проповѣдь торжествовала побѣду надъ язычествомъ и магометанствомъ однихъ кавказскихъ племенъ, другія племена, жившія въ обѣихъ Кабардахъ и по восточному берегу Чернаго моря, быстро развивались и крѣпли въ своемъ магометанскомъ фанатизмѣ и вели постоянную борьбу съ русскими, особенно во время турецкой войны съ 1806 года. Неоднократныя вторженія турецкихъ войскъ въ землю черкесовъ по восточному берегу Чернаго моря, особенно съ 1807 года, сильно содѣйствовали самому широкому распространенію здѣсь ислама. Въ восточной части Кавказа между народами сѣвернаго Дагестана и Чечни въ 1820-хъ годахъ стало распространяться фанатическое ученіе, извѣстное подъ именемъ мюридизма, проповѣдывавшее своимъ послѣдователямъ отреченіе отъ всего земнаго, безусловное повиновеніе имаму и газаватъ—религіозную войну противъ невѣрныхъ, т. е. русскихъ, какъ главнѣйшую обязанность правовѣрныхъ*).

Подъ вліяніемъ проповѣди мюридизма среди горскихъ племенъ возродился духъ національнаго единства.

Аулы сосѣднихъ горъ, рѣзавшіеся другъ съ другомъ за водопой и пастбища, стали другъ за друга каменною стѣною. Дагестанъ, Чечня, весь горный Кавказъ сознали вдругъ свое единство и сплотились въ одинъ народъ. Знамя пророка, кличъ священной войны—газавата, всѣхъ горцевъ-мусульманъ сдѣлалъ родными братьями.

---

*) П. Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи, стр. 465.

Кличъ этотъ, это знамя народной и религіозной войны, поднялъ старый слѣпой постникъ и молитвенникъ, мулла Магометъ, кадій Кюринскій, изъ деревни Яраглара.

Кази-мулла, Гамзатъ-Бекъ, Шамиль,—три первые имама Дагестана,—были только его учениками и послѣдователями.

Худой, съ строгимъ лицомъ, съ бѣлою, какъ лунь бородою, тихій старецъ въ зеленой чалмѣ и синей мантіи, раздавъ нищимъ все богатое имѣніе свое, потерявъ зрѣніе отъ постоянныхъ ночныхъ бдѣній надъ священными книгами, едва слышнымъ шепотомъ своимъ звалъ на безъисходную и непримиримую, кровавую войну съ русскими гяурами всѣхъ правовѣрныхъ обитателей горъ.

— Во всѣхъ богатыхъ приношеніяхъ вашихъ, на всѣхъ бракахъ и на всѣхъ дѣтяхъ вашихъ,—на всемъ тяготѣетъ проклятіе: небо наложило на васъ печать отверженія, потому что вы всѣ пресмыкаетесь во грѣхѣ, не признаете, не исполняете закона пророка! Присутствіе невѣрныхъ заграждаетъ путь къ трону Аллаха! Молитесь, кайтесь, но прежде ополчитесь на священную войну!..

— Развѣ ты не признаешь силу русскихъ и не думаешь, сколько прольется крови по твоей винѣ? — грозно спрашивалъ его, испуганный движеніемъ, покорный русскимъ казикумыхскій ханъ Асланъ.

— Знаю, что русскіе сильнѣе насъ, но Богъ сильнѣе ихъ!—отвѣчалъ непоколебимый старецъ, и, несмотря на жестокіе удары хана, на угрозы, уговоры и подарки, продолжалъ свою проповѣдь войны.

— Именемъ пророка повелѣваю тебѣ, Кази-мулла, иди, собери народъ, вооружи его и, съ помощью Аллаха, начинай войну!—говорилъ онъ, возложивъ руки на голову своего храбрѣйшаго мюрида (ученика). „Рай ожидаетъ тѣхъ, кто падетъ или побьетъ русскихъ, и горе тѣмъ, которые убѣгутъ отъ гяуровъ!“

Весь Дагестанъ слушалъ его, объятый благоговѣніемъ и восторгомъ. Всѣ шли на бой, опьяненные фанатической вѣрой въ своего имама. „Сердце человѣка прилипало къ его губамъ; онъ однимъ дыханіемъ будилъ въ душѣ бурю!“ говорятъ до сихъ поръ горцы, вспоминая перваго муршида своего.

Кази-мулла повелъ своихъ восторженныхъ мюридовъ на священную войну.

Долго, отчаянно бился онъ съ неравною силою, наконецъ, загнанный въ горы, защищая родное селенье Гимры, гдѣ онъ увидѣлъ первый свѣтъ солнца, онъ палъ со всѣми своими воинами на порогѣ своего дома. „Чувствую, что приближается конецъ мой“, говорилъ онъ мюридамъ. „Я умираю здѣсь, гдѣ родился; умираю за истину тариката, за священный шаріатъ. Кто хочетъ также умереть, пусть остается со мною!“

Его трупъ нашли въ позѣ горячей молитвы: одной рукой онъ держалъ бороду, священное украшеніе мусульманина, другую руку поднималъ къ небу!.. *)

Но самымъ знаменитымъ имамомъ Дагестана, врагомъ русскихъ и христіанства на Кавказѣ, былъ Шамиль. Про него ходили легендарные разсказы.

Горцы были увѣрены, что ихъ имамъ обладаетъ сверхъестественною силою. Его не беретъ ни мечъ, ни огонь, ни пуля; враги никогда не могутъ захватить его, никогда не могутъ воспользоваться своею побѣдою. Аллахъ затемняетъ ихъ разумъ, и они видя не видятъ, и держа въ рукахъ, выпускаютъ его. Шамиль дѣлалъ все, чтобы поддержать эту вѣру въ свою чудесность, и обстоятельства помогали ему.

Разъ онъ упалъ замертво у ногъ Кази-муллы, сраженный двумя пулями; только что разнеслась по аулу горькая вѣсть о смерти его, какъ вдругъ Шамиль

---

*) Живописная Россія. Т. IX, стр. XLIV—V.

явился среди мюридовъ и показалъ на груди своей тяжелыя раны, изъ которыхъ не сочилась болѣе кровь...

„Аллахъ воздвигъ Шамиля изъ мертвыхъ, чтобы онъ побѣждалъ живыхъ!..“ въ благоговѣйномъ ужасѣ восклицали тогда мюриды.

Другой разъ мюриды съ Шамилемъ были окружены аварцами въ укрѣпленномъ аулѣ Хунзахѣ, сожжены и перерѣзаны, казалось, всѣ до одного; но Шамиль тотчасъ-же появился въ окрестныхъ селеніяхъ и уже набиралъ новую дружину, проповѣдуя всѣмъ свое чудесное спасеніе по волѣ Аллаха, для дѣлъ Аллаха.

Третій разъ также спасся Шамиль изъ крѣпости Ахульго, куда онъ былъ загнанъ съ 2,000 мюридовъ храбрымъ генераломъ Граббе.

Неприступная гранитная твердыня, торчащая среди безднъ на открытыхъ заоблачныхъ утесахъ, была тѣсно обложена русскимъ отрядомъ и взята наконецъ цѣною цѣлыхъ рѣкъ русской крови, но Шамиль невидимо исчезъ изъ Ахульго и уже готовилъ русской силѣ новый отпоръ.

Въ смутныя минуты своей судьбы, послѣ такихъ неудачъ, или готовясь къ рѣшительному дѣлу, Шамиль, подобно Магомету, удалялся въ пещеру или затворялся безвыходно въ саклѣ своей, чтобы въ строжайшемъ постѣ и молитвѣ бесѣдовать съ Богомъ и испросить у Него указаній на дальнѣйшій подвигъ.

По три недѣли проводилъ онъ такъ, не отрывая глазъ отъ Корана, и когда наконецъ появлялся опять среди народа, блѣдный, суровый, изнуренный, съ глазами, сверкающими неземнымъ одушевленіемъ, муллы и военочальники выслушивали каждое повелѣніе его, какъ законъ ниспосланный Аллахомъ.

Возсылая молитвы Аллаху, громко распѣвая стихи Корана, выходилъ Шамиль изъ совѣта старшинъ, провожаемый своими любимыми мюридами, къ толпамъ народа, робко и терпѣливо выжидавшаго откровеній

свыше, и возвѣщалъ правовѣрнымъ жителямъ горъ волю Аллаха.

Шашки и кинжалы выхватывались изъ ножень, священный гимнъ Корана одушевленно подхватывался тѣсно обступавшею толпою, и изъ всѣхъ устъ приносилась горячая клятва непоколебимо стоять за вѣру пророка, безъ пощады истреблять нечестивыхъ враговъ его.

„Великъ Аллахъ! Магометъ его первый пророкъ, а Шамиль второй!..“ кричала фанатическая толпа, расходясь по домамъ и потрясая оружіемъ.

Шамиль обладалъ страстнымъ восточнымъ краснорѣчіемъ, въ которое восторженно уходила вся его смѣлая душа, и слово его дѣйствовало на простодушныя сердца горцевъ, какъ небесная молнія.

Не даромъ Шамиль съ такимъ увлеченіемъ вчитывался въ жизнь пророка, основавшаго исламъ.

Онъ изучилъ на немъ и тѣ могучія духовныя орудія, которыми арабскій пастухъ когда-то всколыхалъ все человѣчество древняго Востока, съ помощью которыхъ онъ овладѣлъ на цѣлыя тысячелѣтія его душою и волею.

Шамиль поражалъ безхитростныхъ горцевъ драматизмомъ своихъ неожиданныхъ выходокъ, величіемъ своего вида, загадочностью изреченій, таинственностью и строгостью своей жизни.

Онъ прозвалъ неустрашимыхъ спутниковъ своего перваго бѣгства изъ Гимръ въ Ашильту тѣмъ-же именемъ Мугаджиретъ, какимъ называлъ Магометъ товарищей своего бѣгства изъ Мекки въ Медину, а жителей Ашильты, дружески пріютившихъ его, тѣмъ самымъ именемъ ансаръ (подвижникъ), которымъ наградилъ Магометъ вѣрныхъ ему Мединцевъ.

Какъ Магометъ, онъ чертилъ на клочкахъ бумаги наставленія и приказанія свои, и раздавалъ ихъ мюридамъ и наибамъ. Разъ Чеченцы уговорили его мать пере-

дать грозному имаму о ихъ намѣреніи поддаться Русскимъ, если Шамиль не дастъ имъ надежной помощи.

Имамъ глубоко почиталъ Ханумъ, мать свою; никогда не слушая ничьего совѣта, выполнялъ какъ Божью заповѣдь всякое желаніе Ханумъ. По ея слову падали оковы съ заточенныхъ, возвращалось имѣнье ограбленныхъ, осужденные на смерть получали жизнь.

Но возмутительнаго предложенія предаться гяуру не должна была смѣть безнаказанно сдѣлать имаму даже сама мать его.

Трое сутокъ молился имамъ, запершись въ мечети аула Дарго, испрашивая откровеній Аллаха, и всѣ эти трое сутокъ стоялъ, по его повелѣнію, вокругъ мечети, безъ питья, сна и пищи, встревоженный народъ...

На четвертый день отворилась дверь мечети, и передъ измученными Даргинцами появился Шамиль! Глаза его были налиты кровью отъ слезъ и безсонницы. Молча взошелъ имамъ на плоскую кровлю мечети, провожаемый 2-мя мюридами, и повелѣлъ привести туда старую Ханумъ.

— Великій пророкъ Магометъ!—произнесъ Шамиль послѣ глубокаго молчанія, съ которымъ онъ долго глядѣлъ на мать. — Да исполнится правый судъ твой въ примѣръ всѣмъ послѣдователямъ святаго Корана! Правовѣрные! по волѣ Аллаха, повелѣно мнѣ дать сто жестокихъ ударовъ тому, кто первый высказалъ мнѣ постыдное намѣреніе Чеченскаго народа. Этотъ первый была мать моя.

Мюриды сорвали чадру съ испуганной старухи, и началась ея казнь. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ старуха упала безъ чувствъ. Шамиль, пораженный горемъ, бросается къ ногамъ матери и простирается на землѣ съ горячими молитвами.

Народъ стоитъ, охваченный ужасомъ, и съ рыданьемъ проситъ о помилованіи. Грозный имамъ Дагестана, въ

слезахъ распростертый на землѣ, исполняетъ трепетомъ душу каждаго.

Вдругъ Шамиль встаетъ во весь могучій ростъ свой, восторженно и смѣло сверкая глазами.

— Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ Бога!— восклицаетъ онъ. — Аллахъ услышалъ мою молитву и дозволилъ мнѣ принять на себя казнь, на которую была обречена моя бѣдная мать!

Съ радостнымъ торжествомъ сбрасываетъ онъ свои широкія одежды и приказываетъ 2-мъ мюридамъ наносить ему удары толстыми нагайками безъ всякой пощады.

— Кто осмѣлится изъ васъ слабо выполнить волю пророка, того я поражу кинжаломъ изъ собственной руки!—объявляетъ онъ имъ.

Народъ внизу оцѣпенѣлъ отъ благоговѣйнаго изумленія, а Шамиль, не испустивъ ни одного стона, принимаетъ на глазахъ всѣхъ 95 жестокихъ ударовъ. Такими глубокими и рѣзкими сценами потрясалъ Шамиль восточное воображеніе своихъ поклонниковъ.

Вообще, въ Шамилѣ воплотился весь суровый и мужественный геній Дагестанскаго горца, вся героическая слава и сила его, желѣзная несокрушимость духа, поэзія войны и крови, упорный фатализмъ, полный суевѣрія и таинственности, наконецъ, грубый патріархально-деспотическій взглядъ восточнаго человѣка на гражданское общество и семью.

Оттого-то и могъ достичь Шамиль такой безусловной власти, такой безпредѣльной популярности среди вѣчно враждовавшихъ другъ съ другомъ раздробленныхъ племенъ Дагестана и Чечни, которыя онъ силою своей непреклонной воли, можно сказать, обратилъ въ одно цѣльное царство кавказскихъ горцевъ, кавказскаго ислама. Принятый имъ титулъ Имама-уль-азама (т. е. главы вѣры) и повелителя Кавказа не былъ пустыми словами.

Когда съ голыхъ плоскостей Гуниба или Веденя спу-

скалась на удаломъ кабардинцѣ строгая и сухая плечистая фигура въ бѣлой чалмѣ и черной черкескѣ, съ ярко окрашенною въ огненный цвѣтъ бородою имама, окруженная такими-же суровыми, такими-же могучими мюридами, вооруженными съ ногъ до головы, съ значкомъ въ серединѣ, провожаемая выстрѣломъ пушки, благоговѣйно встрѣчаемая народомъ, цѣлующимъ полы одеждъ и руки своего имама,—весь горскій Кавказъ съ радостной гордостью глядѣлъ на вождя и героя своего, жилъ въ немъ своимъ сердцемъ и надеждами; весь Кавказъ вторилъ душою мрачной воинственной пѣснѣ, которую пѣлъ при каждомъ выѣздѣ своемъ на походъ грозный имамъ съ своими грозными мюридами:

«Обнажи мечъ свой, мой народъ!
На помощь идите къ намъ...
Проститесь со сномъ и покоемъ,
Я зову васъ именемъ Бога,
Ради Бога!..» *).

Слава Шамиля, надежда магометанъ-горцевъ на освобожденіе Кавказа отъ русскихъ—нашли себѣ откликъ и въ горахъ Осетіи,—и среди осетинъ начинается замѣтное движеніе къ переходу изъ православія въ магометанство.

Съ 1845 г. по 55-й годъ идутъ массовыя совращенія: переходитъ въ магометанство сначала 141 семейство; затѣмъ 570 душъ; далѣе 8 ауловъ съ 777 душами; наконецъ, 226 мужчинъ — главъ семействъ и 97 женщинъ тоже главъ семействъ. Магометанство въ это время настолько подавило православіе въ Осетіи, что начальникъ штаба, г.-м. Милютинъ и командующій войсками лѣваго крыла Кавказской линіи г.-л. Евдокимовъ не нашли болѣе препятствій къ возстановленію положенія Совѣта Главнаго Управленія (1852 года) **) въ полной силѣ; на-

*) Живописная Россія, т. IX, стр. XLV—VIII.

**) Положеніе это касается строгихъ административныхъ мѣръ противъ совратителей, что можно видѣть въ дѣлахъ бывшаго Дигорскаго благочинія.

противъ, сочли нужнымъ немедленно подтвердить его, дабы поддержать ослабѣвающее у осетинъ христіанство. Но и эта мѣра не помѣшала магометанамъ-баделятамъ и тагіатамъ выполнить давно задуманный планъ —совратить всѣхъ осетинъ-христіанъ въ магометанство и приготовить изъ нихъ фанатическихъ сторонниковъ Шамиля. Извѣстный Кундуховъ, бывшій начальникъ Владикавказскаго осетинскаго округа, будучи ярымъ фанатикомъ-магометаниномъ, содѣйствовалъ цѣлямъ магометанъ и прилагалъ всѣ мѣры достигнуть совращенія осетинъ въ магометанство. Извѣстны его распоряженія, касавшіяся только осетинъ-христіанъ; такъ, напр., онъ приказывалъ штрафовать 25 руб. каждаго осетина изъ христіанъ, который бралъ въ домъ невѣсту безъ вѣнчанія или женился на не, совершенныхъ лѣтъ дѣвушкѣ; оставляемый женой осетинъ также подвергался тому-же штрафу и т. п. Словомъ, Кундуховъ старался показать христіанамъ-осетинамъ, слабымъ еще въ вѣрѣ, что если магометане свободны отъ всѣхъ этихъ стѣсненій, то только по превосходству ихъ вѣры; что христіане-же противны начальству, и требованія христіанской религіи вовсе неудобоисполнимы для осетинъ. Штрафы, поступавшіе въ это время отъ христіанъ-осетинъ цѣлыми тысячами, должно быть, употреблялись Кундуховымъ на магометанъ, потому что дѣти послѣднихъ отправлялись въ учебныя заведенія исключительно на счетъ окружныхъ суммъ.

Пользуясь войною Россіи съ Турціею съ 1853 по 56 г и враждебными дѣйствіями Шамиля на Кавказѣ, враги православія въ Осетіи совратили въ 1855 г. большинство осетинъ въ магометанство; особенно большое число совратившихся было въ Тагауріи, Куртатіи и въ Дигоріи; нѣсколько семействъ совратилось и въ алагирскомъ ущельѣ.

Въ этомъ совращеніи главными дѣятелями явились осетинскіе алдары; облагодѣтельствованные русскимъ

правительствомъ, одаренные землею и всѣми угодіями, они казались для кавказскаго начальства элементомъ благонадежнымъ, но на самомъ дѣлѣ были далеко не таковымъ и продолжали стремиться къ ослабленію въ Осетіи православія и русскаго вліянія.

Какъ на типъ такихъ алдаровъ, можно указать на вышеупомянутаго Кундухова: Кундуховъ въ 1857—59 гг. былъ начальникомъ осетинскаго округа, т. е. полнымъ повелителемъ Осетіи (братъ его командовалъ осетинскимъ конным полкомъ, нынѣ упраздненнымъ); Кундуховъ имѣлъ богатое помѣстье, свой дворецъ на границѣ съ землею, населенною ингушами и чеченцами, и въ горахъ много родовыхъ имѣній; состоялъ въ чинѣ генералъ-маіора; слѣдовательно, былъ вполнѣ облагодѣтельствованъ русскимъ правительствомъ, такъ какъ занималъ такое положеніе, лучше котораго для туземца трудно было и искать. Но вотъ его „думы“, которыми онъ былъ занятъ съ усиленіемъ русскихъ на Кавказѣ и особенно христіанства въ Осетіи, выраженныя въ стихахъ, напечатанныхъ и переведенныхъ на русскій языкъ ученымъ В. Миллеромъ въ его книгѣ „Осетинскіе этюды“ *):

„Вчера до свѣта спать мои члены не просили, глаза мои отъ печали сомкнуться не могли. Охъ, наши горы! наша родина! Какъ намъ жить безъ васъ“!? „Смѣйся, смѣйся надъ собою“! промолвила мнѣ родина. „Кабанъ легъ мнѣ на грудь“,—продолжала она и сама заплакала. Охъ, наши горы! Наша родина и т. д. „Теперь въ день насилія ты обезсилилъ, такъ какъ вы раздѣлились на двѣ части, и на одномъ мѣстѣ ради меня биться вы не въ состояніи. Когда на бѣлой подушкѣ черная слеза сильнѣе сильнаго струилась (мое сердце не выноситъ этой печали), откуда-то прозвучало: „Охъ, отторгнутый отъ родины, обезчещенный человѣкъ! Но у тебя, вѣдь, есть

*) Ч. 1-я, стр. 104—5. Москва 1881.

надежда (потомство). Вѣдь ты знаешь это самъ — твоя вѣра и твой Богъ"! Гдѣ-бы ни были мы, твое потомство, пусть твоимъ именемъ мы держимся; какое-бы насиліе не постигло насъ, мы не примемъ безславія на голову! *).

Въ послѣдствіи Кундуховъ, этотъ сторонникъ магометанства въ Осетіи, убѣжалъ съ 10-ю тыс. осетинъ магометанъ въ Турцію. Какъ поучителенъ этотъ урокъ со стороны облагодѣтельствованнаго русскимъ правительствомъ горца-магометанина, и какъ выростаетъ значеніе этого событія по отношенію къ часто проводимой политикѣ русскихъ на окраинахъ, если мы вспомнимъ, что такихъ или подобныхъ случаевъ въ исторіи русскаго владычества на окраинахъ было сравнительно не мало!

XXII.

Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ.— Закрытіе духовной коммиссіи.—Современное положеніе христіанства среди осетинъ.

Массовыя совращенія православныхъ осетинъ въ магометанство не могли остаться не замѣченными и свѣтскимъ, и духовнымъ начальствомъ на Кавказѣ. Необходимы были энергичныя мѣры противодѣйствія магометанскому движенію горцевъ. И вотъ, въ 1857 году намѣстникъ князь Барятинскій, по совѣщаніи съ экзархомъ Грузіи Исидоромъ, пришелъ къ мысли учредить „Общество возстановленія Православнаго Христіанства на Кавказѣ". Въ представленной на имя Кавказскаго Комитета въ Петербургъ докладной запискѣ князь, между прочимъ, писалъ: „Создать Общество возстановленія Православнаго Христіанства на Кавказѣ есть долгъ православнаго государства. Дѣло идетъ о вопросахъ, къ которымъ Россія не можетъ оставаться равнодушною: о религіозномъ просвѣщеніи меньшихъ ея братьевъ, ежедневно отрываемыхъ мусульманскою пропагандою отъ

*) Владик. Еп. Вѣд. 1896 г., стр. 201—3.

лона святой Церкви Христовой,—о величіи Россіи, которая должна разрушить на Кавказѣ препятствіе, противупоставленное ей воплощеніемъ мусульманской ненависти въ мюридизмѣ. Союзъ честныхъ лицъ долженъ способствовать въ этомъ дѣлѣ, чтобы поддержать и распространить христіанство между кавказскими племенами. Православная вѣра составляетъ главную народную силу Россіи и, въ свою очередь, составляетъ Божественное орудіе для торжества православія. Нужно, чтобы каждый русскій, ревнующій къ дѣлу распространенія православной вѣры во славу отечества, могъ принести ему свою лепту. Намъ нужно общее усиліе; чего не сдѣлаетъ одинъ русскій, сдѣлаетъ вся Россія".

Князь сводилъ дѣйствія Общества къ слѣдующимъ существеннымъ обязанностямъ: 1) сооруженію и содержанію церквей и ихъ причтовъ; 2) учрежденію школъ при церквахъ; 3) отправленію миссіонеровъ съ проповѣдью; 4) переводу Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ и т. д.

Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ II милостиво почтилъ князя Барятинскаго слѣдующею грамотою: „Православная христіанская вѣра въ древнія времена была господствующею въ тѣхъ мѣстахъ Кавказа, гдѣ нынѣ преобладаетъ магометанство. Въ горахъ, однако-же, до сихъ поръ сохранились многіе остатки бывшаго, но не угасшаго еще тамъ свѣта христіанства. Съ покореніемъ Кавказа, желая дѣйствовать къ возстановленію въ этомъ краѣ православія, но дѣйствовать путемъ убѣжденій, распространяя въ горахъ Слово Евангелія, мы признаемъ полезнымъ призвать къ участію въ этомъ великомъ дѣлѣ всѣхъ ревнителей православія. Учреждая съ этою цѣлью особое общество подъ названіемъ „Общество возстановленія Православнаго Христіанства на Кавказѣ", Мы утвердили составленный вами и разсмотрѣнный Кавказскимъ Комитетомъ проектъ устава сего Общества. Ея Императорское Величество Любез-

нѣйшая Супруга Наша, Государыня Императрица Марія Александровна, ревнуя успѣхамъ православія на Кавказѣ, принимаетъ это Общество подъ свое особое покровительство. Препровождая утвержденный Нами уставъ Общества возстановленія Православнаго Христіанства на Кавказѣ, Мы поручаемъ вамъ сдѣлать надлежащія распоряженія къ открытію дѣйствій онаго, надѣясь, что, при направленіи вами занятій Общества, оно благоуспѣшно пойдетъ къ цѣли своего учрежденія. Молимъ Бога, дабы Святой Его Промыселъ покровительствовалъ успѣхамъ Общества“ *).

1860 годъ навсегда останется памятнымъ годомъ въ исторіи возрожденія христіанства на Кавказѣ и въ частности въ Осетіи. Въ этомъ году открыто было въ Тифлисѣ „Общество возстановленія Православнаго Христіанства на Кавказѣ“. Осетинская духовная коммиссія прекратила свое существованіе: ея средства и задачи перешли къ „Обществу“. Открытіе „Общества“ является такимъ образомъ послѣднею страницею исторіи Кавказской миссіи или Осетинской духовной коммиссіи. Съ этого времени возстановленіе христіанства на Кавказѣ тѣсно связывается съ судьбами „Общества“, которое должно имѣть и, конечно, имѣетъ свою особую исторію, независимо отъ исторіи Кавказской миссіи.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о состояніи православія въ настоящее время въ Сѣверной Осетіи, гдѣ больше всего въ свое время потрудилась Русская Кавказская Миссія. Вотъ что говоритъ о положеніи христіанства въ Осетіи, въ своей рѣчи при нареченіи во епископа Чебоксарскаго, бывшій ректоръ Ардонской Осетинской миссіонерской семинаріи архимадритъ Іоаннъ.

„По окончаніи ученія (въ академіи) выпало для меня трудное поприще, меня послали къ осетинамъ,—народу отчасти маловѣдущему, отчасти совсе невѣдущему хри-

*) Владик. Еп. Вѣд., 1896 г., стр. 203—204.

стіанства, утвердившемуся на началахъ ислама. Съ большимъ волненіемъ, я, боясь за свою неопытность, принялся за дѣло, однако, не останавливаясь предъ многообразными препятствіями, и здѣсь я увидѣлъ—помощь отъ Господа. Обитатели крутыхъ обрывовъ и скалъ Кавказа, пылкіе, какъ шумные быстротечные потоки горныхъ тѣснинъ, довѣрчиво откликнулись на призывъ учиться духовной христіанской истинѣ; и вотъ у нихъ теперь есть многочисленныя школы, является сознаніе, что христіанство есть истина, которая освободитъ народъ отъ лжевѣрія, которая дастъ имъ силу жить новою жизнію на началахъ мира и любви; тамъ есть ревностные пастыри—питомцы скромной школы Ардона“ *).

---

*) Нарѣченіе и хиротонія ректора Ардонской Александровской Миссіонерской семинаріи архимандрита Іоанна во епископа Чебоксарскаго, Казань, 1899 г., стр. 8.

КАЛМЫЦКАЯ МИССІЯ.

(Краткій очеркъ изъ исторіи распространенія христіанства среди калмыковъ).

I.

Прибытіе калмыцкихъ ордъ въ приволжскій край.—Хо-урлюкъ, предводитель калмыковъ.—Отзывъ калмыцкихъ пословъ о русскихъ.—Аюка-ханъ.—Крещеніе Церена.—Распространеніе христіанства въ приволжскомъ краѣ.—Ознакомленіе калмыковъ съ христіанствомъ.

Въ половинѣ XVII в. въ приволжскій край прикочевали калмыцкія орды изъ степей Азіи. Это были выходцы изъ Дзюнгаріи (Джунгаріи), которые на своей родинѣ были извѣстны подъ именемъ ойратовъ. Ойраты были ничтожны до тѣхъ поръ, пока въ половинѣ XV вѣка въ средѣ ихъ не появился предпріимчивый и дѣятельный Эсень. Онъ соединилъ ойратскія поколѣнія въ одинъ союзъ, и подъ его главенствомъ ойраты распространили свои завоеванія вплоть до великой стѣны Китая. Со смертію Эсеня этотъ короткій, но блистательнѣйшій періодъ жизни ойратовъ кончился: они снова раздробились на отдѣльныя поколѣнія, снова сдѣлались бездѣятельны и незначительны. Такъ прошло полтораста лѣтъ, пока въ началѣ XVII в. не явились у нихъ новые предводители въ лицѣ Хара-хулы и преемника его Батуръ-хунъ-тайгони, которые снова начали объединять ойратскія поколѣнія *).

Вскорѣ послѣ объединенія ойратовъ послѣдовало раздѣленіе и разселеніе ихъ.

---

*) Журналъ М. Н. П. за 1886 г., стр. 142.

Одна часть, именно поколѣніе хошоутовъ, двинулась къ югу и постепенно дошло до Тянь-Шаня, а потомъ перевалила черезъ эти горы и раскинула свои кочевья вплоть до Тибетскаго нагорья. Другая часть двинулась отсюда къ востоку, переправилась за Эцзинэ и расположилась по всей Алашани. Очевидно, точно такимъ же образомъ направился къ сѣверу и Хо-урлюкъ, съ принадлежавшимъ ему ойратскимъ поколѣніемъ торгоутовъ, и занялъ подъ свои кочевья свободныя степи, которыя Россія уже привыкла въ это время считать собственностью *).

Перекочевка Хо-урлюка съ его калмыками въ Россію совершалась съ одобренія и согласія всѣхъ ойратскихъ поколѣній, совершалась послѣдовательно и довольно медленно. Калмыки дошли сначала къ сѣверу до Тобола, отсюда они распространились до Яика и, переваливъ черезъ Уралъ, очутились на берегахъ Волги **).

Прежде своихъ перекочевокъ калмыки обыкновенно посылали развѣдчиковъ для осмотра лежащихъ впереди земель и ознакомленія съ ихъ населеніемъ. Въ устныхъ преданіяхъ торгоутовъ еще и донынѣ сохранился тотъ отзывъ пословъ Хо-урлюка, который принесли они этому своему родоправителю о русскомъ населеніи, жившемъ по берегамъ Волги. „Тамъ“, говорили они: „живетъ народъ, у котораго скотъ составляютъ свиньи, который строитъ дома свои изъ земли, у котораго женщины ходятъ безъ штановъ, который не утомляется отъ продолжительной ѣзды и не стыдится, когда говоритъ ложь. Не стыдится онъ говорить ложь оттого, что имѣетъ синіе глаза, а не утомляется отъ продолжительной ѣзды потому, что ѣздитъ на телѣгахъ“.

По свидѣтельству калмыцкихъ историковъ, первое посольство для обозрѣнія русскихъ земель было послано Хо-урлюкомъ въ 1618 г., а до береговъ Волги калмыки

*) Журналъ М. Н. П. за 1886 г., стр. 143—4.

**) Тотъ-же, стр. 144.

дошли приблизительно въ 1630 или даже въ 1632 году *). Необходимо, однако, предположить, что въ эту пору занятіе калмыками береговъ Волги было только временное. Главный юртъ ихъ, вмѣстѣ съ княжескою ставкою, постоянно находился за Ураломъ и только изрѣдка калмыки предпринимали отсюда разбойническія движенія къ Поволжью. Въ одно изъ такихъ движеній Хо-урлюкъ напалъ на Астрахань и былъ убитъ подъ ея стѣнами **).

Послѣ Хо-урлюка власть надъ приволжскими калмыками переходила отъ отца къ старшему сыну: сначала управлялъ ими Дайчинъ, потомъ сынъ Пунцукъ, правленіе которыхъ замѣчательно въ исторіи астраханскихъ калмыковъ объединеніемъ и сплоченіемъ въ едино многочисленныхъ калмыцкихъ поколѣній, откочевавшихъ изъ Дзюнгаріи.

Ко времени правленія Аюки начавшіе объединяться еще при Дайчинѣ калмыки уже достаточно сознали солидарность своихъ интересовъ. Аюка, принявъ въ свои руки власть надъ калмыцкими улусами, по первоначалу продолжалъ дѣло ихъ объединенія. На второмъ же году правленія онъ разбилъ своего двоюроднаго дядю — Дугара, захвативъ его вмѣстѣ съ сыномъ его Цереномъ, оклеветалъ обоихъ ихъ въ разныхъ преступленіяхъ противъ Русскаго царя и, отправивъ ихъ въ Москву, самъ завладѣлъ ихъ улусами. Церенъ, будучи привезенъ въ Москву, принялъ св. крещеніе и получилъ титулъ князя Дугарова, но его увѣщанія удержать отъ своеволія Аюку не были приняты, ни даже обслѣдованы русскимъ правительствомъ. Между тѣмъ Аюка, не будучи остановленъ съ перваго раза, продолжалъ распространять свою власть и обезсиливать прочихъ калмыцкихъ владѣльцевъ, не забывая при случаѣ поживиться и на счетъ Россіи ***).

---

*) Исторія калмыцкихъ хановъ. Астрах. губ. вѣд. 1859 г. Жур. М. Н. П. за 1886 г., стр. 146.

**) Жур. М. Н. П. 1886, стр. 146.

***) Жур. М. Н. П. 1886, стр. 149.

Въ то время, когда калмыцкія орды стали осѣдать въ приволжскомъ краѣ, христіанство было здѣсь уже давно утвердившеюся вѣрою. Припомнимъ немного изъ исторіи первоначальнаго насажденія христіанства въ приволжскомъ краѣ, чтобы яснѣе было положеніе калмыковъ во время первоначальнаго пребыванія ихъ въ этомъ краѣ.

Въ приволжскомъ краѣ христіанство насаждено было издавна. Еще во времена татарскаго ига въ самой столицѣ хановъ—Сараѣ была учреждена православная епископія. Основалъ ее митрополитъ Кириллъ II, который, пользуясь вѣротерпимостью монголовъ, поставилъ въ Сараѣ епископомъ въ 1261 году Митрофана. Въ царствованіе же Іоанна Грознаго, когда покорено было царство астраханскихъ татаръ, въ Астрахань посланъ былъ игуменъ Кириллъ для крещенія народа, для устроенія церквей и монастырей, и астраханскій край въ церковномъ управленіи присоединенъ былъ къ Казанской епархіи. Такимъ образомъ, когда калмыки прикочевали въ Приволжье, христіанство здѣсь уже было достаточно упрочено, и калмыки имѣли возможность познакомиться съ ученіемъ христіанскимъ. Если принять во вниманіе кочевой образъ жизни калмыковъ, ихъ враждебное отношеніе къ мѣстному населенію, неподготовленность къ христіанству и даже нерасположеніе къ нему, вслѣдствіе своихъ религіозныхъ, народныхъ и бытовыхъ особенностей, то будетъ понятно, что первоначальное знакомство калмыковъ съ христіанствомъ было явленіемъ чисто случайнымъ и не шло далѣе поверхностнаго знакомства ихъ съ жизнью и ученіемъ христіанскимъ. Впрочемъ, и это уже было своего рода первымъ сѣменемъ, брошеннымъ христіанскимъ населеніемъ приволжскаго края въ сердца кочевниковъ-ламаитовъ. Они были для христіанства еще не воздѣланною нивою, которая требовала самоотверженныхъ трудовъ отъ проповѣдниковъ христіанства, часто съ малою надеждою на успѣхъ.

II.

Аюка-ханъ и отношенія его къ распространенію христіанства среди калмыковъ.—Смерть Аюки и споръ изъ-за ханской власти.—Внукъ Аюки—Петръ Тайщинъ.—Никодимъ Ленкевичъ, первый синодальный миссіонеръ среди калмыковъ, его дѣятельность и успѣхи.—Протоіерей А. Чубовскій.—Поселенія крещенныхъ калмыковъ.—Преобразованіе внутренняго управленія среди калмыковъ, и бѣгство калмыковъ изъ Россіи.

Калмыки, прикочевавши въ приволжскій край, стали постепенно сближаться съ русскими и знакомиться съ христіанствомъ. Къ сожалѣнію, этому движенію не сочувствовали знатные калмыки, особенно Аюка-ханъ, который считалъ себя самостоятельнымъ государемъ въ Русскомъ царствѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ старался вредить Россіи и чрезвычайно былъ недоволенъ переходомъ нѣкоторой части калмыковъ въ православіе. Для характеристики отношеній Аюки къ русскимъ и къ христіанству можно указать на то, какъ онъ исполнялъ свою „шертную запись“ (присягу) и на его договорныя статьи съ Петромъ Великимъ.

По указу великихъ государей Іоанна и Петра Алексѣевичей отъ 24 января 1683 года, съ Аюки взята была, уже третья по счету, „шертная запись“. Согласно этой записи, Аюка обѣщался „быть въ вѣчномъ великихъ государей подданствѣ и послушаніи“, „съ людьми великихъ государей быть въ мирѣ и согласіи“, а „къ боярамъ и воеводамъ присылать обо всякихъ своихъ дѣлахъ“; но на дѣлѣ все это, какъ и слѣдовало ожидать, осталось только на словахъ. Правда, начиная съ 1684 года ни въ калмыцкихъ дѣлахъ, ни въ старинныхъ рукописяхъ, излагающихъ исторію калмыковъ, на нѣкоторое время не встрѣчается никакихъ извѣстій о нападеніяхъ калмыковъ на русскіе предѣлы. Взамѣнъ того Аюка перенесъ въ ту пору свои военныя дѣйствія за Уралъ и послѣдовательно воевалъ сначала съ киргизъ-кайсаками, потомъ покорилъ туркменовъ: къ этому-же періоду относятся его войны съ дагестанцами, кумыками, кабардин-

цами и кубанцами. Производилъ эти войны Аюка, равно какъ и заключалъ миръ съ помянутыми народностями, вполнѣ самостоятельно, какъ независимый владѣтель, не только не спрашиваясь русскихъ, но даже и не извѣщая ихъ о своихъ дѣяніяхъ. И странно, эта независимость въ поступкахъ не только не оскорбляла, а, напротивъ, какъ будто нравилась имъ, какъ будто бы вселяла въ умахъ ихъ большее уваженіе къ Аюкѣ и большую довѣрчивость къ его силамъ. Когда въ 1697 году Петръ Великій предпринималъ поѣздку за границу, онъ не обращался ни къ кому изъ своихъ данниковъ, а къ Аюкѣ отправилъ князя Бориса Матвѣевича Голицына съ тѣмъ, чтобы послѣдній передалъ калмыцкому хану особое порученіе царя охранять русскія границы. Это обстоятельство дало Аюкѣ поводъ заключить новыя договорныя статьи, въ которыхъ отъ первой и до послѣдней строки все говорило въ пользу Аюки. Между прочимъ, статьи эти опредѣляли: а) если Аюка пожелаетъ воевать бухаръ, каракалпаковъ, хасаковъ, то русскіе обязаны дать ему пушки и за симъ выдавать ему ежегодно по 20 пудовъ пороху и по 10 пудовъ свинцу; б) безъ согласія хана русскіе не должны были крестить перебѣжавшихъ къ нимъ калмыковъ; если же окрестятъ, то Аюка волент былъ взыскивать съ нихъ пеню за этихъ окрещенныхъ. Но этого мало: изъ среды русскаго населенія, обитавшаго въ областяхъ сосѣднихъ съ калмыцкою степью, находилось тогда много такихъ людей, которые дѣйствительно платили деньги калмыцкимъ князьямъ за право окрестить какого-либо изъ ихъ данниковъ. Надобно полагать, что число этихъ крещенныхъ значительно возросло со времени помянутаго договора, потому что въ періодъ отъ 1701 по 1704 годъ русскими было основано даже особое поселеніе для окрещенныхъ въ это время калмыковъ. Это селеніе стояло на рѣчкѣ Терешкѣ, нѣсколько выше Саратова; въ немъ была построена также и церковь. Но уже въ концѣ 1704 года

Аюка приказалъ разрушить это селеніе и выжечь его, а окрещенныхъ калмыковъ снова перевести въ улусы. На вопросъ русскаго правительства о причинахъ этого поступка, Аюка съ надменностью отвѣчалъ, что онъ всегда имѣлъ за собою право забрать своихъ холопей *).

Калмыки, однако, и послѣ этого не переставали креститься и переходить на сторону русскихъ. Аюка очень сердился за пріемъ его подданныхъ; въ 1710 году, когда къ русскимъ перешло до 10,000 калмыковъ, онъ потребовалъ немедленнаго ихъ возвращенія. Русское правительство возвратило ему нѣсколько некрещенныхъ калмыковъ, но крещенныхъ не возвращало, продолжало принимать ихъ и послѣ этого: ихъ обыкновенно отсылали на жительство или въ Кіевъ, или въ Чугуевъ въ число казаковъ **).

Движеніе среди калмыковъ въ пользу православія обратило на себя вниманіе Святѣйшаго Синода, и въ приволжскій край къ калмыкамъ отправлена была миссія. Къ сожалѣнію, время, когда прибыла миссія къ калмыкамъ, совпало съ временемъ волненій, происходившихъ между претендентами на ханскій титулъ, и было неблагопріятно для проповѣди среди нихъ христіанства.

19 февраля 1724 года умеръ Аюка, и тотчасъ же послѣ его смерти явилось четыре претендента на открывшійся престолъ ханскій. Первымъ изъ нихъ былъ Дорчжи Назаровъ, которому ханскій престолъ былъ предназначенъ русскимъ правительствомъ; вторымъ—Дасангъ, внукъ Аюки отъ старшаго сына, которому ханство принадлежало по калмыцкимъ обычаямъ, т. е. по праву первородства; третьимъ—Церенъ-Дондукъ, старшій изъ живыхъ сыновей Аюки, и, наконецъ, четвертымъ претендентомъ былъ Дондукъ-Амбо, внукъ Аюки, котораго

---

*) Жур. М. Н. П. 1886 г., стр. 151—2.
**) П. Знаменскій, Руководство къ Русской Ц. исторіи, стр. 280

послѣдній особенно любилъ и воспитывалъ при своемъ дворѣ *).

Среди претендентовъ возникли несогласія. Во время этихъ волненій Дасать и братъ его Нитаръ-Дорчжи стали обвинять предъ русскимъ правительствомъ своихъ сородичей за неправильный раздѣлъ данниковъ. Между тѣмъ въ мартѣ того-же года, когда начались открытыя разногласія у Дасанга и брата его съ ихъ сородичами, т. е. въ 1725 году, прибылъ въ Калмыцкія степи третій братъ Дасанга—Петръ Тайшинъ **).

Внукъ Аюки—Тайшинъ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, принялъ крещеніе съ именемъ Петра. Воспріемникомъ его былъ императоръ Петръ, придававшій, очевидно, большое значеніе переходу въ православіе одного изъ внуковъ хана. Когда, по смерти Аюки, начались разногласія среди калмыцкихъ владѣльцевъ, въ приволжскій край прибылъ и Петръ Тайшинъ. Съ нимъ-то и отправлена была въ это время русская миссія къ калмыкамъ, во главѣ которой былъ поставленъ іеромонахъ Никодимъ Ленкевичъ. Миссія была снабжена походною церковью и всѣми необходимыми церковными принадлежностями для богослуженія. Кромѣ іеромонаха въ составъ миссіи входило нѣсколько человѣкъ клириковъ.

На первыхъ-же порахъ, миссіи пришлось перенести большую невзгоду среди калмыковъ.

Особенно неблагорасположенно отнеслись къ миссіи и новокрещенному Петру Тайшину калмыцкіе владѣльцы—Дасангъ и Нитаръ-Дорчжи. Они подозрительно смотрѣли на своего крещеннаго собрата, и начали опасаться, чтобы при помощи русскихъ войскъ онъ не завладѣлъ ихъ улусами. Результатомъ этихъ опасеній былъ заговоръ противъ Петра Тайшина, окончившійся

---

*) Ж. М. Н. Пр. 1886, стр. 156.
**) Тамъ-же, стр. 159.

въ маѣ 1825 года открытымъ нападеніемъ Нитаръ-Дорчжи на кочевье этого крещеннаго владѣльца. Петру Тайшину удалось бѣжать въ Царицынъ; но вся его ставка, жена, дѣти, весь улусъ его и, наконецъ, походная церковь съ ея клириками были взяты въ плѣнъ Нитаръ-Дорчжи *).

Вскорѣ неблагопріятныя обстоятельства для миссіи перемѣнились къ лучшему, и Никодимъ Ленкевичъ имѣлъ возможность окрестить многихъ изъ калмыковъ, на которыхъ сильно подѣйствовалъ примѣръ Петра Тайшина. Чтобы избавить новокрещенныхъ отъ гоненія и соблазновъ со стороны некрещенныхъ, правительство переселяло ихъ въ Чугуевъ, Царицынъ и Астрахань **).

Съ 1725 по 1734 годъ русская миссія, подъ управленіемъ Никодима Ленкевича, успѣла обратить въ христіанство до 1700 человѣкъ. Въ 1734 году Ленкевичъ былъ уволенъ на покой въ Кіевъ. Но безъ него миссія стала упадать; явились даже совращенія въ старую вѣру крещенныхъ,—до 1737 г. совратилось 1594 ч. Тогда правительство снова вызвало его изъ Кіева, а для прекращенія совращеній рѣшилось исполнить давнишнее желаніе новокрещенныхъ калмыковъ,—вмѣсто разселенія по разнымъ мѣстамъ, назначить для ихъ поселенія одно мѣсто. По ходатайству Никодима и хана Дондука-Омбо, преемника Тайшина († 1736 г.), для этого построенъ былъ г. Ставрополь, куда и переселена была вдова Тайшина Анна со всею ея ордою. Для совершенія богослуженія по улусамъ этой колоніи ей дана была походная церковь. Велѣно переводить на калмыцкій языкъ Новый Завѣтъ и молитвы и учредить въ Ставрополѣ школу.

Послѣ Никодима († около 1739 г.) главою миссіи сдѣлался его сотрудникъ, протоіерей Андрей Чубовскій. При императрицѣ Елизаветѣ число крещенныхъ возрасло до 6000 ч. Крестилось много калмыковъ въ Астра-

---

*) Ж. М. Н. П. 1886 г., стр. 155.
**) Знаменскій, стр. 280.

ханской губерніи, гдѣ были главныя ихъ кочевья, крестилась вдова Дондука-Омбо вмѣстѣ съ дѣтьми. Астраханскимъ крещеннымъ отводили земли между Волгой, Черемшаномъ и Дономъ. *) Къ 1765 году число крещенныхъ между ними доходило до 8000 ч.; въ ставропольской школѣ училось свыше 50 учениковъ **).

Въ то время, какъ дѣятельность русской калмыцкой миссіи продолжала развиваться, въ управленіи калмыками произведенъ былъ русскимъ правительствомъ важный переворотъ, вызвавшій бѣгство калмыковъ изъ Россіи.

Изслѣдуя причины постоянныхъ волненій въ Калмыцкой ордѣ, русское правительство не могло не замѣтить, что исходнымъ пунктомъ всѣхъ этихъ волненій была именно ханская и владѣльческая власть, тяготѣвшая надъ всѣмъ народомъ; слѣдовательно, чтобы уничтожить волненія, нужно было измѣнить образъ правленія у калмыковъ. Доселѣ всѣ дѣла ихъ вѣдались ханомъ и ханскимъ зарго (правительственная и судебная канцелярія), состоявшимъ изъ восьми членовъ, назначаемыхъ опять-таки ханскою властью изъ числа зайсанговъ, принадлежащихъ ханскому улусу. Теперь предположено было назвать это зарго не ханскимъ, а народнымъ; въ число членовъ его должны были войти зайсанги не одного ханскаго, а всѣхъ улусовъ, и утвержденіе ихъ должно было зависѣть не отъ хана, а прежде всего отъ народнаго выбора, а потомъ отъ согласія русскаго правительства. Что касается значенія новаго зарго, то оно должно было рѣшать всѣ безъ исключенія дѣла калмыцкаго народа по большинству голосовъ. Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей ханская власть должна была потерять почти все свое значеніе, и это обстоятельство прежде всего побудило калмыцкихъ владѣльцевъ задумать побѣгъ изъ Россіи.

---

*) Знаменскій, стр. 327—8.
**) Тамъ-же, стр. 374.

Приготовленія къ побѣгу совершались въ теченіе двухъ или даже трехъ лѣтъ. Во все это время по степи распускались самые невозможные слухи, на народныхъ собраніяхъ говорились возбуждавшія народныя страсти рѣчи. „Смотрите," говорилось, напримѣръ, на одномъ изъ собраній: „ваши права ограничиваются во всѣхъ отношеніяхъ. Русскіе чиновники обращаются съ вами ужасно, а правительство хочетъ подѣлать изъ васъ землепашцевъ. Вотъ покрылись казачьими станицами берега Урала и Волги, вотъ и сѣверныя окраины вашихъ степей заселены нѣмцами; еще немного времени и будутъ заняты Донъ, Терекъ и Кума, а васъ стѣснятъ на безводныхъ пространствахъ и погубятъ ваши стада, единственный источникъ вашего существованія. Вамъ очевидно теперь ваше положеніе, и въ будущемъ остается одно изъ двухъ—или нести на себѣ тяжелое бремя рабства, или же удалиться изъ Россіи и такимъ образомъ положить конецъ всѣмъ бѣдствіямъ". Результатомъ такого рода рѣчей было то, что 5 января 1771 г. калмыки предприняли переходъ отъ береговъ Волги въ Чжунгарію и изъ Россіи въ предѣлы Китая *).

За этимъ главнымъ побѣгомъ вскорѣ послѣдовалъ второй.

Изъ Астраханской губерніи ушли за рѣку Куму 160 семействъ калмыковъ, уже крещенныхъ, и опять обратились въ ламайскую вѣру. Вообще, къ началу XIX в., всѣхъ крещенныхъ калмыковъ осталось всего до 6000 человѣкъ **).

Этими событіями въ жизни калмыковъ православной миссіи среди нихъ нанесенъ былъ сильнѣйшій ударъ, и миссія должна была надолго прекратить свою дѣятельность среди калмыковъ.

---

*) Ж. М. Н. Пр. 1886 г., стр. 166—8.
**) Знаменскій, стр. 374.

III.

Преобразованія въ управленіи калмыковъ, оставшихся въ Россіи.—Начало вѣротерпимости въ отношеніяхъ правительства къ инородцамъ.—Положеніе миссій и миссіонеровъ.—Уничтоженіе должности инородческихъ миссіонеровъ.—Благодѣянія правительства магометанамъ и ламаитамъ.—Положеніе православія среди калмыковъ въ началѣ XIX в.

Численность калмыковъ, оставшихся въ предѣлахъ Россіи послѣ побѣга 1771 года, не превышала 5,000 семей или кибитокъ. Русское правительство, опасаясь вторичнаго побѣга, опредѣлило имъ для кочевья мѣста на правомъ, нагорномъ берегу Волги. Затѣмъ, рескриптомъ Екатерины II отъ 19 октября 1771 года было навсегда уничтожено званіе калмыцкаго хана; каждый калмыцкій владѣлецъ былъ поставленъ въ совершенную независимость отъ другого; на долю владѣльцевъ было опредѣлено только хозяйственное управленіе улусомъ и разборъ частныхъ дѣлъ, судебная же власть сосредоточилась въ зарго изъ народныхъ представителей, при чемъ постановленія этого юридическаго учрежденія контролировались еще русскими властями. Эта мѣра должна была принести весьма важные результаты въ дѣлѣ объединенія калмыковъ съ Россіею. Въ 1786 г. астраханскій генералъ-губернаторъ П. С. Потемкинъ призналъ возможнымъ даже закрыть судъ зарго, а дѣла о калмыкахъ передать въ уѣздные суды по принадлежности улусовъ.

Но со вступленіемъ на престолъ Павла Петровича дербетовскому владѣльцу Чучею Тундутову снова было пожаловано достоинство намѣстника калмыцкаго ханства, снова было открыто зарго, снова калмыки перешли въ полное подчиненіе своимъ родовымъ правителямъ *). Таковы перемѣны, происшедшія въ судьбахъ приволжскихъ калмыковъ въ царствованіе Екатерины II и Павла I. Вмѣстѣ съ этими перемѣнами въ управленіи калмыковъ со стороны правительства обращено было самое серьез-

*) Ж. М. Н. Пр., 1886 г., стр. 169—70.

ное вниманіе на то, что-бы калмыки, какъ и всѣ другіе инородцы Россіи, пользовались полною религіозною свободою.

Въ основаніе отношеній правительства къ разнымъ нѣроисповѣданіямъ въ Имперіи положено было самое широкое начало вѣротерпимости. „Въ столь великомъ государствѣ, говорилось въ наказѣ Екатерины, распространяющемъ свое владѣніе надъ столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности гражданъ былъ порокъ — запрещеніе ихъ различныхъ вѣръ". Въ 1773 году въ одномъ указѣ своемъ Синоду, императрица внушала: „какъ Всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и Ея Величество изъ тѣхъ-же правилъ, сходствуя Его святой волѣ, въ семъ поступать изволитъ, желая только, что-бы между ея подданными всегда любовь и согласіе царствовали".

Начало это прилагалось правительствомъ и къ вопросу объ инородческихъ миссіяхъ *).

Такими отношеніями правительства къ инородческимъ миссіямъ постарались воспользоваться враги миссій среди инородцевъ, противники распространенія православія среди невѣдущихъ христіанства племенъ и народовъ, подвластныхъ Россіи. Они при всякомъ удобномъ случаѣ жаловались на притѣсненія со стороны духовенства. Такъ какъ не рѣдко и „сильные міра сего" покровительствовали происканъ инородцевъ, то претензіи ихъ не уменьшались, а возрастали, и раздраженіе между инородцами на духовенство и миссіи не унималось.

На всѣ самыя законныя дѣйствія духовенства они смотрѣли, какъ на насиліе, и продолжали жаловаться; жаловались на то, что, по настоянію духовенства, власти старались удерживать новокрещенныхъ отъ переходовъ въ ихъ старую вѣру; жаловались и на новыя обращенія

*) Знаменскій, стр. 371.

къ христіанству, которыя продолжались и теперь, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Послѣ вышеприведеннаго указа Синодъ, по настоянію Сената, вовсе запретилъ архіереямъ вступаться въ дѣла объ иновѣрцахъ и о построеніи ихъ молитвенныхъ домовъ, предоставивъ эти дѣла одной „свѣтской командѣ“. Въ правительственныхъ сферахъ очевидно крѣпко засѣло предубѣжденіе касательно фанатичности духовенства, о которой такъ много говорилось у модныхъ писателей Франціи. Предубѣжденіе это еще болѣе утвердилось представленіями инородческихъ депутатовъ въ Комиссіи объ Уложеніи, которые не преминули пожаловаться на религіозныя притѣсненія инородцевъ. Въ такомъ-же родѣ, поддѣлываясь подъ тонъ правительства, доносили о дѣйствіяхъ духовенства нѣкоторые губернаторы.

Послѣ Пугачевскаго бунта, въ которомъ инородцы принимали такое живое участіе, правительство стало смотрѣть на инородческія миссіи еще неблагосклоннѣе. Въ 1789 г., по случаю волненія между башкирами, возбужденнаго слухами, будто ихъ хотятъ крестить насильно, архіереямъ запрещено было посылать къ инородцамъ и проповѣдниковъ безъ предварительнаго сношенія о томъ съ губернаторами.

Наконецъ, въ 1799 году окончательно упразднена самая должность инородческихъ проповѣдниковъ, какъ болѣе не нужная, по объясненію Сената.

Дѣло инородческой миссіи было, такимъ образомъ, остановлено. Но политика вѣротерпимости этимъ не ограничилась, а постаралась еще усилить иновѣрные элементы въ имперіи положительными мѣрами. Особенными милостями правительства воспользовались татары, число которыхъ увеличилось въ имперіи чрезъ присоединеніе Крыма. Императрица не только дозволила имъ свободно строить мечети и школы, но еще сама постаралась дать имъ небывалую у нихъ религіозную организацію, своего рода церковь, устроивъ для нихъ два религіозныхъ

средоточія изъ двоихъ муфтіевъ въ Уфѣ (1788 г.) и въ Крыму (1794 г.)—и назначивъ для нихъ множество штатныхъ муллъ съ значительными окладами, которымъ могло позавидовать даже православное духовенство. Въ концѣ XVIII столѣтія по распоряженію правительства въ азіатской типографіи въ Петербургѣ были отпечатаны для татаръ 300 экз. Корана и разосланы по губерніямъ, гдѣ было татарское населеніе *).

Такое отношеніе правительства къ магометанству въ глазахъ простыхъ инородческихъ массъ отождествлялось съ покровительствомъ этой религіи со стороны правительства и содѣйствовало распространенію магометанства среди инородцевъ.

Утвержденію ислама среди полуязычествовавшей массы инородцевъ содѣйствовало само правительство, заводя между ними на свой счетъ мечети и школы съ помощію главнымъ образомъ казанскихъ муллъ **).

Весьма благосклонно отнеслось русское правительство и къ ламаизму. Въ 1764 году правительство оказало большое благодѣяніе ламаизму, придавъ существованію ламъ законность чрезъ подчиненіе ихъ одному верховному ламѣ. Въ 1775 г. число ламъ опредѣлено штатомъ въ 150 ч., которые всѣ были освобождены отъ податей. Съ этого времени пропаганда ламаизма среди инородцевъ, прежде незаконная и тайная, стала открытою и чрезвычайно усилилась ***).

При такомъ отношеніи правительства къ распространенію ислама и ламаизма среди инородцевъ нельзя было разсчитывать на успѣхъ среди нихъ православія. Печально было положеніе православія и среди калмыковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Въ южныхъ частяхъ Поволжья въ христіанствѣ числилось небольшое число калмыковъ, но они не имѣли

*) Знаменскій, стр. 372—3.
**) Тамъ-же, стр. 374.
***) Знаменскій, стр. 373.

ничего общаго съ православною церковью и продолжали спокойно соблюдать свои старые ламайскіе обряды. Въ 1 07 г. къ нимъ посланъ былъ вновь изданный калмыцкій катехизисъ. Въ 1815 г. Библейское общество издало для нихъ переводъ евангелія Матѳія, но калмыки, какъ доносилъ обществу ректоръ астраханской семинаріи, „вѣроятно по невѣжеству, не совсѣмъ охотно“ пользовались этимъ „даромъ Всеблагого Бога“. Вмѣсто православнаго вліянія въ ихъ кочевьяхъ одно время стало развиваться иновѣрное вліяніе братьевъ гернгутеровъ, сосредоточившихся при Екатеринѣ II въ богатую общину въ Сарептѣ и вслѣдствіе промышленныхъ сношеній съ калмыками, близко знакомыхъ съ ихъ языкомъ и бытомъ. Въ 1800 г. нѣкто Бергманъ нарочно путешествовалъ по степямъ для изученія калмыцкаго языка и религіи, а въ 1815 г. туда поѣхали уже два гернгутерскихъ миссіонера Шилль и Гибнеръ, за ними потомъ послѣдовали и другіе. Въ 1820 г. гернгутеры получили даже оффиціальное разрѣшеніе на обращеніе калмыковъ. Въ 1821 г. для проповѣди къ нимъ, съ разрѣшенія министерства иностранныхъ дѣлъ, ѣздилъ пасторъ Корнелій Рампъ, но безъ особеннаго успѣха. Владѣльцы калмыцкихъ кочевьевъ и ламайское духовенство постоянно мѣшали дѣлу миссіонеровъ и возставали противъ новообращенныхъ. Между тѣмъ въ Петербургѣ вскорѣ повѣяло другимъ духомъ, неблагопріятнымъ для иновѣрныхъ проповѣдниковъ; въ 1823 году по распоряженію правительства обращеніе калмыковъ въ гернгутерство прекратилось; тѣхъ, которые были уже обращены, велѣно причислить къ православной церкви *).

Такъ по прежнему приволжскіе калмыки оставались мало воздѣланною нивою для Христа, ожидавшею къ себѣ дѣлателей—проповѣдниковъ.

---

*) Знаменскій, стр. 462—3.

IV.

Положеніе калмыковъ въ Россіи при императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I.—Большедербетевскій и Малодербетевскій улусы.—Главный приставъ кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи.—Улусное управленіе.—Этнографическія особенности калмыковъ.—Кочевой образъ жизни калмыковъ и ихъ жилище—кибитка.

1771 годъ, когда совершенъ былъ побѣгъ калмыковъ изъ Россіи, навсегда останется памятнымъ въ исторіи этого кочевого народа. Съ этого времени положеніе калмыковъ въ Россіи значительно измѣняется; вводятся различныя преобразованія въ устройствѣ и въ управленіи этого народа, чтобы по возможности пріобщить его къ жизни одной Россіи и предотвратить такіе случаи, какъ побѣгъ ихъ изъ предѣловъ Россіи.

Съ побѣгомъ Убаши званіе хана и намѣстника калмыцкаго народа было упразднено и каждый оставшійся владѣлецъ завѣдывалъ своимъ улусомъ подъ непосредственнымъ надзоромъ русскихъ чиновниковъ. Послѣ этого важнаго событія калмыки въ количествѣ одного улуса—Большедербетевскаго—переселились изъ степей Астраханской губерніи на земли, принадлежащія войску Донскому, гдѣ и оставались до 1800 года. Въ 1800 г. они обратно переселились на прежнія кочевья по сосѣдству съ калмыками Малодербетевскаго улуса. По случаю самовольнаго перехода императоръ Павелъ Петровичъ вызвалъ въ Гатчино особую отъ калмыцкаго народа депутацію, которой удалось исходатайствовать отъ 9 августа того же года Монаршее соизволеніе: 1) депутатамъ калмыцкой орды Большого Дербета избрать себѣ начальника; 2) быть имъ независимыми отъ Донцовъ; 3) зависѣть прямо отъ Государя; 4) переписываться непосредственно съ Нимъ; 5) по дѣламъ имѣть сношеніе съ государственною иностранною коллегіею. Вслѣдствіе сей Высочайшей воли, указомъ отъ 27 сентября 1800 г., даннымъ правительствующему сенату за подписомъ Государя, повелѣно: „Калмыкамъ Малаго и Большого Дербета, владѣльцамъ и чиновни-

камъ съ народами ихъ, въ Астраханской губерніи кочующими, дать во владѣніе всѣ земли отъ Царицына по рѣкѣ Волгѣ и рѣкамъ—Сарпѣ, Салѣ, Манычу, Кумѣ и взморью, словомъ, всѣ тѣ мѣста, на коихъ до ухода за границу калмыки имѣли кочевье свое, исключая тѣхъ, кои по уходѣ именными указами пожалованы, сочинивъ на оныя грамоту, подать Его Императорскому Величеству къ подписанію и допустить помянутымъ калмыкамъ по прежнему во владѣніе". Въ означенный день дербетовскій владѣлецъ былъ возведенъ въ намѣстники ханства, а лама Сабинъ-Бакша былъ утвержденъ въ санѣ первосвященника *).

При Императорѣ Александрѣ I калмыки получили новое доказательство заботъ о нихъ правительства.

Государь Императоръ Александръ Благословенный, отъ 28 апрѣля 1802 г., Высочайше повелѣлъ: „отмежевать земли для пастьбы стадъ и табуновъ калмыцкихъ". Вотъ тогда-то калмыки Большедербетевскаго улуса получили отдѣльный надѣлъ отъ калмыковъ Малодербетевскаго улуса, а именно: въ предѣлахъ нынѣшней Ставропольской губерніи. Границами послужили рѣки: Манычъ, Калаусъ, Большая и Малая Кугульта и Большой Егорлыкъ **).

При Императорѣ Александрѣ II послѣдовали новыя преобразованія въ управленіи калмыковъ.

Въ 1861 году калмыки Большедербетевскаго улуса были подчинены главному приставу кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи, при чемъ они стали имѣть отдѣльнаго родового владѣльца отъ своихъ сородичей Малодербетевскаго улуса, хотя въ духовномъ управленіи находились подъ вѣдѣніемъ одного ламы—первосвященника. 30 сентября того же года главный

---

*) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки Большедербетевскаго улуса, стр. 7—8.

**) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки, стр. 8.

приставъ принялъ Большедербетевскій улусъ. Для непосредственнаго управленія улусомъ въ помощь приставу учреждено улусное управленіе, которое до 1875 года находилось въ урочищѣ „Дудаки“, а съ 1875 г. переведено въ село Ивановское, гдѣ находится и по настоящее время. Улусное управленіе главнымъ образомъ вѣдало административныя дѣла. Для разбора тяжебныхъ дѣлъ былъ возстановленъ національный судъ—„зарго“. Впрочемъ, въ зарго разбирались и разбираются только такія тяжбы, гдѣ отвѣтчиками являются калмыки и не свыше 400 рублей; въ остальныхъ же случаяхъ и дѣлахъ калмыки судятся въ особыхъ присутственныхъ мѣстахъ на общемъ основаніи, т. е. по „своду законовъ“. Русское правительство обратило вниманіе и на сиротъ изъ калмыцкой аристократіи, для чего въ 1862 г. было учреждено опекунское управленіе *).

Такова въ краткихъ чертахъ судьба калмыковъ въ предѣлахъ Россіи до царствованія Александра III. Что же касается ихъ быта, строя ихъ жизни,—то, кажется, онъ и въ настоящее время мало чѣмъ отличается отъ быта ихъ предковъ, переселившихся нѣкогда въ Россію. Та же ихъ внѣшность, тотъ же кочевой образъ жизни въ кибиткахъ, тѣ же нравы и обычаи, что были и въ давно минувшія времена.

Всѣ калмыки средняго роста, приземисты и коренасты. Великановъ нѣтъ, нѣтъ и карликовъ. Кажется, калмыки неспособны къ ожиренію: тучнаго человѣка трудно встрѣтить, толстякъ калмыкъ большая рѣдкость.

Калмыкъ легко переноситъ продолжительный физическій трудъ. Въ этомъ легко убѣдиться, если придется видѣть калмыка за дѣломъ, сроднымъ съ его натурою.

Цвѣтъ тѣла у калмыковъ смуглый. Калмыки постоянно находятся подъ открытымъ небомъ и на откры-

*) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки, стр. 8—10.

томъ воздухѣ подъ палящими лучами солнца, и никогда не моются въ банѣ. Дѣти ихъ нагишемъ бѣгаютъ по улицѣ и валяются въ грязи. Съ самаго рожденія малютку держатъ въ грязныхъ пеленкахъ и въ дымной кибиткѣ около огня. Тѣло ихъ при такомъ воспитаніи становится темно-оливковымъ. Тѣмъ не менѣе среди нихъ встрѣчаются бѣлотѣлыя и бѣлолицыя личности, преимущественно изъ цаганъ-йасынъ.

Лицо калмыки имѣютъ плоское съ выдающимися скулами и узкими глазами. У всѣхъ калмыковъ безъ исключенія зубы бѣлы, какъ слоновая кость, а также отличаются необыкновенною крѣпостью. Волосы у нихъ черны, какъ смоль, и жестки, какъ конскій волосъ.

Мужчины ходятъ безбородыми, потому что или вырываютъ волосы особыми щипцами, или брѣютъ наголо. Нѣкоторые оставляютъ небольшой клочекъ бороды на нижней губѣ въ видѣ эспаньолки и немного на верхней губѣ въ родѣ усовъ *).

Время исторической жизни калмыковъ, повидимому, мало измѣняетъ ихъ кочевой образъ жизни въ кибиткахъ.

Жилищемъ калмыка, какъ во времена Чингисхана, такъ и теперь, служитъ кибитка. Калмыцкая кибитка— это простой войлочный шатеръ на деревянномъ оставѣ, имѣющемъ форму усѣченнаго конца. Кибитка состоитъ изъ шести различныхъ частей и требуетъ для своего устройства значительной доли искусства отъ сыновъ привольныхъ степей. Въ вѣтряную погоду кибитка привязывается къ кольямъ, вбитымъ въ землю при посредствѣ длинныхъ аркановъ. Посредственная кибитка цѣнится не менѣе 100 руб.

Установка кибитокъ лежитъ на обязанности женщинъ. Лишь только перекочевалъ калмыкъ на новое мѣсто, женщины спѣшатъ разставить кибитку. Окон-

---

*) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки, стр. 38—40.

чивъ это дѣло, но, не приступая къ внутреннему убранству, калмычка спѣшитъ приткнуть снаружи кибитки около дверей на особомъ шестѣ дарцокъ, т. е. лоскутокъ какой-либо матеріи съ таинственными іероглифами. По объясненію однихъ, дарцокъ долженъ прогнать отъ кибитки всю нечистую силу, которая у калмыковъ носитъ различныя наименованія, какъ-то: шимпусы, ракшасы, ассуріи, читкюры; по объясненію другихъ, дарцокъ ставится для того, чтобы чрезъ него могли сойти на землю небожители: тенгріи, девы, будды, бодисатвы. Калмыки, обыкновенно, ставятъ кибитки дверями на югъ.

На вопросъ: „почему они такъ дѣлаютъ?“—большинство отвѣчаетъ: „нашъ законъ таковъ“. Но ихъ гелюнги объясняютъ: такъ какъ въ Тибетѣ, который находится на югѣ, живетъ Далай-лама, къ которому изъ безграничнаго благоговѣнія очи всѣхъ буддистовъ должны быть постоянно обращены, то калмыки и строятъ дверь на югъ, чтобы чрезъ нее душевными очами они могли видѣть великаго бакшу (учителя).

Вошедши внутрь кибитки, калмычка принимается за убранство ея. Прежде всего она устраиваетъ брачное ложе прямо противъ входа въ кибитку. Это ложе называется у калмыковъ оронъ (царство). Влѣво отъ кровати находится большой баранъ, т. е. мѣсто, куда складываются дорогія вещи и ставятся сундуки одинъ на другой. Сундукъ верхній покрывается ковромъ, на которомъ ставятся литые и лѣпные шутены, т. е. изображенія бурхановъ или боговъ. Предъ шутенами на особыхъ столикахъ возлагаются раличныя жертвы: вода, пшеница, ароматныя куренья.

Посреди кибитки устроенъ „тулга“ или желѣзный тагань, подъ которымъ почти постоянно тлѣетъ „кизякъ“. Тулга находится противъ отверстія кибитки. Это отверстіе называется „ото“ и служитъ одновременно дымовою трубою и вентиляторомъ.

Сзади кибитки придѣлывается особый загонъ, состоящій изъ рѣшетокъ. Загонъ соотвѣтствуетъ нашимъ дворамъ. Сюда калмыки на ночь и преимущественно въ мятель загоняютъ рогатый скотъ. Этотъ загонъ съ кибитками извѣстенъ у калмыковъ подъ именемъ „хотона“ *).

V.

Условія, неблагопріятствовавшія распространенію христіанства среди калмыковъ.—Ихъ кочевой образъ жизни, ихъ порочныя наклонности.

И въ XIX столѣтіи образъ жизни калмыковъ, ихъ нравы и обычаи, ихъ сословія, ихъ религіозныя вѣрованія и руководители остались тѣ же, что были и раньше, въ первое время перекочевки ихъ въ предѣлы Россіи; поэтому продолжали существовать и прежнія условія, неблагопріятствовавшія распространенію христіанства среди нихъ.

Кочевой образъ жизни калмыковъ не мало препятствуетъ успѣшному распространенію среди нихъ христіанства. А, между тѣмъ, придерживаться этого образа жизни побуждаютъ ихъ и характеръ мѣстности степей, по которымъ они кочуютъ, и главное, почти единственное, ихъ жизненное занятіе—скотоводство.

Безлѣсье, отсутствіе плодоноснаго слоя, густая осоленность почвы, бѣдность влаги въ воздухѣ и почвѣ не могутъ доставить удобствъ для осѣдлаго ихъ проживанія. Попытки отдѣльныхъ лицъ, цѣлыхъ обществъ заселять этотъ край, правительственная попытка 60-хъ годовъ перекрестить степь продольною и поперечною линіями осѣдлыхъ поселковъ-хуторовъ окончилась печально. Поселки съ трудовымъ населеніемъ исчезаютъ, и печальными свидѣтелями человѣческихъ усилій подчинить природу остаются въ Астраханскихъ калмыц-

*) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки, стр. 44—50.

кихъ степяхъ поселки Чилгиръ и Уланъ-Эрге. Эти почти пять милліоновъ десятинъ земли, безплодной и изсушенной солнцемъ, калмыки обратили въ надежный и богатый конскій и скотный дворъ для цѣлой Россіи. Такого результата они достигли, какъ благодаря поразительной скромности въ жизненныхъ потребностяхъ, воспитанной вѣками, такъ, главнымъ образомъ, приспособленіемъ всей жизненной обстановки и всего своего хозяйства къ природнымъ условіямъ страны.

Борьба калмыковъ съ условіями природы совершенно пассивная, это—бѣгство отъ ударовъ природы и блужданіе со своимъ скотомъ по степи въ поискахъ за водой и кормомъ для своихъ стадъ и табуновъ. Кочевка крупныхъ, среднихъ и мелкихъ скотоводческихъ хозяйствъ у калмыковъ происходитъ въ районахъ лѣтнихъ и зимнихъ кочевьевъ, опредѣляемыхъ каждый разъ состояніемъ кормовыхъ травъ и большимъ или меньшимъ накопленіемъ водъ: мѣста, неистощимыя во время лѣта, обыкновенно служатъ зимниками для всѣхъ видовъ степныхъ хозяйствъ; мѣста, наиболѣе обильныя во время лѣта водою и травою, служатъ лѣтниками, т. е. лѣтними кочевьями для тѣхъ же хозяйствъ.

Но, при бѣдности степной растительности и скудости водныхъ запасовъ въ Астраханскихъ калмыцкихъ степяхъ, не много найдется полосъ, способныхъ кормить и поить продолжительное время табуны лошадей, стада рогатаго скота, гурты овецъ и хотонъ верблюдовъ. Пустынная природа, снѣжныя зимы, затрудняющіе особенно молочный рогатый скотъ на большихъ разстояніяхъ отыскивать подснѣжный кормъ, и сухія знойныя лѣта, быстро истощающія пастбища, неизбѣжно лишаютъ калмыковъ болѣе устойчиваго осѣданія даже на лѣтнихъ или зимнихъ кочевьяхъ. Калмыцкіе хотоны совершаютъ непрерывныя кочевки, такъ что средняго достатка хозяйство въ періодъ лѣтнихъ кочевокъ перемѣняетъ 10—20 мѣстъ и проходитъ 200—400 верстъ, а круп-

ныя хозяйства въ теченіе года проходятъ тысячи верстъ *).

Нельзя и удивляться поэтому, что среди калмыковъ, этихъ перелетныхъ птицъ обширныхъ астраханскихъ и ставропольскихъ степей, христіанство туго прививается, а принятое нерѣдко скоро забывается этою летучею паствою тружениковъ-миссіонеровъ.

Христіанство и на первыхъ ступеняхъ своихъ уже требуетъ отъ своихъ послѣдователей самоотверженія, отреченія отъ пороковъ и страстей, стремленія къ добродѣтельной и благочестивой жизни. Такія требованія христіанства, очевидно, не могутъ нравиться некрещеннымъ калмыкамъ, имѣющимъ различныя, такъ сказать, своего рода національныя страсти, каковы, напр., воровство, винопитіе, лѣность и т. п.

Впрочемъ, склонность калмыковъ къ воровству нужно понимать относительно. Дѣйствительно, калмыки склонны къ конокрадству и скотокрадству, но отнюдь не къ похищенію вещей. Въ хотонѣ никогда не случалось, чтобы калмыкъ у калмыка укралъ какую-либо вещь. Равнымъ образомъ проѣзжающіе по калмыцкой степи могутъ быть вполнѣ спокойны относительно своего багажа. Калмыкъ извозчикъ въ цѣлости переложитъ съ одного тарантаса на другой, хотя бы тутъ были мелкія вещи, которыя легко утаить. Если случится оставить на ночлегѣ у калмыка вещь, то калмыкъ постарается возвратить по принадлежности, хотя бы ему для этого пришлось догонять нѣсколько верстъ. Поэтому въ степи нѣтъ замковъ и все хранится просто. Если же калмыки и по нынѣшніе дни любятъ угонять скотъ и лошадей, то дѣлаютъ это по двумъ причинамъ: 1) чтобы показать свою удаль, или 2) чтобы избавиться отъ голодной смерти. Часто случается, что удалая молодежь въ свободный

---

*) Отчетъ Астраханскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго миссіонерскаго Общества за 1891 г., стр. 14—15.

день отправляется въ ближайшій хотонъ и тамъ у пастуха-ротозѣя угоняетъ скотъ. Такіе отгоны иногда бываютъ по взаимному согласію. Есть даже особая калмыцкая игра,—„саха кюргюкю“ (брать дойныхъ коровъ), гдѣ требуется умѣнье потихоньку пробраться въ чужой хотонъ и удалиться оттуда незамѣченнымъ.

Въ зимнее время, когда изсякаютъ молочные продукты калмыку приходится питаться мясомъ. Вотъ тутъ-то по недостатку своего мяса онъ отправляется на воровской промыселъ. Въ большинствѣ случаевъ на воровской заработокъ калмыки отправляются цѣлыми партіями. Гдѣ скота много и плохой надзоръ, они отгоняютъ по нѣсколько штукъ, поспѣшно гонятъ въ свой хотонъ, немедленно рѣжутъ и съѣдаютъ, а шкуры изрубаютъ въ куски и закапываютъ въ землю, такъ что если опоздать на нѣсколько часовъ, то и концовъ не найдешь. Этой привычки не оставили и крещенные калмыки. Вообще замѣчено, что чѣмъ больше голоду, тѣмъ больше дѣлъ по воровству и угону скота, овецъ и лошадей. Впрочемъ, иногда калмыки угоняютъ лошадей изъ пристрастія къ наѣздничеству. Если калмыку приглянулась лошадь, а хозяинъ не продаетъ или проситъ дорого, то калмыкъ постарается угнать.

Еще большую наклонность калмыки имѣютъ къ винопитію и табакокуренію. Табакъ курятъ всѣ безъ исключенія, начиная съ грудныхъ дѣтей и кончая стариками. Еще грудного ребенка калмычка пріучаетъ къ трубкѣ. По временамъ она даетъ ему трубку вмѣсто соски и тотъ по необходимости долженъ курить, вслѣдствіе чего съ самаго младенчества привыкаетъ къ табакокуренію. Семейная трубка почти постоянно дымится. Вообще, калмыки курятъ съ большимъ удовольствіемъ, но еще съ большимъ удовольствіемъ они пьютъ водку. Винопитіе среди нихъ сильно развито. На приготовленіе водки они истрачиваютъ добрую половину всѣхъ молочныхъ продуктовъ. Хотя пирушки оканчиваются иногда ссорой,

дракой и даже убійствомъ подъ вліяніемъ одуряющаго дѣйствія калмыцкой водки, все же, несмотря на это, калмыкъ не упуститъ ни одного удобнаго случая, чтобы не испить опьяняющей влаги. Въ общей сложности табакокуреніе и пьянство сильно подтачиваютъ благосостояніе калмыковъ и обезсиливаютъ ихъ крѣпкій организмъ.

Лѣность и праздность также вліяютъ на ухудшеніе сельскаго хозяйства калмыковъ. Они иногда способны пролежать безъ дѣла цѣлый день, хотя въ то время имъ нужно бы было взглянуть на свое хозяйство, на свой скотъ. Лѣность и праздность содѣйствовали развитію среди калмыковъ весьма многихъ пороковъ, каковы: картежная игра, игра въ кости, сутяжничество, пересуды и т. п. *).

Но больше всего препятствій къ распространенію христіанства среди калмыковъ миссіонеры встрѣчаютъ со стороны калмыцкаго духовенства.

VI.

Хувараки—духовенство калмыцкое. — Его мѣсто въ ряду калмыцкихъ сословій.—Занятія хувараковъ: эмчи, зурачы, бакши и зурхачи. — Отношеніе калмыцкаго духовенства къ крещеннымъ калмыкамъ.

Калмыцкое духовенство имѣетъ огромное вліяніе въ жизни своего народа. Остановимся поэтому нѣсколько подробнѣе на дѣятельности калмыцкаго духовенства, на его отношеніяхъ къ народу и на отношеніяхъ къ нему народа.

Калмыковъ можно раздѣлить на три сословія: 1) цаганъ-йасынъ (бѣлая кость), 2) хувараки и 3) хара-улусъ (черный народъ) или хара-йасынъ (черная кость). Цаганъ-йасынъ — это своего рода аристократія. Ее составляютъ нойоны и зайсанги со своими домочадцами и

*) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки Большедербетовскаго улуса. Стр. 69—72.

родственниками. Русское правительство приравняло нойоновъ къ князьямъ, аймачныхъ зайсанговъ—къ почетнымъ гражданамъ, безаймачныхъ зайсанговъ къ личнымъ гражданамъ. Хувараки—жречество—составляютъ также привилегированное сословіе. Сюда относятся различные чины жречества, какъ-то: бакши, гелюнги, гецюли и манджики. Хара-улусъ — калмыки простолюдины. Они служатъ тяглою силою на аристократію и жречество *).

Чѣмъ старше хуваракъ по своимъ лѣтамъ и по своему положенію въ ламайской іерархіи, тѣмъ онъ большимъ почетомъ пользуется даже со стороны хувараковъ. Напримѣръ, въ присутствіи бакши, гелюнги, гецюли и манджики должны стоять или сидѣть, но только на пяткахъ у порога. Вообще, среди хувараковъ строго соблюдается чиноначаліе. Манджики должны воздавать честь и уваженіе гецюлямъ, гецюли—гелюнгамъ, гелюнги—бакшамъ, бакши—ламамъ **).

Каждый изъ хувараковъ имѣетъ опредѣленное занятіе. Одни занимаются медициной, другіе учительствомъ, астрономіей и астрологіей. Медики называются эмчи, а живописцы — зурачи. Эмчи опредѣляютъ болѣзнь по уринѣ, по біенію пульса, по наружнымъ болячкамъ, а больше всего по гаданіямъ зурхачей или астрологовъ. Средствами лѣченія являются лѣкарства, діэта и различные хуралы или молитвословія съ заклинаніями. Лѣкарства они составляютъ изъ кореньевъ, цвѣтовъ, молочныхъ и мясныхъ продуктовъ. На ряду съ дѣйствительными средствами эмчи, по указанію зурачей, просто-на-просто морочатъ своихъ паціентовъ.

Во внутреннихъ болѣзняхъ, особенно трудныхъ, они приписываютъ причину болѣзни какой-либо цѣнной вещи больного, а потому совѣтуютъ пожертвовать ее

---

*) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки, стр. 40.
**) Тамъ же, стр. 41.

въ хурулъ, чтобы гелюнги совершили молебствіе о выздоровленіи больного. Въ болѣзняхъ упорныхъ и продолжительныхъ дѣло приписывается несчастному имени больного. Тогда больному дается новое имя, а кукла, получившая имя больного, сожигается съ приличными жертвоприношеніями и молитвословіями. Самымъ употребительнымъ маневромъ въ тяжкихъ болѣзняхъ служитъ то, что болѣзнь приписывается вредному дѣйствію злыхъ духовъ. Наглые эмчи часто увѣряютъ больного и его родственниковъ, что злые духи похитили душу больного, и что если больной еще дышитъ и живъ, то только потому, что въ немъ осталась животная жизнь, т. е., матеріальная душа; высшая же или духовная душа—„сюнюсю“—давно уже вышла. Чтобы возвратить бѣглянку сюнюсю, приглашенные гелюнги дѣлаютъ разнаго рода заклинанія до тѣхъ поръ, пока не настанетъ благополучный исходъ или по крайней мѣрѣ переломъ болѣзни. Если же больной умретъ, то изобрѣтательные на выдумки эмчи безъ всякаго стѣсненія увѣряютъ, что душѣ помѣшали возвратиться духи, убѣдивши ее съ полдороги возвратиться назадъ разными обманами и хитростями. Суевѣрные калмыки всему вѣрятъ и въ точности исполняютъ предписанія и совѣты своихъ врачей.

Зурачи занимаются рисованіемъ. Дѣятельность ихъ ограничивается рисованіемъ шутеновъ (изображеній) бурхановъ, буддъ, бодисатвъ, бакшей и тому подобныхъ священныхъ лицъ. Зурачи, какъ и эмчи, занимаясь своею спеціальностью, въ то же время состоятъ въ какомъ-либо жреческомъ достоинствѣ, т. е. бываютъ или гелюнгами, или гецюлями, или манджиками. Зурачи, какъ жрецы, должны участвовать при жреческомъ служеніи, но они въ большинствѣ случаевъ играютъ на музыкальныхъ инструментахъ.

Остальные хувараки занимаются или учительствомъ или астрономіей съ астрологіей. Первые называются

„бакши," а послѣдніе—„зурхачи". Въ лѣченіи отъ болѣзней бакши являются молитвенниками передъ бурханами, а зурхачи—гадателями или отгадчиками причины болѣзни.

Домъ каждаго гелюнга есть своего рода маленькая школа, въ которой учится отъ одного до десяти воспитаниковъ. Хурульное *) обученіе исключительно зиждется на изученіи номовъ, т. е., священныхъ книгъ буддизма. Такъ какъ номы написаны на тибетскомъ языкѣ, то обученіе начинается съ тибетскаго языка. Ученики называются манджиками, учатся съ 6 лѣтъ до 30 и болѣе. Каждый манджикъ изучаетъ спеціальность своего учителя, т. е., или зурхачество (астрономію съ астрологіей для ламайскихъ гаданій), или эмчество (врачеваніе), или зурачество (рисованіе), или харалы (служенія) съ гурумами (заклинаніями). Нѣкоторые изъ болѣе способныхъ манджиковъ, когда достаточно изучатъ свою спеціальность, начинаютъ изучать калмыцкій и монгольскій языки. Русскій языкъ въ составъ хурульнаго образованія не входитъ. Поэтому большинство хувараковъ совершенно незнакомы съ письменностію русскаго языка; если-же нѣкоторые изъ нихъ и знаютъ, то изучили ее случайнымъ образомъ **).

Такъ, калмыцкое духовенство является и привилегированнымъ сословіемъ среди калмыковъ, и высшими представителями ихъ религіи, и своего рода самыми просвѣщенными людьми среди калмыковъ, которые обращаются къ нимъ со всякими своими нуждами и вопросами.

Такимъ своимъ положеніемъ и вліяніемъ хувараки стараются пользоваться для религіозныхъ цѣлей, — для утвержденія ламаизма среди калмыковъ, для противодѣйствія православнымъ миссіонерамъ въ ихъ свя-

---

*) При хурулахъ, храмахъ калмыцкихъ.

**) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки, стр. 77—85.

той дѣятельности насажденія христіанства среди кочевыхъ насельниковъ калмыцкихъ степей. Въ такой своей дѣятельности калмыцкое духовенство не особенно разборчиво относительно средствъ и мѣръ, къ которымъ оно прибѣгаетъ для достиженія своихъ цѣлей. Клевета, интрига, хитрость, обманъ и даже насиліе,—все это пускается въ ходъ, лишь бы причинить вредъ миссіи, произвести дурное вліяніе на крещенныхъ калмыковъ, всякими правдами и неправдами дать торжество своимъ некрещеннымъ собратіямъ. Въ „отчетахъ Астраханскаго Епархіальнаго Комитета православнаго Миссіонерскаго общества“ за прошлые годы есть не мало поучительныхъ фактовъ враждебной дѣятельности калмыцкаго духовенства по отношенію къ религіозно-національному дѣлу русскаго православнаго миссіонерства среди калмыковъ. Остановимся нѣсколько на этихъ фактахъ, характеризующихъ отношеніе калмыцкаго духовенства къ облагодѣтельствовавшей ихъ Россіи.

Новокрещенные калмыки, какъ мало утвердившіеся въ православіи, больше всего терпятъ невзгодъ отъ хувараковъ, которые прилагаютъ особенное усердіе къ тому, чтобы обратить ихъ къ старой вѣрѣ.

Съ этою цѣлью гелюнги и другіе служители хурула часто приходятъ къ крещеннымъ калмыкамъ, вступаютъ съ ними въ продолжительныя бесѣды, напоминаютъ о своихъ праздникахъ и приглашаютъ ихъ къ себѣ. Особенно зорко слѣдятъ гелюнги за дѣйствіями миссіонеровъ въ дѣлѣ проповѣди евангелія калмыкамъ. Какъ только миссіонеръ поѣхалъ по хотонамъ, гелюнги сейчасъ-же слѣдуютъ за нимъ и разубѣждаютъ тѣхъ, которые склоняются принять христіанскую православную вѣру *).

Хотя крещенные калмыки кочуютъ, стараясь держаться отдѣльно отъ некрещенныхъ, но все-же есть много

*) Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости 1890 г., стр. 313.

такихъ кибитокъ, въ которыхъ нѣсколько членовъ крещенныхъ, остальные—некрещенные. Между тѣмъ въ каждомъ родѣ есть свои хурулы, которые при перекочевкѣ передвигаются вмѣстѣ съ родомъ. У крещенныхъ они постоянно навиду, и гелюнги не отказываются предпринимать мѣры своего духовнаго воздѣйствія не только на семьи смѣшанныя, но и, вообще, крещенныя.

Есть мѣстности, удобныя для пастбищъ и земледѣлія, излюбленныя крещенными, но и въ этихъ мѣстахъ есть постоянные хурулы и особенно вліятельные и ловкіе гелюнги. Таковъ хурулъ, напр., Салхалова рода, состоящій подъ управленіемъ бакши Баджи, въ Икицохуровскомъ улусѣ на Чилгирѣ, въ двухъ верстахъ отъ крещенныхъ калмыковъ.

Разсказываютъ, что этому хурулу было предписано удалиться съ этого мѣста, для чего, по разсказу здѣшнихъ крестьянъ, деревянное капище было сломано и продано, а потомъ, благодаря происканъ калмыцкаго духовенства, вновь было поставлено *) на этомъ-же мѣстѣ. Когда въ хурулѣ совершается служба съ своими неистовыми звуками трубъ, то крещенные калмыки, по старой привычкѣ, не рѣдко посѣщаютъ хурулъ.

Бакша этого хурула весьма вліятельный и ловкій человѣкъ. Онъ ухитряется находить себѣ приверженцевъ среди крещенныхъ калмыковъ и даже православныхъ русскихъ, чрезъ нихъ узнаетъ о настроеніи остальныхъ крещенныхъ и, смотря по обстоятельствамъ, принимаетъ мѣры. Всѣ крещенные калмыки очень бѣдны. Для привлеченія ихъ въ хурулъ бакша даетъ иногда крещеннымъ калмыкамъ завтраки, обѣды. Не поддающіеся убѣжденіямъ и ласкамъ бакши не избѣгаютъ интригъ и даже иногда попадаются въ острогъ. Бываютъ и такіе случаи: напоитъ бакша крещеннаго калмыка водкой, и

---

*) Въ 1885 г.

заставляетъ кланяться бурханамъ на посмѣхъ гелюнговъ и другихъ служителей хурула *).

Примѣру калмыцкаго духовенства слѣдуютъ некрещенные калмыки, и положеніе крещенныхъ часто бываетъ весьма тяжелымъ и бѣдственнымъ.

Крещенные калмыки, какъ скотоводы, такъ и тѣ, которые начали заниматься отчасти земледѣліемъ, живя и кочуя совмѣстно съ некрещенными, не могутъ не подвергаться со стороны послѣднихъ своего рода униженіямъ. Зайсанги не могутъ быть ими довольны, ибо крещенные освобождаются отъ податей въ ихъ пользу. Тѣмъ менѣе могутъ благоволить къ нимъ гелюнги. Отсюда, кромѣ разнаго рода стѣсненій въ пастбищахъ и сѣнокосѣ, зайсанги и гелюнги всѣми мѣрами стараются очернить крещенныхъ, выставлять ихъ, какъ воровъ, грабителей, вредныхъ для калмыцкаго народа. Нѣкоторые чиновники и русскіе охотно этому вѣрятъ. Но, во-первыхъ, такія явленія какъ угонъ скота, кража лошадей, барановъ, обычны всѣмъ, вообще, калмыкамъ безъ исключенія. Съ другой стороны, сильнѣйшая и вліятельнѣйшая часть некрещенныхъ всегда умѣетъ торжествовать и выходить чистою.

Сообщаютъ не мало случаевъ, когда некрещенные калмыки, укравши лошадь, подводятъ слѣдъ къ крещеннымъ, и неповинные крещенные высиживаютъ въ замкѣ; когда-же у крещенныхъ калмыковъ воруютъ некрещенные, то почти всегда остаются безнаказанными, хотя бы легко можно было открыть преступленіе. У чилгирскаго крещеннаго калмыка Михаила Полухина увели послѣднюю лошаденку, закованную въ кандалы. Понятые изъ русскихъ и калмыковъ прослѣдили слѣдъ къ кибиткѣ некрещеннаго калмыка, и Полухинъ подалъ заявленіе, куда слѣдуетъ, но удовлетворенія никакого не

*) Отчетъ Астраханскаго Миссіонерскаго Комитета за 1887 г., стр. 12—13.

получилъ. Вообще, крещенному калмыку трудно доискаться правды. У крещеннаго калмыка Егора Полухина, въ 1883 г., на истребленіе саранчи сожгли 440 копенъ сѣна, которыя онъ самъ покупалъ по 50 к. за копну,— и вотъ уже нѣсколько лѣтъ онъ все ходатайствуетъ объ удовлетвореніи за сѣно, но его просьба остается безъ послѣдствій, полагаю—присовокупляетъ повѣствователь—потому, что онъ крещенный *).

Въ иныхъ случаяхъ знатные калмыки, въ томъ числѣ и калмыцкое духовенство, не стѣсняются прибѣгать къ такимъ мѣрамъ воздѣйствія на крещенныхъ калмыковъ, какъ насиліе и даже убійство, и все для того, чтобы дать торжество некрещеннымъ надъ крещенными, чтобы унизить, опозорить послѣднихъ и этимъ оттолкнуть другихъ калмыковъ отъ принятія христіанства. Въ этомъ отношеніи поучительна судьба крещеннаго калмыка Романа Ковтунова, окрестившагося одновременно съ невѣстою своею калмычкою Екатериною Доржиновою. Обратимся за подробностями къ „Отчету Астраханскаго Епархіальнаго Миссіонернаго Общества“.

Калмыкъ Малодербетевскаго улуса, Ильдючинова рода, Зайсангы Сермакова, Чарнюшка Ункуровъ (или Башка), во святомъ крещеніи Романъ Даниловъ Ковтуновъ.

Чарнюшка еще въ дѣтствѣ лишился родителей язычниковъ, и по смерти ихъ съ 12 лѣтъ жилъ въ работникахъ у русскихъ людей. Живя у русскихъ, онъ научился хорошо говорить по русски, привыкъ къ русскимъ обычаямъ, нравамъ и, какъ заявилъ онъ миссіонеру предъ крещеніемъ, полюбилъ трудовую обезпеченную жизнь русскихъ. Съ своей стороны и русскіе любили Чарнюшку, какъ честнаго и трудолюбиваго парня; пріучали его къ разной работѣ и между прочимъ разсказывали объ Іисусѣ Христѣ, Его жизни и чудесахъ.

---

*) Отчетъ Астраханскаго Миссіонерскаго Комитета за 1887 г.

Слушая разсказы русскихъ о Богѣ и святыхъ Его, онъ рѣшился сдѣлаться христіаниномъ, но до времени скрывалъ свое намѣреніе частію потому, что еще не былъ совершеннолѣтнимъ, а частію потому, что встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны своихъ родственниковъ язычниковъ, преимущественно отъ старшаго брата, который, какъ полновластный господинъ въ семьѣ, по смерти отца ихъ, имѣлъ неограниченную власть надъ нимъ, малолѣтнимъ. Но когда ему минуло 20 лѣтъ и онъ сталъ жить самостоятельно, тогда онъ постарался осуществить свое давнишнее намѣреніе. Послѣ наставленія въ вѣрѣ миссіонеромъ, онъ принялъ крещеніе. Крещенъ Чарнюшка въ одинъ день съ калмычкой Кукой Васильевой Дорджиновою, своей невѣстой, дочерью крещеннаго калмыка Николая Михайленкова, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ крестился одинъ изъ своего семейства.

Женихъ и невѣста за 40 верстъ пришли въ Бислюрту, гдѣ и приняли святое крещеніе 28 ноября, при чемъ Чарнюшку названъ Романомъ, а Кука—Екатериною.

Судьба Романа и Екатерины оказалась необычною. Кука, по бѣдности отца, проживала болѣе у крестьянъ на заработкахъ, затѣмъ взялъ ее къ себѣ дядя, некрещенный калмыкъ Манджикъ. Лѣтомъ 1884 г. Манджикъ безъ согласія Куки просваталъ ее за некрещеннаго калмыка, брата гелюнга, думая породниться съ гелюнгомъ, что считается у простыхъ калмыковъ большимъ счастьемъ. Но Кука давно уже желала креститься и выдти за мужъ за крещеннаго, крестилась вмѣстѣ съ Чарнюшкою и рѣшилась выдти за него замужъ.

Сознаніе превосходства христіанства предъ ламайствомъ было у жениха съ невѣстою общимъ. Я, разсказывалъ Чарнюшка, бывалъ въ хурулѣ, но не понималъ, что читалъ гелюнгъ, и не зналъ, какъ мнѣ слѣдуетъ молиться. Былъ однажды боленъ; звали гелюнга. Гелюнгъ не помогъ мнѣ своими заклинаніями и нашептываніями, а телушку и тулупъ взялъ, какъ за какой-то

большой трудъ. Носилъ я нѣсколько лѣтъ бу *), но до сихъ поръ не понимаю его значенія. Я старался хоть немного узнать свою вѣру, но ни одинъ изъ гелюнговъ не удовлетворилъ моего желанія, говоря: „тебѣ, простому человѣку, безполезно знать свою вѣру, потому что духовенство само постоянно молится за тебя, если ты щедро жертвуешь на хурулъ“. Но слова гелюнга показались мнѣ не очень справедливыми, такъ какъ отъ русскихъ я слышалъ, что только знаніе Бога и исполненіе Его велѣній ведетъ человѣка къ будущему вѣчному блаженству. А потому у христіанъ даже дѣти знаютъ свою вѣру больше, чѣмъ каждый простой старый калмыкъ. Я, вмѣстѣ съ невѣстою своею, вѣрю теперь въ христіанскаго Бога и желаю жить по-христіански.

Оставалось Роману и Екатеринѣ послѣ крещенія вступить въ законный бракъ. Пока продолжался Рождественскій постъ, дѣлались приготовленія къ свадьбѣ 9 декабря въ Бислюртѣ случилась калмыцкая свадьба. Крещенный калмыкъ выдавалъ свою некрещенную дочь за некрещеннаго-же. На свадьбу приглашенъ былъ и Романъ съ невѣстою. Пиршество происходило ночью. Ни въ ту ночь, ни на другой день Романъ домой болѣе не возвращался и куда дѣвался, никто повидимому не зналъ. 12 декабря, въ бытность завѣдующаго калмыками по р. Манычу въ Бислюртѣ, явилась къ нему Екатерина и заявила, что 9 числа она была на свадьбѣ съ женихомъ своимъ крещеннымъ калмыкомъ Романомъ Ковтуновымъ у крещеннаго-же калмыка Буньчинъ Читынгова. Около полуночи между Ковтуновымъ и крещеннымъ калмыкомъ Мальце Джановымъ произошла ссора. Мальце Джановъ нанесъ ножемъ въ грудь Ков-

*) Бу—кожаный маленькій мѣшочекъ, въ которомъ зашита записка отъ гелюнга. Эту ладонку калмыки-язычники отъ мала до велика носятъ на шеѣ. При спросѣ о значеніи бу, калмыки отвѣчаютъ, что это то-же, что у христіанъ крестъ.

тунову рану и затѣмъ при помощи отца своего съ другими неизвѣстными ей лицами куда-то увезъ Ковтунова. Всѣ убѣждены, что убійство устроено бывшимъ женихомъ Куки, его родственниками и пріятелями. Основанія для такого убѣжденія довольно вѣски. Тотчасъ послѣ крещенія Романа, со стороны зайсанговъ и гелюнговъ начались противъ Романа разныя козни. Отъ зайсанга Музры Кормыкова подана жалоба завѣдующему по рѣкѣ Манычу на миссіонера, будто-бы онъ крестилъ Романа и Екатерину тайно и насильно. Отъ перваго жениха Екатерины заявлена жалоба о взысканіи съ Романа 150 рублей за убытки, понесенные имъ при сватаніи.

Романъ давалъ добровольно своему сопернику 5 скотинъ. Завѣдующій присудилъ ничего не давать, такъ какъ Екатерина выходила за мужъ по доброй волѣ. Зайсангскій сынъ Бембэ Бальзановъ, считающійся гелюнгомъ, но оффиціально только манджикъ, требовалъ Романа къ себѣ на судъ, хотя тотъ и не принадлежалъ къ его аймаку, требовалъ три раза съ угрозой. Мальце Джановъ, хотя и считается крещеннымъ, но съ давняго времени извѣстенъ по своему неодобрительному поведенію и способенъ быть орудіемъ злой мести. Исторія эта произвела весьма тягостное впечатлѣніе на всѣхъ крещенныхъ и надолго оттолкнула отъ св. церкви расположенныхъ креститься *).

Таковы нѣкоторые изъ фактовъ, наглядно рисующихъ враждебное отношеніе калмыцкаго духовенства къ крещеннымъ калмыкамъ, къ миссіи и миссіонерамъ, вообще, къ тѣмъ религіозно-національнымъ задачамъ и идеаламъ, носителями и проводниками которыхъ въ большинствѣ являются русскіе миссіонеры, сомоотверженно трудящіеся въ степяхъ и равнинахъ, гдѣ кочуютъ съ своими стадами жаждущіе Христова просвѣщенія калмыки-ламаиты!

*) Отчетъ Астраханскаго Православнаго Епархіальнаго Миссіонерскаго Общества за 1884 г., стр. 7—9.

VII.

Калмыцкіе праздники и посты, провожденіе ихъ калмыками вблизи хуруловъ.—Кюрде-буддійская молитвенница.—Благословеніе бакши.—Обряды и религіозныя церемоніи калмыковъ при рожденіи, свадьбѣ и похоронахъ.—Суевѣрія калмыковъ.—Способъ выраженія почтительности хуваракамъ отъ хара-улусъ.

Чтобы имѣть болѣе или менѣе ясное представленіе о томъ вліяніи и значеніи, которое имѣютъ на народъ хувараки, нужно обратить вниманіе на проявленія религіозной жизни калмыковъ, на ихъ религіозныя и житейскія нужды, за удовлетвореніемъ которыхъ они обращаются къ хуваракамъ.

Религіозная жизнь калмыка яснѣе всего проявляется въ дни мацаковъ и праздники. Каждый набожный калмыкъ въ эти дни считаетъ своею священною обязанностью провести время вблизи хуруловъ. Для этого они приходятъ къ вратамъ хурульной ограды и начинаютъ хожденіе вокругъ ограды хурула посолонь, распѣвая въ полголоса особую молитву. Этою молитвою они выражаютъ желаніе избавиться послѣ смерти отъ шести перерожденій, какъ-то: въ адскихъ жителей, биритовъ, скотовъ, людей, ассуріевъ (царство злыхъ духовъ) и тенгріевъ (царство добрыхъ духовъ). Вокругъ хурула ходятъ, сколько хочется, но во всякомъ случаѣ не менѣе трехъ разъ. Совершивъ кружевіе, молящіеся подходятъ къ кюрде и начинаютъ ее вертѣть. Кюрде — это буддійская молитвенница, которую если вертѣть, то можно молиться, не читая никакихъ молитвъ. Ибо, если повернуть кюрде хоть одинъ разъ, это значитъ прочитать молитвъ столько, сколько ихъ написано по бокамъ кюрде и сколька набито внутри кюрде на отдѣльныхъ лоскутахъ бумаги или полотна. Кюрде состоитъ изъ одного, или двухъ, или изъ трехъ, или даже изъ четырехъ цилиндровъ, утвержденныхъ на одной оси или стержнѣ. Внутри цилиндры переполнены молитвою, написанною на бумагѣ или на холстѣ на трехъ языкахъ: на тибетскомъ, монгольскомъ и калмыцкомъ.

Если сложить число написаній одной и той-же молитвы, то число ея бываетъ различно, но не менѣе 100 и не болѣе 1,000. По буддійскому ученію, если прочесть эту молитву 100.000,000 разъ, то можно сдѣлаться и въ крайнемъ случаѣ бодисатвой. По этому 1,000-я кюрде въ глазахъ калмыковъ ламаитовъ имѣетъ великое значеніе.

Вертятъ кюрде всѣ присутствующіе или молящіеся и приводятъ ее общими силами въ движеніе, подергивая за ремень. Вертятъ столько, сколько хватаетъ у нихъ терпѣнія и усердія. Во время верченія нѣкоторые въ полголоса продолжаютъ напѣвать таинственную молитву и перебираютъ четки. Послѣ сего они отправляются въ хурулъ. Лишь только они подойдутъ къ воротамъ ограды, становятся на колѣни, руки складываютъ ладонями вмѣстѣ и держатъ противъ сердца, а сами падаютъ на землю и въ то же время читаютъ молитву, въ которой высказываютъ, что они, кланяясь предъ вратами, кланяются бурханамъ: Шакъ-ямуни, Манзушири, Зенковѣ, и просятъ ихъ очистить себя отъ грѣховъ тѣлесныхъ и душевныхъ (прижатіе рукъ къ сердцу), за что они приносятъ имъ въ жертву цвѣтокъ Падму (сложенныя ладони) и готовность исполнить всѣ повелѣнія (паденіе ницъ), возстаніе-же означаетъ полную надежду, что при помощи этихъ буддъ вполнѣ можно спастись отъ орчиланга (міра переселеній) и переселиться въ блаженное царство Сухавади или неизреченную нирвану и такимъ образомъ соединиться съ буддами-бурханами, въ знакъ чего прикладываются лбомъ ко вратамъ. То-же они повторяютъ, вошедши въ хурулъ, предъ бурханами, которыми бываетъ переполненъ всякій хурулъ и которые стоятъ на особой полкѣ, придѣланной къ стѣнѣ противъ входа. Изъ хурула молящіеся калмыки отправляются въ домъ бакши, что-бы получить отъ него благословеніе. Бакша благословляетъ правой рукой, касаясь головы благо-

словляемыхъ и въ то-же время играетъ въ шахматы, такъ что его рука совершенно механически скользитъ по головамъ благословляемыхъ. Но это нисколько не смущаетъ калмыковъ. Они весьма высоко чтутъ благословеніе бакши. Вслѣдствіе этого бакша, чтобы не лишить благословенія и отсутствующихъ, посылаетъ имъ лоскутки бумаги съ изображеніемъ бурхана Амитабы или-же съ символическимъ начертаніемъ шестисложной молитвы за своимъ подписомъ.

Получивши благословеніе, калмыкъ снова приходитъ къ кюрде и начинаетъ ее вертѣть обычнымъ порядкомъ до тѣхъ поръ, пока это не наскучитъ ему. Этимъ и оканчивается его молитвословіе и пребываніе въ хурулѣ во дни мацаковъ и праздниковъ. Тѣ калмыки, которые не могли явиться въ хурулъ въ означенные дни, проводятъ время въ обычныхъ занятіяхъ, только время отъ времени вертятъ кюрде, которая должна быть въ каждой кибиткѣ. Если-же и это наскучитъ, то они придѣлываютъ къ кюрде вѣтряную мельницу и ставятъ кюрде около кибитки на особомъ шестѣ, вслѣдствіе чего кюрде начинаетъ вертѣть вѣтеръ. Но и это, по буддійскому ученію, равносильно тому-же, какъ если-бы кюрде вертѣлъ самъ человѣкъ. Слѣдовательно, по воззрѣнію ламаитовъ, можно молиться, не молясь *).

Говоря о молэніяхъ калмыковъ, считаемъ достойнымъ вниманія привести въ русскомъ переводѣ одну буддійскую молитву, являющуюся чѣмъ-то вродѣ нашего символа вѣры, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ перечисленіе всѣхъ основныхъ догматовъ, на которыхъ зиждется религіозная система буддизма. Молитва такого рода естественно должна находить для себя большое употребленіе; и дѣйствительно, по словамъ профессора Позднѣева, ее можно слышать не только при каждомъ богослуженіи, списокъ ея можно находить не только у

*) I. Меѳодій. Калмыки, стр. 92—5.

каждаго гелюнга, но и почти въ домѣ каждаго простолюдина. На монголо-калмыцкомъ языкѣ она озаглавливается „образъ исповѣданія вѣры“ и читается такъ:

„Вѣрую въ величественнѣйшихъ и святѣйшихъ ламъ, которые послужили основою для всякихъ добродѣтелей (происходящихъ отъ) тѣла, языка и мысли моихъ собственныхъ, предковъ моихъ, всѣхъ одушевленныхъ существъ, населяющихъ небо и всѣхъ буддъ десяти странъ и трехъ временъ;—въ ламъ, бывшихъ споспѣшниками въ распространеніи 84,000 отдѣловъ священнаго ученія и послужившихъ главнымъ первообразомъ, корнемъ и основою для всѣхъ хутухтъ и хувараковъ.

Вѣрую въ Будду.

Вѣрую въ священное ученіе.

Вѣрую въ духовенство.

Вѣрую во всѣ сонмы и собранія религіозно-буддійскія.

Вѣрую въ одаренныхъ очами премудрости, сохраняющей высокознаменательную вѣру.

Вѣрую въ Будду и въ представителей соборовъ, какъ въ святыхъ.

О если-бы мнѣ для пользы одушевленныхъ существъ, сдѣлаться Буддою въ награду за свою милостыню и тому подобныя (добрыя) дѣла! (читается трижды).

Вѣрую въ три сокровища.

Раскаяваюсь во всѣхъ грѣхахъ вообще и въ каждомъ отдѣльно.

Служа и сорадуясь благу одушевленныхъ существъ, содержу въ сердцѣ своемъ Будду и божествъ.

Для лучшаго устроенія блага собственнаго и чужого полагаю въ основу (своей дѣятельности) святыя мысли.

О если-бы мнѣ, послѣ того какъ рѣшусь я положить въ своей душѣ начало святымъ мыслямъ, оказывать привѣтъ и сочувствіе всѣмъ живымъ существамъ, а когда въ сердцѣ моемъ всецѣло водворится святость

сдѣлаться Буддою, для блага одушевленныхъ существъ! (читается трижды).

Да обладаютъ всѣ одушевленныя существа благоденствіемъ и причинами благоденствія!

Да освободятся всѣ одушевленныя существа отъ сильныхъ и несильныхъ страстей и вспышекъ и да пребываютъ равнодушными!

Да исполнятся всѣ одушевленныя существа того благоденствія, въ которомъ нѣтъ страданій! (читается трижды).

Поклоняюсь тому, который отрѣшился отъ вещественныхъ связей, не имѣетъ вида и перерожденій, ни бренетъ, ни вѣчентъ, ни прибываетъ и ни отбываетъ, не отличается свойствами ни различными, ни исключительными, единственными, который довелъ себя до наслажденія миромъ глубокимъ, блаженствомъ безопаснымъ, который есть Будда совершеннѣйшій и большій того, что о немъ сказано.

Поклоняюсь тому, который руководитъ къ миру нуждающихся въ мирѣ гираваковъ, который всезнаніемъ помогаетъ какъ единодушнымъ существамъ, такъ и всему прочему; который вѣдѣніемъ путей созидаетъ благо міровъ, который составляетъ основу не только сонма всесовершенныхъ, могущественныхъ и разнообразно просвѣщенныхъ гираваковъ и бодисатвъ, но и буддъ.

Поклоняюсь тому, который разрѣшаетъ сѣти сомнѣній и, обладая многообъятнымъ тѣломъ, посредствомъ лучей самади (созерцанія) исходитъ изъ всего.

Ты, который составляешь всегдашнее упованіе всѣхъ живыхъ существъ, Будда, побѣждающій несмѣтныя полчища шимнусовъ, истинно знающій всѣ предметы, гряди въ царство, гдѣ соединяются друзья совершенства!

Какъ я омываю статуи (духовъ) по мѣрѣ принятія ими на себя другого (неблагообразнаго) вида, такъ посредствомъ омовенія святою водою, чту лики святѣйшаго Будды.

О если бы мнѣ, за что я благоговѣйно одѣлъ въ божественную хламиду алмазный ликъ бурхана Абиды, пріобрѣсти неразрушимое тѣло!

О если бы за приношеніе лику Будды куренія, земного благовонія, цвѣтовъ, украшеній въ видѣ четырехъ двиновъ, горы Сумэру, солнца и луны всѣ одушевленныя существа водворились въ святѣйшемъ царствѣ!“ *).

Самостоятельными моленіями и молитвословіями калмыки не ограничиваются. Нерѣдко они приглашаютъ хувараковъ въ свои кибитки для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ.

Хуваракамъ изъ гелюнговъ весьма часто приходится совершать разныя религіозныя молитвословія по желанію своихъ духовныхъ чадъ, такъ какъ всѣ важнѣйшія событія въ жизни калмыка-мірянина освящаются молитвословіями гелюнга. Особенно важны молитвословія при рожденіи, свадьбѣ и похоронахъ.

Въ теченіе перваго мѣсяца по рожденіи ребенка въ какой-нибудь назначенный для этого день совершается „хюсель аршалаху“. Гелюнгъ, омочивъ палецъ лѣвой руки въ „гойгыйнъ-усу“ **), трижды мажетъ ротикъ ребенка и обмываетъ голову и лицо дитяти, въ знакъ того, что новорожденному прощаются грѣхи прежнихъ переселеній. Имя дается по „гаракамъ“ или созвѣздіямъ. Въ то же время надѣвается на шею „бу“.

Свадьба совершается въ кибиткѣ, по большей части, новой. Для этого у порога разстилается коверъ; поверхъ ковра стелется „ширдыкъ“ или бѣлый войлокъ безъ всякихъ украшеній; за „ширдыкомъ“ ставится столикъ съ бурханами; подлѣ столика садится гелюнгъ; въ жертву приносится „шага-чимгенъ“ (баранья лопатка). Во

*) Отчетъ Астраханскаго Миссіонерскаго Комитета за 1887 г., стр. 46—8.

**) Освященная гелюнгомъ посредствомъ дуновенія и плюновенія при чтеніи особой молитвы жидкость, состоящая изъ молока, воды и благовонныхъ травъ.

время вѣнчанія молодые становятся на коверъ, а гелюнгъ даетъ имъ въ руки „шага-чимгенъ“ и читаетъ молитвы. Вѣнчаніе кончается тѣмъ, что гелюнгъ касается головы брачущихся шутеномъ бурхана.

Покойника хоронятъ слѣдующимъ образомъ. Омывать покойника не дозволяется, но вмѣняется въ обязанность одѣть его прилично, закрыть лицо и положить на правый бокъ такъ, чтобы правая рука находилась подъ головою, а лѣвая—лежала на лѣвомъ бедрѣ. Лѣвая нога должна быть нѣсколько согбена, а правая—вытянута, какъ струна.

Поза эта весьма важна въ глазахъ калмыковъ, потому что такъ умеръ самъ Шакъ-ямуни. Въ извѣстный день, опредѣленный зурхачемъ, является гелюнгъ и читаетъ особыя молитвы, въ которыхъ призываетъ духовъ, чтобы они облегчили покойнику доступъ въ райскія обители, и кладетъ въ лѣвую руку „сю“. „Сю“ есть изображеніе магнуса, который, по вѣрованію буддистовъ, бываетъ проводникомъ души того человѣка, который похороненъ съ „сю“. Послѣ этого они выносятъ покойника на бѣломъ войлокѣ и зарываютъ въ могилѣ лицомъ на западъ *).

Калмыки обращаются къ хуваракамъ и тогда, когда встрѣчаются различныя недоумѣнія въ ихъ житейскомъ быту.

Вся природа представляется калмыку фантастическимъ міромъ, переполненнымъ различными миѳическими духами, которые или благодѣтельствуютъ человѣку, или же вредятъ ему. Поэтому при всякомъ счастьи или несчастьи калмыки спѣшатъ при помощи гадателей узнать, отъ какого духа это произошло. Сообразно съ указаніемъ гадателя они и поступаютъ. Бурю, засуху и прочія бѣдствія они надѣются отвратить при помощи дарцоковъ (лоскутковъ матеріи съ

*) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки, стр. 96—8.

іероглифическими изображеніями и таинственными молитвами). Чтобы ни сказали зурхачи, калмыкъ постарается исполнить.

Разсказываютъ, что одинъ зурхачъ подъ пьяную руку сказалъ калмыку, у котораго палъ скотъ, чтобы онъ зарѣзалъ бѣлую лошадь и сжегъ кости ея, а пепелъ съѣлъ, что тотъ и исполнилъ въ точности,—и умеръ *).

При такомъ значеніи хувараковъ въ жизни калмыковъ, не удивительно, что калмыки почитаютъ ихъ наравнѣ съ цаганъ-йясынъ.

Калмыкъ-простолюдинъ (хара-улусъ) относится съ большимъ почтеніемъ и уваженіемъ къ цаганъ-йасынъ и къ хуваракамъ. Если простолюдинъ встрѣтитъ на улицѣ нойона или зайсанга, то онъ останавливается и прикладываетъ правую руку ко лбу; если нойонъ или зайсангъ ѣдетъ на конѣ, то калмыкъ постарается остановиться и простоять до тѣхъ поръ, пока его патронъ не проѣдетъ мимо. Если простолюдину случится войти въ домъ кого-либо изъ цаганъ-йасынъ, то онъ войдетъ не иначе, какъ съ правой стороны кибитки, хотя бы ему пришлось обойти кругомъ почти всю кибитку. Вошедши въ жилище, онъ становится на корточки, складываетъ руки на груди, касается лбомъ края одежды хозяина дома; нойонъ же или зайсангъ дотрогивается до плеча вошедшаго въ домъ,—чѣмъ и оканчивается обычное привѣтствіе. Такимъ же почетомъ чествуются и хувараки со стороны хара-улусъ и даже цаганъ-йасынъ, особенно высшіе чины жречества: бакши и гелюнги, которые привѣтствующимъ ихъ преподаютъ благословеніе рукой или книгой **).

---

*) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки, стр. 73.
**) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки, стр. 40—41.

VIII.

Обстоятельства, благопріятствовавшія распространенію христіанства среди калмыковъ.—Правительственныя преобразованія, распоряженія свѣтской и духовной власти, направленныя къ улучшенію быта калмыковъ, къ развитію среди нихъ началъ русской гражданственности и христіанства. — Природныя черты характера калмыковъ, благопріятствующія дѣлу миссіонерства среди нихъ.

Говоря о распространеніи христіанства среди калмыковъ, слѣдуетъ съ благодарностью остановиться на тѣхъ обстоятельствахъ, которыя благопріятны дѣлу миссіи. Къ числу такихъ обстоятельствъ нужно отнесть: преобразованія, произведенныя правительствомъ въ быту и жизни калмыковъ, распоряженія свѣтской и духовной власти, направленныя къ улучшенію условій жизни калмыковъ, и нѣкоторыя природныя качества калмыковъ, благопріятствовавшія распространенію среди нихъ православія и началъ русской гражданственности.

Къ благодѣтельнымъ преобразованіямъ въ жизни калмыковъ нужно отнести: учрежденіе улуснаго управленія, устройство особаго комитета „для завѣдыванія Высочайше утвержденнымъ вспомоществованіемъ каждому калмыку, для руководства ихъ въ веденіи хозяйства, и отведенной землей“ и освобожденіе калмыковъ отъ власти нойоновъ и зайсанговъ.

Такъ какъ въ вѣдѣніи главнаго пристава находились не одни только калмыки, но и другіе инородцы Ставропольской губерніи, какъ-то: татары, ногайцы, караногайцы, трухмены и пр., то въ помощь ему для непосредственнаго управленія Большедербетевскимъ улусомъ было учреждено улусное управленіе, которое до 1875 года находилось въ урочищѣ „Дудаки“, а съ 1875 года переведено въ село „Ивановское“, гдѣ находится и по настоящее время. Во главѣ улуснаго управленія стоялъ русскій чиновникъ съ званіемъ „попечителя улуса“. Полный составъ улуснаго управленія состоялъ изъ 7 человѣкъ: 1) попечителя улуса; 2) его

помощника; 3) письмоводителя; 4) переводчика; 5) толмача; 6) владѣльца-нойона улуса; 7) опекуна улуса.

Первые трое должны быть русскіе, а послѣдніе двое—калмыки. Улусное управленіе главнымъ образомъ вѣдало административныя дѣла *).

Этимъ преобразованіемъ обезпечена была возможность значительнаго вліянія русскаго эламента на административныя дѣла калмыковъ и ихъ жизнь.

Еще болѣе было благодѣтельнымъ, особенно для крещенныхъ калмыковъ, учрежденіе **) особаго комитета „для завѣдыванія Высочайше утвержденнымъ вспомоществованіемъ каждому калмыку, для руководства ихъ въ веденіи хозяйства, и отведенной землей".

„Комитетъ долженъ состоять изъ миссіонера, его сотрудника, попечителя улуса, двухъ крещенныхъ калмыковъ и одного арендатора. Операціи комитета: 1) уплата денегъ за пріобрѣтенные для крещенныхъ калмыковъ дома и имущество для хозяйственнаго заведенія и веденіе отчетовъ по этому предмету; 2) руководство крещенныхъ калмыковъ, какъ неопытныхъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, въ веденіи сего послѣдняго; 3) распредѣленіе земель, поступающихъ въ пользованіе калмыковъ; 4) надзоръ и руководство въ дѣлѣ производства общественныхъ запашекъ; 5) образованіе запаснаго хлѣбнаго магазина и надзоръ за правильнымъ дѣйствіемъ онаго". Несмотря на свое кратковременное существованіе, комитетъ успѣлъ многое сдѣлать для улучшенія быта крещенныхъ калмыковъ ***).

Наконецъ, освобожденіе калмыковъ отъ власти нойоновъ и зайсанговъ, происшедшее при Императорѣ Александрѣ III, уничтожило одно изъ существенныхъ препятствій къ насажденію православія среди калмыковъ.

---

*) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки, стр. 10.
**) Съ 1891 года.
***) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки, стр. 13.

Ибо давно извѣстно, что нойоны и зайсанги сильно тормозили дѣла миссіи, всячески удерживая своихъ подчиненныхъ сородичей отъ принятія христіанства изъ своекорыстныхъ цѣлей. Этимъ, между прочимъ, отчасти объясняется малоуспѣшность православной миссіи среди калмыковъ за весь періодъ почти двухсотъ-лѣтняго обитанія ихъ въ Россіи. Монаршее повелѣніе торжественно было объявлено калмыкамъ Большедербетевскаго улуса въ урочищѣ „Байшанта“ 12 іюля 1892 года *).

Утвержденію среди калмыковъ началъ гражданственности, а, слѣдовательно, и условій, благопріятныхъ для дѣла миссіонерства, много способствовали распоряженія свѣтской власти, направленныя къ ограниченію хищничества и грабежей среди калмыковъ.

Для предупрежденія хищническихъ вторженій, для огражденія проѣзжающихъ по дорогѣ, для соблюденія тишины и для преслѣдованія воровъ въ 1861 году было сформировано 4 пикета. Въ каждомъ пикетѣ было по 11 калмыковъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ имѣть свою лошадь и прочую аммуницію. Калмыки назначались по очереди подъ завѣдываніемъ благонадежныхъ изъ улусной ставки казаковъ. Съ цѣлью-же прекращенія грабежей, совершаемыхъ калмыками большею частью съ оружіемъ въ рукахъ, ставропольскій губернаторъ въ 1869 г. предписалъ главному приставу принять мѣры, чтобы калмыки не носили при себѣ оружія. По этому предписанію оружіе было отобрано отъ всѣхъ калмыковъ и тогда-же было передано въ Губернское Правленіе. Въ 1882 году калмыкамъ было запрещено носить при себѣ даже холодное оружіе. Въ виду того, что калмыки и послѣ сего продолжали воровать, ставропольскій губернаторъ Н. Г. Никифораки, отъ 26 октября 1891 года, постановилъ: 1) „объявить всѣмъ зайсангамъ и управляющимъ аймаками, что при повтореніи случаевъ

*) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки, стр. 14.

хищничества и конокрадства подвѣдомыми имъ калмыками, хотя-бы и безъ уликъ, необходимыхъ для судебнаго разбирательства, зайсанги и старшины, виновные въ пособничествѣ или укрывательствѣ хищниковъ и конокрадовъ и даже въ слабомъ надзорѣ за подвѣдомственными имъ калмыками, будутъ немедленно заключаемы подъ стражу, а затѣмъ ссылаемы въ Сибирь административнымъ порядкомъ; 2) калмыковъ, занимающихся хищничествомъ, взять подъ надзоръ полиціи при ставкѣ; 3) учредить временную команду изъ калмыцкихъ стражниковъ для предупрежденія совершенія калмыками Малодербетевскаго улуса разныхъ грабежей и отгоновъ скота изъ Ставропольской губерніи; 4) установить по улусу разъѣзды изъ стражниковъ и калмыковъ, обративъ вниманіе на мѣстности, пограничныя и считающіяся безпокойными, и 5) замѣченныхъ раньше въ дурномъ поведеніи лицъ собрать, по возможности, въ хотонахъ, расположенныхъ вдали отъ границъ, стараясь пріискать или указать такимъ способъ къ снисканію заработковъ“ *).

Духовныя власти съ своей стороны предпринимали энергичныя мѣры для насажденія и развитія христіанства среди калмыковъ. Вообще, заботы духовенства были направлены, съ одной стороны, на учрежденіе миссіонерскихъ становъ, построеніе церквей и школъ, на переводы священнаго писанія и различныхъ душеполезныхъ книгъ на калмыцкій языкъ, на разъѣзды миссіонерскіе по калмыцкимъ степямъ; съ другой—простирались на ограниченіе вліянія хувараковъ и возможное сокращеніе хуруловъ, какъ представителей и очаговъ ламаизма и упорнаго сопротивленія распространенію началъ русской гражданственности среди калмыковъ. Великую помощь духовенству въ дѣлѣ миссіонерства оказали: Ставропольское Андреевское Братство и Астраханскій Миссіонерскій Комитетъ.

*) Іеромонахъ Меѳодій. Калмыки, стр. 11—12.

Такъ какъ калмыки Большедербетевскаго улуса время отъ времени принимали христіанство, то Андреевское Ставропольское Братство съ перваго момента своего существованія (съ 1873 года) обратило свое просвѣтительное вниманіе и по настоящее время не перестаетъ заботиться о просвѣщеніи калмыковъ свѣтомъ евангельскаго ученія. Для приготовленія опытныхъ миссіонеровъ, по ходатайству Андреевскаго Братства, Св. Синодъ разрѣшилъ открыть въ 1874 году каѳедру калмыцкаго языка при Ставропольской духовной семинаріи. На эту каѳедру былъ опредѣленъ одинъ изъ преподавателей мѣстной семинаріи, К. С. Розовъ, съ платою за труды по 100 р. въ годъ. Въ виду того, что семилѣтній опытъ не оправдалъ возлагаемыхъ надеждъ на открытую каѳедру (въ теченіе 7 лѣтъ не вышло ни одного миссіонера изъ воспитанниковъ семинаріи), Святѣйшій Синодъ, по представленію преосвященнаго Германа, нашелъ удобнымъ закрыть каѳедру калмыцкаго языка при Ставропольской семинаріи, предписавъ, указомъ за № 312 1881 года, затрачиваемыя суммы обратить на миссіонерскую дѣятельность среди калмыковъ. Тѣмъ не менѣе Розовъ, за время своего преподавательства, успѣлъ составить каталогъ книгъ, трактующихъ о калмыкахъ и буддизмѣ, самъ написалъ статью: „О калмыкахъ“ *); разсмотрѣлъ Евангеліе отъ Матѳея, переведенное на калмыцкій языкъ однимъ изъ крещенныхъ калмыковъ Иваномъ Шегеденовымъ, бывшимъ воспитанникомъ Астраханской духовной семинаріи, и нашелъ означенный переводъ „вульгарнымъ“, а поэтому необходимымъ къ исправленію; вслѣдствіе чего Совѣтъ Андреевскаго Братства постановилъ въ засѣданіи отъ 13 марта 1877 года въ лѣтнія каникулы вызвать Шегеденова въ Ставрополь для личныхъ указаній со стороны г. Розова (протоколы Андреевскаго Братства за 1877 г.).

---

*) Статья напечатана въ Кавказскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Потерявъ надежду имѣть миссіонера изъ среды мѣстнаго духовенства, Андреевское Братство неоднократно приглашало уже извѣстныхъ миссіонеровъ для проповѣднической дѣятельности среди калмыковъ *).

Подобно Ставропольскому Андреевскому Братству, и Астраханскій Епархіальный Комитетъ православнаго Миссіонерскаго Общества много потрудился въ дѣлѣ миссіонерства среди астраханскихъ калмыковъ. Призванный къ дѣятельности еще въ 1870 году, Астраханскій Комитетъ продолжаетъ и теперь свою многополезную просвѣтительную дѣятельность среди калмыковъ, проповѣдуя среди нихъ слово Божіе, ограждая ихъ отъ вліянія ламаитскаго духовенства, созидая храмы и школы, содѣйствуя по возможности закрытію и сокращенію количества хуруловъ среди калмыковъ.

И въ настоящее время, какъ въ прежніе годы, центромъ просвѣтительной дѣятельности миссіи въ Астраханскихъ калмыцкихъ степяхъ являются миссіонерскіе станы: Ноинъ-Ширенскій, Чилгирскій и Уланъ-Эргенскій съ приписною церковью на урочищѣ Яшкуль. Всѣ эти миссіонерскіе станы имѣютъ свои, хотя деревянные храмы, снабженные всѣми необходимыми принадлежностями, а равно и приличныя помѣщенія для миссіонеровъ и ихъ помощниковъ. Заботясь о возможномъ благолѣпіи православныхъ храмовъ, Астраханскій Епархіальный Комитетъ преслѣдуетъ и просвѣтительныя цѣли; въ этихъ видахъ онъ заводитъ школы. Въ 1898 году въ вѣдѣніи комитета было пять миссіонерскихъ школъ среди калмыковъ: одна въ г. Астрахани крещено-калмыцкая двухклассная школа-пріютъ, три при миссіонерскихъ станахъ и одна въ имѣніи зайсангши Кутузовой „Амта Бургуста“ **).

---

*) Іеромонахъ Меѳодій; Калмыки, стр. 12—13.

**) Отчетъ Астраханскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1898 г., стр. 17.

Воспитанники этихъ калмыцкихъ миссіонерскихъ школъ, подъ руководствомъ миссіонеровъ, не рѣдко являются помощниками ихъ, способными и полезными для миссіонерства тружениками, близкими степнякамъ, ихъ сородичамъ, по языку и понятіямъ.

Неудивительно поэтому, что Астраханскій Миссіонерскій Комитетъ, съ упованіемъ взирающій на крещено-калмыцкую школу, какъ разсадникъ дѣятельности силъ миссіи, радуется, что ожиданія его начинаютъ сбываться, и надѣется, что воспитанники этой школы, качественно благонадежные, въ будущемъ несомнѣнно составятъ объединенное одними и тѣми же интересами братство не требовательныхъ и родныхъ степи труженіковъ, надлежаще подготовленныхъ къ дѣлу миссіи. Радость комитета тѣмъ болѣе усугубляется, что до открытія такой школы Астраханская инородческая миссія замѣтно страдала отсутствіемъ подготовленныхъ къ миссіонерской дѣятельности лицъ и не имѣла твердой и устойчивой организаціи *).

Говоря о просвѣтительной дѣятельности Астраханскаго Миссіонерскаго Комитета, слѣдуетъ упомянуть о трудахъ его по переводу на калмыцкій языкъ священныхъ и религіознаго содержанія книгъ. Къ сожалѣнію приходится убѣждаться, что даже въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ переводъ книгъ священнаго писанія на калмыцкій языкъ, нужно было считаться съ всевозможнаго рода проволочками, длинной канцелярской перепиской и съ равнодушіемъ иныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Прекрасною иллюстраціей въ этомъ отношеніи можетъ служить переводъ протоіерея о. Пармена Смирнова. Протоіерей о. Парменъ Смирновъ перевелъ на калмыцкій языкъ:

1) Евангелія на дни воскресные, двунадесятыхъ праздниковъ и высокоторжественные, которыя положено читать на литургіяхъ.

*) Отчетъ Астрах. Комитета за 1898 г., стр. 10.

2) Краткій Православный Катехизисъ.

3) Краткую священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта.

4) Житіе свят. Николая Чудотворца.

Переводы эти преосвященнымъ Θеогностомъ представлены были въ Св. Синодъ, а Синодомъ переданы на разсмотрѣніе въ факультетъ восточныхъ языковъ при с.-петербургскомъ университетѣ. Факультетъ поручилъ разсмотрѣніе переводовъ исправлявшему должность экстраординарнаго профессора Голстунскому, который нашелъ, что переводъ требуетъ тщательнаго пересмотра и не иначе, какъ: а) въ Астрахани, б) при пособіи Комитета изъ самаго переводчика о. Пармена Смирнова и священника Здравосмыслова, природнаго калмыка, или другихъ лицъ по назначенію Епархіальнаго Начальства, и в) если самому оказано будетъ пособіе на проѣздъ въ Астрахань и прожитіе въ немъ. Г. Голстунскій присовокупляетъ, что онъ по случаю командировки въ калмыцкія степи Астраханской и Ставропольской губерній имѣетъ возможность посѣтить Астрахань и заняться исправленіемъ при вышеупомянутыхъ условіяхъ перевода. Обо всемъ прописанномъ г. Голстунскимъ Св. Синодъ отъ іюня 1879 г. за № 2208, давая знать преосвященному Герасиму, бывшему епископу астраханскому, и возвращая самые отлитографированные экземпляры перевода, предписалъ учредить согласно съ мнѣніемъ г. Голстунскаго комиссію, и г. Голстунскому выдать 400 руб. изъ капитала на распространеніе православія между язычниками имперіи.

Комиссія учреждена изъ о. Пармена Смирнова и о. Михаила Здравосмыслова, при участіи г. Голстунскаго, и 4 іюля 1879 г. открыла свои засѣданія. Г. Голстунскій письмомъ отъ 25 іюля 1879 г. увѣдомилъ преосвященнаго Герасима, что переводы пересмотрѣны и исправлены, и что для представленія ихъ Св. Синоду въ исправленномъ видѣ необходимо переписать, что и поручено

о. Пармену Смирнову. 22 февраля 1880 г. протоіерей Смирновъ заявилъ епархіальному начальству, что онъ, переписавъ 52 евангельскихъ чтенія въ исправленномъ видѣ, по болѣзни глазъ не можетъ переписывать остальные исправленные переводы.

Представляя какъ переписанныя, такъ и не переписанныя имъ евангелія, о. Парменъ присовокупилъ, что остальные переводы: св. исторія, катехизиса, и житія святителя Николая находятся у г. Голстунскаго. Епархіальное начальство отъ 2 декабря 1880 г. препроводило рукопись и отлитографированный экземпляръ перевода евангелій къ г. Голстунскому и просило его сдѣлать распоряженіе о перепискѣ сихъ переводовъ при факультетѣ восточныхъ языковъ. Отъ 7 января 1882 г. профессоръ Голстунскій увѣдомилъ консисторію, что на факультетѣ восточныхъ языковъ нѣтъ такихъ лицъ, коимъ возможно было бы поручить переписку калмыцкихъ переводовъ богослужебныхъ книгъ, а есть таковыя въ г. Астрахани, какъ главномъ центрѣ калмыцкаго управленія, въ вѣдѣніи котораго имѣется калмыцкое училище съ учениками изъ природныхъ калмыковъ и переводчики и учитель калмыцкаго языка. Проф. Голстунскій присовокупляетъ при этомъ, что предварительно изданія переводовъ, необходимо выяснить и разрѣшить вопросъ: сознается ли епархіальнымъ начальствомъ настоятельная надобность и необходимость въ изданіи нѣкоторыхъ богослужебныхъ и духовно-православныхъ книгъ на калмыцкій языкъ, какъ для примѣненія таковыхъ къ совершенію и исполненію требъ въ походно-улусной церкви, такъ и для распространенія ихъ между крещенными калмыками съ цѣлью ознакомленія съ истинами христіанской религіи и утвержденія въ нихъ сознательнаго отношенія къ усвоенію нравственныхъ началъ. На рѣшеніи этого принципіальнаго вопроса должно быть основано все изданіе будущихъ переводовъ. Если этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ въ утвердительномъ

смыслѣ, какъ онъ рѣшенъ по отношенію къ бурятамъ въ Сибири, тогда долженъ быть поставленъ на разрѣшеніе вопросъ: переводы какихъ именно книгъ будутъ признаны необходимыми? По мнѣнію его, проф. Голстунскаго, необходимо перевести на калмыцкій языкъ слѣдующія книги: 1) евангеліе, 2) требникъ, 3) молитвословъ, 4) краткій катехизисъ, куда бы вошли объясненіе молитвы Господней, заповѣдей и Символа вѣры, 5) краткую исторію Новаго Завѣта и 6) житіе св. Николая Чудотворца, который особенно почитается среди бурятъ и калмыковъ. Затѣмъ, продолжаетъ г. Голстунскій, необходимо разрѣшить вопросъ: въ какомъ видѣ должны быть изданы эти книги, т. е. должно ли ихъ отпечатать или литографировать? Если всѣ эти вопросы будутъ разрѣшены епархіальнымъ начальствомъ въ утвердительномъ смыслѣ, тогда, чтобы упрочить и обезпечить дѣло изданія переводовъ, необходимо войти съ особымъ представленіемъ въ Св. Синодъ для испрошенія на то разрѣшенія, съ отпускомъ необходимыхъ средствъ на веденіе такого дѣла. При такой постановкѣ всего дѣла, онъ, Голстунскій, готовъ будетъ принять участіе въ качествѣ рецензента и издателя переводовъ, готовъ даже посвятить свой трудъ и составленію переводовъ указанныхъ книгъ въ сотрудничествѣ съ протоіереемъ Смирновымъ, который положилъ начало такимъ переводамъ. Въ заключеніе проф. Голстунскій проситъ, по обсужденіи его настоящаго предложенія, не отказать ему въ сообщеніи того рѣшенія, которое можетъ послѣдовать со стороны епархіальнаго начальства.

Комитетъ, которому сообщено консисторіею сіе предложеніе, пришелъ къ заключенію, что прежде всего необходимо переписать существующіе и исправленные переводы, почему и постановилъ: покорнѣйше просить профессора Голстунскаго возвратить въ комитетъ имѣющіеся у него переводы, принадлежащіе протоіерею о. Пармену Смирнову.

Считается не лишнимъ здѣсь упомянуть вкороткѣ, вообще, о переводахъ протоіерея Смирнова и о судьбѣ ихъ. Во время служенія своего при походно-улусной церкви съ 1868 по 1878 годъ переведены имъ на калмыцкій языкъ: 1) всѣ первоначальныя христіанскія молитвы, Символъ вѣры и десять заповѣдей, 2) одиннадцать чтеній утреннихъ воскресныхъ евангелій, 3) всѣ евангельскія чтенія—воскресныя, праздничныя и на дни высокоторжественные, которыя положено читать на литургіяхъ въ теченіе года. При богослуженіи въ походно-улусной церкви, евангеліе, Символъ вѣры и молитва Господня, послѣ исполненія ихъ на славянскомъ языкѣ, большею частію читались и на калмыцкомъ—о. Парменомъ. Затѣмъ были переведены на калмыцкій языкъ имъ же, прот. о. Парменомъ: 1) краткая священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, 2) краткій катехизисъ и 3) житіе и чудеса святителя Николая, по печатной книжкѣ, собранной графомъ Толстымъ.

Достоинство сихъ переводовъ можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ 1876 г. преосвященный Германъ, епископъ Кавказскій, при вторичномъ его посѣщеніи бакшою (начальникъ калмыцкаго духовенства въ Ставропольской губерніи, подчиненный Астраханскому ламѣ) Большедербетевскаго улуса Санджи-Явановымъ, предложилъ сему послѣднему прочитать переводы свящ. Смирнова. Бакша, умѣвшій говорить по русски, нашелъ переводъ весьма удобопонятнымъ и взявши на время экземпляръ переводовъ препровожденныхъ Астраханскимъ епархіальнымъ комитетомъ въ братство св. Андрея, присовокупилъ, что онъ позаботится списать для себя копію съ оныхъ.

Озабочиваясь сдѣлать возможно доступнымъ для пониманія калмыковъ богослуженіе православной церкви, о. Парменъ еще въ 1875 и 1877 гг. перевелъ: 1) третій и шестой часъ, читаемые предъ литургіею; 2) тропари и кондаки воскресные и праздничные на весь годъ;

3) двѣнадцать праздничныхъ чтеній изъ апостола; 4) воскресные и праздничные прокимны на весь годъ, и 5) изъ литургіи св. Іоанна Златоуста все то, что читается, поется и говорится въ церкви во всеуслышаніе, а молитвы, тайно читаемыя священникомъ, оставлены безъ перевода.

Всѣ сіи переводы сдѣланы въ надеждѣ на дозволеніе совершать богослуженіе на калмыцкомъ языкѣ, но таковой надеждѣ не суждено было исполниться. Отказъ былъ мотивированъ такъ: а) по церковнымъ законамъ язычники не могутъ присутствовать при совершеніи христіанскихъ таинствъ и должны оставить храмъ при началѣ литургіи вѣрныхъ, б) самое употребленіе переводовъ на калмыцкій языкъ въ церкви можетъ быть дозволено не иначе, какъ по отзыву спеціалистовъ о пригодности и вѣрности переводовъ.

Съ 1869 по 1875 годъ были отлитографированы при главномъ управленіи слѣдующіе переводы: первоначальныя христіанскія молитвы, Символъ вѣры и десять заповѣдей, всѣ евангельскія чтенія, которыя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ положено читать на литургіяхъ въ теченіе года; одиннадцать евангельскихъ чтеній, которыя читаются на утрени по воскреснымъ днямъ; краткая священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта; краткій катехизисъ и житіе святителя и чудотворца Николая; прочіе переводы не дозволено было и литографировать (указъ консисторіи 29 октября 1875 г. № 4736). Начались сношенія съ с.-петербургскимъ факультетомъ восточныхъ языковъ, дѣло затянулось, калмыки не слышали христіанскаго ученія и богослуженія на понятномъ для нихъ языкѣ, энергія у переводчика ослабѣла... *).

И чѣмъ же окончилась эта переписка по дѣлу пе-

---

*) Отчетъ Православнаго Астраханскаго Миссіонерскаго Общества за 1882 г., стр. 9—13.

ревода священныхъ книгъ о. Парменомъ Смирновымъ? Вотъ что сообщается объ этомъ въ отчетѣ Астраханскаго Миссіонерскаго Комитета за 1887 годъ.

Длинная исторія о переводахъ евангелія и разныхъ другихъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ протоіереемъ о. Парменомъ Смирновымъ закончена наконецъ. Г. оберъ-прокуроръ Св. Синода, отъ 30 апрѣля 1887 года, въ письмѣ на имя предсѣдателя, сообщилъ слѣдующее: Доставленные министромъ народнаго просвѣщенія переводы на калмыцкій языкъ священной исторіи, православнаго катехизиса и житія св. Николая чудотворца, сдѣланные протоіереемъ Смирновымъ, а также копію съ отзыва профессора Голстунскаго о сихъ переводахъ, долгомъ считаю препроводить къ вашему преосвященству.

Копія съ отзыва профессора Голстунскаго слѣдующаго содержанія. Вслѣдствіе предложенія его высокопревосходительства, господина министра народнаго просвѣщенія, выраженнаго въ письмѣ отъ 31 марта 1887 года за № 29, честь имѣю представить въ департаментъ находившіеся у меня переводы на калмыцкомъ языкѣ священной исторіи, православнаго катехизиса и житія св. Николая чудотворца, сдѣланные протоіереемъ Смирновымъ, и при этомъ считаю долгомъ объяснить: во-1-хъ, такъ какъ переводы протоіерея Смирнова были отлитографированы въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, то я не предполагалъ, что встрѣтится надобность въ томъ единственномъ экземплярѣ, который находился у меня, а потому и не возвращалъ его до сего времени, и во-2-хъ, что эти переводы протоіерея Смирнова, какъ составленные при пособіи только практическаго знанія языка, безъ приложенія къ дѣлу научнаго значенія письменнаго, литературнаго языка, заключаютъ въ передачѣ подлиннаго текста не мало неточностей и неправильностей и безъ тщательнаго пересмотра и сличенія ихъ съ подлинниками не могутъ быть допущены къ употребленію.

Комитетъ не мало подивился, заслушавъ отзывъ г. Голстунскаго. Возвратилъ онъ, вслѣдствіе требованія г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, черезъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія вовсе не то, что отъ него требовалось. Требовались не эти литографированные переводы, которыхъ имѣется въ Комитетѣ достаточно, а исправленные въ Астрахани коммисіей изъ Голстунскаго, Смирнова и свящ. Здравосмыслова, исправленные и на половину переписанные рукою о. Пармена, а прочіе, подлежавшіе перепискѣ. Объ этихъ исправленныхъ и полупереписанныхъ переводахъ шла многолѣтняя переписка. Г. Голстунскій не придаетъ значенія трудамъ о. протоіерея о. Пармена Смирнова, такъ какъ они составлены при пособіи только практическаго знанія языка, безъ приложенія къ дѣлу научнаго знанія письменнаго, литературнаго языка и проч. Но дѣло не въ томъ, каково достоинство этихъ переводовъ, а въ томъ, что ихъ нужно было возвратить по принадлежности. Комитетъ, конечно, пришелъ къ заключенію: дѣло считать конченнымъ и сдать въ архивъ *).

Упомянувши о переводахъ священнаго Писанія и др. книгъ на калмыцкій языкъ, какъ о обстоятельствѣ, благопріятствовавшемъ дѣлу миссіи, нельзя умолчать и о нѣкоторыхъ чертахъ характера калмыковъ, благопріятствующихъ также миссіонерству. Это—любопытство калмыковъ и ихъ гостепріимство.

Вотъ что говоритъ объ этихъ природныхъ чертахъ калмыковъ миссіонеръ Меѳодій.

Среди калмыковъ Большедербетевскаго улуса сильно развито гостепріимство и отсюда вытекающія дружелюбіе и общительность. Гостепріимный и радушный пріемъ можно встрѣтить въ каждой кибиткѣ. Всякаго посѣтителя ласковый хозяинъ старается угостить кумысомъ или калмыцкимъ чаемъ. Если гость остается на день

*) Отчетъ Астраханскаго Мис. Комитета за 1887 г., стр. 48—50.

или болѣе, то гостепріимный хозяинъ спѣшитъ заколоть хорошаго барана, котораго часа черезъ два или три уже подаютъ кушать. Во имя того же гостепріимства калмыки съ большою охотою отвѣчаютъ на всѣ разспросы, лишь-бы чрезъ это сдѣлать пріятное гостю; все показываютъ и разсказываютъ, какъ знаютъ, лишь бы гость остался доволенъ и не скучалъ. Равнымъ образомъ другъ къ другу они относятся весьма дружелюбно и всячески стараются помогать нуждающимся изъ своей братіи. По каковой причинѣ среди калмыковъ во все нѣтъ нищихъ въ родѣ нашихъ попрошаекъ.

Точно такимъ же гостепріимствомъ отличаются и хувараки. Я во всѣхъ хурулахъ встрѣтилъ радушный пріемъ. Безъ всякаго стѣсненія мнѣ показывали хурулъ, кибитки и все, что меня интересовало; хотя я иногда пріѣзжалъ въ то время, когда хурулъ былъ уже заперть. Услужливые манжики и гецюли, по моей просьбѣ, играли на музыкальныхъ инструментахъ, а гелюнги разсказывали объ употребленіи священныхъ вещей и предметовъ, какъ знали. Жаль, что большинство изъ нихъ оказались малосвѣдущими по своей спеціальности.

Также сильно среди калмыковъ укоренились любопытство и любознательность. Не успѣли мы пріѣхать въ Княземихайловскій поселокъ, какъ явились чуть не всѣ калмыки поселка и начались разспросы: кто пріѣхалъ, зачѣмъ и т. д. Та же процедура повторилась, когда приходилось заѣзжать въ хотонъ и въ хурулъ; даже на почтовой станціи, если была задержка въ лошадяхъ, не оставляли въ покоѣ своими разспросами калмыки ближайшаго хотона. Интересовались калмыки всѣмъ или, лучше сказать, тѣмъ, что слушаютъ чужую рѣчь. Говори имъ, о чемъ хочешь, они съ любопытствомъ и вниманіемъ будутъ слушать, хотя, быть можетъ, и половину иного не поймутъ. Наскучитъ иногда говорить, но калмыки не скучаютъ, такъ что скорѣе можетъ притупиться вниманіе разсказчика, чѣмъ вниманіе слушаю-

щихъ. Калмыки будутъ стоять и слушать до тѣхъ поръ, пока слышатъ рѣчь. Бывало, едва на время замолчишь, какъ они снова заставляютъ говорить, предлагая новые вопросы. Особенно всѣхъ ихъ интересовало описаніе академіи и обученія въ ней. Имъ было любопытно и пріятно слышать, когда читались молитвы на калмыцкомъ языкѣ. У нѣкоторыхъ зайсанговъ и гелюнговъ приходилось встрѣчать калмыцкое Евангеліе перевода Шмидта или Позднѣева. Только всѣ они увѣряли, что Евангеліе написано не совсѣмъ точнымъ калмыцкимъ языкомъ, котораго они не понимаютъ, потому что встрѣчается много оборотовъ и словъ рѣчи, въ живомъ разговорномъ языкѣ не употребительныхъ. Поэтому они неоднократно высказывали желаніе, чтобы съ теченіемъ времени появилось Евангеліе на чистомъ народномъ языкѣ. Еще сильнѣе калмыки выражали свое удовольствіе, если имъ приходилось слышать русскаго, говорящаго по-калмыцки. Пристрастія къ любопытству и любознательности не могли скрыть и хувараки, хотя нѣкоторые изъ нихъ старались казаться равнодушными къ моимъ разсказамъ о русскомъ житьѣ-бытьѣ. Главный бакша былъ такъ любопытенъ, что выразилъ желаніе познакомиться съ православнымъ богослуженіемъ, со столичною и городскою жизнью и съ нѣкоторыми науками *).

IX.

Обращеніе калмыковъ при преосвященномъ Владимірѣ.—Князе-Михайловскій поселокъ.—Многочисленное обращеніе калмыковъ при преосвященномъ Агаѳодорѣ.—Посѣщеніе имъ хурула.—Вліяніе этого посѣщенія на жрецовъ хурула.

Въ исторіи распространенія христіанства среди калмыковъ только въ послѣдніе годы были случаи сравнительно многочисленныхъ обращеній калмыковъ въ христіанство. Это замѣтное движеніе калмыковъ въ пользу православія въ предѣлахъ Ставропольской гу-

*) Меѳодій. Калмыки, стр. 66—9.

берніи началось въ дни приснопамятнаго іерарха русской церкви, преосвященнаго Владиміра, впослѣдствіи бывшаго архіепископомъ Казанскимъ. Этотъ святитель, бывшій алтайскій миссіонеръ, принесъ съ собою и въ калмыцкія степи живой духъ дѣятельнаго миссіонерства, слѣдствіемъ чего было обращеніе ко Христу многихъ калмыковъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1889 г., въ глубинѣ калмыцкихъ степей, въ селеніи Яшалтѣ, совершилось событіе, неслыханное въ лѣтописяхъ кавказской церкви. 13-го числа небольшая степная рѣка Яшалты послужила купелію для одновременнаго крещенія 47 калмыковъ, пришедшихъ отъ языческой тьмы къ свѣту православно-христіанской вѣры.

Еще осенью 1888 г., преосвященный Архипастырь получилъ извѣстіе, что въ средѣ калмыковъ Большедербетевскаго улуса происходитъ движеніе въ пользу православія. Имѣя въ виду, что мѣстному священнику селенія Яшалты, къ которому прилегаютъ кочевья калмыковъ, трудно вести проповѣдь безъ знанія калмыцкаго языка, архипастырь вызвалъ въ архіерейскій домъ бывшаго псаломщика (изъ калмыковъ) Ивана Шигеденова и, испытавъ его въ теченіе мѣсяца въ умѣніи преподавать основныя истины христіанскаго вѣроученія и нравоученія на калмыцкомъ языкѣ, отправилъ его въ с. Яшалту въ помощь мѣстному священнику съ порученіемъ подготовить желающихъ просвѣщенія къ принятію крещенія. Въ теченіе Великаго поста выяснилось, что всѣхъ желающихъ креститься приготовляется 14 семействъ (около 50 душъ). Хотя священникъ и доносилъ, что оглашаемые достаточно подготовились къ принятію христіанства и просилъ поспѣшить пріѣздомъ для крещенія, но опытный Архипастырь медлилъ частію потому, что это совпало съ весеннимъ бездорожьемъ, и главнымъ образомъ, чтобы продолжительнымъ испытаніемъ убѣдиться въ искренности и чистомъ намѣреніи

ихъ, дабы не привлечь въ Церковь Божію гнилыхъ членовъ. Наконецъ, 9-го мая, отпустивъ бывшій епархіальный съѣздъ духовенства, Архипастырь выѣхалъ изъ г. Ставрополя и прибылъ въ селеніе Яшалту, по обозрѣніи всѣхъ церквей, лежащихъ на пути, 11-го числа. Первою заботою Архипастыря было видѣть ищущихъ крещенія, чтобы лично убѣдиться въ чистотѣ и безкорыстіи ихъ намѣренія, а также и въ томъ, въ какой мѣрѣ они подготовлены къ воспріятію благодати въ таинствѣ крещенія. Въ присутствіи уѣздной администраціи и попечителя Большедербетевскаго улуса, главы семействъ были опрошены по одиночкѣ (большинство изъ нихъ говоритъ по русски) и затѣмъ Архипастырь, впервые призвавъ на нихъ Божіе благословеніе, отпустилъ съ миромъ къ семействамъ. На другой день (12 мая) Владыка, въ сопровожденіи свиты, осматривалъ мѣсто кочевья готовящихся ко крещенію, находящееся въ недалекомъ разстояніи отъ селенія Яшалты, былъ во всякой кибиткѣ, съ участіемъ распрашивалъ о семейномъ положеніи, входилъ въ нужды оглашаемыхъ, ласкалъ дѣтей. Затѣмъ, еще разъ призвавъ Божіе благословеніе, поручилъ переводчику Шигеденову приготовить ихъ ко св. крещенію на слѣдующій день. Къ вечеру всѣ оглашаемые собрались въ селеніе для слушанія всенощнаго бдѣнія, въ концѣ котораго Архипастырь произнесъ глубоко трогательное слово о важномъ значеніи для Церкви событія, имѣющаго совершиться на утро; съ глубокимъ поклономъ просилъ православныхъ помолиться вмѣстѣ съ нимъ о готовящихся къ просвѣщенію, дабы Господь сподобилъ ихъ благодати св. крещенія. Возложивши на себя епитрахиль, Архипастырь выразительно и глубоко взволнованнымъ голосомъ произнесъ ектенію о готовящихся къ просвѣщенію. Закончивъ ектенію возгласомъ и отпускомъ, Архипастырь трогательно просилъ православную паству молиться ежедневно дома, и въ особенности на литургіи, при возглашеніи ектеніи объ

оглашенныхъ, да просвѣтитъ Господь умы и сердца остальныхъ кочевниковъ словомъ истины. 13 числа, въ 8 часовъ утра, при громадномъ стеченіи народа изъ окрестныхъ селеній и при пѣніи пасхальнаго канона, началось крестное шествіе къ приготовленному на берегу рѣки мѣсту крещенія. Новопросвѣщенные занимали мѣсто въ шествіи слѣдомъ за Владыкой въ своихъ національныхъ костюмахъ, и за ними шли воспріемники. Совершеніе таинства началось съ 8 часовъ 20 минутъ и продолжалось вплоть до 2 часовъ дня. Шестичасовое молитвенное состояніе казалось не обременительнымъ ни для кого: даже дѣти не оставляли своихъ мѣстъ до конца совершенія таинства. Всѣ молитвословія и заклинанія читаны Архипастыремъ глубоко взволнованнымъ голосомъ, по обычаю, громко и въ высшей степени выразительно. Отрицаніе и исповѣданіе вѣры произносилось крещаемыми на родномъ языкѣ. Случайно, но пришлось такъ, что заключительное плеваніе крещаемыхъ было по направленію къ хурулу, находящемуся на другой сторонѣ, почти противъ того мѣста, гдѣ совершалось крещеніе. Всѣ крещеные Архипастырской десницей были погружены въ воды очищенія: при чемъ многихъ дѣтей и младенцевъ, вынувъ изъ купели, Архипастырь цѣловалъ. Вмѣстѣ съ крестами на крещаемыхъ были возложены бѣлыя новыя одежды, сдѣланныя на пожертвованныя средства. Весь этотъ день былъ свѣтлымъ праздникомъ не только для новопросвѣщенныхъ, но и для всѣхъ, собравшихся на это торжество православной Церкви. Можно съ увѣренностью сказать, что никто изъ присутствовавшихъ не забудетъ этого дня во всю жизнь. Яшалтинцы наперерывъ приглашали къ себѣ новыхъ чадъ Божіихъ, и не только охотно пріютили ихъ у себя на ночь, но даже отправились на ихъ кочевья для встрѣчи ночного караула и ухода за стадами.

Послѣ непродолжительнаго отдыха, неутомимый Архи-

пастырь торжественно совершилъ пасхальное всенощное бдѣніе. У каѳедры его благоговѣйно стояли новопросвѣщенные и внимательно слѣдили за всякимъ дѣйствіемъ Архіерейскаго служенія. Въ 7 часовъ 14 числа началась Архіерейскимъ служеніемъ литургія, во время которой всѣ новопросвѣщенные стояли впереди молящихся, имѣя въ рукахъ зажженныя свѣчи, въ ожиданіи пріобщенія тѣла и крови Господа. А одинъ изъ новопросвѣщенныхъ отроковъ, по благословенію Владыки, былъ облаченъ въ стихарь и служилъ за свѣщеносца. Предпричастная молитва „Вѣрую, Господи“ была произнесена на калмыцкомъ языкѣ со словъ Шигеденова. Благоговѣйно, въ сопровожденіи своихъ воспріемниковъ, подходили къ живоносному Источнику новокрещеные, а младенцевъ большею частію держали на рукахъ воспріе мники. Въ концѣ литургіи Архипастырь, пригласивъ православныхъ поблагодарить Господа вмѣстѣ съ нимъ за дарованныхъ церкви новыхъ чадъ, увѣщевалъ жить братски съ новопросвѣщенными и вновь просилъ молиться ежедневно о тѣхъ, умы и сердца которыхъ не озарены свѣтомъ Христова ученія. На память о совершившемся событіи Владыка роздалъ до 2000 иконокъ и нѣсколько десятковъ хромолитографическихъ картинъ св. равноапостольнаго князя Владиміра перваго просвѣтителя языческой Руси. Предъ отъѣздомъ Владыка позаботился о внѣшнемъ благоустроеніи новопросвѣщенныхъ: по его просьбѣ, г. главный приставъ кочующихъ народовъ А. А. Самойловъ далъ слово отвести особый участокъ земли для поселенія ихъ. Прощаясь, Владыка увѣщевалъ новопросвѣщенныхъ вести себя, какъ должно истиннымъ христіанамъ, дабы ихъ непросвѣщенные единоплеменники поучались ихъ жизнію вѣрѣ христіанской. Затѣмъ призвавъ на каждаго изъ нихъ Божіе благословеніе, Владыка поручилъ мѣстному священнику дать въ каждую кибитку по иконѣ (дары тѣхъ-же доб-

рыхъ яшалтинцевъ), а среди кочевья новопросвѣщенныхъ водрузить крестъ съ иконою *).

Эти новокрещенцы изъ калмыковъ впослѣдствіи были первыми поселенцами Князе-Михайловскаго поселка.

Князе-Михайловскій поселокъ образованъ по Высочайшей волѣ отъ 11-го мая 1890 года на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) „Отвести изъ общаго надѣла Будульчинерова и Икичиносова родовъ въ мѣстности, показанной на планѣ, 6000 удобной земли и 1744 дес. неудобной, для образованія на этомъ участкѣ поселка крещенныхъ калмыковъ, съ организаціей внутренняго управленія этимъ поселкомъ въ томъ видѣ и составѣ, какой существуетъ нынѣ въ селеніяхъ Ставропольской губерніи, съ наименованіемъ таковаго „Князе-Михайловскимъ". 2) Выдавать изъ этой земли по 30 десятинъ удобной земли и 8 дес. неудобной на каждаго вновь крестившагося калмыка—ламаита. 3) Разрѣшить отдачу калмыцкой земли въ аренду на короткіе сроки и доходъ съ этихъ земель обращать на нужды церкви и школы и на улучшеніе хозяйства калмыковъ, съ тѣмъ однако, чтобы къ арендованію допускались только лица христіанскихъ исповѣданій, и доходы съ этого источника производились не иначе, какъ съ разрѣшенія Ставропольскаго Губернатора. 4) Отчислить изъ общественнаго калмыцкаго капитала единовременно 12.175 р. на нижеслѣдующіе потребности: а) на устройство церкви, школы и квартиры для миссіонера и учителя, съ передачей денегъ въ распоряженіе Епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, въ количествѣ 10.000 руб., б) на межевые расходы по отводу участка 675 руб., в) на вознагражденіе калмыкамъ за переносъ ихъ саманныхъ построекъ съ участка 1500 р. 5) Отпускать изъ того же источника на устройство домовъ и хозяйственное обза-

*) Князе-Михайловскій миссіонерскій станъ Ставропольской епархіи. Ставрополь-Кавказскій, 1898 г., стр. 25—31.

веденіе принимающихъ св. крещеніе калмыковъ, по мѣрѣ надобности, 100 руб. на семью и по 50 руб. на холостого, и ежегодно на содержаніе училища 500 р.: на жалованье учителю 360 р., на учебныя пособія 40 р. и на отопленіе 100 рублей[a].

Поселокъ былъ названъ Князе-Михайловскимъ въ честь святого Благовѣрнаго князя Михаила Тверского, во имя котораго была построена церковь съ однимъ престоломъ. Тотъ же Преосвященный Владиміръ, бывшій Епископъ Ставропольскій и Екатеринодарскій, который самъ лично окрестилъ первыхъ калмыковъ въ Джалгинской балкѣ, близъ селенія Яшалты, возбудилъ и ходатайство объ образованіи Князе-Михайловскаго поселка. Вообще, нужно сказать, что его архипастырство было весьма благотворно для крещеныхъ калмыковъ, потому что самъ онъ былъ истый миссіонеръ. Поэтому онъ, какъ искусный въ житейскомъ попеченіи и миссіонерской дѣятельности, сразу повелъ такъ умѣло дѣло, что поселокъ быстро образовался и украсился церковію, корпусами и другими зданіями *).

Упомянемъ еще о двухъ многочисленныхъ обращеніяхъ калмыковъ въ христіанство при нынѣшнемъ Архипастырѣ Ставропольскомъ, Преосвященномъ Агаѳодорѣ.

Дни Пятидесятницы 1894 г. ознаменованы для церкви Кавказской и населенія края чрезвычайнымъ событіемъ—почти одновременнымъ крещеніемъ 60 семействъ (въ 228 душахъ обоего пола) калмыковъ-буддистовъ. Начиная съ Ѳоминой недѣли почти вплоть до Пятидесятницы, Преосвященнѣйшій Агаѳодоръ, предпринялъ цѣлый рядъ поѣздокъ въ разныя мѣста епархіи для совершенія таинства крещенія. Общее число обратившихся ко Христу буддистовъ столь значительно, что церковь Кавказская не знаетъ другого столь дружнаго движенія въ пользу православія.

---

*) Князе-Михайловскій миссіонерскій станъ; стр. 3—4.

Въ началѣ Великаго поста 1894 г. нойонъ Большедербетевскаго улуса М. М. Гахаевъ привелъ къ Владыкѣ двухъ калмыковъ, которые чисто русскимъ языкомъ объяснили ему, что еще прадѣды ихъ поселились на жительство въ Ставропольской губерніи, они сами выросли среди русскихъ православныхъ, научились сельскому хозяйству, освоились съ людьми, говорятъ русскимъ языкомъ, знаютъ немного русскую вѣру; а потому не хотятъ больше оставаться въ буддизмѣ, желаютъ принять христіанскую вѣру и жить, какъ русскіе живутъ. Къ этому они добавили, что кромѣ ихъ креститься расположены многіе изъ калмыковъ, кочующихъ въ Ставропольской губерніи по участкамъ и хуторамъ. Обласкавъ просителей и благословивъ доброе намѣреніе ихъ, Владыка тѣмъ не менѣе отнесся къ заявленію ихъ съ большой осторожностію. Онъ предупредилъ ихъ, что перемѣна вѣры дѣло чрезвычайной важности, а потому нужно поступать въ этомъ случаѣ съ крайней осмотрительностію; внушалъ имъ обдумать свое намѣреніе и посовѣтоваться со своими единоплеменниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ нойона принять участіе въ этомъ святомъ дѣлѣ и оказать возможное содѣйствіе.

Чрезъ двѣ недѣли тѣ же калмыки опять явились къ Владыкѣ и заявили, что они въ своемъ рѣшеніи принять крещеніе остаются непреклонными и что результатомъ совѣщанія ихъ съ другими было то, что кромѣ ихъ еще до 150 человѣкъ склонны принять христіанство при этомъ представили и списокъ желающихъ креститься. Владыка, отпуская просителей, объявилъ, что онъ пришлетъ къ нимъ священника увѣриться въ чистотѣ и искренности ихъ намѣреній, равнымъ образомъ необходимо приготовить ихъ къ принятію св. крещенія.

Вслѣдъ за этимъ былъ вызванъ изъ Князе-Михайловскаго стана противубуддійскій миссіонеръ, о. іеромонахъ Меѳодій, коему Владыка поручилъ отправиться на мѣсто жительства калмыковъ, склонныхъ къ прин-

тію христіанства, а также побывать и у тѣхъ, которые еще не изъявляли о своемъ намѣреніи, и побесѣдовать. О. Меѳодій на разъѣзды по губерніи употребилъ почти весь постъ, побывалъ въ самыхъ отдаленныхъ кочевьяхъ и возвратился въ г. Ставрополь только къ Пасхѣ. Его поѣздка дала самые благопріятные результаты. Онъ привезъ формальныя заявленія, засвидѣтельствованныя сельскими должностными лицами, не только отъ тѣхъ, которые заявляли о своемъ желаніи креститься, но и о тѣхъ, которые не знали о начавшемся движеніи. Такихъ оказалось свыше 50 человѣкъ, а общее число искавшихъ крещенія возросло за 200 душъ.

Поручивъ подготовку ищущихъ крещенія ближайшимъ приходскимъ священникамъ, Владыка немедленно вошелъ въ сношеніе съ начальникомъ Астраханской губерніи о безпрепятственности къ крещенію. А такъ какъ по справкамъ оказалось, что значительная часть желающихъ креститься не значится по документамъ Малодербетевскаго улуса — калмыки не давали знать о своемъ семейномъ положеніи, — то начальникъ Астраханской губерніи, заявивъ о безпрепятственности съ его стороны къ крещенію, просилъ, при участіи мѣстной администраціи, составить семейные списки желающихъ креститься и доставить ихъ улусному правленію. Благодаря сочувствію и распорядительности мѣстной администраціи, быстро, въ теченіе всего нѣсколькихъ дней, были собраны самыя обстоятельныя свѣдѣнія о семейномъ положеніи.

По разбросанности калмыковъ, почти на всемъ протяженіи Ставропольской губерніи, и по удобствамъ къ своевременной явкѣ для крещенія семействъ съ малолѣтними дѣтьми явилась необходимость собрать ихъ не въ одно какое-либо мѣсто, а по крайней мѣрѣ въ 3 мѣстахъ. Одну часть ихъ удобно было собрать на хуторѣ ставропольскаго гражданина А. Т. Руднева; другую—на участкѣ Ф. Т. Дѣлева, третью на участкѣ А. А.

Саламатина. При помощи подводъ отъ сельскихъ обществъ на хуторѣ г. Руднева калмыки и ихъ семейства могли быть доставлены къ 3 мая, на участокъ г. Дѣлева—къ 5, г. Саламатина—къ 7, въ селеніе Большую Джалгу къ 30 мая же.

Какъ было предположено, такъ было и исполнено. Послѣднее крещеніе было въ Большой Джалгѣ 30 мая.

Послѣ хлѣба-соли, радушно предложеннаго о. Павломъ, священникомъ селенія Большой Джалги, Владыка отдохнулъ немного отъ трудовъ продолжительнаго богослуженія, благословилъ иконами новокрещеныхъ, сопровождая это словомъ назиданія, и затѣмъ выѣхалъ на ночлегъ въ Князе-Михайловскій миссіонерскій противобуддійскій станъ *).

Во время своего пребыванія въ Князе-Михайловскомъ поселкѣ, преосвященный Агаѳодоръ посѣтилъ близъ стана находящійся хурулъ-буддійскій храмъ. Карету, заложенную шестерикомъ лошадей, сопровождали верхомъ г. попечитель улуса, его помощникъ, становой приставъ поселковый староста и нѣсколько человѣкъ старшинъ ближайшихъ калмыцкихъ родовъ. За экипажемъ Владыки слѣдовалъ цѣлый поѣздъ другихъ экипажей для свиты его. Лишь только кортежъ сталъ подъѣзжать къ хурулу, буддійское духовенство, предваренное о пріѣздѣ Владыки ранѣе, вышло изъ капища и медленно направилось на встрѣчу. Предъ собою гелюнги несли полосатыя шелковыя ленты, развѣшанныя на длинной палкѣ, поднятой горизонтально надъ головами,—это „дарцоки“, служащіе талисманами на отогнаніе нечистыхъ духовъ. Рядомъ съ дарцоки 6-ть гелюнговъ несли 6 большихъ мѣдныхъ грубой работы трубъ, поддерживаемыхъ на шестѣ манжиками, затѣмъ два кларнета, два барабана и металлическія тарелки. Какъ только Владыка вышелъ изъ экипажа, одинъ изъ гелюнговъ подошелъ

---

*) Князе-Михайловскій миссіонерскій скитъ, стр. 35—40.

къ нему съ большимъ, разноцвѣтнымъ шелковымъ зонтомъ и почтительно держалъ надъ нимъ до входа въ хурулъ. Гелюнги провожали его до хурула оглушительнымъ концертомъ, въ которомъ слышалось ржанье лошадей, ревъ скота, блеяніе овецъ, шипѣніе змѣй и т. п. Хурулъ не великъ, да и не представляется нужды въ обширности его: вѣдь простые калмыки не имѣютъ непосредственнаго доступа къ своему богу, а потому и входъ имъ въ капища не разрѣшается. При осмотрѣ хурула, убраннаго на этотъ разъ по праздничному, со всею степной роскошью, Владыка обратилъ особенное вниманіе на литыя статуи, представляющія Сакьямуни, Дарке (богиня женскаго пола) и Далай-ламу. На ряду съ богами мы увидѣли и фотографическую карточку стараго нашего знакомаго, нынѣ умершаго бакшу Санджи Яванова. Оказывается, по смерти его онъ причтенъ къ спокойнымъ божествамъ (бурханболбо). Скоро и просто канонизируютъ у буддистовъ! Изъ множества развѣшанныхъ по стѣнамъ изображеній обращаютъ на себя вниманіе „Ногон-Дарке (большое изображеніе некрасивой женщины монгольскаго типа), „Сансарын-Кюрде“ — изображеніе въ отдѣльныхъ кругахъ 6-ти царствъ перерожденія, 12 черныхъ грѣховъ и 3 смертныхъ грѣховъ въ лицахъ. Всѣ изображенія бурхановъ большею частію имѣютъ свирѣпый, ужасающій видъ; а самыя фигуры до крайности уродливы. По осмотрѣ хурула старшему гелюнгу, имѣющему чрезъ плечо шарфъ малиноваго цвѣта, было предложено совершить молитву по буддійски за Царя. Тотчасъ появились на сцену опять тѣ же инструменты, тихо запѣлъ старшій гелюнгъ, ударяя металлическими тарелками, и вновь начался оглушительный концертъ, то стихавшій и даже вовсе умолкавшій, достигавшій самыхъ высшихъ нотъ. Послѣ моленія, Владыкѣ и его свитѣ былъ предложенъ калмыцкій чай и кумысъ. Отвѣдавъ немного чаю и спросивъ старшаго гелюнга о числѣ служащихъ при хурулѣ гелюнговъ, гецюлевъ и манжи-

ковъ, Владыка обратился къ почтительно стоявшимъ у дверей служителямъ капища съ рѣчью, въ которой, выразивъ свою любовь и благожеланіе за оказанный ему радушный пріемъ, совѣтовалъ, указывая на несостоятельность буддизма, обратиться въ христіанство, исповѣдывать ту вѣру, которую исповѣдуетъ русскій Государь, всѣ русскіе, среди которыхъ и подъ покровительствомъ которыхъ они живутъ, и весь просвѣщенный міръ. Въ заключеніе Владыка прибавилъ: „тотъ-же хурулъ, въ которомъ вы молитесь нынѣ, можетъ быть освященъ для васъ въ христіанскій; а вы будете оставаться и служить въ немъ въ монашескомъ званіи". Поговоривши между собою, старшій гелюнгъ чрезъ переводчика сказалъ, что они никогда не думали о перемѣнѣ вѣры; теперь подумаютъ и посовѣтуются съ народомъ. Владыка отвѣтилъ, что перемѣнять вѣру не слѣдуетъ, не узнавши новой; потому онъ поручитъ о. миссіонеру, живущему около нихъ близко, чаще бывать у нихъ и бесѣдовать о вѣрѣ, приглашалъ и гелюнговъ посѣщать о. миссіонера съ тою же цѣлью. Гелюнги отвѣтили на слова его поклономъ. Выразивъ надежду, что бесѣда его не останется безплодною, Владыка вышелъ изъ хурула, причемъ старшій поддерживалъ его подъ руку, довелъ его до экипажа и проводилъ глубокимъ поклономъ. Кортежъ въ томъ же порядкѣ возвратился въ станъ *).

На слѣдующій годъ въ ноябрѣ Преосвященному Агаѳодору пришлось вновь быть въ Князе-Михайловскомъ поселкѣ для крещенія 14 калмыковъ буддистовъ и совершить литургію. Послѣ малаго входа послышалось движеніе въ храмѣ: пришло буддійское жречество изъ близь находящагося хурула въ своихъ красивыхъ костюмахъ, а за нимъ нѣсколько человѣкъ некрещеныхъ калмыковъ недалеко кочующаго рода Икичиносова съ старшиной во главѣ. Чтобы дать возможность больше

*) Князе-Михайловскій миссіонерскій станъ, стр. 46—8.

видѣть христіанское богослуженіе, г. попечитель распорядился поставить ихъ посреди храма, прямо противъ царскихъ вратъ. Съ глубокимъ вниманіемъ слѣдили и гелюнги и некрещеные за богослужебными дѣйствіями служащихъ, но особенно ими обращено было вниманіе на пѣніе лѣваго клироса на родномъ языкѣ. Въ свое время Владыка сказалъ вполнѣ удобопонятную для простыхъ слушателей проповѣдь о превосходствѣ и спасительности христіанской вѣры и только ея одной; всѣ другія ученія и въ томъ числѣ буддійское ведутъ къ временной и вѣчной погибели. Думаемъ, что проповѣдь понята и некрещеными, потому что какъ гелюнги, такъ и простые калмыки хорошо говорятъ и понимаютъ русскую рѣчь, и, дай Богъ, чтобы она послужила для нихъ оглашеніемъ Христовой истины. Съ большимъ любопытствомъ разсматривали гелюнги облаченія священнослужащихъ во время молебна посреди храма, слушали громогласное возглашеніе протодіакономъ многолѣтія и стройное отвѣтное пѣніе по очередно клиросомъ то на русскомъ языкѣ, то на калмыцкомъ. Все время, пока Владыка переоблачался въ мантію, благословлялъ собравшихся, гелюнги не выходили изъ храма.

О. миссіонеръ, іеромонахъ Меѳодій, пользовавшійся не разъ гостепріимствомъ бывшихъ въ церкви гелюнговъ, желалъ принять ихъ у себя въ квартирѣ и, получивъ на то благословеніе Владыки, пригласилъ ихъ къ себѣ на чай. Послѣдніе охотно согласились и вслѣдъ за Владыкой (числомъ 11 человѣкъ) послѣдовали въ квартиру его. За чаемъ зашла рѣчь о прошлогоднемъ посѣщеніи Владыкой хурула, при которомъ служатъ присутствовавшіе; послѣдніе объяснили, что они хорошо помнятъ и благодарятъ его за честь. „А не забыли ли, о чемъ я тогда говорилъ съ вами, что совѣтовалъ?“ Отвѣтъ получился утвердительный съ прибавленіемъ, что „мы еще не рѣшили, послѣдовать ли Вашему совѣту — принять православную вѣру — или оставаться и

умирать въ той вѣрѣ, въ которой родились съ которой сроднились". На это Владыка сказалъ, что торопиться рѣшеніемъ не слѣдуетъ, потому что это дѣло чрезвычайной важности; надо изучить христіанскую вѣру, убѣдиться въ ея превосходствѣ предъ буддизмомъ, обѣщающемъ въ концѣ концовъ только полное уничтоженіе личности человѣка путемъ погруженія въ нирвану. Дальнѣйшая бесѣда (въ теченіе часа) была направлена къ вразумленію присутствовавшихъ въ пользѣ — духовной и практической отъ единенія ихъ съ русскимъ народомъ въ вѣрѣ; при чемъ Владыка указывалъ и на то, что существеннаго внѣшняго измѣненія отъ принятія христіанства для нихъ быть не можетъ; они могутъ оставаться монахами, жить при томъ же хурулѣ, который будетъ освященъ въ храмъ Богу христіанскому, при которомъ они живутъ нынѣ и, если заслужатъ своей доброй жизнію, будутъ пользоваться уваженіемъ не только калмыковъ, но и православныхъ русскихъ. „Думайте же и совѣтуйтесь между собою", заключилъ Владыка, „по этому важному дѣлу, и, когда понуждаетесь въ разъясненіяхъ сомнѣній, раскрытіи истинъ христіанскихъ, обращайтесь къ о. миссіонеру, который будетъ являться къ вамъ по первому приглашенію" *).

X.

Что нужно калмыцкой миссіи въ современномъ ея положеніи? — Мнѣніе Бентковскаго по вопросу о благоустроеніи быта крещеныхъ калмыковъ. — Трудность положенія миссіонеровъ. — Условія, при которыхъ возможно процвѣтаніе. — Миссіи среди калмыковъ.

Въ краткомъ историческомъ очеркѣ мы видѣли судьбы русскаго миссіонерства среди калмыковъ, кочующихъ въ степяхъ нынѣшнихъ Астраханской и Ставропольской губерній. Господу благоугодно было насадить свой не-

*) Князе-Михайловскій миссіонерскій станъ, стр. 54—56.

бесный виноградъ и среди этихъ вольныхъ сыновъ калмыцкихъ степей. Всякій истинно русскій и православный человѣкъ не можетъ не пожелать успѣха началамъ православія и русской народности, постепенно проникающимъ въ жизнь калмыковъ. Многое уже сдѣлано для этого русскими, но предстоитъ совершить, пожалуй, еще больше въ дѣлѣ религіознонравственнаго развитія и въ вопросахъ матеріальнаго обезпеченія благосостоянія крещеныхъ калмыковъ.

Прежде всего необходимы лица, способныя продолжить не только дальнѣйшее воспитаніе новопросвѣщенныхъ въ духѣ вѣры, но и оглашать Евангеліе правды непросвѣщеннымъ, которые нынѣ безсознательно расположены къ христіанству, и, стало быть, представляютъ собою почву, подготовленную для сѣянія слова Божія. Необходимы храмы на участкахъ, которые будутъ отведены для крещеныхъ калмыковъ, которые бы служили для нихъ видимой и живой связью съ православной Церковью. Необходимы школы для обученія и воспитанія подростающаго поколѣнія въ духѣ вѣры *).

Не принимая на себя непосильнаго труда разрѣшить чрезвычайно важный вопросъ о благоустроеніи быта крещеныхъ калмыковъ, мы приведемъ мнѣніе по этому дѣлу извѣстнаго покойнаго І. В. Бентковскаго, высказанное имъ въ статьѣ „Крещеные калмыки“. Онъ говоритъ:

„Въ интересахъ возможно широкаго развитія миссіонерской дѣятельности и въ видахъ улучшенія экономическаго состоянія крещеныхъ калмыковъ, было бы желательно всѣхъ крещеныхъ калмыковъ и впредь крестившихся, живущихъ теперь одиночно въ селеніяхъ и станицахъ, собравъ, поселить отдѣльнымъ селомъ, надѣлить на общинномъ правѣ землею по 30 десятинъ на душу и организовать ихъ самоуправленіе на выборномъ началѣ, по положенію 19 февраля 1861 года.

---

*) Князе-Михайловскій миссіонерскій станъ, стр. 31—2

„На постройку домовъ и прочее обзаведеніе хозяйствомъ, рабочимъ скотомъ и хлѣбомъ для посѣва, выдать на семью изъ ихъ общественнаго калмыцкаго капитала, въ которомъ и они имѣютъ свою долю, и изъ другихъ источниковъ по 200 руб. и впредь до окончанія построекъ изъ нихъ же выбрать трехъ распорядителей, и наконецъ средствами казны построить имъ церковь и школу грамотности, въ которой ихъ дѣти обучались бы русскому языку и Закону Божію.

„Было бы не менѣе желательно воспретить въ такихъ селахъ открытіе какихъ либо питейныхъ заведеній, съ цѣлію поддержать ихъ слабую нравственность и избавить отъ всякаго рода кулаковъ, подрывающихъ благосостояніе и нравственность крестьянъ“ *).

Вообще, миссіонерамъ среди калмыковъ предстоитъ еще очень много дѣла: Калмыцкая миссія — обильная жатва, имѣющая пока мало дѣятелей. Тѣмъ труднѣе и почтеннѣе дѣятельность этихъ миссіонеровъ, что отношеніе ихъ къ новопросвѣщенной паствѣ имѣетъ нѣкоторыя особенности, отличающія ихъ отъ обычныхъ приходскихъ пастырей. Миссіонеры ставятъ себѣ въ обязанность быть для новопросвѣщенной паствы не одними только требоисправителями и совершителями богослуженія, но и устроителями церковной, семейной и общественной жизни своей паствы, врагами своихъ пасомыхъ не только духовными, но и тѣлесными, а также защитниками новокрещеныхъ при разныхъ нападеніяхъ на нихъ со стороны некрещеныхъ, а чрезъ послѣднихъ— и ближайшаго ихъ начальства. И благодареніе Богу, миссіонеры дѣйствительно и съ успѣхомъ проходятъ таковое свое пастырское служеніе. Такъ привыкла смотрѣть на нихъ и новопросвѣщенная паства ихъ. Отъ этого—жизнь инородческаго миссіонера есть трудъ почти безъ отдыха. Когда послѣ утомительной поѣздки мис-

*) Князе-Михайловскій миссіонерскій станъ, стр. 50—51.

сіонеръ возвращается домой, то и здѣсь не отдыхъ ждетъ его, а новые труды и заботы. Такъ изображаютъ миссіонеры жизнь свою въ миссіонерскомъ станѣ: „Пріѣдешь домой, говорятъ, и не смѣй разсчитывать на отдыхъ, такъ какъ съ дѣломъ и безадѣльемъ постоянно приходятъ инородцы. Одинъ зоветъ исповѣдывать больнаго, другой жалуется, что у него угнали лошадь, сожгли сѣно и т. п. въ этомъ родѣ. Приходятъ мужъ съ женою и жалуются другъ на друга. Приходитъ новокрещеный побитый съ жалобою, что некрещеные родственники, желая его возвратить въ свою вѣру, выживаютъ изъ дома и лишаютъ всего имущества. Въ прошедшій и отчетный неурожайные въ калмыцкой степи годы одинъ проситъ хлѣба, другой денегъ на сѣмена. Тутъ приносятъ дѣтей для крещенія и просятъ о повѣнчаніи при недостаточныхъ большею частію документахъ. А тутъ приходится ѣхать иногда за 30 и болѣе верстъ для напутствованія больного. А тутъ, смотришь, за время поѣздокъ на столѣ лежатъ бумаги, на которыя нужно отвѣчать немедленно. Надо писать исповѣдныя росписи, метрики и др., надо о школахъ позаботиться. Если есть желающіе креститься, нужно ихъ приготовить къ крещенію, позаботиться о бѣльѣ и о всемъ необходимомъ для крещающихся, а затѣмъ и о водвореніи ихъ послѣ крещенія. Тутъ слышишь, что изъявившіе желаніе креститься колеблются,—надо ихъ убѣдить. Тамъ—крещеные въ жизни своей начинаютъ жить не по христіански и проявлять недобрыя стороны, — требуется ихъ вразумить“. Въ отношеніи къ богослуженію на миссіонерѣ лежитъ обязательная забота не только о томъ, чтобы неопустительно совершать его, но и пріучать новокрещеныхъ калмыковъ къ хожденію въ церковь *).

---

*) Отчетъ Астраханскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1891 г., стр. 6—7.

А между тѣмъ гелюнги и другія лица хурула часто являются къ крещенымъ калмыкамъ, напоминаютъ имъ о своихъ праздникахъ и приглашаютъ ихъ къ себѣ. Приглашенія не остаются безъ отвѣта. Особенно зорко слѣдятъ гелюнги за дѣйствіями миссіонера въ дѣлѣ проповѣди Евангелія калмыкамъ. Какъ только миссіонеръ поѣхалъ въ степь по хотонамъ, гелюнги сейчасъ же слѣдуютъ за нимъ и разубѣждаютъ тѣхъ, которые склоняются принять христіанскую православную вѣру *).

Можно посему представить трудность для инородческихъ миссіонеровъ бороться съ значительнымъ количествомъ ламаитовъ, при большомъ количествѣ ихъ духовенства, съ хурулами, находящимися вблизи миссіонерскихъ храмовъ, и при болѣе чѣмъ равнодушномъ и безучастномъ отношеніи, вообще, къ дѣлу миссіи со стороны ближайшаго начальства улусныхъ попечителей, хотя и принадлежащихъ къ православному исповѣданію. Тѣмъ не менѣе миссіонеры не теряютъ надежды на обращеніе ламаитовъ въ православную вѣру, особенно если въ калмыцкихъ хурулахъ сократятся штаты духовенства и если ихъ ближайшее начальство будетъ состоять изъ лицъ религіозныхъ, благоразумныхъ и дѣятельныхъ. При этомъ миссіонеры положительно заявляютъ, что многіе некрещеные калмыки склонны и даже желаютъ принять православную вѣру; только это желаніе ихъ задерживается опасеніемъ, что съ принятіемъ православія, матеріальное благосостояніе ихъ неизбѣжно ухудшится, что они потеряютъ свои земельныя угодья и очутятся въ крайне стѣснительномъ положеніи. Каковыя опасенія некрещеныхъ калмыковъ за свое благосостояніе, по переходѣ въ православіе, не лишены основанія и находятъ себѣ подтвержденіе въ дѣйствительно незавидномъ положеніи

---

*) Астраханскія Еп. Вѣдомости за 1890 г., стр. 313.

ихъ крещеныхъ собратій. Понятно, что при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ самая подготовка миссіонерами ламаитовъ къ просвѣщенію ихъ св. крещеніемъ является по меньшей мѣрѣ преждевременною, не говоря уже о трудности такой подготовки и полудикаго кочеваго народа. Очевидно также, что болѣе или менѣе успѣшное и скорое обращеніе ламаитовъ въ православную вѣру будетъ зависѣть отъ устраненія помянутыхъ выше неблагопріятныхъ условій *).

*) Отчетъ Астраханскаго Миссіонерскаго Общества за 1891 г., стр. 13—14. О томъ-же см. «Церковныя Вѣдомости» за 1899 г., № 23, стр. 912—913.

КИРГИЗСКАЯ МИССІЯ.

I.

Около трехъ лѣтъ тому назадъ исполнилось тридцать лѣтъ служенія въ священномъ санѣ одного изъ выдающихся по своей дѣятельности іерарховъ Русской Церкви, владыки-миссіонера, преосвященнѣйшаго Владиміра, епископа Владикавказскаго и Моздокскаго.

Незамѣтно прошелъ этотъ юбилей. Преосвященный юбиляръ не пожелалъ быть предметомъ суетныхъ мірскихъ чествованій,—и многознаменательные для него юбилейные дни были посвящены богоугодному дѣлу освященія храмовъ Божіихъ, въ самый день юбилея—во Владикавказской мужской гимназіи, и 28 сентября—въ Пятигорской прогимназіи.

Слѣдуя завѣщанію Апостола языковъ (Евр. XIII, 1), припомнимъ нѣчто изъ многотрудной и поучительной жизни одного изъ современныхъ вѣропроповѣдниковъ среди язычниковъ и магометанъ нашего отечества.

Преосвященный Владиміръ, въ мірѣ Филаретъ Синьковскій, сынъ бѣднаго священника Таврической губерніи. По окончаніи курса наукъ въ Херсонской Духовной Семинаріи, онъ въ томъ-же 1867 г. 26 сентября былъ рукоположенъ во священника къ Покровской церкви мѣстечка Каховки Днѣпровскаго уѣзда Таврической епархіи. Вскорѣ о. Филаретъ овдовѣлъ, и пробывши нѣкоторое время вольнослушателемъ въ Кіевской

Духовной Академіи, рѣшилъ посвятить свои силы на служеніе миссіи. Согласно его прошенію, Совѣтомъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, по одобрительному отзыву епархіальнаго преосвященнаго, о. Филаретъ былъ назначенъ миссіонеромъ въ Алтайскую Духовную Миссію, куда и прибылъ 19 октября 1875 г.

„Тревожныя думы, чувства робости и страха, сознаніе своего безсилія пришлось мнѣ испытать при первоначальномъ вступленіи моемъ въ Алтайскую Духовную Миссію“,—такъ говоритъ о началѣ своего служенія на Алтаѣ въ своихъ миссіонерскихъ запискахъ о. Филаретъ. *) Къ этому присоединялись сердечныя скорби объ оставленномъ далекомъ родномъ югѣ, объ отцѣ и родныхъ, о могилѣ жены, о близкихъ сердцу людяхъ и мѣстахъ покинутой родины. Впереди была далекая Сибирь, Алтайскія горы, дикая природа и люди, еще не вѣрующіе во Христа. „Ко мнѣ явился молодой, полный здоровья и силъ священникъ изъ Таврида и, со слезами разсказывая объ обстоятельствахъ своей жизни, просилъ назначить его куда-нибудь подальше, чтобы среди трудовъ благовѣстія язычникамъ и магометанамъ найти умиротвореніе скорбному духу“,—такъ вспоминалъ о началѣ миссіонерской дѣятельности о. Филарета Синьковскаго почившій Архипастырь Казанскій Высокопреосвященный Владиміръ.

О. Филаретъ вскорѣ былъ назначенъ миссіонеромъ Черно-Андискаго отдѣленія Алтайской миссіи. Неутомимые разъѣзды по стану миссіи, проповѣданіе слова Божія язычникамъ и магометанамъ, собесѣдованія съ раскольниками, утвержденіе православныхъ въ истинахъ вѣры, частыя богослуженія наблюденіе за школами—

---

*) Предъ нами «Записки Алтайскаго миссіонера» и «Записки миссіонера Киргизской миссіи», печатавшіяся въ свое время въ Моск. Церк. Вѣд. Этими записками мы и будемъ пользоваться въ своихъ біографическихъ свѣдѣніяхъ о преосвященномъ Владимірѣ.

вотъ тѣ труды, которые были жизненною сферою о. миссіонера.

Прошло около семи лѣтъ миссіонерскаго служенія на Алтаѣ и о. Филареть, послѣ тяжелыхъ трудовъ, посѣщаетъ родину, чтобы помолиться на свѣжей могилѣ почившаго старца—родителя и на другихъ близкихъ и дорогихъ могилахъ, чтобы запастись новыми силами, твердо продолжать начатое дѣло служенія. „Бывши на родинѣ и даже еще на пути къ ней, я имѣлъ нѣсколько предложеній остаться здѣсь на службѣ; но любовь къ миссіонерскому дѣлу и къ дорогому Алтаю, сдѣлавшемуся для меня уже второю родиною, побудила меня отклонить всѣ лестныя предложенія этого рода и возвратиться въ миссію съ твердымъ намѣреніемъ потрудиться до конца дней моихъ, если только частые недуги мои не воспрепятствуютъ мнѣ“.

Между тѣмъ на Алтаѣ открывалось уже для о. Филарета новое, хотя и миссіонерское-же, дѣло служенія.

II.

Учрежденіе Киргизской миссіи.—Первый миссіонеръ миссіи.—Фактическое начало Киргизской миссіи.—Радость Алтайской миссіи.

Во второй половинѣ 1881 г. указомъ Св. Синода, даннымъ на имя преосвященнаго Петра, епископа Томскаго и Семипалатинскаго, разрѣшено открытіе Киргизской Миссіи въ Семипалатинской Области, съ подчиненіемъ ея начальнику Алтайской миссіи.

Въ сентябрѣ 1882 г. о. Филареть получаетъ новое назначеніе. Онъ опредѣляется первымъ миссіонеромъ Киргизской миссіи. Для первоначальнаго мѣстопребыванія Киргизской миссіи назначается г. Усть-Каменогорскъ. 10 октября 1882 г. о. Филареть уже прибылъ къ мѣсту новаго служенія. Новое дѣло потребовало новыхъ трудовъ,—и бывшему алтайскому миссіонеру не рѣдко приходилось вспоминать объ Алтаѣ и невольно

сопоставлять дѣло миссіи на Алтаѣ и среди Киргизовъ. Какая разница!

„Тамъ—на Алтаѣ, на первыхъ же порахъ, я увидѣлъ поле, частью уже вполнѣ обработанное, а частью обрабатываемое ревностными и самоотверженными тружениками благовѣстія Христова; здѣсь-же открылось предо мною обширнѣйшее поле, полное „терній и волчцевъ“,—поле, на которое стопа христіанскаго вѣроисповѣдника не ступала и котораго апостольское рало не касалось. Тамъ я встрѣчалъ будущихъ своихъ сослуживцевъ-миссіонеровъ, братская любовь которыхъ не замедлила предложить мнѣ свой опытный совѣтъ и радушное участіе въ моихъ миссіонерскихъ нуждахъ, здѣсь-же я одинъ. Тамъ—для ознакомленія съ религіозною жизнью алтайцевъ, а равно въ разныхъ случаяхъ первоначальной своей дѣятельности, я находилъ пособіе въ средѣ какъ русскихъ, такъ и крещеныхъ инородцевъ; здѣсь-же я въ началѣ встрѣтилъ или полное незнаніе русскими киргизскихъ вѣрованій, или-же религіозный ихъ индифферентизмъ, который крайне удивилъ меня, въ особенности, во время моихъ поѣздокъ по казачьимъ поселкамъ Иртышской линіи, а также вверхъ по рр. Бухтармѣ и Нарыму“.

Господу Богу угодно было въ первомъ мѣстопребываніи киргизскаго миссіонера положить и фактическое начало Киргизской Миссіи крещеніемъ въ Усть-Каменогорской церкви 13 февраля киргиза Елембая. Велика была радость Алтайской Миссіи по поводу этого крещенія, фактическаго начала Киргизской Миссіи. Какое распоряженіе сдѣлалъ преосвященный начальникъ миссіи по поводу этого событія,—объ этомъ скажетъ нижеслѣдующее письмо Начальника миссіи на имя своего помощника.

„Сегодня когда Св. Церковь воспоминаетъ 1-е и 2-е обрѣтеніе честныя главы св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня, я имѣлъ утѣшеніе получить отъ на

шего почтеннаго собрата, миссіонера отца Филарета, изъ Усть-Каменогорска, письмо, между прочимъ гласящее:

„Сегодня, 13 февраля (недѣля блуднаго сына), въ Усть-Каменогорской церкви совершено мною св. крещеніе надъ киргизомъ Елембаемъ, первымъ по времени прозелитомъ Киргизской Миссіи, съ нареченіемъ ему имени Іоаннъ.

„Итакъ, благодатію Божіею, 13 февраля 1883 г. положено фактическое начало миссіи Киргизской! Слава Богу о всемъ! Спѣшу подѣлиться съ Вами этою свѣтлою радостью. Слава Богу! мы, Алтайцы, дожили до исполненія того, съ чего думалъ начать миссіонерское дѣло нашъ первоначальникъ о. Архимандритъ Макарій, коему отвѣчали: „рано“, о чемъ заботился его преемникъ, не давно почившій о. протоіерей Стефанъ Ландышевъ, коему отвѣчали: „поздно“. Времена и лѣта въ своей рукѣ положивый отложилъ начало сего до нашего времени. Да будетъ сіе начало такъ же благословенно,—или и паче—какъ было благословенно начало Алтайской миссіи. Тогда и главу, и тѣло оной составлялъ одинъ о. архимандритъ Макарій, крѣпкій къ Богу молитвенникъ. Азъ-же, молитвою убогъ сый, но имѣя при себѣ довольно помощниковъ и сотрудниковъ и подъ собою многіе десятки разныхъ служителей, около себя многія тысячи новообращенныхъ, ко всѣмъ имъ, чрезъ Васъ, о. Игуменъ, усердно обращаюсь и усиленно прошу составить, хотя тѣлами раздѣленный, но союзомъ любви соединенный, единый цѣлокупный полкъ молитвенный и не только вѣяніемъ молитвы любвеобильной оживить, но, кто имѣетъ даръ, и слезами любви окропить, сей юный ростокъ юной Киргизской миссіи. Изъ сего зерна горчичнаго да возрастетъ древо веліе настолько, чтобы въ вѣтвяхъ его нашли себѣ благодатный пріютъ тѣ сотни тысячъ киргизовъ, которые теперь, какъ перелетныя птицы, движутся по своимъ степямъ, къ счастью

пока ни язычники по старому, ни магометане по новому *).

„Да исполнится сіе собраніе вѣрныхъ по зову вашему первѣе всего въ главномъ станѣ Алтайской миссіи, селеніи Уламъ, гдѣ былъ крещенъ первенецъ Алтайскій: соборне сперва совершите благодареніе за совершившееся Отцу свѣтовъ, потомъ прошеніе за будущее преуспѣяніе начатаго. Затѣмъ отъ меня передайте тоже самое всѣмъ нашимъ о Христѣ сослужителямъ о. миссіонерамъ, чтобы каждый изъ нихъ съ своей паствой совершилъ тоже самое.

„Имя это (Іоаннъ), пишетъ о первенцѣ своемъ о. Филаретъ, данно ему русскими, еще изъ дѣтства, а потому и измѣнять его я не имѣлъ нужды. Этотъ Иванъ жилъ чуть не съ младенчества въ селѣ Красноярскомъ. По облику своему и чисто русскому нарѣчію новокрещенный юноша—настоящій русскій, а по вѣрѣ во Христа, теплотѣ христіанскаго чувства и по мыслямъ, онъ давно христіанинъ. Давно онъ горѣлъ желаніемъ быть крещенымъ, много разъ и по долгу просилъ онъ объ этомъ ближайшаго священника. И, Богъ вѣсть, когда бы исполнилось его желаніе, если-бы мнѣ, ѣхавшему въ Бійскъ, не пришлось по ошибкѣ, ночью, вмѣсто по-

---

*) Въ 6 № «Церковнаго Вѣстника» за 1883 г., въ статьѣ—«Краткій очеркъ распространенія христіанства въ Сибири», читанной 6 декабря 1882 г. членами Иркутскаго миссіонернаго общества въ собраніи по поводу трехсотлѣтняго Сибирскаго юбилея, между прочимъ, писалось слѣдующее: «Нельзя не упомянуть объ архим. Макаріи, первомъ начальникѣ Алтайской миссіи. Это былъ человѣкъ высокаго ума, обширной богословской учености, искренняго благочестія и апостольскаго самоотверженія. Отказавшись отъ должности ректора семинаріи, онъ изъявилъ желаніе идти съ проповѣдью Слова Божія въ Сибирь. Сначала онъ хотѣлъ возвѣщать Слово Божіе киргизамъ, но ему въ этомъ отказали. Тогда онъ отправился на Алтай, въ Бійскій округъ, Томской губ., и здѣсь, въ селеніи Уламъ, основалъ свой станъ. Его плодотворная дѣятельность продолжалась съ 1834 по 1842 г. Имъ было просвѣщено крещеніемъ

стоялаго крестьянскаго дома, попасть въ казачій, гдѣ въ бесѣдѣ съ казачьимъ учителемъ я узналъ объ Иванѣ и его безуспѣшныхъ хлопотахъ о крещеніи. Удивительно, почему этотъ юноша до сихъ поръ не могъ быть крещенъ!

„Не правда-ли, что эти строки почти буквально повторяютъ исторію крещенія первенца Алтайскаго, и о. Филаретъ пишетъ будто-бы старинную начальную исторію Алтайской миссіи, а не новую, начинающуюся исторію миссіи Киргизской. Въ весьма многихъ частностяхъ, какъ бы случайныхъ, сходство, одной съ другою подаетъ благую надежду на то, что и дальнѣйшая исторія юной Киргизской миссіи (дай Богъ только,—что бы одною свѣтлой, отрадной стороной) будетъ совпадать съ исторіею, уже полувѣковой, юбилей проводившей, миссіи Алтайской“.

III.

Переводъ миссіонерскаго стана въ Семипалатинскъ.—Бесѣда съ заключенными киргизами и предостереженія.—Поиски мѣста для постояннаго стана миссіи.—Поселокъ Буконь.—Первый постоянный станъ Киргизской миссіи.

Въ мартѣ того-же 1883 г., когда положено было фактическое начало Киргизской миссіи, Киргизскій миссіонерскій станъ былъ переведенъ временно въ Се-

---

нѣсколько сотъ человѣкъ, преимущественно калмыковъ и татаръ. Его преемники въ должности начальника Алтайской миссіи были протоіерей Ландышевъ и архим. Владиміръ»... Говоря далѣе о христіанствѣ, какъ наиболѣе дѣйствительномъ средствѣ къ обрусѣнію инородцевъ, авторъ продолжаетъ. «То-ли мы видимъ тамъ, гдѣ полагались искусственныя препятствія распространенія христіанства? Вспомните о Киргизской степи. Туда не пустили въ 30 годахъ одного изъ самоотверженныхъ и преданнѣйшихъ Слову Божію проповѣдниковъ. Почему? Потому, что не хотѣли вносить религіозную рознь въ среду киргизовъ и раздражать ихъ фанатизмъ. Но киргизы въ это время были еще почти язычниками; магометанство только что стало распространяться; никакого фанатизма, свойственнаго магометанству, между ними не было. И такъ, что же нужно было дѣлать съ ними, въ видахъ чисто правительственныхъ? Нужно было

мипалатинскѣ. Въ Семипалатинскѣ о. миссіонеру было поручено настоятельство въ тюремной церкви. Въ тюрьмѣ было не мало заключенныхъ киргизовъ. У миссіонера Киргизской миссіи естественно было желаніе побесѣдовать съ ними.

„Однажды я случайно вошелъ въ большую тюремную камеру, въ которой находилось человѣкъ до 15 киргизовъ На вопросъ одного изъ нихъ: что мнѣ отъ нихъ нужно? я отвѣтилъ, что законъ христіанскій обязываетъ меня посѣщать всѣхъ заключенныхъ безъ различія вѣры, а потому я и къ нимъ пришелъ побесѣдовать,—спросить ихъ: каково живется имъ здѣсь, гдѣ ихъ семейства, сколько ихъ, скучаютъ-ли они о своихъ родныхъ, друзьяхъ, о своихъ аулахъ и широкой, необъятной степи и т. п.?

„Этими и подобными общими вопросами я и предполагалъ было ограничить свое собесѣдованіе съ киргизами. Но вдругъ одинъ изъ нихъ говоритъ мнѣ, что русскіе заключенные, получая подаяніе для всѣхъ узниковъ, дѣлятся имъ несправедливо, оставляя большую часть для себя и отдавая киргизамъ меньшую,—и что позволяетъ-ли такъ дѣлать намъ христіанскій законъ? На это я сказалъ, что если русскіе заключенные и дѣлаютъ такъ, то, вѣроятно, потому, что ихъ значительно

препятствовать распространенію между ними магометанства,—скажете вы? Нѣтъ, не то; оказалось нужнымъ искусственно распространять и укрѣплять между ними магометанство; для чего стали вызывать муллъ изъ фанатической Бухары, строить мечети часто руками русскихъ казаковъ! Какіе же были результаты такихъ мѣропріятій? Тѣ, что тамъ и доселѣ нельзя обойтись безъ военныхъ форпостовъ для удержанія киргизовъ въ повиновеніи... Не говорю, чтобы въ этомъ покровительствѣ магометанству виновенъ былъ какой-либо злой умыселъ; нѣтъ, всему виной религіозный индифферентизмъ, или поверхностное понятіе о религіозной свободѣ, навѣянное XVIII вѣкомъ, соединенное съ стремленіемъ регламентировать то, что не поддается никакой регламентаціи,—сердечныя, внутреннія, самыя сокровенныя убѣжденія человѣка»...

больше числомъ, нежели киргизъ,—но что, если они дѣйствительно утаиваютъ подаянія, то это совершенно противно закону христіанскому.

„Киргизы слушали мое слово съ напряженнымъ вниманіемъ, видя которое, я невольно увлекся, забылъ всѣ предостереженія и совѣты и началъ подробно разсказывать и изъяснять заповѣдь Спасителя о любви къ ближнимъ, при чемъ разсказалъ притчу о милосердомъ Самарянинѣ. Вниманіе слушателей было необыкновенно большое. Слова мои переводилъ одинъ изъ заключенныхъ-же киргизъ, переводилъ толково и оживленно, чѣмъ вызывалъ у слушающихъ то вздохи, то восклицанія, въ родѣ слѣдующихъ: „Никогда и ничего подобнаго мы не слыхали про русскую вѣру“. „Какія хорошія слова говоритъ этотъ мулла! Онъ такъ учитъ, какъ учитъ здѣшній ахунъ“! Видя усердіе киргизъ къ слушанію моего слабаго, но искренняго слова, я просилъ у нихъ позволенія еще побывать для взаимной бесѣды, и они, низко кланяясь и благодаря за настоящую бесѣду, просили приходить къ нимъ, когда я пожелаю. Но, къ великому моему прискорбію, визитъ мой къ заключеннымъ въ тюрьмѣ киргизамъ былъ первый и вмѣстѣ послѣдній, такъ какъ я потомъ получилъ нѣсколько новыхъ предостереженій отъ г. губернатора быть крайне осторожнымъ“.

Предостереженія, какія неоднократно приходилось выслушивать въ Семипалатинскѣ, ясно указывали, что Семипалатинскъ былъ еще неподходящимъ мѣстомъ для Киргизской Миссіи; что нужно искать другого мѣста для миссіонерскаго стана. Совершая поѣздки по казачьимъ поселеніямъ, расположеннымъ по теченію рр. Нарыма, Бухтармы и Иртыша, съ цѣлью, посредствомъ разспросовъ и личныхъ наблюденій, подыскать мѣсто, удобное для стана Киргизской миссіи, о. Филаретъ прибылъ въ казачій поселокъ Буконь.

„Поселокъ этотъ окруженъ съ трехъ сторонъ кир-

гизскими кочевьями, а съ четвертой маленькимъ безъуѣзднымъ городкомъ Кокпетами, вмѣщающемъ въ себѣ, кромѣ русскихъ обывателей, нѣсколько семействъ татаръ съ мечетью.

„Буконскіе казаки представляютъ собою контрастъ со всѣми, доселѣ видѣнными мною сибирскими казаками: истинное и широкое гостепріимство, почтительность, необыкновенное трудолюбіе, а отсюда во всемъ и почти у всѣхъ достатокъ, усердіе къ посѣщенію храма Божія, набожность и, вообще, религіозный складъ ихъ жизни— вотъ что я не могъ не видѣть, къ моему утѣшенію, въ добрыхъ Буконцахъ, проживъ у нихъ нѣсколько дней".

„Въ бесѣдахъ съ Буконцами, похваливъ ихъ христіанскую жизнь, я выразилъ свое удивленіе, что въ Букони нѣтъ ни одного крещенаго изъ киргизъ, когда кругомъ и среди ихъ, въ качествѣ, напримѣръ, работниковъ и пастуховъ, одни только киргизы. Мнѣ отвѣчали, что на это они „не надоумились", и что, кромѣ того, были среди нихъ одинъ киргизъ и одна киргизка, два года безуспѣшно хлопотавшіе о своемъ крещеніи, и затѣмъ, возвратившіеся опять въ степь къ роднымъ, не дождавшись исполненія своего желанія, встрѣтившаго преграду въ разныхъ необходимыхъ формальностяхъ. Имѣя въ виду такіе и подобные факты, и, кромѣ того, близость здѣсь киргизскихъ кочевьевъ, а главное— добрые примѣры доброй христіанской жизни буконцевъ для будущихъ прозелитовъ, я высказалъ жителямъ Букони мое намѣреніе, если Господь благословитъ, основать въ ихъ поселкѣ свой станъ".

Въ концѣ того-же года въ поселкѣ Букони открытъ былъ первый постоянный станъ Киргизской миссіи.

При началѣ миссіонерскаго дѣла среди киргизовъ многіе высказывали сомнѣніе въ успѣхѣ этого благого начинанія и даже боязнь за благопріятный исходъ дѣла.

„Эта боязнь и эти опасенія неосновательны, по нашему мнѣнію и по мнѣнію людей, хорошо знающихъ

киргизскій народъ. Напрасно приписываютъ киргизамъ какой-то дикій фанатизмъ въ дѣлѣ религіи, могущій будто, вслѣдствіе проповѣди въ степи христіанства, агитировать киргизъ, склонить ихъ къ волненію во имя неприкосновенности ихъ магометанской религіи. По увѣреніямъ лицъ, близко стоящихъ къ киргизамъ, ничего подобнаго быть не можетъ, ибо значительное большинство киргизовъ далеко не столь фанатично и не столь привязано къ магометанству, какъ то воображаютъ иные слишкомъ боязливые опекуны ихъ. Киргизы въ массѣ, и нынѣ, все еще тѣ-же полуязычники и полумагометане, какими они были за пятьдесятъ пять лѣтъ назадъ (говорилось это въ 1882 г.). Духовенство ихъ, въ большинствѣ, малограмотно, весьма не сильно въ магометанскомъ вѣроученіи и, извѣстное при этомъ своимъ крайнимъ сребролюбіемъ и вымогательствомъ, не пользуется въ народѣ полнымъ авторитетомъ, а потому и не въ силахъ нафанатизировать свою кочевую паству. Смышленость киргизъ, ихъ довѣрчивое отношеніе къ русскимъ, ихъ воспріимчивость къ цивилизаціи, природная способность къ изученію русскаго языка и многія другія добрыя качества—даютъ основаніе надѣяться на успѣшность распространенія между ними христіанства, при условіи, конечно, разумной, внимательной, основанной на евангельской кротости и любви, дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ. Но при этомъ, со стороны гражданской администраціи необходимо не стараніе скрыть, замаскировать дѣятельность проповѣдниковъ, но гласное и широкое покровительство миссіямъ. Безъ этого, руки миссіонеровъ связаны и свѣточъ истинной вѣры скрытъ подъ спудомъ, а не поставленъ, какъ подобаетъ, на свѣщникѣ, да свѣтитъ всѣмъ".

IV.

Годы миссіонерства среди киргизовъ —Разнообразіе трудовъ, скорби и искушенія.

Со времени учрежденія въ Буконскомъ поселкѣ перваго постояннаго стана Киргизской Миссіи, о. Филаретъ всецѣло посвящаетъ себя на служеніе миссіонерству среди киргизовъ. Въ лицѣ его Киргизская Миссія нашла энергичнаго дѣятеля, самоотверженнаго труженника въ дѣлѣ проповѣданія слова Божія, въ трудахъ по насажденію просвѣщенія, въ отеческихъ заботахъ о духовномъ и вещественномъ благосостояніи новокрещенныхъ, въ изученіи нравовъ и обычаевъ киргизскихъ для миссіонерскихъ цѣлей. Съ октября 1882 г. по іюнь 1893 г. продолжалась дѣятельность о. Филарета среди киргизовъ. Много пришлось потрудиться первому киргизскому миссіонеру, а еще больше пережить, и перечувствовать за эти годы почти одинокаго служенія. Гдѣ? На границѣ земли Русской, среди дикихъ кочевьевъ, вдали отъ родныхъ и родины, внѣ привычныхъ, условій культурной жизни, тамъ, гдѣ рѣдко слышится говоръ родного языка, гдѣ не знаютъ вѣры христіанской, гдѣ за принятіе христіанства подвергаютъ новокрещенныхъ побоямъ и истязаніямъ ихъ дикіе сородичи, тамъ, гдѣ нерѣдко похищаютъ новокрещенныхъ и скрываютъ ихъ или среди неприглядныхъ кочевьевъ киргизскихъ степей, или въ смежныхъ со степями областяхъ Китайской имперіи! Удивительно, если при такихъ условіяхъ миссіонерствованія вѣропроповѣднику Киргизской Миссіи приходилось испытывать болѣе скорбей, болѣе трудовъ, болѣе огорченій, чѣмъ его собратіямъ въ другихъ мѣстахъ. Подъ вліяніемъ скорбей, искушеній и лишеній, изъ глубины сердца вѣропроповѣдника вырывается вопль наболѣвшей души: „аще приступаеши работати Господеви, уготовися ко искушенію, управи сердце твое, и, что нанесено будетъ тебѣ, потерпи“ (1 Сир.) „Эту святую истину пришлось испытать намъ

дважды: при вступленіи нашемъ, для работы Господеви, въ Алтайскія горы и въ Киргизскую степь. Тяжелымъ опытомъ извѣдали мы, что, кажется, никакая работа не предполагаетъ столько искушеній, столько усилій, чтобы „управить сердце свое“, столько не требуетъ терпѣнія, какъ работа Господу, въ особенности при ея началѣ.

„Работая на Алтаѣ семь лѣтъ, много приходилось испытывать искушеній и скорбей, съ трудомъ выносимыхъ, и то только при помощи Божіей. И думалось намъ, что искушеніями и скорбями алтайскими мы довольно приготовились для встрѣчи болѣе или менѣе тяжелыхъ испытаній въ Киргизской миссіи. Но это были только думы и надежды не сбывшіяся“!

V.

Киргизы, ихъ характеръ.—Кочевой образъ жизни киргизовъ, ихъ нравы и обычаи, какъ препятствія для распространенія среди нихъ христіанства.

Промыслу благоугодно было, что бы основателемъ Киргизской миссіи былъ о. Филаретъ, нынѣ епископъ Владикавказскій и Моздокскій Владиміръ. Ему-то прежде другихъ пришлось понести на своихъ раменахъ все бремя трудовъ миссіонерства среди киргизовъ. Природный характеръ киргизовъ, кочевой образъ жизни, ихъ нравы и обычаи, принятіе и распространеніе магометанства среди киргизовъ—все это служило великимъ препятствіемъ къ распространенію христіанства среди киргизовъ. Почва, на которой нужно было сѣять слово Божіе, была весьма неблагопріятна для виноградника Христова, тѣмъ не менѣе десница Божія и среди киргизскихъ степей насадила свой виноградъ.

Съ глубокимъ прискорбіемъ отзывается о. Филаретъ о дурномъ характерѣ киргизовъ, какъ объ одномъ изъ препятствій къ принятію ими слова Божія.

„Проживши съ киргизами нѣсколько лѣтъ на Алтаѣ и здѣсь, въ Киргизской степи, мы имѣемъ право ска-

зать о нихъ нѣсколько словъ, къ сожалѣнію, не въ ихъ пользу.

На сколько алтаецъ простъ и тихъ, на столько киргизъ лукавъ, лицемѣренъ и дико горячъ; въ особенности лукавства много въ киргизахъ. Эта антипатичная черта душевнаго ихъ характера не изглаживается ни лучшимъ воспитаніемъ, ни относительнымъ образованіемъ. Намъ приходилось имѣть дѣло съ киргизами еще съ дѣтства находившимися на попеченіи людей благовоспитанныхъ и образованныхъ, предоставлявшихъ школьное образованіе своимъ воспитанникамъ въ надеждѣ на благотворные результаты образованія, долженствовавшаго поставить таковаго киргиза гораздо выше своихъ соплеменниковъ-степняковъ, которые могли-бы увѣриться въ благотворности школьнаго образованія на своемъ сородичѣ. Но надежды не оправдались. Доброе воспитаніе не привилось къ нимъ, а образованіе принесло имъ, пожалуй, еще вредъ, развивъ въ нихъ чрезмѣрную чванливость и давши имъ большую практику для сутяжничества и доносовъ... Природное-же ихъ лукавство, и лицемѣріе отъ образованія сдѣлалось только скрытнѣе.

Кромѣ лукавства, киргизъ лицемѣренъ и льстивъ; обманъ и лжесвидѣтельство такъ же присущи киргизу, какъ и хитрость; при безсильной злобѣ, или по подкупу,—что въ ходу у киргизовъ, онъ способенъ доказать что угодно. Мы указали на природныя свойства душевнаго характера киргизовъ для того, чтобы видѣть, какъ трудно миссіонеру узнать искренность желанія киргиза принять вѣру христіанскую и угадать благонадежность его, какъ будущаго члена церкви.

Кочевой образъ жизни киргизовъ также не мало препятствуетъ проповѣданію слова Божія.

Съ весны киргизы обыкновенно оставляютъ свои зимовки („кыстау“) и удаляются въ мѣста удобныя для подножнаго корма ихъ животныхъ. Мѣста эти („жайляу“) киргизы смѣняютъ по мѣрѣ вытравленія корма ихъ ско-

томъ. Глубокою осенью они возвращаются въ свои зимовки.

При перекочевкѣ ихъ зимовокъ въ лѣтнія стойбища, киргизы оставляютъ лучшее и большее имущество въ зимовкахъ, а съ собою берутъ лишь только необходимое; даже серебро, въ китайскихъ ямбахъ, если его много, зарываютъ въ землю, зашивши предварительно въ сырую кожу баранью или коровью. По поводу такого способа храненія серебра, намъ разсказали о слѣдующемъ случаѣ.

Одинъ очень богатый киргизъ, укочевывая въ „жайляу", имѣвшееся у него въ большемъ количествѣ серебро зашилъ въ сырую бычачью кожу и зарылъ въ землю. Спустя нѣкоторое время, киргизъ пріѣхалъ въ свою зимовку съ цѣлью посмотрѣть, цѣло-ли его серебро. Подходя къ мѣсту, гдѣ было зарыто серебро, онъ съ ужасомъ видитъ, что серебро его поверхъ земли всюду разбросано, а отъ мѣшка, въ которомъ зашито было серебро, валяется лишь нѣсколько небольшихъ клочковъ кожи. Собравъ и повѣривъ серебро, киргизъ успокоился, ибо не замѣтилъ убыли въ немъ.

Въ самое жаркое время киргизы находятся обыкновенно въ горахъ — лѣтнихъ своихъ стойбищахъ, откуда начинаютъ спускаться съ половины іюля. Съ этого времени почти каждый день можно видѣть въ степи безпрерывную цѣпь верблюдовъ, лошадей и быковъ, навьюченныхъ юртами и разнымъ домашнимъ скарбомъ. Все это тянется по направленію къ своимъ зимовкамъ. Пройдя нѣсколько верстъ, иногда только версты двѣ-три, киргизы останавливаются, развьючиваютъ своихъ животныхъ и стоятъ на одномъ мѣстѣ недѣлю—двѣ, пока есть подножной кормъ, затѣмъ тянутся далѣе. Такое передвиженіе киргизовъ продолжается до зимы, когда они останавливаются каждый въ своей зимовкѣ, гдѣ и живутъ въ продолженіи всей

зимы въ такихъ избушкахъ-землянкахъ, большинство которыхъ похожи скорѣе на норы звѣрей, нежели на жилье человѣческое.

И какая громадная разница въ жизни киргиза лѣтомъ и зимою! Лѣтомъ, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, киргизъ ведетъ привольную жизнь, пользуясь прекраснымъ воздухомъ, горнымъ и степнымъ. Изобиліе коровьяго, овечьяго и верблюжьяго молока доставляетъ и бѣдняку ежедневно питательную пищу. Почти каждый день киргизъ или принимаетъ гостей, или самъ въ гостяхъ,—а это, по обычаю, не обходится безъ мяса свѣжезаколотаго барана. Кумысъ, приготовляемый у большинства киргизовъ, кромѣ питательности своей, освѣжаетъ и ободряетъ кочевниковъ. Поминки, которыя устраиваются обыкновенно лѣтомъ, доставляютъ киргизамъ любимое ихъ развлеченіе—бѣгъ на лошадяхъ, безъ котораго не обходятся поминки. Войдя лѣтомъ въ юрту сколько-нибудь достаточнаго киргиза, нерѣдко увидишь его растянувшагося на коврѣ и послѣ кумыса погруженнаго въ легкую дрему, или беззаботно бренчащаго на домбрѣ, или слушающаго сказки о „батыряхъ“. Но наступаетъ зима и къ этому времени каждый киргизъ занимаетъ свое зимнее стойбище. Всею семьею киргизскою, нерѣдко многочисленною, наполняется до крайней тѣсноты крохотная нора—избушка, тускло освѣщенная маленькимъ окошечкомъ, обтянутымъ нерѣдко брюшиной вмѣсто стекла. Вскорѣ избушка пропитывается всевозможными міазмами, дѣлающими атмосферу невыносимою. Ѣдкій дымъ отъ импровизированнаго очага, паръ изъ котла, въ которомъ варится мясо, нерѣдко больного животнаго, а иногда и падали, испаренія отъ обитателей, не моющихся и почти всю зиму не перемѣняющихъ бѣлья, миріады насѣкомыхъ и масса мышей и крысъ, свободно всюду бѣгающихъ, дѣлаетъ жизнь для свѣжаго человѣка почти невозможною.

Здѣсь собраны всѣ антигигіеническія условія для быстраго и безпощаднаго вымиранія на случай появленія среди ихъ какой либо эпидеміи.

При такой обстановкѣ, къ концу зимы, киргизы съ своими животными еще испытываютъ не рѣдко и порядочную голодуху. Запасъ зимній, состоящій обыкновенно изъ заколотыхъ съ осени разныхъ животныхъ, киргизами, по обыкновенію, быстро истребляется; хлѣбъ еще съ осени частію продается, а частію разбирается родичами, для себя-же оставляется небольшая пропорція; сѣна для рогатаго скота и овецъ часто не достаетъ. Поэтому къ концу зимы и люди и животныя отъ истощенія такъ ослабѣваютъ, что едва двигаютъ ноги. Но вотъ природа воскресаетъ, а съ нею и жизнь киргизская".

Съ принятіемъ христіанства киргизамъ приходится оставлять свои стародавніе обычаи, къ которымъ они привыкли съ малыхъ лѣтъ. Нежеланіе разстаться съ своими родными дѣдовскими и отцовскими обычаями иногда удерживаетъ киргизовъ отъ перехода въ христіанство. Конечно, всякому дорого то, съ чѣмъ онъ сроднился отъ колыбели, все-же для посторонняго наблюденія кажутся странными такіе обычаи въ религіозно-обрядовой и бытовой жизни киргизовъ, какіе, напр., строго соблюдаются при поминкахъ по умершимъ или при сватовствѣ *).

---

*) «Во время пребыванія нашего въ киргизскихъ стойбищахъ видѣнное нами изъ религіозно-обрядовой и бытовой жизни киргизовъ мы отмѣчали въ своемъ дневникѣ. Такъ, намъ доводилось присутствовать, когда киргизы справляли по умершемъ «бату», «Бата»— собственно молитвословіе по умершемъ—имѣетъ характеръ, вообще, поминокъ, но разнится отъ тѣхъ поминокъ, которыя называются «асъ». На послѣднихъ бываетъ «байга» съ призами и гости приглашаются заблаговременно и при томъ, однажды, въ первый годъ смерти, тогда какъ на «бату». собираются только съ ближайшихъ ауловъ по нѣсколько разъ въ годъ и при томъ, когда вздумается.

Одѣвшись въ лучшія одежды, захвативши съ собою по «сабѣ»

VI.

Магометанство среди киргизовъ.—Молды или муллы, грамотность среди киргизовъ.—Вліяніе татаръ на киргизовъ.—Время принятія киргизами магометанства.—Пилигримство киргизовъ въ Мекку.—Сѣтованія киргизовъ о добромъ старомъ времени.—Плоды магометанской проповѣди среди киргизовъ.

Распространеніе и утвержденіе магометанства среди киргизовъ—одно изъ самыхъ главныхъ препятствій для христіанской проповѣди киргизамъ. Если не будетъ принято надлежащихъ мѣръ, для содѣйствія миссіи и для возможнаго ослабленія магометанской пропаганды среди киргизовъ, то, можетъ быть, и не далеко то время, когда киргизы будутъ потеряны для церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для православнаго христіанскаго отечества, какъ народъ, который могъ-бы стать христіанскимъ и не сдѣлался имъ.

„Киргизы враждебно смотрятъ на переходъ своихъ соплеменниковъ въ христіанство, и лишь только при-

---

кумысу, незванные гости являются въ тотъ аулъ, гдѣ былъ покойникъ, которому еще не окончилось года со дня его смерти. На коврахъ разстилаются скатерти, а за неимѣніемъ ихъ—шали или куски какой-либо матеріи, по обѣимъ сторонамъ коихъ садятся гости. Подается нѣсколько деревянныхъ чашекъ съ только что сваренною бараниной. Кто поближе къ чашкѣ, тотъ разрѣзываетъ мясо на мелкіе куски, при чемъ подается «тузлукъ»—растворенная въ бульонѣ соль, такъ какъ баранина варится безъ соли. Одинъ изъ грамотѣевъ прочитываетъ нѣсколько ни для кого непонятныхъ стиховъ изъ Корана, чѣмъ и благословляется трапеза. Когда гости поѣдятъ баранину, подаютъ имъ по чашкѣ «сорпы» (бульону), послѣ чего прислуга подноситъ каждому гостю мѣдный рукомойникъ (кумганъ) и тазъ, надъ которымъ гости вымываютъ свои руки, не вставая съ мѣста. Наконецъ, служившая имъ женщина скомандовала: «бата кылыңлар!» (сотворите молитву),—и всѣ гости, какъ одинъ, съ словомъ: «Аллаһ», погладили обѣими руками свои лица—обычный мусульманскій молитвенный обѣдъ. Послѣ этого всѣ гости поднялись со своихъ мѣстъ и отправились въ аулы.

...Однажды намъ пришлось присутствовать при окончательномъ

гизовъ, всюду рыскающихъ, что-бы словить бѣжавшаго и умчать въ степь".

Впрочемъ, въ настоящее время „и не многое наше знакомство съ киргизами приводитъ насъ, если не къ убѣжденію, то къ болѣе или менѣе вѣрному предположенію, что исламъ внутренно не достаточно привитъ въ нихъ. Фанатизма, свойственнаго магометанамъ-татарамъ, мы не замѣчали. Вся религіозная ихъ жизнь выражалась въ одномъ только исполненіи обрядовой стороны магометанскаго закона, безъ пониманія смысла и духа его. При этомъ нельзя было не замѣтить, что и исполненіе требованій религіозныхъ находится въ зависимости отъ степени матеріальнаго состоянія исполнителей. Болѣе состоятельные киргизы имѣютъ при себѣ муллъ, обряды своей религіи выполняютъ усерднѣе и точнѣе. Люди-же недостаточные относятся къ вѣрѣ своей равнодушнѣе. Но кажется, что и не особенно далеко то будущее, когда киргизы могутъ сдѣлаться въ душѣ ярыми мусульманами, къ чему способствуютъ: быстрое

сватовствѣ, обрядность котораго была хотя и незатѣйлива, но не безъ комизма. Сватовство обыкновенно длится нѣсколько лѣтъ, пока не уплатится за невѣсту калымъ и сватовья не обмѣняются подарками. Все это между сватовьями окончилось, и хозяинъ юрты, гдѣ была невѣста, собралъ родныхъ и знакомыхъ одноаульцевъ объявить имъ объ окончанномъ сговорѣ. Заколотъ былъ для угощенія баранъ, изъ котораго приготовили особое кушанье «куйрукъ-бауръ» — вареная печень съ курдючнымъ саломъ, густо облитая сметаною. Когда поѣли баранину, то привесли хозяину «куйрукъ-бауръ». Отвѣдавши этого кушанья, хозяинъ взялъ горсть «куйрукъ-бауръ», приглашая гостей подходить къ нему. Каждый гость долженъ былъ принимать это кушанье съ горсти хозяйской прямо ртомъ. Но лишь только гость схватывалъ кусочки печени, какъ хозяинъ моментально смазывалъ оставшееся на его ладони сметаною физіономію гостя. Вымазанные гости принимались за очистку лица и ноздрей отъ сметаны, возбуждая при этомъ общій смѣхъ.

Какъ ни непривлекателенъ этотъ обычай, но брачный сговоръ считается состоявшимся только тогда, когда сватовья съѣдятъ вмѣстѣ съ присутствующими «куйрукъ-бауръ». Записки Кирг. мис.», за 1886 г.

распространеніе среди нихъ татарской грамотности и ревностная пропаганда ислама сартами и бухарцами, ведущими въ Киргизской степи мѣновую торговлю. Вліяніе этихъ мусульманъ огромное. По ихъ убѣжденію, нѣкоторые богатые киргизы отправляютъ своихъ дѣтей въ Бухару, въ таможнее медрессе, откуда возвращаются они „учеными“, а главное достаточно нафанатизированными муллами, словомъ которыхъ степняки внимаютъ съ благоговѣніемъ“.

Всѣхъ грамотныхъ киргизы обычно называютъ „молдами“ или муллами. Они учатъ дѣтей грамотѣ и исправляютъ нѣкоторые религіозные обряды, напр., выкрикиваютъ „азанъ“ (приглашеніе на молитву) и читаютъ „бату“ надъ покойникомъ.

Грамотность среди киргизовъ развивается весьма быстро: грамоту изучаютъ не только мальчики, но и дѣвочки. Состоятельные киргизы имѣютъ для своихъ дѣтей учителя (молду), а бѣдные присылаютъ къ нему своихъ дѣтей. Грамотный отецъ обязательно учитъ своихъ дѣтей грамотѣ. „Сближеніе киргизовъ съ татарами замѣтно. Связующимъ звеномъ служитъ здѣсь, конечно, исповѣданіе одной и той-же магометанской религіи, которая, насаждаясь среди воспріимчивыхъ киргизовъ, въ то-же время вытѣсняетъ народный ихъ духъ, чему много способствуютъ книжныя пѣсни, произведенія не народныя, а представителей ислама—муллъ. Въ будущемъ и, вѣроятно, не особенно далекомъ, все національное киргизское безслѣдно исчезнетъ. И теперь нѣкоторыя дѣвушки начинаютъ бросать свой костюмъ, замѣняя его костюмомъ татарскимъ“.

Думается, что не далеко то время, когда всякую мусульманскую грамоту уразумѣютъ киргизы, хотя теперь они многое не понимаютъ. Торгующіе среди нихъ въ огромномъ количествѣ сарты, татары и другіе выходцы изъ Ташкента и Бухары, мѣняя свой товаръ на барановъ и скотъ, не упускаютъ изъ виду сѣять сѣмена

ислама, продавая киргизамъ мусульманскія книги и толкуя имъ непонятныя для нихъ изреченія.

„На мои распросы о времени принятія киргизами магометанской вѣры, Сопэ (грамотный киргизъ) отвѣчалъ, что вѣру магометанскую содержатъ они очень давно, но что дѣды ихъ, не будучи грамотны и научены отъ кого-либо о томъ, какъ надо содержать вѣру Магометову, только назывались магометанами. Ни постовъ, ни молитвъ, ни другихъ предписаній магометанскаго закона они не знали, а потому и не исполняли. Отцы-же ихъ, будучи научены грамотѣ муллами и другими магометанами—выходцами изъ Ташкента, Бухары и Казани—усвоили отъ нихъ и обряды магометанскіе".

„Однажды мы узнали, что два киргиза Базаровской волости отправляются въ Мекку; одинъ по собственному желанію, а другой по найму. Наемъ этотъ совершился такимъ образомъ: одинъ богатый киргизъ далъ обѣщаніе съѣздить въ Мекку, но за болѣзнью немогъ исполнить своего обѣщанія. Умирая, онъ завѣщалъ, какъ говорятъ, двѣ тысячи рублей тому киргизу, который съѣздитъ за него въ Мекку.

Такъ, и среди киргизовъ ежегодно является не мало пилигримовъ. Однако-же это пилигримство, говорятъ, явилось среди киргизовъ всего лѣтъ двадцать".

„Отъ одной дряхлой старухи мы пожелали узнать что-либо о прошломъ, дабы сравнить съ настоящимъ. Старуха отвѣтила: прежде было гораздо лучше. Хотя мы раньше и Богу не умѣли молиться и постовъ не знали и чистоты никакой не соблюдали, но зато старшихъ болѣе почитали, въ семействѣ было больше согласія, въ людяхъ было больше правды, а нужды почти не знали. Теперь не то: непочитаніе старшихъ и непослушаніе, разладъ между своими; а чужіе только и норовятъ обмануть; воровство уже и грѣхомъ не почитаютъ: народъ сталъ болѣе и болѣе бѣднѣть,—житье стало хуже!"

Что-бы узнать, на сколько справедливы похвалы старому доброму времени и сѣтованіе о настоящемъ, мы обращались съ вопросами объ этомъ къ старикамъ разныхъ волостей, и получали тѣ-же отвѣты. Слыша сѣтованіе на ослабленіе добрыхъ отношеній и развитіе пороковъ среди киргизовъ, по мѣрѣ проникновенія въ ихъ религіозную жизнь ислама, невольно спрашиваешь себя: что-же дала магометанская религія Киргизскому народу"?

Нѣкоторымъ отвѣтомъ на это можетъ послужить слѣдующій фактъ. „Является однажды въ Базаровскую волость татаринъ въ довольно поношенномъ азіатскомъ костюмѣ и выдаетъ себя за подданнаго турецкаго султана. Будучи, будто бы, въ послѣднюю съ турками войну плѣненъ русскими, онъ недавно получилъ позволеніе возвратиться обратно въ Турцію. Теперь, возвращаясь на родину, онъ проситъ ихъ, какъ своихъ единовѣрцевъ, оказать ему помощь. Киргизы, внимая разнымъ небылицамъ, съ избытколъ награждаютъ его *) и одеждой и деньгами, съ большимъ любопытствомъ распрашивая его о Турціи и особено о ея властелинѣ.

Этотъ фактъ остановилъ наше вниманіе и мы невольно спрашиваемъ себя: что побуждаетъ киргизъ такъ усердно принимать и щедро награждать всякаго проходимца, выдающаго себя за турецко-подданнаго? Свойственное степнякамъ гостепріимство? Но таковое они оказываютъ гостю, пріѣхавшему на сытой лошади, съ блестящею сбруею въ сопровожденіи джигита, а не оборванцу, на котораго богатые и почетные киргизы смотрятъ съ презрѣніемъ. Не единственно ли вѣра? Но всѣ бѣдные и нищіе киргизскіе рѣдко пользуются пособіемъ отъ людей богатыхъ, между тѣмъ какъ такому проходимцу, о которомъ мы говоримъ, все къ услугамъ и по-

*) Оказалось, что проходимецъ этотъ хотя и татаринъ, русскій подданный, отставной солдатъ, идущій въ отпускъ въ Семирѣчье.

четъ и ласки, и предупредительность, и различныя пособія. По нашему мнѣнію, такое необыкновенное вниманіе киргизы оказываютъ такимъ гостямъ, только потому, что они выдаютъ себя за османовъ. Но кому киргизы обязаны своими симпатіями къ невѣдомому народу и къ ихъ повелителю? Никому иному, какъ только татарамъ, этимъ непримиримымъ врагамъ христіанства, а потому и не имѣющимъ искренняго вѣрноподданническаго патріотическаго чувства къ своему христіанскому отечеству.

Ни для кого здѣсь не секретъ, что въ послѣднюю русско-турецкую войну Кокпектинскіе татары не мало посылали въ Стамбулъ денежнаго пособія съ искреннимъ и, вѣроятно, молитвеннымъ пожеланіемъ одолѣть тѣхъ „враговъ“, среди которыхъ татары благоденствуютъ, какъ нигдѣ, пользуясь широкою свободою вѣроисповѣданія: возникновеніе и дальнѣйшее развитіе ислама среди киргизской степи обязано исключительно татарамъ. А гдѣ фанатическій исламъ, тамъ неискоренимая вражда къ христіанству, тамъ нѣтъ мѣста вѣрноподданническому патріотизму. „Доколѣ еврей будетъ ожидать своего царя мессію (а онъ всегда будетъ ожидать его, доколѣ онъ еврей), дотолѣ, сколько бы ни давалъ онъ присягъ, для него нѣтъ на землѣ царя, котораго онъ не долженъ былъ-бы оставить и презрѣть, коль скоро ему сказали, и онъ повѣритъ, что его мессія пришелъ и явился. Доколѣ мусульманинъ не откажется отъ алкорана, дотолѣ онъ всегда будетъ смотрѣть не въ Москву и Петербургъ, а въ Мекку, и преклоняться съ благоговѣніемъ предъ падишахомъ, который въ его понятіи—преемникъ Магомета и тѣнь Аллаха“ *). Что сказано преосвященнымъ Иннокентіемъ назадъ тому болѣе 40 лѣтъ

---

*) „Вѣра и разумъ“ 1886 г. ч. 1, письмо архіепископа Херсоно-Таврическаго къ Е. И. В. Великому Князю Константину Николаевичу отъ 20 іюня 1852 г.

то можно сказать и теперь и послѣ. Одно это, кажется, не должно бы допускать преступнаго индифферентизма въ тѣхъ, которые болѣе другихъ должны употреблять всѣ мѣры и средства, чтобы духовно породнить съ нами инородцевъ".

VII.

Русскіе интеллигенты, раскольники, казаки, крестьяне; случаи неблагопріятнаго вліянія ихъ на дѣло миссіи.

Много препятствій приходится преодолѣвать миссіонеру въ дѣлѣ его служенія. Скорбитъ его сердце, когда онъ встрѣчаетъ упорное сопротивленіе отъ иновѣрцевъ. Но что сказать и съ чѣмъ сравнить ту скорбь, которая угнетаетъ его сердце въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ встрѣчаетъ препятствіе для святого дѣла миссіи даже и среди русскихъ. На долю основателя Киргизской миссіи выпали и эти скорби.

Горе миссіи отъ такъ называемыхъ „интеллигентныхъ "людей, для которыхъ религіозная индифферентность выше христіанскаго общественнаго самосознанія. Они принадлежатъ „къ категоріи людей, считающихъ себя интеллигентными, которые, услыша о безпріютности какого-нибудь новокрещенаго, не трудясь отыскивать причины такого жалкаго его состоянія, готовы судить— и судятъ такъ: какая польза отъ миссіи? Новокрещеные не пристаютъ къ новой вѣрѣ какъ должно; таскаются, отъ русскихъ къ своимъ соплеменникамъ и обратно не имѣютъ у себя ничего опредѣленнаго; не симпатизируютъ христіанству и проч. и проч. Такіе судьи обыкновенно имѣютъ очень оригинальный взглядъ на миссію. По ихъ понятію, миссія должна быть разсадникомъ техническихъ, агрономическихъ и другихъ познаній и, по всему вѣроятію, не религіозныхъ: ибо о религіи никогда не услышишь изъ устъ такихъ радѣтелей преуспѣянія новокрещеныхъ".

Горе миссіи отъ раскольниковъ! „Эти жестокіе враги православія постоянно и усиленно дѣйствуютъ противъ

православной церкви среди новокрещенныхъ инородцевъ, не переставая увеличивать число своихъ прозелитовъ. Страшно хуля и понося православіе съ его представителями, раскольники употребляютъ всевозможныя средства для совращенія инородцевъ въ расколъ Участь-же несчастнаго совращеннаго въ расколъ инородца самая печальная: онъ вѣчный рабъ совратившаго, который, по свидѣтельству Урсульскаго миссіонера, безжалостно тиранитъ его за малѣйшія неисправности. А какихъ рѣчей не наслушается новокрещенный, попавшійся въ раскольничьи руки! Кромѣ проклятій, которыми раскольники обыкновенно осыпаютъ церковь Христову и ея служителей, они не рѣдко и публично высказываютъ возмутительныя хулы на Святѣйшее Таинство Тѣла и Крови Христовыхъ. Отсюда понятенъ тотъ вредъ, который наносится миссіи населеніемъ раскольниковъ среди иновѣрцевъ. Вредъ этого населенія сознанъ и кабинетомъ Его Величества, который, по просьбѣ начальника миссій, сдѣлалъ чрезъ Алтайское Горное правленіе распоряженіе о недопущеніи заселенія среди алтайскихъ инородцевъ раскольниковъ“ *).

Горе миссіи отъ тѣхъ казаковъ, которые, забывая о честномъ исполненіи своего служебнаго долга, смотрятъ на инородцевъ, какъ на легкую добычу! Что напримѣръ дѣлали иногда нѣкоторые казаки съ алтайскими калмыками? „Останавливаясь около юрты, они требовали себѣ отъ пугливыхъ калмыковъ барановъ, и кожи ихъ цѣлыми вьюками отправляли на калмыцкихъ-же лошадяхъ къ мѣсту своего жительства; въ случаѣ отказа употреблялось насиліе. Существуетъ свѣжее преданіе, которому очень легко вѣрится: неугодившаго чѣмъ-либо робкаго калмыка полупьяный казакъ останавливалъ среди пустынной дороги, втыкалъ передъ нимъ свою саблю и

*) Записки Алтайскаго миссіонера свящ. Ф. Синьковскаго, за 1876—81 гг.

приказывалъ не уходить съ мѣста, пока не получитъ онъ личнаго позволенія, а самъ между тѣмъ заворачивалъ въ первое попавшееся селеніе, гдѣ по его приказанію являлись араки и начиналась оргія... Несчастный-же калмыкъ, арестованный казацкою саблею, терпѣливо ожидалъ, пока грозный его повелитель явится къ нему и пинкомъ въ шею освободитъ его изъ-подъ ареста".

Горе миссіи и отъ тѣхъ русскихъ крестьянъ, которые, проводя безнравственную жизнь, селятся среди новокрещенныхъ инородцевъ и служатъ для нихъ образцомъ нравственнаго безобразія!

„Присутствіе русскаго элемента въ разныхъ мѣстахъ Алтая выражается самымъ отвратительнымъ образомъ. Пьянство, ссоры, драки, развратъ и чуть не на каждомъ шагу извѣстное русское красное словцо. Вотъ что частенько приноситъ съ собою русскій человѣкъ"!

При исполненіи духовныхъ требъ не разъ приходилось мнѣ убѣждаться въ томъ, что многіе новокрещенные инородцы больше имѣютъ познаній въ вѣрѣ христіанской, чѣмъ русскіе; что у послѣднихъ, кромѣ неимѣнія понятій о главнѣйшихъ истинахъ христіанскихъ, понятія о нравственности возмутительны; что сибирскій крестьянинъ имѣетъ собственный кодексъ нравственныхъ правилъ, съ ученіемъ Христовымъ несогласный. Не разъ приходилось мнѣ толковать русскимъ, о святости церковнаго брака, раньше котораго сожитіе почитается беззаконнымъ.

Видѣнное мною заставляетъ досказать, что родители не только не обращаютъ вниманія на такой развратъ, но даже сами, при выгодности брака, поспѣшно стараются устроить молодымъ людямъ брачное ложе, прежде совершенія брака, и тѣмъ какъ-бы предупредить возможность перехода невѣсты къ другому жениху. Но такой разсчетъ родителей очень часто бываетъ ошибоченъ. Если по какимъ-либо причинамъ вѣнчаніе замедляется, то невѣста не рѣдко переходитъ отъ одного жениха къ

другому, отъ другого къ третьему, а иногда и къ десятому, пока, наконецъ, съ кѣмъ либо обвѣнчается.

Отсюда и понятіе о бракѣ не какъ о таинствѣ, благодатно освящающемъ брачный союзъ, а какъ о юридическомъ актѣ, который не даетъ права женѣ убѣжать отъ мужа къ другому.

А что сказать о тѣхъ процентахъ, которые русскіе крестьяне позволяютъ себѣ иногда брать съ инородцевъ!

Изъ множества фактовъ укажемъ для примѣра на одинъ переданный намъ 70-тилѣтнимъ старикомъ.

Старикъ этотъ 17 лѣтъ тому назадъ имѣлъ несчастье занять у одного купца одноголѣтняго теленка, возрастъ котораго опредѣляется здѣсь наименованіемъ „торбокъ“, съ условіемъ отдать купцу черезъ годъ корову. Прошелъ годъ и другой, но должникъ не отдалъ долга. На третій годъ ведетъ старикъ своему кредитору корову, но тотъ, получивъ ее, объявляетъ, что такъ какъ съ каждымъ годомъ животныя плодятся, то въ теченіе 3-хъ лѣтъ съ него слѣдуетъ получить, кромѣ взятой, еще одну корову и два теленка. Отъ такого долга старикъ отказался. Черезъ три года купецъ заявляетъ должнику требованіе свое въ количествѣ десяти скотинъ разныхъ возрастовъ и при этомъ, грозитъ должнику земскимъ судомъ, котораго алтайцы весьма страшатся. „Впрочемъ, я не хочу тебя обижать“,—говоритъ великодушный купецъ: „да и возиться съ тобою по судамъ мнѣ не охота, а ты ежегодно хотя по одной скотинкѣ мнѣ уплачивай“.

„И вотъ, батюшка“,—заключилъ старикъ: „двѣнадцать лѣтъ я каждый годъ отдаю по одной скотинѣ, и все-таки состою должнымъ двѣнадцать коровъ“. Признаться, намъ не хотѣлось вѣрить сказочному разсказу старика, но посторонніе люди засвидѣтельствовали истинность разсказаннаго“.

„Отовсюду слышатся навязчивыя мнѣнія, что миссія сама по себѣ не можетъ изъ кочеваго и полудикаго

люда образовать гражданское общество, и что въ этомъ случаѣ единственную помощь можетъ оказать заселеніе края русскими. И мы вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе, но прибавляемъ, что если населеніе будетъ производиться безъ всякаго разбора, то гражданское общество хотя и организуется, но съ такими христіанами, отъ которыхъ отвернется и не-христіанское".

Тяжелъ жизненный крестъ миссіонера, но какъ усугубляется онъ родными руками русскихъ, не имѣющихъ національнаго и религіознаго самосознанія!

VIII.

Почему инородцы отказываются принимать христіанство.—Табунщикъ Чумбай.—Некрещенный калмыкъ Яшка.—Дюйсембе и мулла.—Уфимскій муфтій.

И среди язычниковъ-алтайцевъ и среди омусульманенныхъ киргизовъ постепенно вырастаетъ убѣжденіе въ превосходствѣ христіанства надъ магометанствомъ и язычествомъ, и тѣмъ не менѣе миссіонеру на предложенія его креститься приходится часто получать отрицательные отвѣты.

Съ киргизами мы бесѣдовали о вѣрѣ христіанской только тогда, когда вполнѣ благопріятствовали къ тому обстоятельства и когда находились внимательные охотники послушать насъ, хотя иногда вниманіе свое слушатель такъ маскировалъ, что не допускалъ никакого подозрѣнія въ скрытности истинной цѣли вниманія,—цѣли, совершенно противоположной той, которая воодушевляла насъ въ бесѣдѣ о христіанской вѣрѣ. Для примѣра укажемъ на одного такого слушателя, передавши кратко и бесѣду нашу съ нимъ.

Табунщикъ лошадей Чумбай не рѣдко посѣщалъ нашу юрту, угощая насъ кумысомъ, за который мы отдаривали его сухарями, а дѣтей—сахаромъ. Однажды Чумбай полюбопытствовалъ узнать, что это за книги, которыхъ довольно много было у насъ въ разныхъ мѣстахъ

юрты Удовлетворивъ его любопытство, мы завели бесѣду, вообще, о грамотности. Оказалось, что собесѣдникъ нашъ былъ неграмотенъ. Это дало намъ возможность узнать еще разъ, что и этотъ киргизъ, какъ и другіе неграмотные, съ которыми приходилось намъ бесѣдовать, имѣетъ свѣдѣнія о своей вѣрѣ крайне скудныя, и, кромѣ того, затемненныя такими баснями и легендами устрашающаго характера, которыя только развиваютъ и укрѣпляютъ суевѣріе среди неграмотнаго и безъ того суевѣрнаго люда.

Не понимая Корана, съ избыткомъ наполненнаго вымыслами, киргизскіе „молды“ даютъ широкій просторъ своей фантазіи, изображающей такія басни, которыя запугиваютъ довѣрчивыхъ и впечатлительныхъ степняковъ.

Когда мы предложили Чумбаю послушать нашей бесѣды изъ слова Божія, то онъ согласился съ полною охотою. Вниманіе къ нашей бесѣдѣ выказывалъ такое глубокое, что мы, одушевляясь имъ, невольно должны были раскрывать предметъ своей бесѣды подробнѣе. Выражая свое одобреніе и видимое довольство нашею бесѣдою, Чумбай углублялъ свое вниманіе, подвигаясь все ближе къ намъ, какъ-бы боясь пропустить и одно слово.

Въ заключеніе своей бесѣды мы прочли ему изъ Евангелія о второмъ пришествіи Іисуса Христа и затѣмъ спросили: какое ученіе кажется ему болѣе вѣрнымъ и лучшимъ? Чумбай отвѣтилъ: „Ваше ученіе гораздо лучше. Видно, муллы наши только обманываютъ насъ“. Затѣмъ Чумбай началъ высказывать похвалу русской вѣрѣ и довольство, что пришлось ему узнать не мало добраго объ этой вѣрѣ, при чемъ высказывался пренебрежительно о вѣрѣ магометанской.

Глубокое его вниманіе къ нашей бесѣдѣ, похвала и одобреніе христіанской вѣрѣ, несочувствіе къ вѣрѣ магометовой дали намъ право предложить Чумбаю вопросъ прямо: почему бы ему не принять вѣру Христову?

— Что ты, Чумбай, на это скажешь?

Опустивъ глаза внизъ, Чумбай принялъ видъ какъ бы глубоко-размышляющаго по поводу предложеннаго ему вопроса.

Прошло минуты три общаго молчанія. Мы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за выраженіемъ его лица, силясь отгадать его отвѣтъ.

— „А вотъ что я вамъ скажу“,—наконецъ заговорилъ Чумбай,—и мы превратились въ слухъ: „сегодня утромъ купилъ я козла за 1 р. 50 к. Рубль-то я уже отдалъ за него, а 50 к. обѣщался уплатить вечеромъ, занявши у кого-нибудь; такъ не можете ли вы одолжить мнѣ 50 коп.“?

Признаться, мы были изумлены такимъ отвѣтомъ, который такъ озадачилъ насъ, что мы сразу не знали что и сказать лукавому собесѣднику нашему. Все поведеніе Чумбая во время нашей съ нимъ бесѣды, продолжавшейся полтора часа, было повидимому, такъ искренно, что не давало намъ никакого повода заподозрить въ слушателѣ лицемѣріе!.. Однако-жь мы повторили свой вопросъ, замѣтивъ Чумбаю, что сначала надобно ему такъ или иначе на него отвѣтить, а потомъ говорить о другомъ дѣлѣ. Чумбай не повторилъ своей просьбы, но, вставая, сказалъ: „надо подумать“. При выходѣ его изъ нашей юрты мы ему напомнили, чтобы онъ не забывалъ слышаннаго отъ насъ и дѣйствительно бы объ этомъ подумывалъ, ибо слышанное имъ стоитъ того, чтобы не забывать и помышлять о немъ. Чумбай обѣщалъ помнить; но мы теперь не вправѣ вѣрить сему обѣщанію“!

Однажды о. Филарету пришлось бесѣдовать съ некрещеннымъ калмыкомъ, извѣстнымъ у русскихъ и инородцевъ подъ именемъ Яшки. Зашла рѣчь о язычествѣ и христіанствѣ.

„Видя полное согласіе Яшки со всѣми доводами при сравненіи христіанства съ язычествомъ и слыша отъ него порицаніе послѣдняго словами: „конечно, кто не

знаетъ, что наша вѣра худа“,—я, пишетъ о. Филаретъ, спросилъ Яшку: почему онъ не хочетъ быть христіаниномъ? И получилъ отвѣтъ: „Я человѣкъ старый и мнѣ ли думать о перемѣнѣ вѣры? Кажется мнѣ, что я не могъ бы держать крещеную вѣру, какъ слѣдуетъ; а если такъ, то для чего и креститься? Вы говорите, что всѣ некрещенные будутъ осуждены Богомъ на вѣчныя мученія, а я какъ посмотрю на русскихъ крещенныхъ, то и не знаю, кто больше будетъ отвѣчать предъ Богомъ: мы-ли некрещенные или крещенные“.

— Какъ такъ?

— А такъ, хотя бы напримѣръ: чиновники людей притѣсняютъ, дѣлая праваго виновнымъ, а виновнаго правымъ. Это мнѣ не разъ приходилось видѣть на вѣку своемъ. Потомъ, купцы сбываютъ всякую гниль за хорошій товаръ и берутъ за нее въ три-дорога; кто не можетъ отдать въ срокъ долгъ свой, съ того чуть послѣднюю шубу не снимаютъ. Крестьяне-же такъ и стараются обмануть нашего брата; сколько за ними пропало моего“!...

Такъ, нехристіанская жизнь русскихъ часто удерживаетъ инородцевъ отъ крещенія.

Иные киргизы не принимаютъ христіанства только потому, что-де отъ русскаго Царя нѣтъ прямого приказа киргизамъ креститься.

„Въ хозяинѣ одной юрты, по имени Дюйсембе, мы замѣтили особую внимательность къ намъ, и внутреннее чувство наше подсказало намъ, что съ этимъ старикомъ можно вести бесѣду по прямѣе. Однажды мы застали его въ юртѣ одинокимъ и рѣшились поговорить съ нимъ. На вопросъ нашъ: давно ли онъ началъ въ своей жизни держать пость, Дюйсембе отвѣтилъ: „Съ пятнадцатилѣтняго возраста, такъ какъ съ этого возраста должно поститься по магометанскому закону. А раньше, лѣтъ 50—60 тому назадъ, киргизы вовсе не постились, Богу не молились, ни другихъ обрядовъ магометан

скихъ не знали. Муллы-же, пріѣхавшіе изъ Казани, Ташкента, Бухары, всему этому выучили. Лѣтъ 50 тому назадъ, или по болѣе, въ Тарбагатаѣ жилъ одинъ мулла, по имени Кара-мулла, 120-ти лѣтъ. Этотъ мулла чего только не дѣлалъ съ киргизами, чтобы они приняли Магометову вѣру! И розгами далъ, и голодомъ морилъ, и разныя пытки дѣлалъ, кто не хотѣлъ вѣру Магометову принять. Тѣхъ киргизовъ, которые не хотѣли надѣвать „маси“ (кожаная обувь на подобіе крюка) и „кебисъ“ (калоши), по приказанію Кара-муллы, валили на землю, нѣсколько киргизовъ держали ослушника, а другіе натягивали на него обувь. Съ каждой волости давали тому муллѣ по 100 барановъ и по нѣсколько штукъ разнаго скота,—и все это онъ раздавалъ бѣднымъ людямъ“.

— Значитъ киргизамъ насильно навязали Магометову вѣру?

— Да, мы такъ думаемъ, что вѣру магометанскую намъ насильно навязали. А все это муллы! Да мы не всякому изъ нихъ и вѣримъ: одинъ говоритъ такъ, другой—иначе, а третій еще иначе,—только и слава, что магометанская вѣра“!

— Русская же вѣра не такая,—сказалъ я.—Если переспросить всѣхъ русскихъ муллъ въ Сибири и Россіи, то всѣ они о вѣрѣ своей скажутъ одно и то-же, потому что вѣра русская—вѣра истинная. Слыхалъ-ли ты чего-нибудь добраго или худого о вѣрѣ русской?

— Не много слыхалъ, но все доброе. Да и Царь нашъ, говорятъ, крѣпко держится русской вѣры; значитъ, русская вѣра лучше нашей.

— Это вѣрно. Но Царь былъ бы весьма радъ, если бы всѣ его подданные были одной съ нимъ вѣры.

— Царь велитъ брать съ насъ „чегаракъ“ (подать) и мы безпрекословно отдаемъ ему. Повели онъ намъ принять вѣру русскую,—и мы бы приняли ее,—отвѣтилъ Дюйсембе.

Почти такой-же отвѣтъ пришлось услышать о. Филарету и отъ одного муллы, когда они бесѣдовали о вѣрѣ.

— Вы хотите говорить о вашей вѣрѣ. Хотя она мнѣ мало знакома, но я знаю, что русская вѣра—хорошая вѣра. Спорить съ вами и отстаивать свою вѣру я не могу. Вы человѣкъ ученый, а я только грамотный; слушать же мнѣ васъ теперь недосугъ. Но я давно думаю такъ: почему-же вашему архіерею не поспорить о вѣрѣ съ нашимъ муфтіемъ, и если архіерей переспоритъ муфтія и докажетъ ему, что вѣра христіанская правая вѣра, а магометанская ложная, тогда муфтій принялъ бы вашу вѣру, а съ нимъ приняли бы и мы.

— Сомнѣваюсь, чтобы признаніе муфтіемъ превосходства христіанской вѣры предъ магометанской склонило его къ принятію крещенія. Я полагаю, что и ты отвѣтишь отказомъ, если-бы тебѣ предложить принять вѣру Христову, хотя ты и похваляешь ее и самъ сознаешь, что вѣра христіанская—хорошая, въ смыслѣ, конечно, чистоты и истинности ея ученія.

— Да, я не согласенъ креститься. А почему бы Царю не издать приказъ, чтобы всѣ его подданные крестились?

Такъ, и мулла и простой киргизъ не прочь креститься, но, не получая на то царскаго приказа, видятъ въ этомъ обстоятельствѣ косвенное одобреніе своей вѣрѣ.

По поводу отказа муллы принять христіанство, несмотря на сознаніе имъ превосходства христіанства надъ магометанствомъ, припомнился намъ разсказъ покойнаго преосвященнаго Петра Томскаго, въ бытность его епископомъ Уфимскимъ. На одномъ изъ оффиціальныхъ обѣдовъ въ г. Уфѣ былъ и тамошній муфтій, который съ такою, повидимому, искренностью и такъ горячо говорилъ о возвышенности христіанскаго ученія и превосходствѣ вѣры Христовой предъ всѣми другими, что преосвященный Петръ невольно обратился къ муфтію

съ вопросомъ: почему бы ему не принять христіанской вѣры, если онъ такъ симпатизируетъ ей? Муфтій отвѣтилъ: „Теперь я получаю столько-то тысячъ содержанія и пользуюсь великимъ почетомъ не только среди магометанъ, но и русскихъ сановниковъ, будучи напр., приглашенъ сюда вмѣстѣ съ вашимъ преосвященствомъ. А окрестись,—я теряю средства и почетъ; тогда не придется мнѣ видѣться съ вами здѣсь, ибо я буду тогда ничто". Мнѣніе муфтія едва ли ошибочно. „Священникъ Павелъ Савабе, извѣстный православный проповѣдникъ въ Японіи, пока былъ языческимъ бонзой, съ уваженіемъ былъ принимаемъ въ домѣ русскаго консула; но лишь только принялъ православіе и крестился, тотчасъ получилъ отказъ въ пріемѣ" *).

Много отказовъ приходится выслушивать миссіонеру на предложенія инородцамъ креститься. Различные мотивы выставляются ими при этомъ. Иные напр., такъ отвѣчаютъ:

„Кто видѣлъ мученія и радости, которыя будутъ послѣ смерти? пусть прійдетъ кто-либо съ того свѣта и подтвердитъ то, что вы говорите,—тогда и окрестимся".

„Если ужъ всѣ некрещенные будутъ въ одномъ мѣстѣ страдать и мучиться, то мы не желаемъ быть въ разлукѣ съ ближними намъ: если терпѣть муки, такъ вмѣстѣ".

„Богъ одинъ и мы вѣруемъ въ Него; а креститься нѣтъ надобности".

„Кто въ какой вѣрѣ родился, въ той долженъ умереть".

„Вѣдь Богъ сотворилъ первыхъ людей некрещенныхъ, зачѣмъ-же Онъ теперь требуетъ креститься"?

---

*) Жизненные вопросы православной миссіи въ Сибири, Веніамина, архіеп. Иркутскаго.

IX.

Благопріятствующія обстоятельства для дѣла миссіи. — Случаи замѣчательнаго обращенія въ христіанство изъ язычества и магометанства. — Замѣчательные случаи христіанской кончины новокрещенныхъ.

Не смотря на всѣ препятствія, которыя пришлось преодолѣвать киргизской миссіи, Богу угодно было насадить виноградникъ Христовъ и среди киргизскихъ степей. Это—дѣло милости Божіей къ киргизскому народу, къ миссіонерамъ, трудившимся среди киргизовъ, къ великой Россіи, которая въ единовѣрныхъ киргизахъ, въ киргизахъ христіанахъ, скорѣе найдетъ сочувствіе религіозно-національнымъ чаяніямъ и ожиданіямъ, чѣмъ въ киргизахъ-магометанахъ.

Благодареніе Богу! среди казаковъ и русскихъ поселенцевъ на далекомъ Алтаѣ и въ степи киргизской было не мало людей, которые доброю христіанскою жизнью и словомъ убѣжденія содѣйствовали миссіи въ ея святомъ дѣлѣ. Находились благотворители, которые своими пожертвованіями оказывали посильную помощь миссіи въ ея заботахъ о возможномъ матеріальномъ обезпеченіи новокрещенныхъ. Встрѣчались самоотверженные дѣятели, которые, не щадя трудовъ, здоровья и самой жизни, всецѣло посвящали себя миссіонерскому служенію. Они неустанно проповѣдывали слово Божіе; насаждая грамотность и среди новокрещенныхъ инородцевъ и среди русскихъ поселенцевъ, они ревностно трудились, не ожидая награды, похвалъ и доброй славы міра сего. Въ заботахъ о возможномъ благосостояніи новокрещенныхъ, они искореняли нехристіанскіе обычаи, всюду стремились посѣять здравыя слова христіанскаго ученія и привить добрые христіанскіе нравы и порядки жизни.

Природное гостепріимство инородцевъ, развитіе среди нихъ грамотности, желаніе во всемъ подражать русскимъ, невольное преклоненіе предъ величіемъ православной

Россіи и православнаго Русскаго Царя—оказываютъ не малое содѣйствіе миссіи въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ. Преизобильная-же благодать Божія, при распространенномъ среди иновѣрцевъ убѣжденіи въ превосходствѣ христіанства надъ магометанствомъ и язычествомъ, замѣтно благословляла усердные труды миссіонеровъ, призывая ко Христу новыхъ и новыхъ чадъ изъ среды различныхъ инородцевъ, въ томъ числѣ и киргизовъ.

О. Филаретъ въ своихъ миссіонерскихъ запискахъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ случаяхъ обращенія въ христіанство изъ язычниковъ и магометанъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Крещеніе одного изъ язычниковъ, именно Яшки Епрышева, нынѣ Пантелеймона, замѣчательно по очевидности доказательства безсилія человѣческаго безъ помощи благодати Божіей въ дѣлѣ приведенія язычниковъ ко Христу съ одной стороны и могущественной силы этой благодати—съ другой.

Епрышевъ живетъ въ Ильинскомъ (на Алтаѣ) много лѣтъ. Хотя онъ до настоящаго года (1881 г.) былъ и язычникъ, но никогда (живя въ Ильинскомъ) и ни чѣмъ выражалъ своего языческаго суевѣрія: кама, напримѣръ, ни самъ къ себѣ не приглашалъ, ни тотъ къ нему не ѣздилъ. Напротивъ, будучи совершенно одинокимъ и не имѣя сообщества языческаго, Епрышевъ узналъ отъ Ильинцевъ кое-что изъ жизни Спасителя, нѣкоторыя краткія молитвы, заходилъ иногда въ церковь и давалъ деньги на свѣчи. Кромѣ сего, характеръ и образъ жизни Епрышева всегда и отъ всѣхъ вызывалъ одно лишь одобреніе: онъ былъ честенъ, добръ, трезвъ, кротокъ и аккуратный исполнитель общественныхъ повинностей, а потому Ильинцы и не имѣли повода удалить его изъ своего общества, къ которому онъ привыкъ, какъ къ родной семьѣ.

Много разъ и предмѣстники мои и я уговаривали

Епрышева креститься, а изъ Ильинцевъ рѣдкій не старался склонить его къ принятію св. крещенія, но всѣ многолѣтнія частныя и общія наши наставленія и убѣжденія были напрасны. „Знаю и вѣрю, что спасти свою душу можно только въ вѣрѣ крещеной, которую содержатъ Ильинцы; не разъ я думалъ быть крещенымъ, но лишь только подумаю о крещеніи, какъ что-то начинаетъ меня удерживать, а что—и самъ не знаю". Такіе отвѣты часто получались отъ Епрышева.

Но вотъ въ горы Алтайскія приносится икона св. великомученика Пантелеймона съ частью его цѣлебныхъ мощей. Слышитъ о семъ и Епрышевъ; бѣжитъ и онъ вмѣстѣ съ Ильинскими новокрещеными въ сосѣднюю деревню для встрѣчи св. образа, кланяется ему, подаетъ денежное пожертвованіе, покупаетъ свѣчи, провожаетъ всюду по селенію Ильинскому и чрезъ два дня, проводивъ св. образъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ, падаетъ въ ноги и говоритъ: „Крестите меня, батюшка; теперь я уже не могу быть некрещенымъ... Какъ прежде меня что-то удерживало отъ крещенія, такъ теперь какая-то сила толкаетъ меня къ крещенію. Я думаю, что св. Пантелей заставляетъ меня креститься, а потому прошу васъ, дайте мнѣ имя Пантелея".

Къ несказанной общей нашей радости Епрышевъ, послѣ должнаго приготовленія, былъ окрещенъ съ именемъ Пантелеймона. „Никто-же можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его". (Іоан. VI, 44).

Въ числѣ принявшихъ крещеніе (въ 1886 г.) особенное вниманіе обращаетъ одна степнячка-киргизка Шарипа по тѣмъ препятствіямъ, которыя пришлось испытать ей, прежде чѣмъ она крестилась.

Живя въ глубинѣ степи, никогда не видавъ русскихъ людей, Шарипа слышитъ, что въ „Жуанэ-Дуанъ" (новая деревня) *) нѣкоторые киргизы крестятся, при-

*) Такъ называютъ киргизы Буконь.

нимая невѣдомую ей вѣру. Сначала у нея является недоумѣнный вопросъ: что это за вѣра, которую принимаютъ нѣкоторые ея единоплеменники? Этого вопроса никто не могъ разрѣшить изъ ея родныхъ, изъ которыхъ, если кто и зналъ что-либо о христіанской вѣрѣ, то развѣ только то, что вѣра эта русская, и принимающихъ ее погружаютъ въ воду. Чѣмъ болѣе думала Шарипа о невѣдомой ей вѣрѣ, тѣмъ больше являлось у ней желаніе, конечно, безотчетное, принять эту вѣру.

И вотъ въ одну ночь она оставляетъ свой аулъ и, не зная направленія своего пути, идетъ куда глаза глядятъ. Слышавъ, что Буконь находится возлѣ Кокпектовъ, гдѣ служитъ работникомъ ея братъ, она заходитъ въ юрту, распрашиваетъ дорогу въ Кокпекты и на вопросъ: „куда и зачѣмъ она идетъ“, — Шарипа отвѣчаетъ: „повидаться съ братомъ“. Боясь, чтобы ее не догнали, она шла степью безъ дороги, избѣгая возможной встрѣчи съ своими знакомыми.

Однажды въ сумерки она встрѣтилась съ нѣсколькими волками; страхъ овладѣлъ всѣмъ ея существомъ, она остановилась въ трепетномъ ожиданіи къ себѣ непрошенныхъ гостей. Остановились и волки... Что дѣлать? Опасность быть растерзанной волками передъ глазами. Въ эту минуту ей является такая ободрительная мысль: „если вѣра, ради которой я теперь иду, угодна Богу, то Богъ не допуститъ погибнуть мнѣ“. Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ борьбы жизни со страхомъ смерти, и волки отправились въ сторону, въ глубь степи.

Съ радостью о спасеніи отъ опасности и утѣшительною мыслью объ угодности Богу ея желанія, Шарипа ускорила свои шаги и на четвертый день прибыла въ Буконь. Въ виду обстоятельствъ, предшествовавшихъ ея крещенію, мы дали ей имя Вѣра.

Принятіе христіанства, по благодати Божіей, производитъ на киргизовъ такое глубокое воздѣйствіе, что

нѣкоторые изъ нихъ дѣлаются образцовыми христіанами въ жизни и при смерти. Бывало не мало случаевъ замѣчательно мирной христіанской кончины новокрещенныхъ киргизовъ. Таковымъ былъ, напримѣръ, умершій киргизъ Георгій. Болѣзнь его была—сначала параличъ нервовъ, а потомъ мышцъ ногъ. Больной лежалъ въ постели полгода и заживо разлагался, такъ какъ отъ сильныхъ пролежней образовались на тѣлѣ его раны съ большими дырами, откуда кусками выпадалъ гной и видны были голыя кости. И что-же? Безропотное терпѣніе въ страданіяхъ, чистосердечное признаніе и таковое же со слезами сожалѣніе о своей грѣховности, твердая вѣра въ Іисуса Христа и душевная жажда скорѣе соединиться съ Нимъ—вотъ каково было душевное состояніе больного до послѣднихъ минутъ жизни.

Не за долго до своей смерти Георгій попросилъ меня написать ему духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, просилъ прибавить, что онъ умираетъ съ твердою вѣрою въ Іисуса Христа и надеждою на Его милосердіе.

1 апрѣля (1885 г.) Господь привелъ меня, разсказываетъ въ своихъ запискахъ о. Филаретъ, окрестить степнячку-киргизку Кунджарыкъ. Будучи больною не одинъ годъ, она рѣшилась креститься съ одною надеждою на милосердіе Божіе — освободиться отъ угнетавшей ее болѣзни.

Бросивъ мужа и родной очагъ, она прибѣжала въ Буконь и изъявила намъ о своемъ искреннемъ желаніи принять вѣру христіанскую. Вскорѣ прибѣжалъ и мужъ ея, но она не пожелала его видѣть, и по краткомъ оглашеніи была окрещена съ именемъ Ирины.

Какъ при крещеніи, такъ и послѣ онаго, Ирина часто выражала твердую вѣру во Христа и радость, что Господь привелъ исполнить сердечное ея желаніе быть крещенною.

Въ первые дни послѣ крещенія Ирина чувствовала

себя лучше, но потомъ болѣзнь ея ухудшилась настолько, что явились очевидные признаки вполнѣ развившейся чахотки, и Ирина начала таять.

Въ продолженіе всей ея болѣзни не слышно было отъ нея слова ропота. Умъ и сердце ея всегда были устремлены къ Богу: „я только и думаю о Богѣ Іисусѣ Христѣ“, были ея собственныя слова.

За нѣсколько минутъ до смерти, когда языкъ ея пересталъ выражать сердечную ея молитву, умирающая, собравъ послѣднія свои силы, охладѣвающею уже рукою сотворила на себѣ крестное знаменіе и, потухающимъ взоромъ взглянувъ на святую икону, предала Богу свой духъ.

Истинно-христіанская кончина новокрещеной произвела благотворное впечатлѣніе на буконцевъ, которые потомъ говорили: „дай Богъ каждому изъ насъ умереть такъ, какъ умерла новокрещенная Ирина“!

X.

Готовность къ искушеніямъ—долгъ миссіонера.—Желанія новокрещенныхъ киргизовъ.—Горе отъ лже-братій.—Горе отъ сродниковъ.

Воспоминанія о доброй христіанской жизни, о мирной кончинѣ новокрещенныхъ киргизовъ доставляютъ миссіонеру великое душевное утѣшеніе, иногда до забвенія горестей и скорбей. А этихъ скорбей такъ много выпадало на долю служителей киргизской миссіи.

„Мы указывали на природныя свойства душевнаго характера киргизовъ для того, чтобы видѣть, какъ трудно миссіонеру узнать искренность желанія киргиза принять вѣру христіанскую и угадать благонадежность его, какъ будущаго члена церкви Христовой. Но еще болѣе труда и заботъ предстоитъ миссіонеру при духовномъ воспитаніи новокрещенаго и устройствѣ его быта. Здѣсь начинается цѣлый рядъ огорченій, непріятностей и, наконецъ, тяжелыхъ скорбей. Вѣра никогда не была для

киргиза предметомъ глубокихъ размышленій. Сколько поэтому требуется усилій со стороны миссіонера, чтобы сосредоточить вниманіе новокрещеннаго на воспринятой имъ вѣрѣ, заставить его хотя изрѣдка размышлять о ней, будить и поддерживать въ немъ сознаніе въ необходимости и пользѣ сихъ размышленій, какъ вызывающихъ живость нашей вѣры. Чтобы воспринимаемое новокрещенными нравственное христіанское ученіе выражалось въ ихъ жизни, чтобы подъ вліяніемъ этого ученія сколько-нибудь ослабить дурныя природныя ихъ качества,—какихъ усилій и терпѣнія требуется отъ воспитателя! При такомъ важномъ дѣлѣ дѣйствительно необходимо уготовить свое сердце, ибо искушенія при этомъ неизбѣжны.

Находясь работникомъ у казаковъ, киргизъ, пока не крещенъ, безропотно несетъ свою нелегкую работу, недостаточно оплачиваемую, благодаря обилію рабочихъ рукъ. Къ пренебрежительнымъ отношеніямъ своего хозяина казака онъ привыкъ и чрезмѣрныя взысканія, выражающіяся то безцеремоннымъ вычетомъ изъ его жалованья за малоцѣнную потерю, то самоуправною кулачною расправою, онъ молчаливо переноситъ не по смиренію, котораго у него нѣтъ, а по безполезности для него иска.

Не то видимъ въ крестившемся киргизѣ. Прежде всего онъ желаетъ видѣть въ хозяинѣ своемъ не прежняго хозяина, подъ часъ деспота, а брата, а потому и отношеній къ себѣ требуетъ братскихъ. Всякое презрительное слово, въ особенности обозваніе его „собакою“, такъ обычное на языкѣ казаковъ, глубоко его оскорбляетъ. У него является сознаніе не только того, что онъ крещеный, но что онъ—уже и русскій. Признавая себя русскимъ, новокрещенный стремится во всемъ подражать русскимъ. Нерѣдко онъ сразу бросаетъ все, что только напоминаетъ ему киргизское. Онъ съ охотою готовъ облечься во всего внѣшняго русскаго человѣка и

воспринять всю хозяйственную обстановку, если бы только были у него для этого средства".

Къ сожалѣнію, не у всѣхъ русскихъ въ достаточной степени развито чувство религіознаго и національнаго самосознанія. Иногда они оказываютъ поддержку новокрещеннымъ киргизамъ, а иногда своими безчеловѣчными поступками жестоко обижаютъ ихъ.

„Во время завѣдыванія моего кокпежами (1884 г.) мною окрещенъ былъ семнадцатилѣтній киргизъ Ковлембай, нареченный Алексіемъ. Послѣдній на вопросъ мой: „что его побуждаетъ принять русскую вѣру", — отвѣчалъ: „русскій на своемъ словѣ стоитъ". Но этотъ юноша, вѣроятно, былъ такого мнѣнія о русскихъ только до того времени, пока покороче не узналъ своего крестнаго отца, кокпектинскаго казака, у котораго новокрещенный былъ работникомъ. Этотъ казакъ не только не выполнилъ своего обѣщанія, даннаго своему крестнику, какъ крестный его отецъ, но и какъ хозяинъ своему работнику. Онъ его слишкомъ нагло обидѣлъ при выдачѣ слѣдуемаго за работу и приходившагося ему хлѣба. Кромѣ того, новокрещенный часто слышалъ отъ своего крестнаго отца обидное названіе „собакою". Жизнь новокрещеннаго въ домѣ своего крестнаго отца сдѣлалась невыносимою, и онъ оставилъ его.

А вотъ и другой подобный же случай.

Два брата киргиза, окрещенные и оставленные на попеченіи одного крестьянина, изъявившаго желаніе позаботиться, по мѣрѣ силъ своихъ, объ ихъ нуждахъ духовныхъ и тѣлесныхъ, выгнаны послѣднимъ изъ своего дома; при чемъ выгонявшимъ сняты были съ новокрещенныхъ кресты.

Такъ ли должны поступать братья во Христѣ? Поистинѣ, горе отъ лже-братій!

Враждебно настроенные противъ христіанства, киргизы всячески препятствуютъ распространенію христіанства среди своихъ сородичей. Бывало не мало случаевъ,

когда киргизы похищали новокрещенныхъ, уводили ихъ въ степи, употребляя всевозможныя усилія къ тому, чтобы побудить ихъ отказаться отъ христіанства.

Въ іюлѣ явился къ намъ киргизъ Кулуджанской волости Джумабай, 18 лѣтъ, съ просьбой крестить его и при томъ немедленно, такъ какъ отецъ его скоро долженъ явиться сюда и можетъ насильно увезти его въ аулъ. Сначала мы не довѣряли причинѣ его торопливости и хотѣли было помедлить крещеніемъ, но свидѣтельство нѣкоторыхъ буконцевъ о томъ, что отецъ Джумабая дѣйствительно ищетъ его и что онъ, по жестокости своей, найдя своего сына еще некрещеннымъ, рѣшится на самыя крайнія мѣры, чтобы не допустить его до крещенія.

Мы вынуждены были крестить его на другой день и нарекли ему имя Андрей.

Настáло время покоса, и Андрей началъ косить сѣно своему хозяину—буконскому казаку.

Однажды онъ поѣхалъ на покосъ съ однимъ только слѣпымъ сыномъ хозяина. Вдругъ является на покосъ отецъ Андрея, киргизъ Тергемисъ, съ нѣсколькими посторонними киргизами и настоятельно требуетъ, чтобы Андрей немедленно ѣхалъ съ нимъ въ аулъ. Андрей отказался; тогда отецъ его съ своими товарищами схватываютъ и насильно увлекаютъ его въ степь!

И такихъ случаетъ было не мало, когда новокрещенныхъ киргизовъ похищали въ степи ихъ дикіе сородичи. Горе отъ сродникъ!

XI.

Нужды миссіи.—Извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго отчета Степнаго генералъ-губернатора за 1887 и 1888 гг., о возможности и своевременности принятія мѣръ къ распространенію православія среди киргизовъ.—Письмо Г. А. Колпаковскаго къ основателю киргизской миссіи.

Хотя и не особенно благопріятны были обстоятельства существованія киргизской миссіи, все-же дѣло было

начато и начато довольно успѣшно. И духовною и свѣтскою властью обращено было серьезное вниманіе на миссію среди киргизовъ и на ея нужды. А нуждъ было много! Особенно вопіющи были нужды миссіи въ дѣлѣ обезпеченія новокрещенныхъ киргизовъ. Миссія, кромѣ пожертвованій, не имѣла для этого никакихъ средствъ; пятьдесятъ-же рублей всего миссіею получаемыхъ (въ 1886 г.) изъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе миссіи Алтайской, не могли удовлетворить и крайнихъ нуждъ новокрещенныхъ, такъ какъ принимавшіе св. крещеніе ровно ничего у себя не имѣли.

Вспоминая о первыхъ годахъ существованія миссіи, можно только благодарить Бога, пославшаго ей помощь, покровительство и защиту въ лицѣ главнаго начальника Степнаго края, который, вѣрно понимая значеніе православія въ дѣлѣ обрусѣнія и просвѣщенія инородцевъ, весьма сочувственно относился къ задачамъ миссіи.

Каковы были взгляды и заботы о киргизской миссіи незабвеннаго для миссіи Г. А. Колпаковскаго, объ этомъ можно судить хотя по слѣдующей выпискѣ изъ Всеподданнѣйшаго отчета Степнаго генералъ-губернатора за 1887 и 1888 гг. о возможности и своевременности принятія мѣръ къ распространенію православія среди киргизовъ.

„Повергая въ 1886 г. на Всемилостивѣйшее благовоззрѣніе Вашего Императорскаго Величества мой всеподданнѣйшій отчетъ, я изложилъ, что древнія основы быта киргизовъ подверглись значительной ломкѣ подъ вліяніемъ временнаго положенія объ управленіи степными областями, введеннаго въ дѣйствіе въ 1869 году. Въ основу административнаго дѣленія народа на волости, положено территоріальное начало взамѣнъ родоваго и выборному началу при назначеніи на должности волостныхъ управителей дано предпочтеніе передъ существовавшимъ дотолѣ главенствомъ аристократическихъ фамилій. Эти новыя начала, особенно право народа из-

бирать своихъ ближайшихъ начальниковъ, существенно измѣнили нравы и обычаи киргизовъ, при чемъ весьма многое изъ самыхъ основъ нравственно-бытоваго міра этого народа оказалось непримѣнимымъ болѣе въ современномъ строѣ жизни.

При такихъ условіяхъ, когда старые нравственные устои народной жизни распатаны, а новыхъ еще не создано, естественно, что народъ ищетъ духовной опоры въ религіи и потому прислушивается къ проповѣди вѣроученія Магомета, распространяемой купцами-татарами и бухарцами Между тѣмъ, хотя киргизы и причисляютъ себя къ мусульманамъ, громадное большинство народа имѣло до послѣдняго времени весьма слабое понятіе о сущности вѣроученія Магомета, или вѣрнѣе сказать, не имѣло о немъ почти никакого понятія. Религіозный индифферентизмъ киргизовъ происходилъ отъ того, что у нихъ былъ свой, созданный всею исторіею этого народа, изустный кодексъ нравственно-бытовыхъ правилъ, которыми опредѣлялись всѣ общественныя и личныя права и обязанности человѣка. Этотъ кодексъ изустныхъ правилъ имѣлъ такое могущественное вліяніе въ средѣ киргизовъ, что для ученія Магомета не было почти почвы; однимъ словомъ, киргизы были индифферентны къ исламу потому, что были глубоко преданы нравственно-бытовымъ правиламъ, вытекавшимъ изъ родоваго строя народной жизни. Когда родовой строй потерялъ санкцію закона и въ силу этого постепенно былъ вытѣсненъ изъ жизни, киргизы начали искать нравственной опоры въ религіи, къ которой до того времени были индифферентны; этимъ настроеніемъ народа пользуются ведущіе торговлю въ степяхъ купцы изъ татаръ и бухарцевъ, тайно проповѣдуя вѣроученіе Магомета. Хотя законодательными мѣрами охраняется пока религіозный индифферентизмъ киргизовъ, которымъ разрѣшено избирать муллъ только изъ среды киргизскихъ же общинъ, не имѣющихъ ученыхъ фа-

натиковъ ислама, но мѣры эти сохранятъ свое значеніе лишь до того времени, пока муллы не заразятся фанатизмомъ отъ тайныхъ проповѣдниковъ изъ татаръ.

При такихъ обстоятельствахъ я пришелъ къ убѣжденію, что настала пора для православной церкви воспользоваться благопріятнымъ моментомъ и выступить съ открытою проповѣдью православія тамъ, гдѣ идетъ тайная пропаганда вѣроученія Магомета. Въ ряду мѣръ къ ассимилированію нашихъ азіатскихъ владѣній съ Имперіей на первомъ планѣ должна, по моему убѣжденію, стоять мѣра, направленная къ достиженію духовнаго сродства.

Если настоящія соображенія представляются нѣсколько отвлеченными и не заключаютъ точныхъ доказательствъ, что для повсемѣстной проповѣди православія въ средѣ киргизовъ дѣйствительно наступилъ благопріятный моментъ, то я священнымъ долгомъ почитаю представить на Всемилостивѣйшее благовозрѣніе Вашего Императорскаго Величества нѣкоторыя данныя и соображенія относительно той среды, которая несомнѣнно подготовлена къ воспріятію божественнаго ученія Господа Нашего Іисуса Христа.

Согласно временнаго положенія, киргизамъ предоставлено право пользоваться землями общественно, но принципъ общественнаго землепользованія проведенъ въ означенномъ положеніи не въ видѣ исключительнаго руководящаго начала, а допущенъ такъ-же и другой принципъ, въ силу котораго киргизамъ дозволено пользоваться землею по установившемуся обычаю; обычай-же допускаетъ, что иногда богатые пользуются огромными пространствами, а бѣдные или стѣснены, или же имъ предоставляютъ такія земли, на которыхъ нѣтъ ни хорошаго корма, ни воды. Въ силу этихъ обстоятельствъ, изъ киргизскихъ общинъ выдѣлились и продолжаютъ выдѣляться такіе обѣднѣвшіе люди, у которыхъ нѣтъ ни скота, ни пріюта. Эти несчастливцы живутъ заработ-

ками на мѣстныхъ заводахъ и рудникахъ и главнымъ образомъ—наймомъ на земледѣльческія работы у казаковъ. Почти всѣ эти киргизы говорятъ по-русски, научились обработкѣ полей и огородовъ, не надѣются ни на какую помощь отъ своихъ соплеменниковъ и ни чѣмъ съ ними не связаны. Положеніе этихъ несчастливцевъ печальное, ибо рабочая плата въ степныхъ областяхъ ничтожная; уже теперь такихъ бѣдняковъ насчитываются многія тысячи; они трезвы и трудолюбивы.

Вотъ та среда, которая несомнѣнно приметъ ученіе Христово, вотъ та почва, на которой это божественное ученіе принесетъ навѣрно добрый плодъ, нужно только чтобы новокрещенные не были лишены постояннаго духовнаго попеченія священниковъ-миссіонеровъ, для чего надлежитъ образовать изъ этихъ неофитовъ особыя селенія.

Земля и лѣсъ могутъ быть отведены новокрещеннымъ даромъ, согласно правилъ временнаго положенія, но необходимо помочь имъ обзавестись рабочимъ скотомъ и простыми земледѣльческими орудіями, иначе, получивъ надѣлъ, они не будутъ въ состояніи приступить къ обработкѣ земли.

Если православная церковь протянетъ руку помощи этимъ отверженцамъ мусульманскаго міра, то въ самомъ непродолжительномъ времени они образуютъ многолюдныя и зажиточныя селенія, вокругъ которыхъ сгруппируются постепенно и прочіе небогатые киргизы, утомленные борьбою съ лишеніями, необезпеченностью и опасностями кочевой жизни. Алтайская духовная миссія послала въ Семипалатинскую область одного миссіонера, но этого, конечно, недостаточно. Я оказалъ миссіонеру всякое содѣйствіе, какое было только въ моей власти: выдалъ всѣмъ киргизамъ, принявшимъ православіе, денежное пособіе и подарки, за тѣмъ приказалъ отвести вблизи поселка Буконскаго участокъ земли въ 600 десятинъ, дабы новокрещенные могли тамъ поселиться и

заняться хлѣбопашествомъ, и, наконецъ, предоставилъ въ распоряженіе миссіонера нѣсколько земледѣльческихъ орудій для распредѣленія между новокрещенными.

Успѣхъ этого святаго дѣла можетъ быть достигнутъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ благовременнѣе будетъ учреждена Омская епископская каѳедра, для каковой цѣли, по предложенію оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, собраны и представлены ему свѣдѣнія о расходахъ потребныхъ на устройство помѣщенія для архіерейскаго дома, для консисторіи и прочее, и о церковныхъ приходахъ, которые должны быть подчинены Омской епархіи; на содержаніе ея потребуется ежегодно 19,000 р. Не могу пройти молчаніемъ, что въ виду предстоящей задачи въ санъ Омскаго епископа должно быть возведено лицо, основательно знакомое съ миссіонерскою дѣятельностью, способное руководить священною миссіею, водрузить знамя Христово въ киргизскихъ степяхъ и распространить въ нихъ православіе".

Съ должнымъ вниманіемъ и почтеніемъ относился Г. А. Колпаковскій и къ основателю киргизской миссіи, о. Филарету Синьковскому, объ этомъ свидѣтельствуютъ письма Г. А. Колпаковскаго къ о. Филарету. Приведемъ хотя одно письмо для характеристики отношенія этихъ дѣятелей къ киргизской миссіи.

С.-Петербургъ, 17 мая 1890 г.

Ваше Высокоблагословеніе,

Достойнѣйшій отецъ Филаретъ!

Не исполнивъ по не зависѣвшимъ отъ меня причинамъ Вашего порученія *), я въ глубинѣ души скорбѣлъ, что быть можетъ въ сердцѣ Вашемъ заронилась искра неудовольствія противъ меня; полученное же письмо отъ 15 апрѣля разсѣяло мои опасенія и утвердило въ

*) О назначеніи жалованья Букопскому священнику, какъ приходскому, отъ Казачьяго Войска.

мысли, что Вы, какъ строгій послѣдователь христіанскихъ добродѣтелей, простили мою невольную вину и порадовали извѣстіемъ съ предположеніемъ развить миссіонерское дѣло среди киргизъ. Сердечно благодарю Васъ за это, многоуважаемый отецъ Филаретъ, и отъ души радуюсь выпавшему на Васъ жребію, для борьбы съ мусульманствомъ. Къ сожалѣнію, много упущено для этого времени; но и теперь, если распространеніемъ проповѣди Христовой будутъ руководить такіе энергичные и терпѣливые дѣятели, какимъ заявили себя Вы, достойнѣйшій пастырь, то результаты миссіонерской дѣятельности окажутся весьма благопріятны.

Не знаю, какъ рѣшенъ вопросъ объ учрежденіи миссіонерскихъ становъ и въ какихъ пунктахъ предположенно открыть эти станы; я рѣшаюсь сообщить Вамъ на этотъ счетъ свои соображенія. По моему мнѣнію, выраженному во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ, для успѣха миссіонерскаго дѣла джатаки представляютъ совершенно подготовленный элементъ.

Проживая постоянно въ русскихъ городахъ и казачьихъ станицахъ, джатаки освоились съ русскими; во многихъ случаяхъ ѣдятъ съ ними изъ одной чашки и за однимъ столомъ; соблюдаютъ русскіе праздники и даже ходятъ въ церковь. Въ виду такой подготовленности, при содѣйствіи русскихъ людей, у которыхъ джатаки цѣлыми семьями находятся въ услуженіи, ихъ легко обратить въ православіе и для того миссіонерскіе станы слѣдовало-бы пріурочить къ такимъ пунктамъ, гдѣ наиболѣе находятся джатаки. Но какіе-же такіе пункты?— спросите Вы. На этотъ вопросъ я охотно отвѣчу, что миссіонерское дѣло можетъ процвѣтать во всѣхъ степныхъ и пограничныхъ съ Китаемъ городахъ и въ прочихъ населенныхъ въ степи русскими мѣстностяхъ, въ особенности же въ казачьихъ станицахъ, жители которыхъ, владѣя свободно киргизскимъ разговорнымъ языкомъ, могутъ быть весьма полезными сотрудниками мис-

сіонерству; но для того, чтобы дѣло обращенія киргизъ въ православіе имѣло незыблемое основаніе, надлежитъ поселить ихъ на казенной землѣ съ достаточнымъ количествомъ луга, пахатнаго поля и лѣса, дать имъ рабочій скотъ и земледѣльческія орудія,—тогда всѣ джатаки станутъ христіанами. Православіе, такимъ образомъ, протянетъ руку помощи мусульманамъ, отверженнымъ ихъ средой. Эти мусульмане, обратясь къ христіанамъ, сдѣлаются богаче и цивилизованнѣе прочихъ киргизовъ и со временемъ образуютъ такую силу, предъ которой соотчичи ихъ будутъ преклоняться, а въ такомъ случаѣ и миссіонерскому дѣлу откроется широкое поле для своей дѣятельности.

Выражая въ заключеніе мое сердечное желаніе, чтобы главенство надъ киргизской миссіей ввѣрено было Вамъ, многоуважаемый о. Филаретъ, и чтобы предполагаемая поѣздка на Соленое озеро съ гигіеническою цѣлью для возстановленія своихъ поколебленныхъ суровою жизнью физическихъ силъ, принесла ожидаемую пользу, покорнѣйше прошу передать мой сердечный поклонъ Буконскимъ и Кокпектинскимъ жителямъ, поблагодарить ихъ за память обо мнѣ и пожелать здоровья, довольства и наилучшаго преуспѣянія въ хозяйствѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ поручая себя съ семействомъ Вашимъ пастырскимъ молитвамъ и свидѣтельствуя усердное почтеніе, имѣю честь быть

Вашимъ покорнымъ слугою
Г. Колпаковскій.

XII.

Возведеніе основателя Киргизской миссіи въ санъ епископа.—Пожертвованія въ миссію при преосвященномъ Владимірѣ — Перемѣщеніе во Владикавказъ.—Письмо къ оо. миссіонерамъ.— Переводческіе и литературные труды преосвященнаго основателя Киргизской миссіи

Неустанные труды о. Филарета въ дѣлѣ проповѣданія слова Божія, въ построеніи храмовъ, въ заботахъ о

религіозно-нравственномъ просвѣщеніи ввѣренной ему паствы — не могли остаться не замѣченными Высшею властью.

По опредѣленію Св. Синода въ мартѣ 1889 г. о. Филаретъ Синьковскій награжденъ саномъ протоіерея, 12-го іюля того-же года назначенъ вторымъ помощникомъ начальника Алтайской и Киргизской миссій Томской епархіи.

Въ 1890 г. о. Филаретъ принимаетъ монашество съ именемъ Владиміра и, согласно указа Святѣйшаго Синода отъ 1 сентября, возводится въ санъ игумена, а въ маѣ слѣдующаго года—въ санъ архимандрита.

26 іюня 1891 г., по докладу Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣно ему быть епископомъ Бійскимъ, викаріемъ Томской епархіи. 18 августа 1891 г. основатель Киргизской миссіи былъ хиротонисанъ во епископа въ Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ.

Промыслу Божію угодно было самоотверженнаго вѣропроповѣдника среди киргизъ вознести на высоту епископства. Малоизвѣстному прежде труженику въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія среди сибирскихъ инородцевъ вручено было кормило духовной власти, и преосвященный Владиміръ, съ возведеніемъ въ санъ епископа, назначенъ начальникомъ Алтайской и Киргизской миссій.

Только два года пробылъ преосвященный Владиміръ въ должности начальника миссій. Но и за это короткое время своего управленія преосвященный пріобрѣлъ общую нелицемѣрную любовь и расположеніе своей паствы. Во время своего недолгаго начальствованія и архипастырствованія въ Алтайской миссіи владыка обратилъ особенное вниманіе на матеріальныя нужды миссіи. Благодаря его попечительности, Алтайская миссія получила такія великія и знаменательныя жертвы, какихъ она никогда не получала прежде, да едва-ли когда получитъ и послѣ. Преосвященный Владиміръ возбудилъ

вниманіе къ миссіямъ не только въ различныхъ слояхъ общества, но и лицъ высокопоставленныхъ. Такъ, его высокопревосходительство, г. оберъ-прокуроръ Св. Синода, К. П. Побѣдоносцевъ, кромѣ своего милостиваго отношенія къ миссіямъ Алтайской и Киргизской, въ бытность начальника этихъ миссій въ С.-Петербургѣ, являлъ самое живое участіе въ дѣлахъ этихъ миссій и нравственное воздѣйствіе на ихъ дѣятелей, исходатайствовалъ право для Алтайскаго миссіонерскаго Катихизаторскаго училища; содѣйствовалъ выдачѣ различныхъ книгъ на школы миссіи изъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ на сумму 800 р., противораскольническихъ книгъ для братства св. Димитрія на 900 р. и, наконецъ, самъ пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ 2,000 р., архіерейское облаченіе и 16 священническихъ облаченій. Дочь коллежскаго ассесора А. Г. Товарова пожертвовала при преосвященномъ Владимірѣ на нужды Алтайской миссіи домъ въ Москвѣ стоимостью въ 300,000 р. Бійскій купецъ Я. А. Сахаровъ пожертвовалъ въ пользу двухклассной школы при Бійскомъ архіерейскомъ домѣ 15,000 р. Протоіерей о. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій) пожертвовалъ на миссіи 500 р. Были пожертвованія и отъ другихъ лицъ.

Преосвященный Владиміръ трудился въ предѣлахъ Алтайской и Киргизской миссій сначала миссіонеромъ, а потомъ начальникомъ, 18 лѣтъ,—и въ эти годы онъ не только носилъ на себѣ всѣ тяготы и болѣзни миссіонерскаго служенія, но отдалъ этому служенію всѣ свои молодыя силы и, наконецъ, надломилъ свое, крѣпкое прежде, здоровье до того, что не сталъ уже выносить суровости сибирскаго климата. Этотъ тяжкій недугъ и заставилъ преосвященнаго Владиміра оставить Бійскую каѳедру и желать перемѣщенія въ болѣе теплый климатъ.

Въ іюня 1893 г. его преосвященство, преосвященнѣйшій Владиміръ, епископъ Бійскій, былъ назначенъ

епископомъ Владикавказскимъ. О своемъ отъѣздѣ изъ Бійска во Владикавказъ преосвященный увѣдомилъ всѣхъ оо. миссіонеровъ письмомъ отъ 25 іюня 1893 г.

„Промыслительною волею Всевышняго мнѣ вручена Владикавказская епархія“,—писалъ владыка оо. миссіонерамъ. „Еще нѣсколько дней, и я долженъ буду оставить настоящее свое мѣсто, вѣроятно, навсегда. Невыразимо тяжело разлучаться съ тѣми мѣстами и лицами, съ которыми я сроднился душею и сердцемъ въ теченіе 18 лѣтъ! Облекавшіе меня, недостойнѣйшаго, архипастырскою властью и ставившіе во главѣ братій моихъ надѣялись видѣть во мнѣ, какъ въ человѣкѣ нѣкотораго опыта, болѣе или менѣе полезнаго дѣятеля. И самъ я, при полномъ сознаніи скудости своихъ силъ, горѣлъ желаніемъ отдать всѣ силы тому святому дѣлу, къ коему былъ приставленъ. Но надежда надѣявшихся и желаніе моего сердца не сбылись: я ничего не могъ сдѣлать. Причина сему для васъ, братіе, вѣдома — это жестокій недугъ мой, служившій всегдашнимъ препятствіемъ къ осуществленію надеждъ и желаній. Не скрою, впрочемъ, что, лежа на болѣзненномъ одрѣ и находясь въ лѣтнее время вдали отъ Алтая и часто мысленно обозрѣвъ всѣ станы Алтайской и Киргизской миссій, я подолгу размышлялъ о различныхъ нуждахъ миссій и о способахъ удовлетворенія сихъ нуждъ. Но то была только работа мысли и неосуществившіяся желанія моего сердца, что и вызывало во мнѣ тяжелую скорбь душевную, усугублявшую страданія мои тѣлесныя. Не упрекайте меня, братіе, въ малодушіи, которое, не стерпѣвъ суровости воздуха, боясь подвергнуться болѣе тяжкимъ болѣзнямъ, побуждаетъ меня удалиться изъ предѣлъ сихъ Если-бы опасность угрожала только моему здоровью, а не самому дѣлу служенія моего, если-бы отъ нея не происходило ущерба, и, можетъ быть, вреда многимъ,—я пренебрегъ-бы его для миссіонерскаго дѣла на Алтаѣ и въ Киргизской степи, что-бы не разлучаться

съ вами, добрыми сотрудниками моими, до конца жизни. Но могъ-ли я не скорбѣть духомъ, не сокрушаться сердцемъ когда видѣлъ, что препятствіемъ къ благоуспѣшности въ дѣлахъ миссій служитъ мой тяжкій недугъ? Скорбь моя при разлученіи съ сотрудниками моими облегчается тѣмъ великимъ утѣшеніемъ, что при отшествіи моемъ, не только отсюда, но и изъ сей земной юдоли, я всегда буду молитвенно воспоминаемъ въ храмахъ миссіи, какъ бывшій немощный слуга Христовъ и сотрудникъ благовѣстниковъ Алтая и Киргизіи, которые, будучи вѣрны завѣтамъ отцовъ своихъ, безпрестанно молятся другъ за друга; и я крѣпко вѣрю, что таковыми они пребудутъ дотолѣ, пока пребудутъ церкви Божіи въ миссіяхъ. Прошу и молю вашу любовь простить мнѣ, если я чѣмъ огорчилъ и оскорбилъ васъ словомъ или дѣломъ, да и Отецъ Небесный проститъ намъ всѣ согрѣшенія наши. Отъ всего сердца молю Господа, да пошлетъ Онъ вамъ вмѣсто меня — архипастыря добраго, сильнаго духомъ и тѣломъ, могущаго понести всю тяготу архипастырскаго служенія со всею ожидаемою отъ него пользою пасомыхъ. Да осѣняетъ Всесильный васъ и паству вашу всегда своимъ небеснымъ благословеніемъ; да возращаетъ количественно и духовно паству вашу; да ограждаетъ выну своею благодатію, да охранитъ и сохранитъ васъ съ паствой навсегда подъ кровомъ Своей отеческой милости и благословенія цѣлыхъ, здравыхъ, благоденствующихъ. Сего желали мы вамъ, находясь посреди васъ; о семъ будемъ молиться, и разлучившись съ вами. Прочее-же, братіе, радуйтеся, совершайтеся, утѣшайтеся, тожде мудрствуйте, миръ имѣйте, и Богъ мира и любви будетъ съ вами“ *).

Во время своего служенія въ Алтайской и Киргизской миссіяхъ преосвященнымъ основателемъ Киргизской миссіи были переведены на киргизскій языкъ и

*) Изъ Томскихъ Епарх. Вѣд. за 1893 г.

напечатаны слѣдующіе труды: „Первоначальныя свѣдѣнія о православно-христіанской вѣрѣ, сообщаемыя киргизу, пріемлющему крещеніе“; „Жизнь св. великомученика Евстафія Плакиды“; „Первоначальныя молитвы“; „Евангеліе отъ Матѳея“; „Три части вѣроучительной и правоучительной книги протоіерея Поспѣлова“ и „Чинъ присоединенія магометанъ къ св. Православной Церкви“.

О своихъ трудахъ и миссіонерской жизни преосвященный написалъ цѣлую книгу: „Записки Алтайскаго миссіонера Черно-Ануйскаго отдѣленія священника Филарета Синьковскаго за 1876, 77, 78, 79, 80 и 81 годы“ *) и цѣлый рядъ „Записокъ миссіонера Киргизской миссіи“, которыя въ свое время были напечатаны въ „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ“.

Нельзя не пожалѣть, что „Записки“ основателя Киргизской миссіи преосвященнаго Владиміра до сихъ поръ еще не отпечатаны отдѣльнымъ изданіемъ. Въ нихъ весьма много глубоко-поучительнаго не только для оо. миссіонеровъ различныхъ миссій, но и, вообще, для всѣхъ пастырей отечественной Церкви.

Въ день новолѣтія въ 1895 г. преосвященный Владиміръ въ Владикавказскомъ каѳедральномъ соборѣ говорилъ слово. Въ немъ онъ, между прочимъ, упоминалъ о тѣхъ великихъ задачахъ, которыя были имъ предначертаны себѣ при поступленіи на Владикавказскую каѳедру. „Еще на пути изъ далекой Сибири, озирая духовнымъ взоромъ свою новую паству, населенную въ значительномъ большинствѣ нехристіанами, мы поставили задачею своей будущей дѣятельности—просвѣщеніе этихъ темныхъ людей свѣтомъ Христовой вѣры, распространеніе среди нихъ правилъ христіанской жизни и нравственности, искорененіе, или, по крайней мѣрѣ,

*) Изданіе Московскаго Покровскаго миссіонерскаго монастыря, іеромонаха Іоиля въ пользу Алтайской миссіи. Москва, 1883 г.

ослабленіе суевѣрій и дурныхъ обычаевъ, наконецъ, вразумленіе словомъ заблудшихъ и утвержденіе въ вѣрѣ шатающихся“ *).

Прошло пять лѣтъ со времени назначенія преосвященнаго на Владикавказскую каѳедру, и мы видимъ, что труды преосвященнаго направлены къ осуществленію высказанныхъ имъ въ новолѣтнемъ словѣ благихъ пожеланій.

Кавказскія епархіи, въ томъ числѣ и Владикавказская, изобилуютъ многоразличными толками сектантовъ, раскольниковъ и магометанъ. Преосвященный Владиміръ предпринялъ рядъ мѣропріятій для борьбы съ сектами, расколомъ и для распространенія среди нихъ здравыхъ словесъ христіанскаго ученія. Въ сентябрѣ 1894 года Святѣйшій Синодъ выдѣлилъ владикавказскую епархію изъ Грузинскаго Экзархата, поставляя самостоятельность епархіальнаго правленія прежде всего однимъ изъ средствъ болѣе успѣшнаго развитія просвѣтительной дѣятельности духовенства среди раскольниковъ и сектантовъ епархіи. Для возможно успѣшнаго осуществленія тѣхъ-же задачъ, 25 марта 1894 г. его преосвященствомъ открыто при каѳедральномъ соборѣ Михаило-Архангельское братство; съ 1 января 1895 г. начато изданіе „Владикавказскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, при чемъ преимущественное вниманіе предположено удѣлять миссіонерскому отдѣлу; учреждены должности противораскольническаго и противосектантскаго миссіонеровъ.

Въ тѣхъ-же миссіонерскихъ видахъ, по ходатайству преосвященнаго, Ардонское Духовное Училище преобразовано въ Миссіонерскую Семинарію въ 1895 г.; во всѣхъ церквахъ епархіи заведены внѣбогослужебныя воскресныя бесѣды, а въ самомъ Владикавказѣ, кромѣ того, съ 1894 г., по почину преосвященнаго и при дѣятель-

---

*) «Архипастырскій новолѣтній привѣтъ и благожеланія пастырямъ Владикавказской епархіи», Владикавк. Еп. Вѣд. за 1895 г.

нѣйшемъ его участіи, во время великаго поста по воскреснымъ днямъ, ведутся богословскія чтенія для интеллигентной публики. Во Владикавказѣ не было монастырей, и преосвященнымъ открыта и освящена Покровская женская община, преобразованная нынѣ въ Покровскій общежительный женскій монастырь.

Для возможнаго развитія религіозной настроенности среди пасомыхъ, по ходатайству Его Преосвященства, съ разрѣшенія Св. Синода установленъ крестный ходъ съ мѣстночтимой чудотворной Моздокско-Иверской иконой Божіей Матери изъ Моздока во Владикавказъ. Икона Божіей Матери, по пути изъ Моздока во Владикавказъ, ежегодно проносится по многимъ станицамъ, ауламъ и селамъ, вездѣ возбуждая религіозное одушевленіе и благоговѣйное къ себѣ почитаніе. Предъ иконой этой молятся и магометане! Въ память этого событія, имѣющаго особое значеніе для разноплеменнаго и разновѣрнаго Владикавказа, гражданами г. Владикавказа поднесена преосвященному Владиміру драгоцѣнная панагія.

Съ тою-же цѣлью—возможнаго развитія религіозной настроенности среди пасомыхъ—во многихъ церквахъ епархіи и въ самомъ Владикавказѣ введено общенародное пѣніе во время богослуженія *), пѣніе духовныхъ пѣснопѣній изъ „Ленты“ **) во время внѣбогослужебныхъ собесѣдованій внѣ храма, чтеніе акаѳистовъ. Такъ, во Владикавказѣ введено чтеніе акаѳистовъ: въ Спасо-Преображенскомъ Соборѣ — акаѳистъ Божіей Матери предъ мѣстно чтимой иконой Божіей Матери по средамъ,

---

*) Такъ, добрый обычай общенароднаго пѣнія во время богослуженія, введенный на Алтаѣ основателемъ Алтайской миссіи архимандритомъ Макаріемъ, перенесенъ на Кавказъ однимъ изъ алтайскихъ-же миссіонеровъ—основателемъ киргизской миссіи, преосвященнымъ Владиміромъ.

**) Въ нѣкоторыхъ приходахъ Владикавказской Епархіи мірскія пѣсни замѣнены кантатами изъ «Ленты», которыя очень пришлись по сердцу казаковъ и въ особенности казачекъ.

въ Михаило-Архангельскомъ Соборѣ—акаѳистъ Страстямъ Христовымъ по пятницамъ и акаѳистъ Михаилу Архангелу по воскресеньямъ.

Труды Преосвященнаго по возможному развитію миссіонерскаго дѣла среди Владикавказской паствы не остаются безплодными. Еще въ 1894 г. до 200 раскольковъ бѣглопоповцевъ въ станицѣ Червленой приняли законное священство: въ слободѣ Нальчикѣ окрещено нѣсколько человѣкъ кабардинцевъ - мусульманъ. Это былъ первый примѣръ крещенія среди кабардинцевъ и при томъ въ самомъ центрѣ Кабарды.

Какъ на доказательство религіознаго возрожденія и подъема религіозной настроенности среди Владикавказской паствы можно указать на два примѣра. Первый—это весьма участливое и теплое отношеніе къ Покровской женской общинѣ въ г. Владикавказѣ, выражающееся въ щедрыхъ подаяніяхъ на благоустроеніе храма общины со стороны городскихъ жителей. Достаточно указать на то, что при началѣ устройства общины и ея храма не имѣлось почти никакихъ средствъ, приходилось обращаться къ займамъ и довольно значительнымъ. Но не прошелъ еще и годъ со времени освященія храма, а долги всѣ уплочены, храмъ и самая община удовлетворены во всемъ необходимомъ, благодаря приношеніямъ богомольцевъ. Другой примѣръ—это незабвенная встрѣча многочтимѣйшей Моздокской иконы Божіей Матери. Кажется, никогда жители гор. Владикавказа не собирались въ такомъ огромномъ количествѣ, какъ при встрѣчѣ св. иконы: слезамъ умиленія и радости не было конца. Моленія свои приносили предъ иконою не только христіане многихъ націй: русскіе, грузины, осетины, армяне, но и магометане. Замѣчательно, что св. икона почти сто лѣтъ тому назадъ была взята съ того мѣста, гдѣ чудесно остановилась, и перенесена въ Моздокскій каѳедральный Успенскій Соборъ первымъ Епархіальнымъ Епископомъ Моздокскимъ и Маджарскимъ,

имѣвшимъ свою каѳедру въ г. Моздокѣ, которая, впрочемъ, вскорѣ была закрыта. Съ тѣхъ поръ св. икона не была выносима изъ Моздока до сентября 1898 года, когда Святѣйшимъ Синодомъ дозволено проносить ее ежегодно въ г. Владикавказъ. Время изнесенія ея изъ Моздока совпало съ временемъ учрежденія Владикавказской епархіи и съ наименованіемъ епископа оной Владикавказскимъ и Моздокскимъ. Извѣстіе объ этомъ получено было преосвященнымъ Владиміромъ въ день принесенія иконы во Владикавказъ, поэтому первое молебствіе предъ Моздокской иконой Божіей Матери и первая литургія по принесеніи иконы въ каѳедральный соборъ были совершены уже епископомъ Владикавказскимъ и Моздокскимъ.

Многое сдѣлано Его Преосвященствомъ за немногіе года его благополучно-продолжающагося архипастырствованія во Владикавказѣ!

Не мало положено трудовъ Преосвященнымъ и на удовлетвореніе нуждъ епархіальнаго духовенства. Благодаря его ходатайству, 17 октября 1894 г. открыто во Владикавказѣ епархіальное женское училище — и такимъ образомъ осуществилось давнишнее желаніе владикавказскаго духовенства — имѣть мѣстное епархіальное училище. При преосвященномъ же Владиміре отстроены и освящены зданія для мужского духовнаго училища и для епархіальнаго женскаго, построена домовая архіерейская церковь съ пристройками для помѣщенія служащихъ при архіерейскомъ домѣ.

Въ краткой замѣткѣ нашей о трудахъ владыки во Владикавказѣ не можемъ не упомянуть объ отеческой попечительности Архипастыря о самыхъ несчастныхъ изъ его пасомыхъ, о прокаженныхъ во Владикавказской епархіи.

Еще въ 1893 г. при обозрѣніи церквей епархіи, въ первое посѣщеніе станицы Александрійской, владыка обратилъ свое благостное вниманіе на несчастныхъ про-

каженныхъ этой станицы. Тогдашнее положеніе ихъ безъ преувеличенія можно назвать ужаснымъ или отчаяннымъ. Физическія страданія больныхъ, при ихъ наружномъ безобразіи, отягчались бѣдностью и нищетою. Не рѣдко терпѣли они голодъ и постоянную нужду въ уходѣ за собою. Ужасный видъ больныхъ и признанная въ словѣ Божіемъ и медицинской наукѣ заразительность болѣзни отвращали отъ нихъ не только чужихъ, но и близкихъ родственниковъ. Поэтому многіе больные были предоставлены самимъ себѣ. Что они претерпѣвали и переносили, познать это постороннему человѣку трудно и даже невозможно. Для облегченія тяжкой участи прокаженныхъ владыка вознамѣрился устроить для нихъ отдѣльный домъ, а въ послѣдствіи цѣлую колонію, когда, по предложенію г. начальника области, мѣстное станичное общество назначило 15 десятинъ земли. Испросивъ разрѣшеніе Св. Синода, его преосвященство сдѣлалъ воззваніе о пожертвованіяхъ для устройства колоніи.

Нашлись благотворители и для этого дѣла, и съ 1896 г. стали поступать на имя его преосвященства денежныя пожертвованія отъ различныхъ лицъ и мѣстъ. Первый примѣръ, подала всегда сердобольная Августѣйшая Родительница Государя Императора, Государыня Марія Ѳеодоровна, пожертвовавъ на будущую колонію 400 рублей.

На собранныя небольшія сравнительно средства (около 15 тысячъ рублей) устроено шесть флигелей изъ саманнаго кирпича подъ черепичною крышею въ 12 комнатъ для 24 больныхъ, большое кухонное зданіе, баня, кирпичный домъ для лицъ администраціи и часовня, своимъ благолѣпнымъ видомъ превосходящая многіе храмы закавказскаго края и осетинскихъ селеній Терской области. Часовня состоитъ изъ двухъ отдѣленій съ особыми входами: собственно часовни, какъ мо-

литвеннаго мѣста для прокаженныхъ, и покойницкая для умершихъ.

Освященіе колоніи совершилъ самъ владыка лично. Прибывъ въ 10½ ч. утра 29 декабря въ прошломъ году въ станицу Александрійскую, его преосвященство прослѣдовалъ въ станичную церковь, гдѣ, послѣ обычной встрѣчи, обратился къ народу съ поученіемъ о всемірномъ значеніи Рождества Христова.

Чтобы дать возможность присутствующимъ въ храмѣ быть и при освященіи колоніи, отстоящей отъ станицы до 5 верстъ, его преосвященство замедлилъ свой отъѣздъ на 1½ часа. Погода была холодная и пасмурная, снѣгъ въ большомъ количествѣ покрывалъ землю. Вообще, видъ былъ мрачный и унылый. Въ колоніи, по прибытіи владыки, оказалось до тысячи народа, дрожавшаго отъ холода. Его преосвященство, не смотря на чувствительный холодъ, чинъ освященія совершилъ подъ открытымъ небомъ. По желанію владыки, къ слушанію молебна были допущены и несчастные виновники совершавшагося торжества, прокаженные, въ числѣ 14 человѣкъ (6 мужчинъ и 8 женщинъ). Видъ больныхъ производилъ самое тяжелое и непріятное впечатлѣніе. На лицахъ ихъ можно было наблюдать разрушительный процессъ болѣзни въ разныхъ ея стадіяхъ. У однихъ на щекахъ и лбу сильно уже развились мѣдно-красныя пятна, у другихъ пятна перешли въ раны, начинающія изъязвляться, у двухъ больныхъ кожа на лицѣ сухая съ трещинами и глубокими морщинами: видъ этихъ больныхъ мрачный и озлобленный. У нѣкорыхъ о мѣстѣ носа можно только догадываться по расположенію сосѣднихъ органовъ—глазъ и рта. У нѣкоторыхъ кисти рукъ сильно распухли и поражены глубоко-проникающими язвами.

По совершеніи молебнаго пѣнія, его преосвященство обратился къ народу съ воодушевленною рѣчью. Всѣхъ

больныхъ владыка благословилъ иконою св. Пантелеймона, имѣющаго для его преосвященства особую цѣну, какъ даръ преданныхъ ему алтайскихъ миссіонеровъ. Каждый больной получилъ на память отъ его преосвященства икону новоявленнаго угодника Божія святителя Черниговскаго Ѳеодосія. Колѣнопреклоненно выражали несчастные обитатели колоніи свою благодарность благостнѣйшему архипастырю за облегченіе ихъ горестнаго положенія. Съ умиленіемъ и радостью, какая возможна въ ихъ положеніи, разошлись они въ свои помѣщенія. За ними послѣдовалъ и самъ владыка для окропленія зданій освященною водою. Окропляя святою водою необходимыя мѣста для здоровыхъ помѣщенія прокаженныхъ больныхъ и переходя отъ одного зданія къ другому его преосвященство терпѣливо шествовалъ, погружаясь до колѣнъ въ сугробахъ снѣга.

Сердцевѣдецъ Господь Богъ, знающій пути каждаго человѣка отъ утробы матери его, да воздастъ Владыкѣ-миссіонеру за труды его, да продлитъ жизнь его на многіе годы и да устроитъ дѣла рукъ его, по неисповѣдимымъ путямъ Своего Промысла, во благо Церкви и Отечества!

КОНЕЦЪ.